

БИБЛИОТЕКА «ПИСАТЕЛИ-ЗЕМЛЯКИ»

Наталья Карнеева

Решающий фактор

Болотное
2020

ББК 84(2=411.2)6-44
К 246

Проект администрации
Болотнинского района
Новосибирской области

Карнеева Н.Б.

К 246 Решающий фактор : Роман. Записки. — Новосибирск : Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2020. — 480 с. : ил. — (Библиотека «Писатели-земляки»).

Книга Натальи Борисовны Карнеевой знакомит нас с удивительным миром сельской школы. В романе показана живая история глазами современника — история страны, района, педагогики в условиях 30-х годов. В романе глубоко раскрывается связь школы и жизни — школа как часть социума. И сегодня актуальны тематика, проблематика: становление молодого педагога, взаимоотношения школы как социнститута, родителей и школы. Интерпретация профессиональных и частных проблем: взаимоотношения педагога и коллектива, реализация в условиях коллективного подхода идей личноно ориентированного обучения, профилизация среднего общего образования, проблема проверки знаний — тесты! А также организация учебной и внеурочной деятельности, самоуправление, традиции и новаторство. Роман полон ярких художественных образов. Язык и стилистика изумительны. Хороший быстроразвивающийся сюжет, в центре которого цепляющий внимание конфликт. И главное — это актуальность произведения. История повторяется, сегодня опять остро стоит вопрос о роли учителя как решающего фактора в воспитательно-образовательном процессе.

ISBN 5-8402-0081-6

© Администрация Болотнинского района
Новосибирской области, 2020

© ИД «Историческое наследие Сибири», 2020

ОТКРЫТАЯ СТРАНА

Наталья Борисовна родилась в семье потомственного дворянина, отец занимался, по выражению самой Натальи Борисовны, «любимым делом» — агрономией. Невзирая на наступившие смутные времена, революцию и Гражданскую войну, Наташа получила не только хорошее воспитание, но и образование: в 1930 году она закончила Саратовские высшие педагогические курсы иностранных языков. Таким образом, Наташа Карнеева получила свидетельство о высшем образовании и профессию учителя немецкого языка и переводчика-корреспондента французского языка; кроме этих языков, она в совершенстве владела ещё и английским языком. Наталья Борисовна прекрасно знала русскую и зарубежную литературу, была человеком скромным, интеллигентным и в высшей степени образованным. Уже позже я узнал, что она знала наизусть сотни страниц из произведений Толстого, Тургенева, Пушкина и других авторов русской классики.

Как и по каким причинам ещё совсем юная Наталья Борисовна проехала всю Россию до Дальнего Востока, а потом оказалась в Сибири, нам выяснить так и не удалось, но уже в 1932 году, в 22 года, в провинциальном сибирском посёлке Болотное у неё рождается первенец — сын Алексей. Её мужем стал подающий литературные надежды интеллигентный, начитанный сын бедного пензенского крестьянина Михаил Павлович Кубышкин, родители которого бежали от голода в Болотное.

Обосновавшись в Болотнинском районе, Наталья Борисовна Карнеева начала работать учительницей немец-

кого языка. Потом мужа, Михаила Кубышкина, переводят в соседний Коченёвский район, где он начинает работать учителем математики, а потом его приглашают в редакцию районной газеты. И вся семья на несколько лет, с 1937 по 1942 год, уезжает из Болотнинского района. Уже в Коченёво в 1938 году у Натальи Борисовны родился второй сын — Владимир.

В январе 1942 года Михаил Кубышкин добровольцем уходит на войну. В июне 1942 года умирает его отчим, и Наталья Борисовна с двумя детьми возвращается в Болотное, где живёт свекровь. Не мешкая, она устраивается контролёром на Болотнинской электростанции, а через месяц приходит сообщение, что под Харьковом рядовой Кубышкин Михаил Павлович пропал без вести.

Живёт Наталья Борисовна Карнеева с детьми в доме свекрови на улице Ремесленной, живут тяжело, за дровами ходят с двухколёсной тележкой в Загородный бор по Павинскому мосту, на котором часто дежурит милиционер и проверяет, чтобы люди собирали только хворост, а деревья не рубили. Загородный бор во все времена тщательно охранялся. В августе 1942 года Наталья Борисовна получает направление в Варламовскую школу и долгое время работает там учителем русского языка и литературы.

В январе 1945 года пришло известие, что Михаил Павлович освобождён нашими войсками из плена недалеко от польского города Калеша. Последующие годы он отбывал срок наказания на тяжёлых земляных работах в северных районах Советского Союза. Вернулся домой в 1950 году. Семья соединилась вновь.

После выхода в 1953 году в Новосибирском книжном издательстве романа «Школа» издательство предложило Наталье Борисовне поторопиться и подготовить вторую часть романа к переизданию в 1957 году, но роман по неизвестным нам причинам не вышел. В это время Наталья Борисовна преподаёт в Болотнинской вечерней школе.

В 1960 году для местной газеты она пишет «Историю вечерней школы Болотнинского района».

Роман «Школа» вышел в 1953 году, но вдруг через двадцать лет Наталья Борисовна, уже в преклонном возрасте, возвращается к школьной теме и пишет роман, на страницах знакомые персонажи и тут же новые, старые коллизии и новые сюжетные линии, та же Елшанка – Варламовка, Ясногорск и Металл-лес, но очевидно, что это новый роман с новой идеей, а потому и под другим названием. Зачем? Ответ один: идёт переосмысление прошлого и настоящего. Роман торопливым почерком назван «Неоткрытые страны», но видно, что это не первый и, видимо, не окончательный вариант названия, а потому мы остановились на названии «Решающий фактор». Читаю с не меньшим удовольствием, чем роман «Школа», потому что на передний план выходят вопросы не становления школы на селе и коллективизация, а роль учителя в образовательном и воспитательном процессе. Роман стал тоньше, драматичнее и ярче. Появляется политическое осмысление роли коммунистической партии в жизни государства. Она, дворянка, всегда сдержанная, вдруг становится убежденной социалисткой. Почему она коснулась темы социальной справедливости? Я долго удивлялся этому, пока не понял, что Наталья Борисовна почувствовала смертельную опасность разложения и исчезновения, по её выражению, «общего дела» — социалистического строя как высшего достижения человечества, как того, ради чего она жила. Для неё было бесспорным, что именно «общее дело» стало причиной расцвета всей страны, выхода нищего населения из землянок и подвалов, появления лучшего в мире образования. И это всё были достижения социализма.

В главе об августовском совещании учителей, где начальник образования с известной в Болотном фамилией Рудковская сообщает о том, что ЦК партии и правительство осудило нововведения, уменьшающие роль учителя в вос-

питательно-образовательном процессе, она ярко и глубоко, с реальным примером показывает пагубность этого процесса. И поражает то, что её идея сохранения роли учителя как решающего фактора актуальна сегодня как никогда прежде, в современный период сплошной и повсеместной цифровизации! Понятно, что тогда этого понятия не было, цифровизация образования — это абсолютно новый термин, который появился в связи с введением государственной программы «Цифровая экономика РФ» в 2017 году. Этот термин используется для обозначения процессов информатизации и компьютеризации образования, а также, и вот тут очень важный, если не самый главный момент, этот термин используется ещё и для описания трансформации (замены) аналогового (физического, в аудитории) ресурса на цифровой (удалённый, дистанционный). Аналоговое обучение существует за рубежом как элитное и дорогое наряду с цифровым, общедоступным, в процессе которого изменяются функции преподавателя (воспитателя) на функции тьютора (консультанта, сопровождающего учебный процесс). Эта подмена и есть не что иное, как начальный этап перехода на платное образование.

Советские дети во всех городских или сельских школах имели элитное, аналоговое образование, вот почему страна была впереди планеты всей, а теперь такое образование останется только для тех, кто готов платить, а в капиталистическом обществе готовы платить, как правило, не очень честные люди, люди с очевидно сомнительной нравственной репутацией, люди, для которых где их деньги, там и родина! То есть цифровизация в том виде, в котором она сейчас вводится в нашей стране, повторяет те же перегибы в реформировании образования, которые проходили в послереволюционные годы, но были осуждены правительством как вредные и опасные. Именно этот процесс пресекли руководители Советского государства в 1931 году. В этом аспекте роману «Неоткрытые страны» мы возвращаем на-

звание «Решающий фактор» и свидетельствуем, что он приобрёл новое общественное значение.

Нравственный кризис семидесятых годов прошлого столетия социально ориентированного государства, омещанивание и идеологическая инфантильность населения стали причиной появления нового—старого романа «Решающий фактор». Наталья Борисовна почувствовала опасность разложения общества, его нравственную деформацию ещё далеко до государственного переворота 1993 года, и подспудно, интуитивно пишет роман опять о школе и учителях и об их решающей роли в образовательно-воспитательном процессе. Она весь роман криком кричит и предупреждает читателей о грядущей беде, как это делал Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Но ни Достоевский, ни Карнеева Русский мир от очередной смуты не спасли. Но гений их — в предвидении!

Особое место в литературном наследии Натальи Борисовны занимают «Записки», датированные 1941—1944, 1964—1969 и 1970—1973 годами. Именно «Записки», так определила она жанр на форзаце одной из тетрадей. Она датирует свои записи и тем придаёт им тёплый образ личного дневника, но обращается при этом к стороннему читателю, отчего становится понятным, что эти «Записки» она писала для общего пользования. Сам эпистолярный жанр «Записок» — это искреннее общение с читателем, и назвала она эти тетрадки «Записками», чтобы освободить людей от нравственного препятствия, не позволяющего читать письма или личные дневники.

Из «Записок» выясняется, что были написаны роман «Яблоко и черви», роман «Школа», роман «Три поколения», роман «Решающий фактор», повесть «Степь», наброски «Село Солёное», «Осень в Александровке», множество рассказов, — вот неполная библиография писательницы Натальи Борисовны Карнеевой. Как выяснилось из «Записок», вышеперечисленные произведения только часть её лите-

ратурного наследия. Говорят, что «рукописи не горят». Это ложь, бравада, намёк на что-то запредельное. Горят, и ещё как горят, потому мы не можем найти вторую часть романа «Школа» и ничего из вышеперечисленного, только раздробленный черновик романа «Решающий фактор» и несколько рассказов, когда-то опубликованных в районной газете «Путь Ильича».

В своих «Записках» Наталья Борисовна делится впечатлениями, размышляет и пытается осмыслить происходящее. И если её муж Михаил Павлович Кубышкин был замечательным писателем-художником, то Наталья Борисовна, безусловно, — писатель-философ.

Николай Александров

Родители Н.Б. Карнеевой. 1902 г.

Наталья на руках у кормилицы. 1911 г. Саратовская губерния

**Наталье 6 лет.
Рядом её брат Сергей**

**Царское Село.
Справа на лавке Наталья.
Ей 7 лет**

Настоящее удостоверение выдано Школьным Советом Саратовской 6 Советской школы 2 ступ., на основании постановления Совета от 1927 года.

Моя подпись *З* числа.

Заведующий Саратовской 6 Советской школы 2 ступени
А. Трещин

О. Васильев
В. Сидоров
С. Иванов
В. Сидоров

Члены Школьного Совета

Секретарь Совета *С.*

Р. С. Ф. С. Р.
Н. П. П.
Самостоятельный педагогический отдел
высшего звена

Саратовская Трудовая Школа
II ступени
№ 6.
Дата 7 мая 1927 г.
№ 14
г. Саратов

Протокол школьного совета, заседание

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Председатель сего *Ковалева Мария*.

родившаяся в 1910 году *08* числа *08* числа обучалась в Саратовской шестой Советской школе II ступени и окончила полный курс ее *семь* групп в 1927 году.

В течение курса проработки приобрела знания и навыки по следующим предметам:

русскому языку	географии,
и литературе,	немецкому яз., и <i>и др.</i>
обществоведению,	французскому яз.,
истории,	рисованию,
физике,	черчению,
естествознанию,	воина,
искусств.	физкультуре.

М. П. Школьного Совета

Р. С. С. С. Р.
ПАРКОМВРОС
САРАТОВСКИЙ ГОРОНО
КУРСЫ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
САРАТОВ
№ 377

Имя
Фамилия
Отчество

Свидетельство

Согласно постановлению Квалификационной Комиссии Саратовских Курсов Иностранных Языков от 7 декабря 1930 г. и на основании § II Положения Курсов, выдано настоящее свидетельство в том, что гражданин Карпова Наталья Борисовна, родившаяся в 1910 г. 05 октября м.ца 5 дня, окончила ИММЛКУ отделение Саратовских четырехлетних Курсов Иностранных Языков 20 января 1929 г. по педагогическому уклону и выполняла все установленные работы по нижеперечисленным дисциплинам и сдала все соответствующие испытания.

Перечень предметов.

I. Общественные:

- a) История русской борьбы в России.
- b) Полит-экономика и Эконом. политика.
- c) История рабочего движения на Западе и в России.
- d) Диалектический материализм.

II. Педагогика ИМ

- a) Устный доклад на ИММЛКУ кл.
- b) Составление газетной статьи на ИММЛКУ кл.
- c) Перевод газетной статьи с русского на ИММЛКУ кл.
- d) Перевод научного труда с ИММЛКУ на русский яз.
- e) Грамматика современного ИММЛКУ кл.

III. Литература

A. По педагогическому уклону специально:

- a) Педагогика.
- b) Психология.
- c) Методика преподавания.
- d) Методика воспитания.
- e) Методика обучения.

Имя
Фамилия
Отчество

Имя-корреспондентскому уклону специально
указания на Фридриху

- a) Введение.
- b) Краткое введение.
- c) Введение.

На основании вышеизложенного гражданин Карпова
Н.Б. признан вполне достойной квалификации
и назначен Фридриху кл. в Саратовский Школа

В Перечень корреспондентов в Государственный университет и предприятия.

Завед. ИММЛКУ

Председатель Класс. Ком. Карпова

Классификация
Классификация
Классификация
Классификация

Секретарь ИММЛКУ

Решающий фактор

Иероглиф

Тёплой облачной ночью, после дождя, тишину в Елшанке разбудил стук телеги. Она с грохотом перебрала жерди на мосту и стала подниматься в гору, поскрипывая колесом:

И вдаль.

Уносясь.

По волнам.

Океана.

Искать станем.

Взором.

Волшебные.

Страны.

А может быть, всё это с ним уже было давно-давно? Или он так устал, пока шёл пешком? Нет — это дно океана, потом он выплывет на поверхность и с жутким любопытством будет всматриваться в глубину, уже не веря себе, что был там.

— Подбери ноги — не видишь, чо ли?! — это, бабьим голосом, Матвей-возчик. Собаки окружили телегу. Скакали, гавкали. Обнюхав сапожищи Матвея, домашней выделки, равнодушно отбежали, набрасывались на приезжего. Хуторские б не сбежались — чисто волки. Чу? У Якуньки Жука горлохват гавкает. — Издали донёсся грозно бухающий лай, как выстрелы. Ближе хлестала, кувыркалась речушка. Матвей с досадой ткнул кнутом. — Эн, Барашкины Хутора на том берегу. Ух, бодучие барашки, язви их в корень! Во — глянь, — ойкнув от боли, сорвал тряпку с руки. Большой палец почти отвалился, заплыл кровью.

— Вишь, иероглиф какой?!

Скрипнув зубами, Матвей накрепко примотал его.

— Видал? Руки связаны, так он зубами, как пёс. Уж видит, не вырваться, так — на! «На память тебе, Кривой Балабай!» На память, главное. Я и так тебя помню, сволочь!

Лай за рекой показался жутким. Дмитрий содрогнулся.

— За что он вас так?

— Кир-то?

Матвей запахнул плащ, хлестнул плетущуюся шагом лошадёнку. О колёса зашуршали лопухи.

— У нас счёты старые. — Помолчал, пожал плечами. — Дроби ему не дал. А я почто дам? Самому мало. Охотничья берданка у меня. В союзе охотников дробь и порох получаю, на зайцев. Шкурки сдаю. Так это он, злыдень, со злобы руку повредил: поохотья, мол, таперь...

— Неужели за это? — не верилось Дмитрию.

— За что ж боле? — Матвей понявчил руку, положив кнут на сено. — Мстительный, язва. С Колчаком до Тайги таскался — в Елшанку по дороге завернул, с такими же белобандитами, как сам, усы в стрелку: «Лошадей!» Своих-то загнали, в мыле все, аж падают. Моя изба крайняя — распахнули ворота: «Давай коня!» А мы затемно всех коней в Заячий лог угнали, стерегли там по очереди. — «Где конь?» — «Где надо». — «А, для красных берегаешь?!» — Хлесь меня нагайкой по лицу. Совсем-то глаз не выбил, это только враги мои меня Кривым прозвали, а я тем глазом ишо острее вижу. Ни один заяц не уйдёт.

Матвей поправил на руке повязку.

— Совсем-то не откусил, правда. Заживёт, как на собаке. Мы живо с участковым его с рук на руки сдали. Только вот задержался из-за него. Что председатель скажет? Командировал меня срочно, а пришлось в больницу на перевязку, потом к бабке заговаривать, для дызынфекции: укус-то, понимаешь, дурной, со злом! — От расстройства нашарил под сеном бутылку, поболтал и допил всё до капли, отвернувшись для приличия. — Вот такого бы злодея в Нарым! А то нашли кого — Харитона. Да Харитон, бывало, мухи не обидит, не то что человека. С каждым обойдётся,

треклятое! Опять вырвалось, язви его, чтоб тебе, псу кусачему, с одной рукой остаться вот так!

— Какой-то мальчик, — заметил Дмитрий.

— Витька! — обрадовался Матвей. — Отпряги коня, и на базу. А ты, товарищ, бери чемодан. Пошагали!

— Мамка велела ужинать идти. Драники печёт, — тоненько заявил Витя, послушно принимаясь за упряжь. — Встретить послала. Чтоб ты в проулок не ушёл.

— Но-но! Я же с пакетом. Сначала к председателю надо. Подбери колесо. Вон, под сено спрячь. Кнут не забудь, отдашь Якуне. Пшёл, Моряк! — для порядка отбился он от резвого песика. Тот ласкался, прыгал, как бы тоже уговаривая идти домой.

— Я же с пакетом, — объяснил и ему Матвей. — Драники... Председатель дожидается! Без меня ни в какую не ляжет.

Внезапно ондохнул близко от Дмитрия, с тревогой проверил: «Как оно?»

— Разит, — уверил Дмитрий.

— От беда! Иероглиф, мать его! Никак нельзя являться! Подумает ещё, с того и задержался в районе, — засуетился Матвей, отряхивая дождевик, словно подозрительный запах шёл от него. — Беда, беда! Вентиляцию, чо ли, открыть хоть маленько? — Он закурил едкого самосаду, облокотясь на телегу, а Дмитрий всей душой желал, чтобы «вентиляция» не помогла. Посмотреть бы, как его встретит председатель...

— От Ивана не скроешься, нет, — гордился председателем Матвей. — У него — глаза. Шарашку на Хуторах разглядел, и что артель ихна, «Луч» тот самый, — кулацкая. Скот по дворам развели и сено делили. Иван их наизнанку вывернул, а тут ещё — хлоп! Статья в газете ка-ак грохнет! На свежую воду вывели.

— Кто статью написал? — перебил Дмитрий.

— Откуда я знаю! — Матвей оглянулся. — Завертелись, как грешники на сковороде. Пришлось с нашим кол-

хозом «Верный путь» объединяться. А у нас, как нарочно, прошлый год по шести копеек на трудовень пришлось...

— По семи, — поправил Витя, выводя лошадь из оглобель.

— ...Неурожай, и поголовье скота увеличилось, а кормов — нехватка. Силос пропал — не так, вишь, яму заклали. Ну, мы-то понимаем трудности, а Барашки чужаками, на дыбы: «В вашем колхозе ноги с голодухи протянешь».

Больше Кир Сачков агитировал, чтобы из колхоза уходили. Теперь вот сеноуборку срывают. Бригадир на покос наряжает, а они саботируют: отдавай им Заячий лог на личные покосы!

— В мамкином звене сегодня до ночи косили. — Худенький подвижный мальчик забрался верхом, ухватясь за гриву. — А мы с Колькой сухое гребли. Все вышли! И тётя Поля Сачкова косила, — добавил он тише, наклонившись к отцу.

— Иван, поди, не промахнётся, он не такие иероглифы раскусывал, — ещё погордился Матвей. — Не знает, чо ли, кто народ нервирует? Живо Кира Сачкова, как главного саботажника, — в район. Без него все на поля выйдут!

Поравнявшись с проулком, Матвей озабоченно остановился, и Дмитрий понял, что это тот самый проулочек, известный Матвеевой супруге.

— Тебе, собственно, куда?

— В сельсовет.

— Сельсовет наш в Чирухине.

— Ну, в контору колхоза.

— Там замок сейчас.

Дмитрий поставил чемодан в лопухи. Откуда-то терпко потянуло запахом ржавой воды, мокрой осоки.

— Вот что, — помог разрешить проблему Матвей, — тут у нас в проулке бабочка проживает. Сознательная. В ночь-полночь выручит. В сельпе нет, у ней — всегда пожалуйста, только в оконце стукнуть два раза. Малухой звать.

Дмитрий молчал. Мысленно торопил: дальше! Но Матвей только кашлянул и пожаловался: «Здоровье хилое. Промок за дорогу... Нет, молод парнишка! Не понимает обхождения!

Ну, а кто ж виноват? Кто за своё доброе сердце страдает? Топал бы себе и дальше пешком, с чемоданом. Нет — пожалел, подвёз. А он, может, ещё и не командировочный, шпана какая?

— Эх, катись, слеза! Катись, горяча! Катись по белому лицу! — разочарованно проиграл Матвей. — Ну, айда за мной к председателю. Некогда с тобой тут. Я с пакетом.

Дмитрий заторопился открыть чемодан.

— Ой, подождите чуточку, пожалуйста! Ботинки тут. Новые. По ордеру получил. — На беду, замочки заело. Или он не мог отпереть от волнения? Но не являться же в таком виде... Теперь уже он не просто Дима Петунин, а...

Матвей оценил важность момента. Он же видел, дорогой у парня отлетела от ботинка подошва, он разулся и шёл босиком. «Чудо-юдо!» — Матвей рванул крышку, она отлетела вместе с замочками. Дмитрий поспешно вытащил ботинки, пахнувшие магазином и новой жизнью.

Первая ночь в Елшанке

В темноте отыскивали перелаз, шагнули через плетень. Промычал телёнок. В сенях банно пахло берёзовым листом. Дверь открылась. На пороге, как в раме, — женщина с ребёнком на руке. Красноватый свет лампы падал на неё сзади. Лицо в тени.

— Аль это ты, кум? Из РИКу¹? И то слышу, обратно собаки разбрехались, не уполномоченный ли? Ну — сдали?

Матвей кивнул.

— Под расписку. А самого нет дома разве?

— Ой, нету.

Она хотела спросить что-то. Но, разглядев приезжего, запнулась.

— Заходите в избу.

Матвей рылся в недрах плаща.

— Иван, однако, всё в Чирухине?

¹ РИК — районный исполнительный комитет.

— Всё-то, видно, — сдержанно отвечала женщина.

— На вот, отдашь пакет, из РИКу только вернётся. Срочно и секретно. Поняла, Настя? Запри за мной сенки, не сиди распёртой: не то время.

— А то дождался бы самого. Спрашивать станет Иван-то. А я что?

— Агриппина ждёт. Ужинать.

— Ой, Агриппина ли, кум? — Настя смахнула с лавки полотенцем. — Да вы садитесь. — Она разглядывала парня с робким простодушием, но не слишком любопытно. Очевидно, привыкла к новым лицам.

Поставив чемодан у порога, он в нерешительности переминался с ноги на ногу.

«Какой молоденький! Не старше восемнадцати, поди. Худой, длинный, а румянец до ушей. Волосы ёжиком. Каких только не присылают теперь... Похоже, из райфа¹. Или из райза²? И все — к Ивану. Вздохнуть не дают. А тут ещё...» Она уложила ребёнка в зыбку, подвешенную на крюк к потолочной матке. Присела рядом на низенькой скамеечке. Ногой поймала верёвочную петлю и покачивала, а руки проворно вязали крохотный чулочек. Кофтёнка из розового ситца смята на груди возле пуговиц, на округлой загорелой шее — бусы, как ягоды костяники.

Дмитрий пристроился неловко с краю лавки, не зная, куда девать руки. В избе скудно и чисто, русская печь, как дом. Занавеска — клочок весенней лужайки с размытыми цветиками. На треугольной божнице — строй книг. Портрет Калинина, вырезанный старательно из журнала. У окна — ткацкий стан.

Поборов смущение, Дмитрий спросил звонко, словно через речку:

— Скажите, пожалуйста, где тут можно переночевать? Я — учитель.

¹ Райф — райфинотдел.

² Райз — районный земельный отдел.

Он покраснел. Последние слова самому непривычно резанули ухо. Женщина взглянула почему-то на его блестящие ботинки.

Достав из кармана сложенную вчетверо бумажку, развернул и подал. Настя отмахнулась, как от мухи:

— Ужо Иван вернётся.

Но любопытство взяло верх. И не напрасно же на лик без ходила целую зиму! Отложила чулочек со спицами. Краснея, прочла без запинки вслух, будто на уроке: «Ясногорский районо направляет в Елшанскую начальную школу учителя Петунина Дмитрия Ивановича. Одиннадцатого августа тысяча девятьсот тридцать третьего...»

— Да у нас и ночуйте! — всполошилась она, — разболокайтесь. Давайте повешу у печки, вишь, мокрое. А я-то сижусь!.. — Она развесила пальто и уже по-новому поглядывала детски голубыми глазами, расстелив на полу войлок, накрыла ряднушкой в красную и зелёную клетку. — Аль на конике?

— Нет-нет. Я люблю на полу. Спасибо. — Совестно стало: сколько хозяйке хлопот...

Со двора постучали. «Иван»! — так и просияла Настя, порхнула в сени.

Но это был не Иван. В избу вошла важная грузная старуха с палкой, толстая, расплывшаяся, в накрывной шали, двигалась она нетвёрдо, мелкими шажками. Стояла, опираясь обеими руками на палку, помолилась на божницу с книгами. Чёрные мутноватые глаза уставились на Настю.

— Садитесь, бабушка, — упавшим голосом просила Настя. Она побледнела. Гостья не двинулась.

— Я в твоей хате не сяду!

Старуху поддерживала за плечи женщина помоложе, вся в тёмном, с жёлтым вытянутым лицом — она вошла за ней.

— Слухом пользовались — дядю своего родного, хрёстного своего в тюрьму посадила, не вступилась за родную кровь? — едко, зловеще спросила женщина в чёрном.

Настя вдруг оправилась, оглядела её с ног до головы.

— А ты вступаться приехала, тётка Секлетеея? У вас в Ясногорске всё уж известно? Не сажала я дядю Кира, и никто его не сажал. А за агитацию увезли. Верно, потише без него будет. Сам не работает и людям мешает.

— Цыц! — топнула грузная старуха, стукнув палкой. — Проклятая! Самокруткой за своего большевика ушла, без родительского благословенья, да ишо родню, кровь родную губишь? Не будет тебе счастья, и детей твоих нехрещёных не вырастить тебе, нет! Бог тебя на них покарает!

Когда старуха упомянула про детей, что-то прошло по лицу Насти.

— Замолить ещё можешь грех свой, — сказала старуха, — коли хочешь детей своих спасти. Иван твой всё сделать может. Кира, хрёстного твоего, пусть из-под стражи ослободит. А к тебе человека пришлю с запиской — всякую помощь ему окажи во спасение души и своих детей от гибели.

— Молчи! Не смей, Секлетеея, про детей говорить! Иван сам знает, что делать.

— Слыхала, матушка? — повернула женщина жёлтое лицо к старухе.

— Ты, бабушка, прости меня, прости! — чуть не со слезами попросила Настя. — Но ты понять не можешь, старенькая ты...

Старуха величественно поплыла к двери и, повернувшись, погрозила кулаком.

— Будь ты проклята и дети твои нехрещёные! Не внучка ты мне — врагиня...

— Подумай, подумай, племянница, ох-х подумай... — внушительно пропела вторая женщина, скрываясь за старухой.

Дмитрий был рад, что успел лечь и его посчитали спящим, а может быть, и совсем не заметили. Зато он видел и слышал всё. Перед Настей, чтобы ей не было неловко, он представился, будто и вправду задремал.

Она вынула из печи чугуна с картошкой. Руки у неё слегка дрожали, когда она ставила картошку на стол. Принесла крынку молока.

— Садитесь, поешьте, — настойчиво окликнула учителя.

Отказаться? Но Дмитрий только сейчас почувствовал, как сильно проголодался. И неудобно отказаться.

Молоко было топлёное, с толстой румяной пенкой. А такой вкусной картошки он ещё никогда не ел!

— Картошка, слава богу, поспевает, сыты будем. Сколько хотите ешьте, — простодушно угощала Настя. Сама всё поглядывала на темные окна, прислушивалась.

— Чтой-то долго Ивана нет, — с тревогой вырвалось у неё. Но она тут же сдержалась, замолчала и скрылась за занавеской-лужайкой, огибавшей весёлой сборкой печку и полати.

Оттуда уже не раз выглядывала растрёпанная голова со светлыми солнечно-рыжими волосами. Девочка никак не хотела спать. Мать на неё тихонько прикрикнула, но бойкие глаза так и следили за каждым движением учителя.

Дмитрий спохватился: да он берёт картошку прямо руками... Поискал вилку или хоть ложку — ничего. Значит, так полагается. Соль в деревянной солонке бочкой.

Взял да привернул фитиль в лампе. Улеглась? Как бы не так. Любопытные глаза — вот они. В темноте видят.

Ну, делать нечего. Собрался с духом, спросил как мог солидней:

— Тебя как зовут?

— Каролинка, — отвечала девочка, смеясь в рукав.

— В школе будешь учиться?

— А там лавок нетути.

— Каких лавок?

— А никаких, ни одной нетути, Малуха пожгла. Рукомоиник есть. И полотенце. Ещё — ведро. Вон то, зелёнькое, у квашонки. Мамка в него сыворотку цедит, чтоб Малуха не унесла. А наша учительница замёрзла в буран...

— Каролинка! У-у, мельница. Я те вот!

Девочка мигом спряталась. Дмитрий подождал.

Хотелось, чтобы она появилась снова. И что это она сказала об учительнице? Или он не понял...

Занавеска с цветочками не шевельнулась больше. Он улёгся на войлоке. От подушки пахло мятой.

После долгой дороги среди мокрых полей хорошо попасть в жильё. В полумраке темнел на лавке недовязанный чулочек. Из него торчали спицы. Вразнобой доносилось сонное детское дыхание. Глаза слипались от усталости. Он ещё слышал, как в зыбке заворочался ребёнок и мать слезла покачать его. Долго стояла, вглядываясь в окна, слушая. Предчувствовала беду, которую пророчили ей, боялась мрачной угрозы?

Ярче других сияло неизвестное ему созвездие. Может быть, его и нет на звёздной карте? Среди больших звёзд подвешена едва заметная, может быть, далёкая-далёкая, на золотистой паутинке. Оборвись паутинка — и её закружит, закружит в бездонной глубине среди иных миров. Но она держится в своём созвездии.

После, вспоминая первую ночь в Елшанке, Дмитрий удивлялся, отчего он чувствовал себя как дома в сибирской деревушке? Странно: ты за тысячи километров от дома, среди незнакомых полей, лесов, болот... И ты — дома.

Утро. Солнечный луч пошарил по лицу. Кто-то тронул Дмитрию нос. Открыв глаза, увидел розового поросёнка. Второй, с чёрным бочком, яростно теребил бумажку.

— Спирька, отбери у него отношение, — вполголоса приказала хозяйка, двигая чугуны на шестке. — Порвёт, а отец искать станет. Может, нужное. Гони-ка их. Ишь, в избу повадились. Шибко грамотные стали.

Вот он, Спирька. Лет семи. С острыми локтями и коленками. Ворот холщёвой рубашонки вышит, будто его обросла молодая травка. Отобрал у озорника мокрую бумажку, расправил на божнице на томе политграмоты.

— Сжевал буквы, — упрекнул он поросёнка, робко глянув на учителя. Глаза, как у матери, лепестково-голубые. Полевые какие-то.

— Иван, эй! — за плетнём блеснули косы. Рослая женщина заглянула в ограду. Широкое лицо с крупным круглым носом.

— Да нету его, Агриппина! — вскинулась Настя, выбежав из избы с цедилкой. — Из Чирухина не вернулся. Уехал на совещание и нету! Всю ночьку глаз не сомкнула. — У неё дрогнул голос.

Новость не удивила Агриппину. Она так и думала, что председателя нет. Знала даже больше Насти. Но постаралась успокоить.

— Почто не спала? Лучше этим сделаешь? Иль впервой? По партийным делам, однако, задержался. С покосом-то дела вон каки... Ишо Сокола убили.

Настя выронила цедилку.

— Сокола? — шепнула одними губами, вся похолодев. — Спаси, осподи... Нет, нет!

— Да чо ты, дева? — старалась успокоить Агриппина. — Почто дрожишь-то? Не видала, а дрожишь. Я-то вот глядеть бегала с Матвеем — шибко жалко! Какой конь был! Лежит у овражка на траве, и кровь из раны. Мне померещилось, ресницами шевелит... Да где там! Весь бок издробили, злыдни. Животную не пожалели... Пожалуют они! — Агриппина погрозила кулаком, жилы на руке вздулись.

— Сокола-то... одного нашли? — беззвучно спросила Настасья.

— Кого же ишо? Пастух наткнулся. Погнал стадо по чирухинской дороге — глядь... Да с тобой плохо ли, чо ли? На-ко, воды испей, на..

— Иван-то... На Соколе вечор поехал, верхи!

Агриппина, видно, того и опасалась. Для того и завернула: узнать. Изменилась с лица. Но виду не показала, отвернулась.

— Ну-к чо, поехал? В сельсовете остался, видно, а коня на траву пустил. В сельсовете узнать надо, уж побежали. Прежде смерти не помирай! Напугаешь сарынь-то. Управляйся да в Заячьем логу догонишь. Мы поране всем звеном, по росе покосить. Матвей литовки отбил — и айда. — Косы, ждавшие у плетня на плечах женщин, двинулись за Агрипиной.

Настя опрокинула в шайку ведёрный чугунок картошки, потолкла.

— Каролинка! Свиньям вынеси.

Девочка вбежала из сеней с мокрыми на лбу волосами. Ухватила тяжёлую шайку, прижала к животу и затопала босыми пятками к порогу. С крыльца прозвенел её свежий голос:

— Дюшки-дюшки-дюшки!

Дмитрий умылся во дворе у кадки, ледяная колодезная вода горько отдавала сосновой щепкой. Заспешил. Отыскивая чистую рубашку, стукнул нечаянно крышкой чемодана. Настя выронила хват. Провела по груди ладонью.

— Ох-х, богородица... Думала, Афонька упал.

Она не договорила, едва успев на лету перехватить ребёнка, он и правда свесился из зыбки.

— Пойдём, моя деточка, умоем морду да ручки.

Ого, да он большой, оказывается! Вчера Дмитрий не разглядел, маленьких он вообще не замечал. Но этот уже чуть не сам из зыбки вылезает! Предприимчивый. Ситцевая рубашонка замурзана на животе. Крепкие щёки как лакированные, на подбородке пуговка, тоже крепкая. Голова в светлых пушистых кольцах, будто одуванчик под ветром.

Настя двигалась быстро, как замороженная. Мало ли что, а дела не ждут. Поставила на стол горшок, запотевший в погребе, покрытый каплями, точно росой. Квашеное молоко шлёпалось в миску твёрдыми слоями, белыми с жёлтой закраиной. Из кадочки достала малосольных огурцов с налипшими усиками укропа, пропахших чесноком. Приняла

ухватом с шестка и подала на стол чугунок с дымящейся картошкой.

Бледное встревоженное лицо отворачивала.

— Садитесь с нами, Дмитрий Иванович.

Кто это? Дмитрий поискал глазами. Ах да, ведь это теперь он Дмитрий Иванович.

Спирька подвинулся на лавке, прижал к себе острые локотки, любопытно поглядывая на учителя. Настя не села есть. Принялась толкать в печь хворост. Запахло тальниковым дымком, она всё глядела в печь. Вдруг, словно очнувшись, рывком собрала узелок и бегом бросилась на улицу. Каролинка выскочила за ней на крыльцо.

— Мама, давай ведёрко школьное! Я в школу понесу.

— До тебя тут! Губы утри, бесстыдница, — незло упрекнула Настасья, — вишь, ветром её сорвало. Ешь сиди. — Но пришлось вернуться самой. Каролинка забежала по избе, ища зелёное ведёрко.

— Ну где оно, где ж оно? Вчера ещё вот тут стояло.

Настасья вытащила из-под лавки ведро, опростала и сунула упрямыце, слегка дёрнув её за вихры.

— Полотенце, мамка?

— Да кому там утираться?

— Вот ещё. Оно же школьное.

— На уж, бери. Не потеряй только: по двум актам записано. — Она махнула рукой и вышла, как вырвалась. — Сиди дома! За ребёнком гляди.

Каролинка немедленно поручила Афоньку Спирьке, повторив ему те же слова матери, повесила на руку ведро, положила на дно полотенце и понесла инвентарь Елшанской школы впереди учителя. Короткое красное платышко открывало загорелые ноги в царапинах и цыпках.

Они дружно зашагали по деревне.

Елшанка понравилась Дмитрию. Берёзы, чистый воздух. Проулки, как распахнутые окна в поле. В одном молочно белеет вдали гречиха, в другом рожь клонит колосья. С севера — бор. Нет-нет и пахнёт хвоей, грибами. За дерев-

ней, скрытая огородами и банями, угадывалась по зарослям тальников речушка.

Избы приземистые, из неохватных сосновых брёвен. А вон и обветшалая, покосилась от дряхлости, эта без ограды, как в поле стоит среди полыни. Та — без крыши. У иных ворота собраны в затейливую ёлочку. Над окнами — деревянное кружево.

Не верится, что здесь проходили отряды Колчака. Всё мирно...

— Каролинка, Каролинка! — вдруг отчаянно прорезал тишину мальчишеский голос. Она остановилась. Спирька кричал с испугом.

— Афонька упал, пришибся башкой!

Девочка оставила ведёрко посреди дороги, со всех ног бросилась домой.

Школа

Маланья Цветкова, или, как звали её в Елшанке, — Малуха, круглая и вёрткая, вся из шаров и шариков, неряшливо одетая, зато в шикарных серьгах, развешивала на заплоте мокрые юбки. При этом она крутилась гораздо больше, чем необходимо, хотя вовсе не замечала строгого бригадира Дениса Прищепова, молодого завлекательного бригадира в стройных галифе, каких больше ни у кого нет в Елшанке. Нисколько не замечала его Малуха, напевая себе под нос:

— Бригадир, бригадир,

Отпусти меня домой.

Уважительна причина:

Заскучал матаня мой!

К Прищепову повернулась спиной — наплевать, что кофта сзади разорвана.

Две девочки помогали. Младшая, Алёна, черноволосая, с густой чёлкой на лбу и круглыми щеками, точная копия матери, такая же круть-верть. В лице столько живо-

сти и лукавства! Она больше норовила газеть по сторонам и прыгать на одной ножке. То и дело: «Зойка! Не суйся под ноги!»

Старшая работала прилежно. Она уже тем не походила ни на мать, ни на сестру, что лицо у неё казалось печальным благодаря большим задумчивым глазам. Вокруг бледного лица прямыми прядями падали льняные волосы. Несмотря на худобу и рваное платье, девочка бросалась в глаза редкой красотой. Подавая матери бельё, она повернулась спиной — и Дмитрий чуть не вскрикнул, как от боли: на спине торчал горбик. Девочка сгибалась с усилием, тем старательней отжимала бельё. Года на два старше сестры. Но по серьёзному выражению лица казалась намного старше. Сама же Малуха молоджавостью и беззаботностью никак не походила на мать таких больших девочек. В ушах у неё покачивались, поблёскивали на солнце серьги с зелёными камешками. В каждой серьге будто сидел глаз — не то кошачий, не то лисий. Может быть, она и смотрела этими камешками?

На остатках ограды места не хватило, она приспособила грабли, воткнув их под навес школьного дровяника. На черенке граблей повисли шёлковая жаровая кофта и дырявая детская сорочка из холстины.

Ещё не замеченный Дмитрий из деликатности остановился поодаль, чтобы не мешать разговору.

— Грабли-то колхозные унесла? — кивнул Денис Прищепов. Она не удостоила его ответом. И не услышала, о чём высказывается бригадир. Без того ясно. Ах, трудодней у неё нет! Эти слова она уже слыхала.

— И в прошлом году не было — а живая же? Ах, божечки... Да другие-то, кто цельное лето гнул спину на колхозных полях, с чем остались, а? Кто это разбогател с вашего трудодня? Что-то не слыхать.

Её многословие, как град, забарабанило по бригадиру Прищепову. Эту бабу задень только — не рад будешь. Хмурая чёрные брови, он подрагивал ногой в блестящем сапожке.

Малуха заметила Дмитрия и заговорила погромче, как бы приглашая возмутиться и незнакомца; она ж не виновата, что в школе не учились с января. Была бы не колхозница, а служащая, вот вам. А дальше уже криком:

— Чей это поганый язык Ивану Коржакову наклепал, будто я самогонку гоню? Уж не Агриппина ли, из ревности, ха-ха?

— А что, у тебя вчера был председатель? — быстро перебил Прищепов.

— Как же! Глазами всю хату обшарил. Хотел застукать. Будто я мужиков и парней спаиваю. Очень нужно! — она с возмущением повела плечом. — Да я за клевету могу в райисполком...

— Побереги порох. Ходят к тебе, и так все знают.

— Ах, божечки... Ну и ты ходи. А то сижу одна-оди-нёшенька. Матвей Кривой с больным пальцем вчера забежал, ночью уже, мол, дезинфекцию дай, и того Агриппина укараулила, зацапала в сенях — и домой: ревнует! — расхоталась Малуха так, что закачались серьги.

— О, — вдруг сообразила Малуха, — а вы никак новый учитель?

— Да, Петунин Дмитрий Иванович.

Прищепов пожал ему руку:

— Жду вас, меня уже предупредили. Денис Прищепов, бригадир.

— Зойка! Беги за ключом, не видишь — учитель ждут.

Зойке и другим ребяташкам, ожидавшим в стороне, того и надо было. Мигом всей оравой слетали за ключом и побежали вслед за учителем: отпирают школу! Все вошли.

Прищепов остался у плетня, а Малуха и не подумала двинуться за учителем в школу. Сбоку, лукавым чёрным глазом она покосилась на бригадира через плечо.

— Ох, тоскую я о зазнобушке, один мне нужен на всём белом свете. Красавец-мужчина и голова! Только председателем быть тебе опять в колхозе «Луч»...

— Не мели! — Прищепов оглянулся по сторонам. — На покос собирайся. Землёй колхозной пользуешься? Так или нет?

— А я и не садила ничего. Бурьян растёт. Нужна мне шибко земля ваша! — Она толкнула бригадира локтем и прыснула от смеха. — Оиньки, не могу! Усики-то... Ох, и усики... Скоро ты их сбросишь? Отстаёшь от жизни, товарищ бригадир. Ну, заметь: командировочные из райцентра прибывают и выбывают, все такие культурные, выбритые, никаких усиков. Не мода. А ты чем хуже? Да ты лучше их будешь, если тебе к голифам ещё сапожки-жимы да кожанку... А?

— Тьфу! Ей о деле...

— Да ну вас и с делами с вашими, провались они! Всё-то у них дела. А жизнь молодая проходит. И полюбить недосуг. Машка Кузнецова смеётся над тобой. Ух, уж я бы... расхороший... — сошла она на шёпот. — Ужели я тебе не нравлюсь? Ой, врёшь. Така баба-ягода?! — Она коснулась его плечом и заглянула в хмурое лицо, играя глазами.

— Уйди, — отстранился Денис, испуганно глянув на дорогу. — Не время тут с тобой...

— Ах, скажи на милость — не время! А почто ж не уходишь? Я ведь не держу? — уличила Малуха.

Денис и на самом деле ждал чего-то. Обмолвилась она о кожанке или... Это слово привлекло, как магнитом. Он и обрадовался, и испугался чего-то. Малуха отодвинула его к остаткам забора.

— Секлетея у меня ночевала — жарко шепнула она в лицо Прищепову. — Деньги готовь. Деньги нужны, вся сумма, и сам был. Тебя ждал.

— Вернулся? — Вырвалось у Дениса. Он побледнел и вздрогнул как от озноба.

— Шесть месяцев за спекуляцию отсидел, так теперь глаз с его не спустят. Уезжать немедленно хочет. В дальние края. Деньги велел готовить. Ужо явится.

У Дениса даже губы побелели. Но оправился, гордо поднял голову.

— Выдумала ты всё. Не верю я тебе, самогонщица, шинкарка, вредный элемент!

— Ах, алимент?! А кожанка-то? Кожанку Секлетея от кого доставила? Для тебя доставила. Шикарная кожаночка! Приходи уже померить, и денюшки прихвати, вечером приходи... Придёшь?

— Не до тебя тут!

— Придёшь, — уверенно шепнула Малуха. — Вон, учитель тебя зовёт.

— Не меня, а тебя. От шкапчика ж у тебя ключи?

Дмитрий успел только расслышать слово «Секлетея». Где он слышал это имя? Но подумалось об этом лишь мельком. Его ждали дети. Они остановились у порога. Солнечный зайчик играл перед ними на полу. Солнце так и било в окна, во все шесть! Отличная школа. Ведь это — его школа. Все окна на солнце!

Рядом с классной доской портрет Ленина в кресле среди зелёной листвы. Ленин смотрел на молодого учителя понимающе, хотел ободрить. Кроме шкапчика, нет даже признаков мебели.

— Давайте составим акт, — предложил Прищепов. — Я как председатель школьной комиссии неоднократно указывал на необходимость уволить Маланью Цветкову с должности сторожихи. Ни в колхозе не желает работать, ни здесь. В какое состояние привела помещение! Паразитический экземпляр. Сейчас не уволите — она вам на шею сядет и ножки свесит. Вот увидите.

Он отпёр шкафчик и вырвал откуда-то два листа чистой бумаги. На полках пачки нетронутых тетрадей!

— Откуда такой запас? Тетрадей всюду нехватка.

— Не успели израсходовать, — сдержанно объяснил Прищепов, захлопывая дверцы.

— Тамара Николаевна замёрзла в буран, — хором подсаказали от порога дети.

Дмитрий растерянно посмотрел на Прищепова, на его молодое, но замкнутое лицо, на сросшиеся над переносьем брови. Каждое слово он будто взвешивал.

— Значит, учительница поехала одна? — не понимал Дмитрий.

— Нет, не одна. Сбились во время стихии, — сквозь зубы разъяснял Прищепов, может быть, не желая, чтобы расслышали ребятишки. Но они расслышали.

— Лошадь сама пришла, — подсказали дружно. — Отпряжённая.

— Ступайте отсюда сию минуту! — рассердился Прищепов. — Разболтались без учителя. Вот вам дисциплину подвинтят!

— И тетради уцелели... — Тихо подытожил Дмитрий, как бы прислушиваясь к тому, давнему, бурану.

— А что им сделается! Под сеном лежали, в бумагу завёрнутые да ещё в платок. Наверно, на весь год вам хватит? — Прищепов вынул одну пачку, стал считать, чтобы внести количество в акт.

Из тетради выпала карточка. Дмитрий поднял. В девичьем лице спорят вдумчивое выражение глаз и мальчишеская стрижка.

— Красивая. Она?

Прищепов глянул мельком на карточку в руках учителя.

— Нет. Это, постойте-ка... А, учительница из Ручейков.

На обороте мелким твердым почерком «Верному другу Тамаре на память. О. В».

— И зачем вы к нам в глухомань приехали? В Москву молодым ехать надо! Понятное дело мы: куда от дома уйдёшь.

— В Сибири учителя нужны, в Москве они есть и в Саратове есть, а в Сибири детей учить некому. И потом, мне достаточно лет, чтобы принимать решения, куда ехать, где и как жить, и что делать, — жёстко ответил Дмитрий.

Он отказался возиться с актами — и без них некогда.

— Потом посчитаю. Всё равно ни у кого их на подотчёте нет. Может быть, председатель уже приехал?

— Должен вас поставить в известность, — сразу изменившимся голосом сказал Прищепов, — с Коржаковым несчастье. Конь сбросил. Ночью увезли в райбольницу. Мне сейчас туда надо срочно.

— Как-то уж много всего за одно утро: учительница замёрзла, председатель в больнице... — Дмитрию представилась Настя, Афонька с пуговкой на подбородке. — А мне в районо надо. Я с вами. Вместе поедем в район, — сказал он. — Видите, окна пусты, стекло нужно добывать. Печь развалена, а уже август. Или в колхозе всё есть?

— Нет, — ответил Прищепов, — стекла нет, впрочем, о кирпиче можно сказать то же самое.

Рудковская

— Где получить стекло для Елшанской школы?

Секретарь районо тряхнула кудряшками цвета соломы и смерила взглядом Дмитрия от запылённых ботинок до ёжика волос над обветренным лицом.

— Для какой, для како-ой? — с растяжкой, небрежно охладила она. — Однокомплектных школ в разрядке нет.

Дмитрий вытер платком взмокшее лицо. Он так бежал сюда... Ворвался ураганом! А теперь что?

К заведующей? Надо хоть почиститься. В коридоре нашёл рукомойник, побрызгался, обтёр ботинки. Дрожь проняла. Рудковскую видел мельком, когда получал направление в Западно-Сибирском крайоно. Народу в приёмной толпилась уйма, и он подивился, как быстро Рудковская всех принимала. Но услышал о ней: гроза! Молодых гоняет без пощады не только по работе — за внешний вид, за неряшливость в речи. Руки — и те заметит, чисто ли помыты.

Её и руководители районные боятся, попробуй хоть кто задержать учителю зарплату, не выдать муку, оставить без дров — и в райком вызовет, и в газету напишет. В другой раз никого уж не подтянет... Сама внушит.

— Вы к секретарю? К Хвостиковой? — человечек с рыжей щетинкой на лице любезно и даже, возможно, заискивающе улыбнулся. — А мне отдать записочку только. — Шмыгнул в канцелярию.

Через минуту вышел с секретаршей, просеменил за ней в дальний угол коридора и — Дмитрий глазам не поверил — человек вынес откуда-то две шибы оконного стекла!

Хвостикова прошла мимо, лишь скользнув взглядом по Дмитрию, независимо пронесла кудряшки в канцелярию. Дмитрий даже на какую-то секунду остолбенел. Стекло! Он бросился в дальний угол коридора, навстречу ему из-под газеты зеленовато блеснуло.

Целый ящик! Вот это да... Белела этикетка, как сторожевая собачка: «Для канцелярии района». Да тут на две Елшанских школы! — ликовала душа, и уже, не слушая голосок секретарши, решительно открыл дверь кабинета.

За столом полная женщина с пышными седеющими волосами. Чёрное платье заколото на груди белой веточкой. Стараясь не смутиться под её холодноватым пристальным взглядом, Дмитрий шагнул вперёд и излишне смело поздоровался. Она указала на диван.

— Садитесь. В другой раз, когда придёте в учреждение, надо постучаться, а потом уже войти.

Он, ясно, знал это. Но пришлось действовать экстренно...

— Из какой школы? Ах, да, вспомнила, извините... Рассказывайте, товарищ Петунин. К учебному году готовы?

Вот тебе раз. Сутки прошли, как получил назначение, и уже — готов ли?

— Н-не... Не совсем.

— Что?

— Готов. Но не совсем.

— Зачем же в райцентре болтаетесь, а не готовите школу?

— Я за стеклом. Окна разбиты.

Рудковская не спускала с него глаз.

— Надо сначала узнать, а потом тащиться за двадцать километров, терять целый день. Стекла нет. Не хватило даже на школы райцентра.

Она побарабанила пальцами по столу, что-то обдумывая, вызвала Хвостикову.

— Не осталось ли стекла хоть немного?

— Я же представила и разнарядку, и фактуру, Евгения Павловна. Стекло всё.

— А в коридоре? — вмешался Дмитрий.

Рудковская резко к нему повернулась.

— Что — в коридоре?

— Да там же целый ящик! Правда, на нём записка «Для канцелярии района». Но я уже подсчитал: в канцелярии четыре окна. Значит, если даже разбивать по стеклу...

Рудковская сделала ему знак прекратить вычисления. Повернулась к секретарше.

— Вот товарищ Петунин утверждает, будто у нас в коридоре целый ящик стекла. И записка какая-то наклеена... Вероятно, он ошибается? — она испытующе посмотрела на Хвостикову.

— Не записка, а этикетка, — презрительно поправила Дмитрия секретарша, — нормально всё, я наклеила, Евгения Павловна. Иначе они всё растащат.

— Кто? — уточнила Рудковская.

— Ну, заведующие... Сельские школы. У вас ведь в квартире не застеклено, — сбивчиво защищалась Хвостикова, умолчав про человека с запиской.

Рудковская покраснела. Заметно было, что она с трудом сдерживает гнев.

— Принесите, пожалуйста, разнарядку, Катя.

Дмитрий расписался за восемь оконных шиб. «Целое богатство! Живём!» Он торжествовал, но старался не показывать этого. Не знал, что на его сияющем лице всё было написано.

— Остальное стекло немедленно отправьте в школу колхозной молодёжи, — распорядилась Рудковская, не глядя на Хвостикову. — Позвоните им сейчас же.

Как только Хвостикова вышла, она обратилась к Дмитрию.

— Парты отремонтированы? Сколько кубометров дров подвезено?

И тогда Дмитрий выложил всю правду. Ведь с тем он и ехал!

— Значит, Елшанская школа совсем не готова к учебному году, — резко и отдельно подытожила Рудковская. — Отчего же не сказали сразу?

Он и сам не знал, отчего. Просто охватила робость. Ведь, наверно, только его школа в таком состоянии.

— Я не хотел пускать панику, — объяснил он.

— Чего пускать? — удивилась Рудковская.

— Панику, — смущённо улыбнулся Дмитрий.

Это ужасно рассмешило Рудковскую. Насмеявшись, она вытерла глаза тонким белым платочком.

— Вы, видимо, боялись, что я пуцусь в бегство от ужаса и сразу сбегу обратно в Ленинград?

«А глаза у неё вовсе не холодные — напротив. Просто умеет напускать такой вид», — подумал Дмитрий.

— Вы ведь комсомолец? Не учитесь смягчать правду, это не по-большевистски. Ленин никогда не смягчал правду, как бы жестока она ни была.

С правления колхоза потребуйте, это их обязанность. Советскую власть надо завоёвывать каждый день, молодой человек! Разве вы не убедились в этом, приняв запущенную школу?

Дмитрию захотелось рассказать о несчастье с председателем, о саботаже из-за покоса. Но он сказал только:

— В колхозе сейчас столько дел!

— А мы, просвещенцы, обязаны бороться за школу и требовать от правления, чтобы оно не саботировало постановления государства о школе. Для этого школьные дела поручаются в селе школьной комиссии при сельском совете, она обязана помогать. Требуйте и переживайте в первую очередь за школу, а они за колхозные дела. А вместе — за общее дело. Договорились?

Рудковская, видимо, отложила для беседы с ним срочное дело. Она поглядывала то на стол с бумагами, то на телефон.

Но ей надо сказать много молодому учителю.

— Понимаете, товарищ Петунин... напомните своё имя?

— Дмитрий Иванович.

— Спасибо. В районе напряжённое положение с обучением взрослых. Несмотря на то, что повсеместно работал ликбез, на первое января тысяча девятьсот тридцать третьего года в районе насчитывалось ещё три тысячи неграмотных! Партийная организация и райсовет народного просвещения возглавили работу по ликвидации неграмотности и малограмотности. Но успех дела зависит от вас, учителей.

— А в Саратове ликвидация неграмотности закончена, — Дмитрию очень захотелось рассказать об успехах на его родине. — А здесь, вот...

— Да, там сумели мобилизовать все силы. Саратов, можно сказать, колыбель культпохода. За два месяца после культпохода в Саратовской губернии было обучено десять тысяч человек неграмотных. Вы были участником культпохода?

Дмитрий про себя удивился, что Рудковская знает о его родных местах больше, чем он. С удовольствием рассказал, сколько молодёжи было вовлечено в ряды культурарми, как активно и чётко работали штабы.

— Если бы нам здесь, в Сибири, удалось втянуть всё грамотное население в дело обучения неграмотных! — сказала Рудковская. — Но людей не хватает. Ведь коэффициент грамотности в Сибири был значительно ниже, поэтому мы отстали. Необходимы темпы! И поймите: на фронте культурной революции тоже обострение классовой борьбы. Умейте распознать её в таком сопротивлении — даже в том, что не подвезены дрова. Боритесь, как боролись бы с классовым врагом. Керосин, дрова, тетради, кирпич — сейчас фронт классовой борьбы. Мне довелось

быть слушательницей первых курсов заведующих окружными отделами народного образования, курсы организовал институт повышения квалификации педагогов. Вопрос о непримиримости в обострённой борьбе за пролетарскую культуру был поставлен на первое место. Умейте разглядеть её классовый характер. Вы думаете, что все в Елшанке рады вашему приезду? — неожиданно спросила она.

Для Дмитрия вопрос прозвучал как гром среди ясного неба. Вот именно, он думал, что все ему будут рады! Как обидно... Может быть, Евгения Павловна ошибается, просто не знает жителей Елшанки? Но он вспомнил Дениса Прищепова. Ведь он даже практически уговаривал бросить школу, уехать. Но Прищепов не классовый враг! А кто же Хвостикова? И она — не враг...

— Не медля ни минуты, приступите к переписи неграмотных и малограмотных. Тетрадей нет, выходите из положения сами. Керосину надо добиться и запастись сейчас — осенью и зимой не достанете, сорвёте занятия. Под вашу личную ответственность. Далее. Вы отвечаете за выполнение закона о всеобщем начальном обучении. Перепишите сейчас же всех детей школьного возраста. Чтобы ни один не остался за бортом школы! И, безусловно, к началу учебного года школа у вас должна быть готова. Всё!

Дмитрий был ошеломлён трудностью задачи, которую поставила перед ним Рудковская. И за такой короткий срок справиться! Но он почувствовал гордость: ему доверяют. Как уже настоящему учителю, не хотелось уходить из кабинета, куда так страшно было войти.

— Это не в Елшанке стреляли в председателя? — спросила вдруг Рудковская, берясь за трубку телефона.

Дмитрий растерялся.

— Я думал, это слухи, я всё-таки надеялся, что это несчастный случай. Его сбросила лошадь.

— Но в лошадь-то кто-то стрелял! Сложная у вас обстановка в начале учебного года. Желаю успеха!

Дмитрий, вдохновлённый встречей с Рудковской, быстро вышел на улицу. Стекло, учебники и рулон цветной бумаги он уложил на подводу бригадира, который уже освободился от своих дел, потом заехал на почту, получил долгожданное письмо из дома, из Саратова, и сказал Прищепову, чтобы не ждал его, поспешил на кирпичный завод.

В конторе кирзавода записывались в очередь уже на декабрь. Торчали у окошка кассы до позднего вечера. И Дмитрий ни за что не хотел уходить. Как он уйдёт? А развалившаяся печь в школе?

— Может быть, кирпичка нет так же, как не было стекла в районо?

— Эй, парень! Что напрасно время теряешь? — окликнул стоявший в углу конторы мужчина в брезентовой робе, с быстрыми глазами. — Не жди, брат. Гиблое дело! По району стройку развернули — чёрт наготовится. Нефтебаза, МТС, школы, детсады, рабочие столовые, завод «Металл-лес». В колхозе, сам знаешь, фермы, скотные дворы, опять же, школы, — кирпич нарасхват. План перевыполнили, в счёт следующего квартала гонят, а всё не хватает. Езжай-ка ты, я тебе советую, на Таскаевский завод.

Дмитрий вздрогнул обрадованно. То самое! Не напрасно ждал, смутно надеялся на что-то.

— Куда? Где это?

Но тут вмешался другой.

— Кого ты агитируешь? — строго обратился он к человеку в робе. — Потребителей вербуешь? Магульницкий командировал? Вашему колхозу райисполком запретил производство кирпича. Тоже мне завод... Мастера нашлись. В мутной воде рыбу ловите.

— Зато к вам за кирпичом не ездим, не галдим в очереди, — защищался тот.

— Себе наготовили на нужды колхоза — и баста. Прикрывайте, пока вашему Магульницкому холку не натёрли. Понял?

Выходя, мужчина в робе успел шепнуть Дмитрию:

— Сорок километров всего до Таскаевского разъезда. Любым поездом.

К удивлению, елшанская лошадка, привязанная к ограде, ещё ждала. Прищепов появился, пропахший папирамхерским одеколоном. Зашёл попутно в столовую.

— Стопку белого взял, хотя вообще не пью. А тут такое... Как не выпить! Расстроился. — Денис бросил папиросу, не докурив. — Эх, товарищ Петунин, никто не знает, кем он был для меня, и какой он человек, Иван Ефимович. Из ямы он меня вытащил, спас, из «Луча» этого. На ноги поставил, — глухо сказал он. — Но теперь уж кой-кто приободрится. Хана мне теперь! — он вдруг опомнился, оборвал себя и озабоченно освободил место на телеге. Пришлось передвинуть голубой абажур для лампы и патефон.

— Один на склад привезли. Садитесь, товарищ Петунин. Эх, зря вы к нам едете! Не послушали моего совета, а я по-дружески вам.

Дмитрий опять подчеркивал, что он взрослый и в советах не нуждается, объявил, что сейчас едет на Паскаевский завод за кирпичом для школы. И вместо прощания попрощал:

— Стекло, пожалуйста, не разбейте.

Кирпич

«Любым поездом»... Но для этого совершенно необходимо попасть на один их них! А сесть на поезд, идущий на восток, оказалось невозможным. Из переполненных вагонов смотрели молодые лица. В тамбурах парни с рюкзаками, с деревянными ящиками, девушки в кепках, жестяные чайники.

Юная проводница в красной форменной фуражке и узкой юбочке, далеко выше колен, энергично загородила двери вагона. Но Дмитрий накрепко схватился за поручень.

— Мне два перегона всего! До разъезда!

Внезапно утерев и служебную корректность, и личное изящество, юная проводница заорала на железнодорожном наречии: «Ну куда прёшь, куда? Разуи шары — с билетами

друг на друге едут. Ему, скажи на милость, два перегона. Жди «максима» — «максим» всю шпану заберёт. А этот состав особый, люди на Дальний Восток на новостройку без местов едут вторую неделю. Иностранец нашёлся. Лорд! Тутушний, дотопаешь!» — она задохнулась от злости.

На чистом перроне, омытом внезапным шумным дождём, разносилось из репродуктора:

За весёлый гул, за кирпичики
Полюбила я этот завод.

Будто дразнили нарочно. И хорошенькой грубиянке-проводнице невдомёк, что совсем недавно, на днях, ехал он в Сибирь этим же поездом. А теперь уже — «тутушний»? И кирпич добывай где хочешь? Так ладно уж, тутушним и буду!

Дмитрий соскочил на перрон и тут же устремился концу состава, где были прицеплены несколько грузовых вагонов с оборудованием. И пока тяжеловесный «фэдэ»¹ отпыхивался, застилая перрон угольным чадом и копотью, он, подтянувшись на руках, запрыгнул на платформу. Едва успел примоститься за какую-то машину под брезентом, платформа дёрнуло, и мокрый перрон с огнями поплыл назад.

«Поехали! Не в пассажирском вагоне, но не лорд же он какой-нибудь, а учитель. Эх, надо было у Рудковской методике хоть какую-нибудь попросить...» — замелькали впечатления дня.

Несмотря на поздний час, на Таскаевском «заводе» кипела работа. Ну, конечно же, это оказался не настоящий завод... Крупный колхоз «Рассвет» в селе Таскаево обнаружил у себя в окрестностях залежи первоклассной глины. Председатель Магульницкий оказался предприимчивым. На правлении обсудили: открыть при колхозе гончарное производство или делать кирпич? Большинство высказалось за кирпич: он в данный момент нужнее.

¹ ФД («Феликс Дзержинский») — советский магистральный грузовой паровоз типа 1-5-1, производился в 1931–1941 гг.

Никто не удивился, что человек приехал в такой поздний час. Магульницкий, грузный, небольшого росточка, пожилой, в гимнастерке с карманами, явно обрадовался. И тут же объявил:

— Колхоз кирпич не продаёт. Мы только на свои нужды, самую малость производим. — У двери придержал Дмитрия за пуговицу. — Вот что, мил человек, — начал он, расставив ноги в тупоносых сапожках, разрезанных по голенищу, — ты кто? Завклубом, что ль? — Уставив прямо в лицо глазки-смородины под запухшими веками, выслушал ответ с торжеством. — Слыхали? — он обвёл всех взглядом. — Школа за кирпичом — к Магульницкому. Что, на ясногорском заводе нет? Засыпались ударнички? А Магульницкий — не смей кирпич производить! Магульницкого — на бюро, туда-сюда, Магульницкий — загибщик, спекулянт, чуть не правый оппортунист... Да я их сам всех перетрясу, голубчиков районных, без строительных материалов оставляют организации! Головоотяпы, тормозят строительство! — разбушевался он. — Ещё посмотрим, у кого загиб. Пёрышки почистим!

Он так яростно теребил и рвал пуговицу Дмитрия, словно она-то и была виновата во всём. Пуговица держалась уже на одной нитке. Полное лицо с морщинами и натеками у глаз придвигалось всё ближе. У Магульницкого не хватало зубов, хотя ему было ещё лет пятьдесят. Пухлые, обиженно надутые губы и полный выдающийся подбородок скрывали беззубие.

Проглядывало что-то детское, особенно в похвальбе.

— У меня в школе шесть печей, у каждого учителя в квартире печка, баню построил!

Колхозники, кутившие в тесной конторе, тоже явно гордились. Дмитрию подумалось: «заводик» — любимое детище колхоза «Рассвет», хотя и побочное. Даже в конторе на подоконнике лежал на белом листе бумаги образчик продукции — новенький чистый кирпичик. Магульницкий

Продавец вернулся с поллитровкой. Магульницкий осторожненько, примерясь глазом, налил треть стакана, подал Дмитрию первому «как гостю».

— Не задерживай, милый, посуду ждут.

Признаться, что никогда ещё не пробовал водки? Глотнул духом, в горле сжало. Почувствовал разлившуюся теплоту, истому после бессонной ночи, набросился на хлеб с луком. Хлеб вкусный, лук сочный и крепкий, ну и еда! Исчезла и холодная картошка, её торопливо, не дочиста лупили, макали в соль на тряпке. Вымыть руки после работы никто и не подумал, все спешили. Так даже вкуснее.

Дмитрию уже нравились эти люди — и продавец, и тот, в робе. Да и все держались просто, весело, дружески.

— Зайкин, убери бутылку.

Человек в робе поставил бутылку под стол.

— А вон тот — кладовщик из детяслей, — Магульницкий показал на его соседа. — Кирпич ему надо? Надо. Видел, как я школьников организовал? Полчаса в день ведь нетрудно, а? То-то. И колхозники выходят, кому печь перекладывать. Как потопашь, так и полопашь — у меня закон... Сколько ты хотел выписать-то? Две сотни, ты говорил? — вспомнил Магульницкий. — Выпиши ему, Зайкин. За наличные. И за подводу возьми, а с возчиком сам расплатится. Распиской оформи.

Дмитрий был так доволен, что согласился, в ожидании поезда, пройти с Магульницким до школы. Тому хотелось похвалиться.

Вот это да... Дмитрий поражённо остановился на пороге. Голубые рамы и подоконники, белые двери, пол как яичный желток. Всё сияет! Побеленные печи в каждом классе. Ремонт закончен. Окна распахнуты.

— Хо-хо, сшибём премию за лучшую подготовку школы к учебному году! — довольно хохотнул Магульницкий, потирая руки. — Или у тебя лучше? — прищурился он.

Ведь знает, знает же, что ничего нигде нет...

— Если б я мог достать краски... — завистливо прошептал Дмитрий. Он представил себе Елшанскую школу такой же чистой, красивой.

— Могу помочь, — зевнул Магульницкий.

— В самом деле? — боялся верить Дмитрий.

— Не бог весть что. Площадь какая?

Но где же взять денег? Дмитрий в ужасе сообразил, что у него осталось всего несколько копеек: за кирпич расплатился проездными, только что полученными в районо.

К его радости Магульницкий заявил, что желает иметь счёты не со школой, а с правлением колхоза: «Пускай кто-нибудь приедет. Договоримся».

Пыль от колес садится на жёлтые цветочки донника у дороги. Пыль на ботинках. Они ступают и ступают по следам лошади. Пьяно от усталости, от бессонной ночи.

Возбуждённый успехом, Дмитрий шагал за телегой. Вот он, кирпич! Раздобыл-таки... «Тутошний, дотопаешь», — уже с улыбкой, с какой-то гордостью подумалось... И тут же вспомнил: ах да! письмо из дома. Получил на почте по дороге... Нет, не от мамы ещё — от Игоря. Чего можно ждать от него, кроме неприятности?

Дмитрий даже теперь не сразу распечатал конверт, а сначала повертел в руках.

Правильный твердый почерк, даже ровная линия на адресе под словом «Запсибкрай» — всё казалось таким же положительным и безупречным, как его старший брат.

«...Вчера вернулся с практики. Поражён твоим нелогичным поступком. Маму ты удивил и огорчил. По своей деликатности и терпимости к нам она не показывает виду. Ведь это, сам знаешь, принцип нашего домашнего воспитания. Не в правилах папы было стеснять нашу свободу».

Но ты-то о чём думал? Что даст тебе отсталая сибирская деревня, место сельского учителя?

Помнишь, ты разглядывал в моей тетради египетские иероглифы? Ты ещё удивился, как учёные расшифровыва-

ют такие трудные письма. Поверь, что в деревне, куда тебя назначили, ты встретишь иероглиф не легче египетского.

Сам ты недоучка, личной дисциплины не имеешь, безволен. Не выдержишь сам. Короче, бледнолицый брат мой, немедленно увольняйся и — домой.

Твой старший брат Игорь Петунин».

Несмотря на холодный ветер, Дмитрию стало жарко.

— Иероглиф, — повторил Дмитрий, — иероглиф я уже в Сибири встретил.

У Матвея своё мнение

— Это чо ты мне принёс? Суп? Вывали, мать твою, и промеси ногами. Чудо-юдо! Я тя научу печь класть. Неграмотность твою в момент ликвидирую.

Дмитрий был у Матвея за подручного, ухаживал изо всех сил, с ног сбивался. Ещё бы! Сроки подпирали. Слова Рудковской врубались, как приказ: «Школа должна быть готова к началу учебного года!»

Точка. Аврал! Никогда ещё Дмитрий не чувствовал такой ответственности. Личной! Ведь одновременно с ним делают то же, решают ту же задачу сотни неизвестных ему, но таких близких теперь сельских учителей. Неужели он подведёт? Нет-нет, ни за что!

Он добился у Прищепова, чтобы из Чирухина привезли парты и стол. Краску и олифу из Таскаева Прищепов привёз сам. Дмитрий в тот же день покрасил парты, исцарапанные и ободранные. К его огорчению, Прищепов заявил, что красить пол в школе бесполезно, краска не просохнет — и унёс всё остальное, вместе с олифой, куда-то к себе. «До весны», — сказал он.

Печника он решительно отказался прислать.

— Весь народ на полях. Сеноуборку не кончили, а тут пары пахать, и рожь осыпается, уборочная подходит. Голова кругом! Сознать надо, товарищ Петунин!

опорке, голова повязана бабьим платком. В эту минуту он похож даже не на колдуна, а на колдунью с прижмуренным глазом. На остром подбородке волоски.

За ответом словно глянул в глубокий колодец.

— Кулак стрелял. Вот кто.

— Сачкова же выслали?

— И Харитона выслали, и Кира посадили куда следует.

А зараза осталась. В древние годы жила на свете гидра, людей глотала. Нашёлся храбрец, срубил ей башку — на том месте другие отросли. А уж на такого человека, как наш Иван Коржаков, только у самого злодея могла рука подняться. То есть у кулацкой души. У Ивана все думы только о народе, чтобы наш колхоз окреп и каждый вздохнул бы свободно, зажил по-людски. У самого жизнь трудная — в семье горе перенёс, а на своём поставил.

А семейное дело, сам знаешь, самое едучее. Обида... Убёгом ведь Настя-то из дома за Ивана ушла, самокруткой¹. Уговором пробовал Харитон: за кого, дескать, собралась, дочка? От сладкого куска да за пустые щи? За большавика да ишо за нищего. Срам молвить: у него ж отец пастухом был. Отступишь. Слушать не хочет: «Иван мой лучше всех». Харитон даром что курку сам зарубить не мог, а тут не вынес — бил дочку любимую, холёную, смертным боем, живого места на девчонке не было.

— Откажись!

— Ваня мой лучше всех!

— Не дам родительского благословения, в одной станушке² со двора сгоню!

— В одной станушке к Ивану уйду. Ничего мне не надо.

Харитон пугал только, пожалел бы родное дитё — одна была у них Настя. Да просыпаются раз утром — а Насти и след простыл. Что на ней — в том и ушла.

Потом, когда Иван председателем в сельсовете стал, к Насте родня дорожку проторила: не сбросят ли налогу,

¹ Самокрутка — брак, совершенный тайком, против воли родителей.

² Станушка — нижняя часть женской рубахи.

твёрдое задание по хлебу? Заступится, поди, за отца? Лампадница эта, тётка Секлетея у брата жила — зачастила, кланялась, попрекала. И сам Кир, дядя родной, крёстный, права заявлял, чтобы его избрали в раскладочную комиссию, норовил верх через Настю взять, в начальство пройти. Пуще всех её мучил сам Харитон, правда, и не показывался. Но уж родня! Надеялись — бабёнка смирная, доймём, допекём — уступит.

А Настя как отрезала: «Не ходите и не просите. Иван мой сам знает, что делать». Так и держалась до конца, пока Харитона не раскулачили. А думаешь, легко ей было? Родной батюшка.

Но Иван у неё — свет в оконце. Сказал, сделал — всё правильно! Теперь вот сама не своя. Неси ещё глины! — Матвей быстро принял за печку. Но даже по его спине было видно, что ему не терпится говорить. Так и оказалось.

— Кто стрелял — тот же и расписался, — проворчал он, ловко прилаживая кирпич. — А Сокола неспроста убили.

Кир заявлял, что рысак — его: брат ему задолжал, посулил рысачка отдать. Будто за то, что Кир на брата всю жизнь батрачил.

— На самом деле? — удивился Дмитрий. Матвей повернул лицо, испачканное глиной.

— Быдто бы, быдто бы! — сердито поправил он. — В своём-то хозяйстве белоручкой был, Поля одна ворочала. А он испортился грамотой, в контору пробивался, в урядники лез. Хотел лёгкий хлеб есть, народом командовать, а революция — хлоп! В колчаковском отряде зло срывал на красных. Колчака погнажи — в Елшанку вернулся тише воды. Он — не он: не он через село скакал, не он коней требовал, мне глаз выхлестнул! Его будто самого колчаки чуть не расстреляли.

— Так это Кир угрожал Ивану, за раскулаченного брата хотел отомстить? — догадался Дмитрий.

— За Харитона-то? — презрительно возразил Матвей. — По-городскому ты всё понимаешь, а не по жизни.

Да он сам, Кир, за комиссией таскался, показывал, где что у Харитона спрятано. Такой уж негодяй! В «Луч» счетоводом пролез, а делами заправлял вместе с кладовщиком, со старым Прищепом.

— Разве не Денис был председателем в «Луче»?

Матвей махнул рукой.

— Быдто бы, быдто бы! Для подставы, вроде вывески. В деревне он самый грамотный. Но у старого Прищепа и сейчас в кулаке. У Гаври — карактер, а Денису лишь бы форсить. Трус. Он ещё дофорсится, помяни моё слово, — значительно подняв палец, предсказал Матвей.

Дмитрий спросил, сколько классов кончил Денис.

— Седьмой только не кончил. Да у меня такое мнение: если ты не человек, а невито сено, то и грамота тебе ни к чему. А злодею она от самого чёрта. Хоть ты и учитель, а не обижайся на моё слово.

— Мамка сюда идёт! — возвестил Витя, появляясь с граблями. У Гриши, его товарища, круглая голова с торчащими ушами. Он быстро обежал весь класс, схватил с подоконника узкие обрезки стёкол.

— Я фонарик исделаю! — и тут же из комка глины за полминуты слепил коня.

— Эй-эй, — Матвей шлёпнул его по круглой голове. — Не крутись, волчок. Не трогай тут ничего. Приструните-ка его, Дмитрий Иванович, — пугнул он учителем.

Но Дмитрию понравился живой мальчик, хотя Гриша всюду лез руками. Скромный Витя его одёргивал.

— Вот и дело! — Агрипина осмотрела почти уже застеклённые окна. — Печку он вам завтра с утра кончит, Дмитрий Иванович. — Однако, вижу, боле языком работал, чем руками? Знаю я тебя!

И тут же по-деловому спланировала: «Крошку кирпичную, мусор, глину на улицу вытаскать — раз. Вымести дочиста, побелить, всё вымыть: окна, полы, потом парты расставить, — нет, бездельнице вашей, Малухе, тут до белых мух хватит. А всех делов — на один день!»

Дмитрий с тревогой её слушал. Что же делать?

— А вы вот что, Дмитрий Иванович: за женщин наших держитесь. Они враз всё уберут и школу выбелят. Захотят — найдут время. Сагитировать надо. Нет, дома теперь никого не застанете — прямо на покос. В обед и беседу проведём. Завтра в Заячьем логу метать.

Бой в Заячьем логу

Но где же Заячий лог? Одни кузнечики трещали в траве. Ручей неторопливо огибал кочки. В заливах радужно блестела ржавчина, стреляли быстроногие плавунцы. На воду сорился малиновый цвет иван-чая. И пахло не то лепестками, не то смородиной.

Тишина, глубь... Но и в глубине этой — свежесть, близость просторов.

Дмитрий прислушался: голоса? Раздвинул ветки: открылся огромный луг, пестревший народом. Где же здесь ребята?

Но тут промчался вихрь. Внизу у ручья, куда спускались прокосы, заволновались синие цветы на высоких, прямых, как свечи, стеблях.

— На волокушу! — распорядился Прищепов, подоспев с соседнего луга. Витя, длинноногий и жиденский, споро наложил на волокушу сена вдвоём с Гришей. Тот умело и быстро захлестнул верёвку на тонкой берёзке волокуши.

— Зачепляй!

Третий мальчик, крупный и рыжий, как гриб-масляник, вскочил на волокушу, придерживая сено всем телом и раскинутыми руками. Дмитрий Иванович подхватил повод — так захотелось что-то делать, вмешаться в общую работу. Конь послушно двинулся за ним, поматывая сивой гривкой, позвякивая балаболом. Ворох поплыл по лугу.

— А где Колька? — заговорил с ребятами Дмитрий Иванович, сбрасывая сено.

— Он в школу не записывался! — объявил учителю бойкий Гриша.

— Он учиться не будет, — сказал мальчик-грибок, заглядывая в лицо учителю.

Кольки не видно. А к звеньевой не подойдёшь — вон копна на голове!..

Агриппина несла над головой не навильник — целую копну. Вся обсыпавшись, держа черен обеими руками, как древко знамени, двигалась к стогу. Блестело радостно потное лицо. Кофта взмокла.

Не найдя Коли, Дмитрий сбежал к ручью напиться. Стал черпать горстями тепловатую воду.

— Греби, греби! — услышал он за кустами смородины и вышел на лужок, окружённый кряжистыми берёзами. Лужок прятался в котловине, кое-где его пересекали болотные кочки.

Вокруг взбирался на холм редкий осинник. Между осинами папоротник сбежал кружевным потоком. С другой стороны гречиха, ярко видная вдаль, то погружалась в тень тучи, то ослепительно белела на солнце.

На стожке женщина с граблями, в тёмной кофте и белом платке. Она посмотрела на тучу, потом на мальчика в слинявшей рубашонке.

— Гони, гони сюда, Колька!

Мальчик торопливо погнал от дальних плакучих берёз вал пёстрого сена с цепким мышинным горохом, огибая болотные кочки.

За валом едва виднелся сам Колька. Он поднял напряжённое потное лицо. Беспокойно, как мать, поглядел на тучу, задрав вихрастую голову.

Мать укладывала сено, тяжело дыша.

— Греби, греби!

Из кустов показалась Агриппина с ведёрком воды:

— Прасковья! Почто из бригады сбежала, дева?

Прасковья бросила грабли и спустилась. Она будто только и ждала зова. На лице испуг и тревога. Поспевая за Агриппиной, всё оглядывалась на свой стожок. — Ох, да ведь как же, Агриппина, останешься без сена! Барашки

в Заячьем лугу подчистую заберут, по дворам разделят. Так и кипят!

Агриппина хлебнула из ведра, отплюнула приставшую травинку.

— Откуда такая брехня?

Прасковья замаялась.

— Да Марья Вяткина слыхала. Секлетея ночевала у Поли Сачковой, ну и зашла потом. Поля её из избы выгнала.

— На Полю теперь нечего всех собак вешать! Сама Секлетея выдумала, шлёпает тут подолом. Кто им даст колхозное делить?

Агриппина распылалась от гнева. Её зелёная юбка и толстые ноги в грубых шерстяных чулках — комар не прокусит — мелькали по всему лугу. Сено возле неё так и убывало, ровно его слизывало.

— Эй, посторонись!

Прасковья едва поспевала за ней. Душа там, у брошенного стожка.

А Коля тоже примчался на колхозный луг, схватил грабли. Дмитрий Иванович подошёл к нему.

— Все ребята уже записались в школу. А ты что же не записываешься?

Коля не успел ответить. Как метелью-пониухой подхватило вороха просохшего разворошённого сена, потащило, погнало быстрее. За ним побежали с граблями. Дмитрий метнулся туда-сюда.

Парень в брусничной рубахе без пояса, с кошной буйных ржаных волос, махнул ему рукой.

— Айда к нам! — Подал вилы.

— И мне, Прощка! И мне! — затеребили его. Молодежь окружила стог, будто на приступ шла. Навильники замелькали в воздухе.

Дмитрий старался не отстать, но куда там!

Как живой, зашевелился огромный луг со скошенным сочным пыреем, пахучей тимофеевкой, иван-чаем, клубничкой, клевером. Сена — горы.

А вдали уже пророкотало, будто кто духом пересчитал ступеньки.

— Вершить? — крикнула со стога маленькая девушка в красной косынке.

— Верши, верши, — заторопили взрослые мужики, — намочит ишо.

— Такой стожище разложили, да и не свершить!

— Из-за трёх навильников пропасть может.

— Верши-верши! Остальное в копну сложим.

— Ишь ты, в копну, — насмешливо перебил Прохор, отправляя навильник. — Комсомольцы, вперёд! Для того ль мы к вашему звену на помощь прибежали! Стог портить? Не верши круто, слышь, Маш? Не торопись! — ржаные волосы, рассыпавшись, перемешавшись с сеной трухой, упали ему на лоб.

Комсомольцы со всех сторон споро подавали.

— Примай, Машенька-а!

Дмитрий старался не отставать, хотя подавать приходилось всё выше. Машенька поднялась так высоко, что казалась крошечной. Платок пламенел на чёрной туче, как гребень ветряного петушка. Вот-вот сорвёт его вихрем. Через всё небо бросилась молния, расколов его надвое светящимся рубцом. Гром так грянул, что маленькую фигурку чуть не сбросило со стога.

Машенька присела и закричала что-то. Ветер отнёс слова.

— Польёт сейчас, — заговорили мужики.

— Как дёрнет, так громом и снесёт!

Прохор отправлял навильник за навильником.

— А вот не дёрнет. Обождёт. Эй, там! Обожди.

— Ох, Прошка... Озорной!

Упали две-три крупных, словно литых, капли. Приложив ладони ко рту, Прохор по-озорному крикнул на стог: «Эй, Маш! Много ишо тебе сена надоть?»

Хлынул порывистый дождь. Всё смётано. Мальчишки бегом примчали ветряки¹, подали на стог. Машенька уло-

¹ Ветряки — крупные ветви или молодые березки, которыми укрепляют стог сена.

жила их крест-накрест. Важный старик с ещё чёрной мелко-кудрявой бородой забросил на стог верёвку, наступив на конец, — с другого спустилась Машенька. С её сарафана текла вода, круглое загорелое лицо было мокро и красиво. Блестели промытые бусы. Девочка Маша из сказки о трёх медведях...

Она изо всей силы хлопнула Прохора по спине, мокрой от дождя и пота.

— Не тронь комсомольского вожака! — засмеялся довольный Прохор.

— Вредный ты вожак! Мужики вершить велят, а он!..

— Комсомольское поручение выполняла, товарищ стопоправ, — до ушей улыбался тот.

— Нет, ты нарочно. Будто я не знаю, — сердилась Машенька. — Ну, погоди... За мной не пропадёт! Я тебе устрою!

— По стогу должно быть видно: метали комсомольцы! — стоял на своём Прохор, будто поддразнивая.

— А что, плохой стожок? — загордилась Маша, любуясь. — Вот разве только на тот бок наклон маленько. Ась, тятенька?

— Да нет. Нету наклону. Ладный, — скупое одобрил важный старик с кудрявой бородой, собирая грабли и вилы, — на, вот эти в кузнию захвати. Домой ступай. Чо мокнуть?

Но Маша стояла под дождём, словно ей нравилось, что её поливает. Или уже всё равно было. Вдруг, заметив кого-то на тропе над логом, быстро пошла за отцом. Подходил Прищепов.

Прохор отозвал учителя в сторонку:

— В патруле будете с нами нынче ночью?

— Где? — Дмитрий говорил также вполголоса.

— Сюда приходите, к стогу. Как стемнеет.

— Приду.

Прасковья шла, закрывшись от дождя верхней посконной юбкой. Перед собой видела чёрную землю, усыпанную иглами хвои, да свои босые ноги, ступавшие по ней. Разбитые опорки несла в руке. Оглянулась: бежит ли Коля?

Мальчик догнал мать, размахивая сумкой, где болталась бутылка из-под кваса. В тряпке размокшая соль.

— Ты почто это своё сено бросил?

— Да ребята все колхозное гребли. Витька, Оська...

— У Витьки мать звеньевая, нельзя ему уйти, а у Оськи отец без сена не останется. С кем равняешься? Нам-то кто даст?

— Ну, я думал, все теперь одинаковые, — недовольно оправдывался Коля.

Прасковья только горестно головой покачала. Худое лицо стало скорбным.

— Ох, сгниёт наше сено.

— Ну, не всё же сгниёт, — сурово утешал Коля. — Наберём копёшки на две. А колхозное не тронут, слышь, мам?

— Брешут, поди, сынок.

— Так и Витя сказал: брехня. Да только коней уж с базы угнали, будто в ночное, а сами — к Заячьему логу, припасли.

— В Заячьем логу, говоришь? Ох, обнаглели без Коржакова, никак нельзя колхозу без председателя! Увезут. Ох-х...

— Мама, а ты школьные штаны починила? Вон учитель за нами идёт.

Дождь припустил с новой силой, оба побежали бегом. Прасковья оглянулась на учителя:

— К нам забегите. Вишь, льёт.

— Вот наша изба, — показал Коля.

Привычное сиротство

Дымчатая кошка, мяукая, тёрлась у ног, заглядывая в крохотное корытце у порога. Коля сам его выдолбил. Но оно стояло пустое.

Мальчик тоже проголодался. Наспех накопал под дождём мелкой картошки, вымыл в ведре от налипшей земли и внёс из-под навеса охашку хвороста.

— Утром за саранками сходи, — сказала Прасковья. — С этих пор картошку портить — весной не хватит, растёт ещё, водянистая. Вяткины ещё, вон, старую варят.

Она подставила гостю единственный стул — сиденье от жнейки с приделанными к нему деревянными ножками. Ножки растопырены, как у козлёнка. Кроме стула, в избе стояли ещё кровать под лоскутным одеялом, зелёный сундук и стол. На стене висел посудный шкапчик с мисками и одной тарелкой. Рядом — холщёвая сумка с чернильным пятном, в ней Колина арифметика.

— Ступай к дяде Мартыну, попроси у тети Физы молочка.

Мальчик поправил негромко, но упрямо:

— Не молочка, а молока.

Слова почему-то меняются, если чего-нибудь просят. И это противно. Не раз он слышал, как мать просила у дяди Мартына или у соседей «хлебца», «солец», «мучицы», такие слова с хвостиками мальчик возненавидел. Они виляли хвостиками, будто голодные собаки.

Захватив крынку, Коля ушёл хмурый и недовольный. Ещё про эти саранки... Уж нельзя было при учителе помолчать. Так хотелось, чтобы он увидел: вот, у них поспела молодая картошка. Ешьте, пожалуйста.

Прасковья растопила печку, приставила чугунок и села на кровать, подперев щёку.

— Откуда достатку быть? Муж мой Филипп только с царской войны вернулся, стал поправлять хозяйство — а тут Гражданская. Ушёл в Красную армию. Далеко сложил голову, под городом под Царицыным. Коля грудной ещё был.

Живой огонёк ощупью пробирался по отсыревшим прутьям и вдруг вспыхнул. Осветил на ходиках улыбающуюся девушку. Она показывала сноп пшеницы, колосья свесились с серпа. Качалась под ними гирька еловой шишкой. Стрелки закрутились для Прасковьи назад, в ушедшие дни.

— Господи, сколько же я сжала пшеницы на поле у Харитона Сачкова! Сил не жалела, гналась за хорошей жиз-

ню, как лошадь за торбой овса. Близко, а не достанешь. Так и не догнала. — Она улыбнулась одними морщинками, перебирая передник. — Совсем ещё не старая, вот только морщинки эти да какое-то уже привычное сиротство.

Дмитрию понравилось, что она не жаловалась, а как бы даже подшучивала над собой, над своим незадачливым житьём-бытьём.

Коля принёс молока чуть на доньшке, вылил в корытце кошке. Она принялась лакать с жадностью, прищёлкивая язычком. Пустую крынку мальчик опрокинул на подоконник.

— Поросёнку тетя Физа вылила. Картошка сварилась?

Прасковья потыкала картошку ножом и слила воду из котелка.

— Думали, в колхозе получше будет. А как сидели без молока, так и...

— Тёлочку же нам дали, — напомнил Коля, — вот вырастим и будем с молоком. — Он поставил на стол кружку с водой и солонницу, будто только этого и хотел, посмотрел на учителя.

— Придвигайтесь, — спохватилась Прасковья, засуетившись. — Уж не взъщтите. И огурцов не успели...

Коля сорвался с места, притащил огурцов с грядки, обтёр. Два самых гладких, светлых подвинул учителю. Остальные уже загнулись крючком или покрылись пупырями, их Коля порезал в чашку с холодной водой, посолил и с удовольствием принялся хлебать.

— Хоть бы колхоз направляться стал! — сказала Прасковья, принимаясь за ужин. — Нам бы только один год хлеба наколотить поболе — и пойдём, обязательно пойдём! Ведь у нас что было-то? — как бы оправдалась она за колхоз. — Плугов не боле двадцати, борон того мене, сеялок конных две. Молотилок не было — цепами. Лошадей тоже мало — Сачков табун в «Луч» отошёл. Теперь-то хоть лошадьми разбогатели. Ну и ферму расширили, свиноферма организуется помаленьку — всё не к худу идёт, а к добру.

Она очень расстроилась. Коля молча макал картошку в крупную соль.

— Мясушко-о-о, — передразнил он. — А знаешь, откуда мясушко? Дядя Мартын приходил с комиссией, а они уж напугались, скорей колоть. Здоровёхонький был поросё. И шкурку запалили, чтоб не сдавать. Ещё колхозники называются!

А мать недовольна, что поссорились с богатыми соседями.

— Ладно, мам. На трудодни получим. И сена колхоз накосил. Вот стожище-то сегодня навили!

Проверка на прочность

В черноте от стога окликнули. Кажется, голос Прохора.

— Кто идёт?

— Свои, — отозвался Дмитрий, споткнувшись о дудку.

В ту же секунду кто-то прыгнул к нему сзади, стараясь повалить, рядом тоже возня. Противник Дмитрия выше и сильнее. Дмитрий изловчился ударить его ногой, но тут же над ним взвилась дубина. Увернулся. Рывком, неожиданно для нападавшего, склонился не вперёд, а назад, будто опрокидываясь. Парень с размаха потерял равновесие, выронил палку. Не давая выпрямиться, Дмитрий накрепко сжал ему обе кисти.

Главное в приёме — сжать изо всей силы и даже крепче! Поверить, что ты сильнее, слиться с его пальцами в одно. Вытянув руки до предела, до хруста в плечах, Дмитрий перекрутил противника трижды, развивая центробежную силу, так что ноги у того летели горизонтально, и — бряк! — швырнул на землю.

— Лежать! — приказал Дмитрий.

— Сдаюсь, — согласился парень. — Это что было?

— Приём безоружной борьбы, — пояснил Дмитрий, тяжело дыша. — Называется «мельница». Повторить? Могу шею сломать, хочешь?!

У владельца дубины, видимо, всё перед глазами ехало. Сошел как очумелый.

— Я же сказал, свои, — укорил Дмитрий, а сам подумал, что пригодился приём! А выучился ему ещё дома, от брата Юрки.

— Ребята, сюда! — позвал Прохор по другую сторону стога. — Не пускай!

Конский топ и ржанье оглушили. С грохотом мчались запряжённые в телеги две лошади. Переднюю зверски нахлестывал кто-то, стоя на коленях, задняя, которой никто не правил, рассказкалась так, что, казалось, вот-вот наскочит, разобьёт телегу вдребезги. Сбоку догоняли, но не могли остановить.

Вдруг кто-то встал впереди, крестом разбросав руки навстречу лошади. С ума сошел?! Нет. Это Прохор. Лошадь встала. Дмитрий был уже рядом, схватил её под уздцы. Другой крепко держал за шиворот седока, стащив его с телеги. Но под ноги им сунулся тот, кого...

[Далее часть текста отсутствует.]

Исповедь

— Неужели не пришлось доучиться? — с сочувствием спросил Дмитрий.

Прищепова покоробило.

— Вы меня уж таким необразованным считаете? Отец меня только на другую квартиру поставил. Седьмой, правда, не дал окончить, явился за мной среди учебного года: место секретаря сельсовета освободилось. Не зря же учили! Мне уже, правда, шестнадцать минуло. Разглядел уже его повадку: богатство прятать. Зарплату мою отец отбирал до копейки и запирал в сундук. А у меня уже, естественно, мечты и стремления ведут к костюму, к хорошим папиросам. Дома же — чугуны с поросячьим варевом, запах от кур. И возненавидел я отсталый этот быт! Мне бы к товарищам, ан нет, — готовь сено корове, мать чиркать будет по литру

в день, бычка родитель заколет и на базар, а дома пустые щи — это по-крестьянски, по-хозяйски. В настоящий момент привилегий требует: сын — бригадир, зампред. Обязан всем обеспечить. От жадности второго быка он завёл, двенадцать овец — и все плешивые... Не могу больше! Эх, Иван Ефимыч Коржаков!.. Что он только со мной сделал... Душу перевернул!

Ночи тогда с ним не спали. Кулаки хлеб в ямы закапывали. Он не спит по ночам — и я с ним. В комиссии по дворам, в бригаде по засыпке семфонда — тоже я. Сводку в район два раза надо было слать — успевали. За коллективизацию агитировать — тоже я, активистом. Зажёг меня Коржаков — сам себя не узнаю! Вот так бывает, товарищ учитель.

Дмитрий хотел спросить Дениса, что же с ним случилось теперь? Что мучает и тревожит? Но спросил только о Коржакове. Что о нём известно?

— Кому следует — всё известно, — с гонором ответил Денис.

[Далее часть текста отсутствует.]

Новобранец великой армии

«Привет участникам районной конференции учителей!» — это прочёл Дмитрий над входом в клуб. И он, прошлыйгодний девятиклассник, — участник такой важной конференции! Ещё не попросят ли отсюда?..

К тому же первый аванс — больше тридцати рублей шуршало в кармане. Чтобы всё слышать, но не попадаться каждому на глаза, забрался к самой стенке во втором ряду. Отсюда близко видна трибуна, стол под красной скатертью, пылающие георгины, портрет Ленина.

Секретарь райкома Аюпов с тёмными волосами, гладко зачёсанными назад, в тёмной «партийке» под тугим ремнём, неторопливый и сдержанный, приветствовал совещание. Он поблагодарил «армию учителей района», огляды-

вая с трибуны весь зал, за активное участие в колхозном строительстве, в организации колхозов.

— Учителя на селе — первые помощники партии, — сказал он. — Благодаря работе инициативных групп, членами которых являлись многие учителя, процент коллективизации в районе стал быстро расти. В начале тысяча девятьсот тридцать первого года по району было всего девять процентов коллективизации, во второй половине нынешнего года уже семьдесят процентов.

Дмитрий поразился, словно и он в этом участвовал. Хотя он ещё сидел тогда за партой...

— Судите и по таким цифрам, товарищи, — добавил Аюпов, сойдя с трибуны и встав у самого края сцены. — В тысяча девятьсот тридцатом году колхозы нашего района сдали государству десять тысяч триста шестьдесят шесть центнеров хлеба, а в тысяча девятьсот тридцать первом уже сто четырнадцать тысяч пятьсот тридцать центнеров. — Он приостановился, давая осознать ширину шага. Цифры носил в памяти, никакая бумажка не нужна.

Дмитрия сильно интересовало участие в этом важном достижении учителей — той «армии», к которой он теперь принадлежит.

— Районный слёт рабселькоров в тысяча девятьсот тридцать втором году отметил заслуги учителей в борьбе с кулачеством, с его озверелым сопротивлением новой деревне, — продолжил своё выступление Аюпов. — Зверская расправа кулаков с председателем колхоза товарищем Сухих теснее сплотила ряды сельских коммунистов и всех тружеников в борьбе за укрепление колхозов.

Потом почтили память председателя Сухих вставанием. Оркестр в нише перед сценой заиграл траурный марш «Вы жертвою пали». И Дмитрий, вдруг поняв какую-то неведомую, до боли жестокую правду жизни, стал слушать Аюпова с новым, обострённым вниманием. Ему показалось, будто вот сейчас, только что, он вдруг и сразу, за эти несколько минут, повзрослел. И людей в зале увидел по-новому.

— Сейчас наша задача — это дальнейшее укрепление колхозов, выполнение пятилетнего плана индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. В этом году в нашем районе закончено строительство МТС и запланировано построить вторую МТС в Елшанке. К весеннему севу на пашню каждого колхоза выйдет трактор.

Дмитрий захолопал вместе с другими. Вспомнились слова Прасковьи, Колиной мамы, с чего начинался колхоз «Верный путь». А тут такая новость: в Елшанке будут строить машинно-тракторную станцию и в Елшанку придёт первый трактор!

Аюпов переждал, пока зал стих. В сдержанности его угадывалась сила. Пожалуй, ему известно многое, чего не знает в этом зале ни один человек. Ему тяжелее всех. Он знает не только героическое, но и ужасное, преступное, грязное, что ещё случается в районе, гнездится в тайниках, исподволь наносит удары новой жизни. Он принимает эти удары первым, поэтому у него такое серьёзное сосредоточенное лицо. Дмитрию его лицо всё больше нравилось, всё больше человеческого он читал в узких разрезах глаз. Что придаёт Аюпову мужество в невероятно тяжёлом деле руководства районом, где в некоторые сёла летом не добраться по разлившимся рекам и болотам?

— Советское учительство рука об руку с партией должно мобилизовать все свои силы на борьбу с разного рода недобитками, со всем, что мешает воспитать новое поколение строителей социализма!

Дмитрий готов был сделать это немедленно, он чувствовал себя радостно возбуждённым. У него есть силы, у него есть жизнь!

Остановив аплодисменты, Аюпов извинился перед учителями: его ждут секретари низовых партячек.

Потом Дмитрий встретил секретаря райкома ещё раз, хотя в другой обстановке. В перерыве райком профсоюз пригласил учителей в раймаг получить товары по спискам. Дмитрий мечтал о валенках. Его уже успели «обрадовать», что сибирские морозы доходят до минус шестидесяти и ниже, а сугробы такие, что в ботинках и не пролезешь.

Ожидая очереди, он заметил немолодого учителя в сильно поношенных, протёртых брюках. Он не стоял в очереди, а, заметно волнуясь, очень расстроенный, держался в стороне у прилавка. Вдруг в магазин вошёл Аюпов и с ним грузный мужчина в новом жёлтом плаще и с подчеркнуто деловым выражением лица. Казалось, он только что изобрёл пастеровскую сыворотку или заполнил одну из пустых клеток в таблице Менделеева. Несмотря на авторитетную внешность, бросалось в глаза, что следует он за секретарём не по своему желанию.

Спросив что-то у немолодого учителя, Аюпов резко повернулся к жёлтому плащу.

— Почему продавец не выполнил распоряжения райкома? Вызови его сюда.

Прибежавший продавец ударил себя в грудь:

— Я всё по спискам! — и переглянулся со своим прямым начальством.

Прямое начальство стало защищаться:

— Поймите правильно, товарищ Аюпов. В текущем квартале фонды на промтовары реализованы, отоварить категорически нечем. Сам вон в чём хожу, стыдно признаться, — распахнув плащ, показал новый хлопчатобумажный костюм.

— Сам! — насмешливо подхватил Аюпов. — Не то что какой-то там учитель, но ты сам... Персона!.. Значит, разбазарил по записочкам, а? Из-под прилавка?

— Что вы, что вы, товарищ Аюпов! Как можно по записочкам?! Это нарушение. — Жёлтый плащ ужаснулся и руками замахал. И тут же кивнул продавцу: — Достань!

Продавец поспешно нырнул под прилавок и уже через секунду вынырнул с брюками из тёмно-синего бостона.

— Берите, — повернулся Аюпов к учителю. — Ваш размер? Платите в кассу. А ты за то, что под прилавком товар прячешь от покупателя, будешь отвечать!

— Сколько раз я ему это категорически запрещал, — оглянувшись на продавца, сказал жёлтый плащ и поспешил за Аюповым.

Учителя с усмешкой наблюдали эту сцену. Вскоре из примерочной вышел пожилой учитель в новых бостоновых брюках, такой приличный и сияющий. И вдруг извиняющимся голосом пояснил:

— Рудковская за меня заступилась. А то скоро в класс...

— Пожалуйста, получите валенки! — Дмитрий расписался, и продавец подал ему высокие валенки до самых колен, даже выше. Правда, серые. Он примерил и сразу почувствовал, какие они тёплые и уютные. Так и хочется пробежаться в них по морозной дороге. Ну, теперь-то уж он сибиряк настоящий, тутошний.

Решающий фактор

После перерыва на трибуну поднялась Рудковская. Дмитрий ждал с нетерпением её доклада о перестройке школы в районе, о дальнейшей реформе образования. Он понимал, что это узловое вопрос августовского совещания учителей.

Из доклада Рудковской он узнал, что «в Ясногорском районе до Октябрьской революции насчитывалось всего пять школ на тринадцать тысяч жителей! А теперь повсеместно введено всеобщее начальное обучение. Уже в прошлом году в начальных классах района училось семь тысяч девятьсот тридцать восемь человек. В райцентре открылись школа колхозной молодёжи и фабрично-заводская семилетка — и это всё за восемь лет после окончания Гражданской войны, товарищи!»

Раздались аплодисменты.

— Райисполком утверждён план строительства ещё двух семилетних школ в селах района, — продолжила Рудковская свой доклад. — Утверждение нового социалистического образа жизни было бы невысказимо без коренного переворота в духовной жизни, в мировоззрении масс, — эти слова врезались в память Дмитрию. — Культурная революция — это не стихийный процесс, а строго научная программа всестороннего развития трудящихся и в первую и главную очередь — детей...

— Вот это программа! — прошептал Дмитрий.

— Коммунистическая партия и советское правительство, исходя из конкретных условий и требований времени, определяют эту программу и руководят работой по её выполнению. Да, на смену нашему поколению придёт другое, но будет продолжаться наше дело, направленное на всестороннее развитие трудящихся, это ясно.

Рудковская вгляделась в лица учителей, на ней уже знакомое платье. Сегодня его оттеняет не веточка, но академически строгий белый воротник. Она как бы подтвердила недавнюю мысль Дмитрия:

— Я хочу, чтобы вы заметили, что уровень образования меняется и будет постоянно меняться в зависимости от конкретных условий и потребностей общества. Критерий грамотности, образовательный уровень, который нас удовлетворял вчера, уже не может удовлетворять сегодня. Без глубокого понимания этого в наше время нельзя быть учителем.

Последние слова прозвучали предупреждением, Дмитрий задумался над ними. Это верно — ликбез, за который он отвечает сегодня, только первая ступенька в образовании трудящихся масс. И что надо делать, чтобы массы перешагнули на следующую ступень?

— Центральный комитет партии и правительство решительно осудили лабораторно-бригадный метод и умаление роли учителя как решающего фактора в обучении, — продолжала свой доклад Рудковская.

Вот как... Решающий фактор... Это налагает ответственность.

Значит, как раз в то время, когда он учился, и были допущены грубые ошибки: это «исследовательский метод», затем «метод проектов» и «лабораторно-бригадный». А он-то и не знал! Учился себе, и всё. Ему нравилось в школе. Он хорошо помнил, как в его классе бригада номер шесть получала задание сразу на несколько уроков вперёд, смотря по теме. Мальчишки сдвигали парты как удобнее. По оче-

реди читали вполголоса учебник, остальные четверо ждали наготове с карандашами: записывать тезисы.

Учитель похаживал по классу, ощущая себя лишним. Ребята чувствовали себя взрослыми, равноправными. Нравилось самим «прорабатывать», орудовать терминами «доклад», «тезисы», «задание». Дружно возмущались учителем математики, который никак не соглашался вести урок методом бригадной проработки, а вытаскивал каждого к доске. Бездельники, получившие по алгебре «плохо», оскорблённо пожаловались на учителя в учком. Его разбирали на учкоме, и он получил суровое предупреждение за «устаревшие методы». Пришёл на уроки подавленный, но не уступил.

Зато Дмитрий знал математику лучше других предметов.

Сидя в зале вместе с другими учителями, молодыми и опытными, он по-новому оценил свои школьные годы.

Но как же учить теперь? И с нетерпением прислушался.

— Постановление цека¹ партии «О начальной и средней школе» от пятого сентября тысяча девятьсот тридцать первого года и от двадцать пятого августа тысяча девятьсот тридцать второго — важная веха в развитии советской школы, — говорила Рудковская так отчётливо и неторопливо, будто знала, как хочет Дмитрий понять, как значительно для него каждое её слово. Пока она наливала себе воды из графина и пила, он даже испугался, что больше уж она ничего не добавит, но она снова обратилась в зал, стряхнув с белого воротника светлую капельку. — Дана правильная установка: практиковать в школе разнообразные методы, способствующие воспитанию инициативных и деятельных участников социалистического строительства; преподавателю систематически, последовательно излагать преподаваемую им дисциплину, всемерно приучая детей к разным видам самостоятельной работы.

---

¹ Цека (разг.) — Центральный комитет.

«Но что же получается? — Дмитрий даже со страхом оглянулся на других. — Как они могут спокойно слушать?! Мои ученики должны получить образование лучше, чем получил я в первом периоде перестройки школы? А учить-то их придётся мне! Как же я смогу? Нет, надо посоветоваться с кем-то. Как они-то думают работать? Не допустить бы новых ошибок».

Далёкое, забытое ощущение вернулось: он пришел тогда в первый раз в жизни на каток и, привязав коньки, ступил на лёд...

После конференции он отправился в гостиницу Дома колхозника; лежа на неудобной, провисшей до пола койке, он молча слушал разговор соседей — тоже сельских учителей. Дмитрий с волнением поджидал удобную минуту, чтобы заговорить с ними — не показаться слишком лопухим и всё же узнать, как они думают. Есть же какие-то пособия, которыми можно пользоваться!

Он уже приготовился спросить об этих самых спасительных выручалках — пособиях, когда в темноте заговорил молодой голос:

— Вот разведемся по своим школам, и, кроме учебников, ничего у нас нет, да и учебников на четверых ребят — по одному! Вы меня браните, что ничего не читаю. Стану я всякую дрянь читать, старьё! Мозги засорять только, пусть его мыши читают. Где взять пособие по современной советской педагогике?

— Ого, чего захотел! — с иронией возразил, видимо, старший. Голос у него был удивительно приятный, богатый оттенками, так что хотелось его слушать. — Советская школа только развивается. Теоретическая работа отстаёт от запросов практики.

— А что за книгу вы брали в читалке, когда мы были в Томске на курсах?

— А, Медынского-то... Первая и, пожалуй, интересная попытка дать историю педагогики с марксистских позиций, но именно попытка, не более. Медынский, в общем-то, стоит на позиции буржуазного социолога Эдуарда Мейера. Как пособие — не годится.

— На кой же ляд вы читали?

— Читать надо всё. Любопытно.

— Вы и того из любопытства читали? Как его...

— Пинкевича? Мне понравился его труд о Песталоцци. Но Пинкевич не выявил роли русской педагогики. А пора уже на неё обратить внимание. Пойдём, покурим?

— Не хочу! Ну, кого же вы мне сейчас рекомендуете? Требуете, чтобы я читал... А что?

— Могу, пожалуй, предложить тебе Рубинштейна. Если осилишь... Но Рубинштейн находится во власти американского буржуазного историка педагогики Монро.

— Так на чёрта он мне! — взорвался молодой, и даже койка под ним немного скрипнула. Он вскочил и сел.

— Тогда возьми Блонского, Сороку-Росинского, Пистрака.

— Нет уж, спасибо! Смеётесь вы надо мной, что ли? Мне надо работать, а не в книгах рыться.

— Вот что я хочу сказать тебе, Макар, — в голосе старшего исчезла ирония, он стал серьёзным. — Ты ищешь ответы на конкретные вопросы, узко утилитарные. Тебе нужна подпорка, некий костылик. Такого в педагогике нет вообще. И не может быть.

— Так нечего и морочить себе голову! — вспыхнул Макар.

— Ты уж слишком бережёшь свою голову. Но мы, практики, ордой хлынувшие в школы, должны сами помочь советской науке своим опытом.

— Как это? Что у нас за опыт?

— Что за опыт, спрашиваешь? Да, можно протаскать классный журнал тридцать лет и не накопить никакого опыта. Вот тут-то и должна лежать в основе подготовка, мысль! Наблюдай, записывай, делай для себя какие-то выводы, понимаешь? Невелик и мой опыт, за двенадцать лет. Но он мой, и я иду дальше. Сейчас мне очень помогает моя настольная книга — труд Надежды Константиновны Крупской «Народное образование и демократия».

— Ага, себе-то выбрали! А надо мной смеётесь!

— Нисколько. Надо всё знать.

— Нет уж, спасибо! Тогда я, Николай Николаевич, тоже эксперимент один сделаю! — Он вскочил с кровати, сунул ноги в ботинки. — Докажу своё!

— Что ещё за эксперимент? — видимо, улыбаясь, спросил Николай Николаевич.

— Пошли курить!

Голоса удалились.

Дмитрию очень захотелось узнать, что же задумал Макар? Но не идти же за ними.

Колокольчик

— Можно поставить к вам на телегу глобус? — Тоненькая. Сероглазая. В мальчишьях ботинках. Глобус держит в руках.

— Мне в Ручейки. У моста я возьму его. Мы пойдём пешком с Макаром, учителем из Калининка Падуна. Он мне и показал на вас.

Где он видел уже эти серьёзные глаза и короткие, как у мальчика, волосы? Вспомнил: фото, выпавшее из тетради погибшей в пургу учительницы...

— Да, поставьте глобус. Вот сюда, на сено. И сами, может быть?.. Я один еду. — Смутьившись, подвинулся как мог дальше, уронил кнут. Она улыбнулась насмешливо. Села, придерживая на коленях лакированную ножку под земным шаром.

— Я сразу вас узнал. Видел на карточке. В Елшанской школе.

У неё погрузнело лицо. Сказала просто:

— Да, мы обменялись фото с Тамарой Дёминой. Такого друга у меня больше никогда не будет.

Мимо дороги поплыли бирюзовые перелески, ещё зелёные, но с пожелтевшими прядями, встречали и провожали предосенним шумом. День пасмурный, тянутся тучи.

— Какой ветер! А я, уезжая на совещание, развесила сушить занавес для сцены. Непременно сорвёт. Вместе с вёвкой.

— Ну, может быть, не сорвёт, — постарался утешить Дмитрий.

— Нет уж, я знаю. В жизни всегда так. Самое дорогое из рук вырвет, унесёт. Непременно!

Дмитрию хотелось спросить о Тамаре. Не она ли написала в газету о правлении колхоза «Луч»? Но он боялся ещё больше опечалить свою тоненькую попутчицу. Она и без того, видно, задумалась о подруге, молчала.

На крутом подъёме спрыгнули, пошли пешком. Она придерживала берет, чтобы его не сорвало ветром. Светлорусые пряди выбились на лоб. Короткое пальтишко открывало колени. У них был какой-то детски незащитный вид.

Понемножку разговорились, познакомились. Её звали Ольгой. Она из Томска. Второй год.

— Ой, смотрите — колокольчик!

Почему он не успел расцвести летом? А когда, наконец, раскрыл глаза — поле поблекло, другие цветы уже отцвели. Расцвет его встретило не солнце, а пасмурное утро, холод. Так вот каков мир...

А колокольчик всё равно славно цвёл! Синел так свежо среди сухих былинки.

Ольга сорвала его, продела в петличку на груди.

[Далее часть текста отсутствует.]

Шаг в тёмный лес

Вот эта задачка слишком лёгкая. А та, пожалуй, слишком трудная. Дмитрий полистал задачник. А, да что искать! Для четвёртой группы и надо потрудней...

Как-то встретят завтра дети? Не провалиться бы. Ведь с двумя группами одновременно, в обе смены, и притом ещё практиковать разнообразные методы. Но всё, что казалось таким понятным на совещании, теперь от волнения смешалось в голове.

Он смотрел то в задачник, то на чисто выметенный хозяйский двор. Прищепов поставил на хорошую квартиру, к заведующему свинофермой Мартыну Молоканову.

Окно открыто на двор. Поленицы, тёмные от солнца. Стайка из сосновых брёвен. Хлев, сарай, курятник. Всё крепкое, нигде ни щёлки. Под навесом у погребницы тенисто, прохладно. На утоптанной земле насорено мякиной. В углу на здоровенном костыле ремни от упряжки, цепь, ободья. Мартын хороший хозяин.

Эта устоявшаяся жизнь шла здесь давно и пойдёт дальше, что бы ни случилось с ним в школе.

Невольно подумалось об Ольге. Ручейки всего за три километра, там такая же маленькая школа. Может быть, Ольга тоже сейчас готовится к урокам, тревожится о первом дне? Но она уже второй год, а вот он-то...

В хлевушке отчаянно завизжала свинья. Оттуда выглянул Мартын. «Подержите-ка ноги», — попросил он учителя.

В полумраке душно, пахнет навозом. Бело-розовая симпатичная свинка била ногами, сопротивлялась как могла. Ещё бы! Чего ждать хорошего, когда другие пошли себе по задам гулять да есть мокричку, а её связывают.

— Куда ты её? — хозяйка тетя Физа встала на пороге. Мартын не спешил с ответом. Связанная свинушка лежала у его ног.

Он оправил белокурую бородку, достал кисет бычьей кожи, сыпанул на бумажку самосаду.

— Замуж выдавать, — подмигнул он учителю. — Упирается, дуручка. В такие хоромы не хочет!

— Кати тележку из-под навесу, Анфиза.

Дмитрий помог взвалить свинью на щербатые перекладыны. Тётя Физа в тревоге поглядывала на мужа: «Ты её продал?»

— Даром отдаю. Что уставилась? Порода хороша больно, на ферме у нас развести бело-розовую в обязательном порядке надо. У Вяткиных этой породы кабанчик водился.

Вот бы, думаю! Уж я так, уж я сяк. Нет, не то, что именно: давай! Агитировал только. Совсем уж сагитировал — хлоп! Слышу: кабанчик-то ногу пропорол, — балагурил он, устраивая свинку понадёжней. — Такая жалость! — усмехнулся в бороду. — Породистый был, чисто граф. Сало с глазами...

— Ты мне зубы-то не заговаривай! — взмыла Анфиза. — Не отдам! Рехнулся ты? — Она вцепилась в тележку. — Чистым молочком поили-и-и!

— Но-но, — грозно обернулся Мартын, отталкивая её с дороги, — не жадничай, на ферме будет — и у нас будет, поцелуйся с Хавроньей, коли жалко, да открой калитку. Поехали, Хавроша.

Анфиза, видимо, знала по опыту — коли Мартын решил, спорить с ним опасно. Всхлипывая, она принялась срезать подсолнухи.

Дмитрий сел за учебники. Он понимал, что Мартын прав, но невольно жалел обиженную толстушку-хозяйку: зачем так грубо?

— Тётенька Физа! — над плетнём вихрастая голова Коли. Анфиса подошла к мальчику, щурясь от солнца, придерживая стопку подсолнухов. Прасковье она доводилась родной сестрой и жалела племянника. Всю-то жизнь они бедные. Нет уж, к кому бедность прилипнет — не отдерёшь. Как кедровую смолу. На лицо сестры похожие, но те же черты проступали у Прасковьи резко и сухо, а у тётки Физы мягко расплылись.

— Бычка бы мне, — сурово сказал Коля, — по дрова съездить. Мамка послала.

— Ты далеко у вас дрова-то?

— Враз обернусь.

— В колхозе почто коня не возьмёте?

— Как же, даст Прищепов. Какая ему польза? Ужо я вам подсоблю чего ни то за бычка, — солидно, как хозяин, а не выпрашивая, обещал мальчик.

— Подсоба с вас! — тётя Физа махнула рукой. — Бери уж, ступай, за баней тама. Не гони шибко-то. Много не на-

кладывай, а то дядя Мартын нам с тобой, знаешь... Бережёт он скотинку-то, жалеет.

Коля уже торопливо шёл между грядками свёклы с увядшей ботвой. Огурцы обобраны, плети посохли. Тем вкусней нашаренный в ломких шершавых листьях прохладный огурчик в пупырышках.

Баня вросла в землю, осевшей дверью к речушке. Коренастый красный бычок знал Колю. Мальчик потрепал его по кудрявой шерстке на лбу между рожек, обротал и завёл во двор.

— Запрячь тебе? — предложила тетя Физа, подвёртывая рукава на круглых локтях. Мальчик презрительно качнул головой, накинул хомут, затянул ремни, слегка пнув быка, чтобы не надувался — ох и балованный. Пошёл под навес, где стояли сани и летние ходки.

— Какой ходок брать?

— Вон у козел, махонькой.

— Стой, Мишка, вражина.

Мотая широким лбом с обломанными рожками, бычок шумно вдохнул воздух. Лизнул сыроватое, подёрнутое плесенью дно колоды. Коля ухватился за оглобли, пяясь, выкатил ходок на залитый солнцем двор.

— Напоить надо, — подсказала тётя Физа. Мальчик важно промолчал. Кто ж ездит на непоеной скотине?

Пока он запрягал, а потом черпал воду из колодца, гремя бадьёй и цепью, хозяйка стояла пригорюнясь, подперев рукой рыхлый подбородок.

— Ох, пропасть вам, милай, пропасть. Ни дровец, ни сена. Как зимовать станете?

— Пей, чо ли! — прикрикнул Коля на бычка. Тот, словно нарочно, то опускал короткую морду в колоду, то неподвижно глядел перед собой мутно-синими выпуклыми глазами.

— Ох, беда! — заключила тётя Физа, вздохнув.

Мальчик поднял с земли бадью. Ко дну её пристал жёлтый лист. Их уже много валялось в грязи у колодца. Поставил бадью на сруб.

— Никакая не беда, — упрямо возразил он. Уселся боком на ходок, свесил покоробленные большие сапоги, в левую руку взял верёвочные вожжи. Вспомнил: топор сегодня утром слетел, когда махнул на дворе по коряге.

— Тётя Физа, дай топор, а?

Хозяйка напугалась.

— Что ты, бог с тобой! Дядя Мартын страсть не любит, чтоб со двора струмент брали. Никому не дозволяет.

Мальчик насупился. Выпрашивать, канючить он не станет, но что в лесу делать без топора?

Ни один настоящий хозяин без топора в лес не ходит. А ещё (вот как надо!) — хоть пару жердей срубить.

Дмитрий наблюдал со стороны и готов был вмешаться, но тётя Физа поймала его взгляд.

— Да на́ уж, горюшко. — Она сама уложила топор в ходок, оглядываясь со страха, не идёт ли хозяин. — Гляди ж, поране. Спаси бог, хватится.

Взошла луна, и было тихо в Елшанке, когда ветхие ворота растворились, и на двор Ельцовых вступил знакомый нам ленивый бычок. Коля, мокрый от пота, утирая лоб рукавом, шагал рядом и понукал его.

— Ку-у-уда, лодырь? — он забежал вперёд и схватил вожжу у морды. Бычок едва не впёрся под навес и успел-таки уронить жердь к великому огорчению хозяина.

Мальчик надавал кулаками по крутым колечкам между рожек, распустил верёвку, сбросил хворост, наложенный поверх воза, и огляделся: куда бы сложить?

Дворишко, где хозяйничал Коля, напоминал двор Мартына, только уменьшенный. Так же прибрано, выметено. Даже метла стоит направо от сарая, как у Мартына. Чтобы скотина не размесила грязь, у Молокановых через двор вёл настил из кирпича. У Ельцовых размесить грязь некому — одна тёлка Зорька. Но Коля натаскал обломков кирпича со всей улицы и сделал тоже настил. А лучше всего — полочка. Слева от двери на наружной стене у Мартына стояла на полке банка с дёгтем, лежали бруски, помазок.

И Коля смастерил полочку. В порядке разложил молоток, несколько кривых гвоздей и ржавые овечьи ножницы.

Столбы под навесом обветшали. Они тряслись, едва их трогали. Но мальчик ни разу не задел их, скидывая дрова. Утёрся подолом рубахи, приставил на место уроненные бычком жерди. Поехал к дяде Мартыну.

Прасковья ждала, что Коля зайдёт в избу, услышав удалявшееся погромохивание колёс, вышла. Пригляделась под навесом: да что ж такое? Пилили они с сыном больше осину, сложили долготьём. А тут — берёзовый швырок... Два воза! Разве на Попову заимку, где их дрова, успел бы он два раза обернуться? В такую даль? Ой, неладно. Откуда такие дрова? Она с нетерпением и тревогой ждала сына.

У ворот Молокановых Коля потыкал бычка кнутовищем: из-за тебя, лентяй, припозднился, завёз в болото, враг.

Огня у Молокановых не видать. Ворота на запоре. Через забор? Заругается. Собака-то забрешет. Но тут тишком стал отодвигаться болт.

— Топор давай, — шепотом сказал Дмитрий Иванович, просунул руку. — Я положу на место.

Как это он догадался? И верно: станешь бычка заводить, дядя Мартын проснётся, выйдет — как тогда с топором? И ему, Кольке, нагорит, и тёте Физе. Мальчик сунул руку в ходок, пошарил, пошарил обеими руками. Обыскал захладевшую пыль.

Не отвечая Дмитрию Ивановичу, ожидавшему у ворот, побежал по тёмной улице. Он нагibalся и всматривался в лопухи. Левый сапог растёр ногу. Сосало от голода — с утра ничего не ел, торопился с дровами. Да это что! Это всё ерунда. Если б только... Никто, никто не знает, что у него случилось!

Прасковья придвинула чугуна с похлёбкой ближе к горячим углям, поправила фитиль в лампе и подседа к огню чинить Колины «новые» штаны. Они так назывались в отличие от тех, в которых он ходил в лес, на покос и на картошку, собирал хворост и чистил в стайке. В других же,

купленных прошлой осенью, ходил только в школу. Они назывались «школьные» или «новые».

Прасковья спешила починить их к завтрашнему утру. Сумка с чернильным пятном ждала наготове, в ней уложена арифметика.

Угли под таганом потухли. В лампе догорел керосин.

Первый урок

Первого сентября Елшанская школа начала учебный год.

Положив перед собой на непривычно белые парты карандаши и тетради, дети следили блестящими глазами за каждым движением учителя. Их внимание смущало его. Правда, оделся он тщательно, празднично: белоснежная рубашка, сбережённая к началу занятий, галстук. Пиджак протёрт на правом локте — уж, конечно, они заметили штопку. Дмитрий Иванович сначала держал правую руку немного позади, потом забыл об этой предосторожности.

Явно всем понравились начищенные до блеска ботинки учителя. Обувь у всех такая: отцовские сапоги, хлопающие на ногах, заскорузлые опорки, глубокие калоши с острыми носами. Многие босиком. Только Оська Вяткин в хороших сапожках.

Окна открыли, подувал освежающий ветерок.

Дмитрий Иванович подумал, почувствовав воздух на щеке: «Попутный! Школа моя вышла в плавание!»

На подоконниках качались малиновые бегунцы в мисках, проклёванных цыплятами. Цветов натащили столько, что пришлось ещё расставить рядком на полу. Подоконники голубые.

Дмитрий Иванович объяснил детям, для чего в Стране Советов все должны учиться. Прямо перед ним раскрытые зеленоватые глаза Каролинки. Она смотрит светло, невидяще, слова учителя уводят мысль вдаль.

Витя Балабаев выдвинул остренький подбородок, спокойно ёрзая. Рыжий Оська Вяткин, похожий на грибок и такой же крепенький, умеет прикинуться серьёзным, если на него смотрят. Наверно, есть сорванцы, есть и ленивые, но пока их не заметно. Слушают все! Дмитрий Иванович почувствовал себя ярко освещённым.

Место рядом с Витей пустовало. Лежала новенькая закрытая тетрадь. Напрасно ждала зелёная ручка. Нет Коли. Что с ним случилось? Вчера ночью он так и не вернулся к воротам. Мартын сам завёл бычка на двор. «На улице бросил... Ат паскудник. Ну, приходи ещё раз, — ничего не получишь».

Дмитрий Иванович то и дело поглядывал на дверь класса, ожидал Колю.

На картине зеленела густая листва. Ленин в кресле шурился от солнца. Смотрел на молодого учителя понимающе, будто хотел ободрить.

Слева — четвёртый класс, выпускной. Всего шестеро. Ближе к окнам — первый, тут все парты заняты. По правилам надо бы посадить в одну смену с третьим, но с ними младшие не помещались — тех и других много, в классе не хватает мест.

Вдруг зашумели. Самый маленький, в белой рубашонке с пояском-верёвочкой, увидел что-то в окне и рассмеялся. Сосед привскочил и — бац! — шлёпнул его по стриженной островками голове, навёл порядок.

— Тише, — остановил Дмитрий Иванович, постучав карандашом, но тут же вспомнил: дурной метод! Досадуя на себя, отбросил карандаш. Тот покатился на пол. Дети притихли, как мыши: учитель рассердился... Можно урок продолжать. Но не понравилась Дмитрию Ивановичу наступившая тишина. Не та, которая нужна. Ещё в школьные годы он заметил: есть две тишины в классе. Одна — когда ученики не смеют шевельнуться, и все их старания направлены на то, чтобы сидеть прямо, есть глазами учителя и со-

хранять смирное выражение. В такой позе можно думать о чём угодно — не придерёшься. Другая тишина наступает непроизвольно: дети перестают замечать окружающее, интересный предмет захватил их, они увлеклись. Вот какой тишины хотел он.

— А кто знает, ребята, какой у нас в Сибири строится новый город?

На лицах сосредоточенность. Витя завертелся, поспорил шёпотом с Оськой и замолчал. Все думали. «Вот это — моя тишина», — обрадовался Дмитрий Иванович.

Вопрос заинтересовал и младших. Учитель не успевал заниматься с двумя группами одновременно. Младшие слушали, что говорят старшим. Непоседливый сообразительный мальчик в красной рубашке поднял руку, чтобы сказать, но сосед его, подпоясанный верёвочкой, тоже хотел сказать, и бойкий мальчик хлопнул его сумкой.

Сумка новая, с пряжками, надо немедленно пустить её в дело.

— Встаньте оба. Как твоя фамилия?

— Егор Ёрзин, — отвечал драчун и спрятал сумку за спину. Это показалось подозрительным.

— Покажи, что у тебя в сумке!

Моргая, он вытащил букварь и невинно уставился на учителя.

— А ещё?

Появился песенник, растрёпанный, как сноп без вязки. «Гулял по Уралу Чапаев-герой!» — это на первой странице.

— Та-а-ак, а ещё что в сумку напихал? — грозил Дмитрий Иванович.

Ещё — «Жития святых». Плюшевый переплёт изъеден молью. Учитель растерянно перебирал жёлтые листки, словно оттуда должно появиться какое-то ископаемое.

— Картинок нет, — сочувственно предупредил мальчик, думая, что учителю хочется посмотреть картинки. Егор пришепётывал из-за выпавшего переднего зуба.

Вот тебе и «Организация класса — 5 минут», как намечено в графе поурочного плана. Торжественно и чинно план лежал на столе, на видном месте.

Егор Ёрзин стрельнул глазами направо-налево. Надо же было наполнить чем-то новую сумку! В ней так одиноко и жидко болтался букварь. Песенник отец сам ему дал. Ну а «Жития святых» он нашёл в сундуке, у деда.

От плюшевого переплёта сумка пропахла нафталином. В уголке нашлась ещё отличная речная раковина, витая. Сказать: «Улитка, улитка, высуни рога, дам пирога», — покажутся крохотные рожки!

Потом первоклассники рисовали кто свёклу, кто морковку.

Для четвёртого класса учитель написал на доске: *Мы выполняем пятилетку.*

— По этому предложению надо повторить грамматический разбор: члены предложения и части речи.

Дети так стараются, записывая предложение, Каролинка даже кончик языка высунула, но, мельком заглянув ей в тетрадь, учитель удивился: над буквой «т» красовалась выгнутая линия, как дождевой червяк. Все как один вывели червяка добросовестно.

— Зачем эта чёрточка? — рассердился Дмитрий Иванович.

— Да у вас же, на доске-то! — выручила всех Каролинка. Он быстро оглянулся на доску и вспыхнул от смущения. Так и есть: великолепный изогнутый червяк над буквой «т»!

Незначительное это происшествие поразило его. Склонённые головы детей — светлые, тёмные, рыжие, — все старательно, доверчиво выводят за учителем, подражая ему как можно точнее. Слова, которыми он исправил свою ошибку, воспринимаются не так прочно. Прочней усвоена изогнутая чёрточка — ведь он сам её начертил. Сам так сделал.

В большую перемену девочки встали в ряд и затянули, мерно покачиваясь:

— А мы просо сеяли, сеяли...

Мальчишки сцепили руки и пошли на них, басовито угрожая:

— А мы просо вытопчем, вытопчем!

— Ребята, давайте в круг! — позвал Дмитрий Иванович. Про себя решил: а, как умею, так и запою:

Гулял по Уралу Чапаев-герой,
Он соколом рвался с врагами на бой!

Выручил Егор Ёрзин. Он с азартом подхватил припев, а за ним и остальные.

Вперёд вы, товарищи,
Не смейте отступить!
Чапаевцы смело
Привыкли умирать!

Малуха позвонила на урок. Но она явно не пользовалась авторитетом. Ребята на бегу требовали подтверждения: Дмитрий Иванович на месте?

С учителем уже подружились.

Сознательная дисциплина

Вот и вторая смена разбежалась по домам, вполне довольная своей школой. Озабоченно переговаривались: косматым остричься, пуговицы к рубашкам пришить, руки, шею, уши санитарная комиссия проверять будет.

Голоса ребят сливались, словно воробьиный галдёж на закате солнца.

Навстречу с мычанием и блеянием уже двигалось стадо. Впереди спешили овцы, в панике тычась в чужие ворота и пробегая мимо своих. Мальчики и девочки ловили их, выбегая наперерез. Старухи в длинных сборчатых юбках

и передниками встречали коров, манили телят. Егор Ёрзин гнал с речки гусей с подростками-гусятами. Свиньи сами спешили домой, толкаясь боками и обгоняя одна другую.

После первого учебного дня ощущение сложное. Скорее — радостное. Отравлял радость коротыш в белой рубашке, подпоясанный верёвочкой. Он засмеялся тому, что увидел через окно. А песенник в сумке Егора и «Жития святых»... Что делать, чтобы подобное не повторилось? И окно, и содержимое сумки напоминали о жизни за стеной школы, о постороннем влиянии. Какое оно?

Пыль на дороге, ведущей от школы, исчерчена палочками, прутьями, повторяется буква «А», которую выучили сегодня первоклассники. Они сразу запомнили её потому, что увидели в слове «мама». Запомнили, потому что им захотелось прочесть это слово, потом научиться его писать. Они знали, для чего запоминают отдельные буквы.

А вот на уроке грамматики в четвёртом классе чего-то не хватало. Правда, дети с большим старанием выполняли упражнения на падежные окончания существительных, но чего-то здесь не хватало. Они выполняли прилежно, но «для учителя». Они не были убеждены, что именно это упражнение нужно, не видели ясной цели, — разбирался он. Дети с готовностью выполнили бы любое, что скажет учитель, не вникая в смысл упражнения сами.

Разве это не та же мирная тишина? Её-то он сумел разбудить интересным вопросом. Ребятам очень захотелось узнать, какой же сейчас строится новый город?

А вот письменное упражнение выполняли добросовестно, но равнодушно. И завтра так же?

По дороге вслед прошедшему стаду брат Каролинки — Спирька, волок охапку хвороста. К картузу прицепил стелюжно-красную гроздь костяники.

Дмитрий безотчётно смотрел ему вслед, стараясь уловить мелькнувшую мысль. Спирьке попалась на глаза эта яркая гроздь. Она привлекла его своей красотой — и ему

захотелось взять её, унести с собой. Может быть, такой же налитой яркой грозди ждали от школы ученики? Потому и смотрели на него широко раскрытыми глазами.

Дмитрий Иванович так задумался, что тётя Физа едва не сбила его с ног. Она и не заметила учителя. До того ли! Красная от гнева, она цепко держала за шиворот Колю.

— Кого удумал обманывать! Дрова увёз у Вяткиных, а топор, значит, подкинул не свой, а дядин. А?!

— Не подкинул я, — фыркнув носом, пробовал оправдаться Коля. Он бос, ноги в кровь исцарапаны. Вихри на макушке торчком. Одной рукой придерживает штаны.

— Оставьте его, — сказал Дмитрий Иванович.

— Так он убежит — оставь-ка! И то от дяди вырвался, ишь ты. Айда, айда, он те, дядя-то, всыплет ишо не так вожжами, шкуру спустит — не сядешь! Ах, соколинец! Вырваться?!

Куда девалась её жалость к племяннику, родственные чувства?

— Я сказал — отпустите мальчика. — На этот раз Дмитрий Иванович сказал это таким неожиданным тоном, что тётя Физа испуганно на него поглядела и выпустила ворот Колиной рубахи. — Беги домой, — нахмурившись, сказал Дмитрий Иванович.

Но мальчик не побежал. Он стоял с угрюмым достоинством. Лицо в пыли, рубаха порвана, но он собирался обвинять!

Вертел пяткой ямку.

— Пшеницу на колхозных полях пололи — а Вяткины себе дрова резали. Себе и на продажу. Вот потом тётка Марья обзывается, что мы с мамкой бедные. А разве в колхозе справедливо так?

— Молчать! — тётя Физа дернула мальчика за рубашку, у него оголилась спина. Дмитрий стиснул кулаки и быстрым шагом вошёл в дом.

— А вот, Дмитрий Иванович! Вот посмотрите!

— Мартын Саввич!

Куда там! Если уж Мартын увлётся, он ничего не слышит, кроме своего голоса. Ступает по чистому половичку в шерстяных носках, перебирает на полке под образами брошюрки с фотографиями свиней, показывает издали учителю.

— Видали вы хоть одну такую у нас в Елшанке? А по улицам бродят, в огороды забираются. Полное отсутствие рациона. Дикость! Какой же привес при таком ведении хозяйства?!

— Мартын Саввич...

Но Мартын не замечает взволнованность Дмитрия Ивановича.

— Жил у нас, жил в Елшанке один мужик, тоже к рациональному хозяйству стремился, дружки мы с ним были, — Яков Умнов. Да что в единоличном хозяйстве сделаешь? Неудачи заели, разорился вконец, а тут ещё — налоги. Отчаялся, уехал счастье искать. Нет, вот организуем механизацию процессов, паровое отопление введём, кормозапарники, движок...

— Вы били Колю вожжами?

Мартын вскинул голову, будто его толкнули.

— А... вам что до этого? — Голос у него изменился. Он нахмурился.

— А то, что я на вас акт составлю. Передам в сельсовет, вот что!

— У себя в школе распоряжайтесь. — Мартын удобно и прочно расставил ноги на половичке. — В своём доме я хозяин. Шибко густо указчиков развелось.

— Детей бить нельзя! Слышите? У нас сознательная дисциплина.

Не помня себя, Дмитрий покидал в чемодан книги, тетради и стремительно вышел вон из дома.

Куда? Не всё ли равно! Чтобы он остался тут хоть на минуту!

— Гляди, не в сельсовет ли побежал? — всполошилась тётя Физа. — Теперь строго!

Кооперация

Через плечо холщёвая сумка с чернильным пятном. Пришёл-таки!

Вчера, уже в темноте, помогал Оське перетаскивать дрова к Вяткиным. Молчал. И то уж только так согласился, для учителя.

Молчал и теперь. Ребята теснились у шкапчика, ждали, когда учитель станет выдавать чернила и ручки. В шкапчике так интересно! Богато тетрадей, цветные карандаши в коробках, палитры с красками, клей... Да мало ли сокровищ!

Шкапчик пользовался огромным уважением. Ребята тут же прозвали его «кооперацией».

И вдруг Ося Вяткин, рыжий мальчик с толстыми губами, пробился к шкапчику и подёргал замок на жиденьких кольцах, рот у него расплылся до ушей.

— Шатал кто-то, Дмитрий Иванович.

— Что? — не понял учитель.

— Замок шатали, — осмелел Оська. — Хотели вывернуть. Не ты, Колька? — повернулся он к Коле.

Вспыхнув, Коля посмотрел на учителя, но промолчал. Дмитрию показалось, что сейчас у него брызнут слёзы. Или бросится с кулаками. В минуту мелькнуло решение.

Дмитрий Иванович отпер огромный замок, рванул его вместе с кольцами, до крови ободрав пальцы, и вместе с ключом, как врага, швырнул в ящик для мусора. Как он сразу не подумал? Оставил висеть этот пошлый замок!

— Замка не будет, — весело объявил он. Ребята посмотрели на учителя с удивлением.

— Как? «Кооперация» со всеми сокровищами будет стоять открытой? — возмутилась Каролинка.

— Да, будет всегда открытой! Вы сами должны беречь то, что хранится в шкапчике. Всё это ваше, общее. Выдавать и убирать обратно будут дежурные.

— А кто сегодня? — не терпелось ребятам.

— Коля и Ося, — мимоходом бросил Дмитрий Иванович, отходя с журналом к столу. Егор Ёрзин подбежал получать бумагу и клей. За ним живо набрались другие первоклассники.

— Встаньте по порядку! — распорядился Коля, раздавая пузырьки с клеем и кисточки. — Оська, не давай, кто сбоку.

Во все шесть окон било солнце. Певуче, задорно неслась трудовая песня с улицы. В прозрачном воздухе звучал чистый молодой голос.

— Р-раз-два, взяли!

— Ещё взяли!

— Ещё чуть повернуть!

И ухнуло бревно, зазвенев лесным звоном.

Гроздь костяники

Из записок Дмитрия Петунина. 4 сентября

Сегодня дал четвёртой группе сложные примеры со скобками. Замечаю: что же? Один решает с моей помощью на доске, остальные добросовестно переписывают с доски в тетрадь. На лицах послушание и равнодушие. Мозг спит. Дал решать самостоятельно, без доски — никто не мог решить примеры на умножение и деление многозначных.

Что обнаружилось? Вот уж не думал: не знают таблицы умножения! То есть прочно забыли. Сначала очень удивился, потом сообразил: с января уже не учились. Для детей это огромный отрезок времени, но не оставлять же всех на второй год! А я начал по программе. Не выяснил предварительно реальных знаний учащихся. То есть предположил им идти дальше, а мостик не перебросил от усво-

енного к новому. Всё и повисло в воздухе. Что же делать? Так же отстали по всем предметам. Посадить их обратно в третью?

И я решил вот на что. Объяснил ученикам положение: или им придётся сесть в третью группу, или усвоить в первой же четверти то, что осталось непройденным. Конечно, выбрали второе. Но этого недостаточно. Одному мне не под силу подогнать группу, мы можем сделать это только совместными усилиями. Чтобы они ясно представляли себе, что им предстоит осилить, я очень подробно растолковал им по программе. Слушали так серьёзно! Наверно, впервые узнали, что есть программа, впервые с ними говорили, как со взрослыми. И загорелась!

Таблицу умножения повторили прямо на уроке, подряд и в разбивку, хором и с каждым отдельно, дал два примера со скобками — один легче, другой сложный. Слежу: принялись решать так охотно — не удержишь! Уткнулись в тетради, шепчут цифры, таблицу. Им стало интересно! Захотелось применить только что усвоенное, что повторили, — решали для себя.

Проверю реальные знания также во второй и третьей группе. Лучшие задержусь по программе, а не пойду дальше, если отстанет хотя бы один.

Насущные задачи учебного дня требовали немедленного решения. Не удался урок арифметики в первом классе.

Дети ещё не умеют думать, мысль у них не разбужена. Как они могут воспринять абстрактное? Первый десяток... Это важно. Что такое десять? Всё. Числа до триллиона и после — всё заключено в десятки. Но ученики ещё не вполне чётко представляют себе состав десятка, отношение каждого числа к другим. Числа для них не ожили, дети восьми лет ещё не мыслят абстрактно. Как же сделать, чтобы ожили числа?

И тут он вспомнил гроздь костяники на фуражке у Спирьки. Стеклянно-красную яркую гроздь.

Десять

В первом классе урок арифметики. На парте перед каждым кучка бобов, гороху или фасоли с красными, синими, розовыми разводами. Две девочки Ипатьевы в одинаковых длинных, до пят, на вырост, платьях, с примасленными головками цвета ржанных колосьев, положили перед собой ягоды рябины. Сидят чинно. Они сестрёнки Прохора — комсомольского вожака. Он наказал им, чтобы не смели в школе баловаться, вот он спросит у учителя, как они себя ведут!

В каждом классе, кроме выпускного, сидят девочки Ипатьевы. Все в длинных платьях и с ямочками на щеках. А братец у них один. Братец Проша для них авторитет. А баловаться, конечно, хотелось.

Всё же девочек смешил Ваня Степанчук, самый маленький в классе, подпоясанный верёвочкой. Он приготовил кучку сморщенных сушёных грибов. Вот смешной: грибы совсем некрасивые. Ипатьевы едва заметно подталкивали друг друга локотками, косились назад.

У некоторых подсолнечные или тыквенные семечки. Больше всего детям нравилось то, что принёс Егор Ёрзин. Перед ним жёлтые, оранжевые, пунцовые ранетки, под цвет его рубашки, десять. И ягод рябины у девочек Ипатьевых по десяти, И горошинок, и фасоли, и семечек, и сушёных грибов — всего перед каждым по десять. Ни больше, ни меньше. Вот это и есть главное.

Пока учитель проверял домашнее задание, дети следили за выражением его лица. Что же ему нравится больше всего?

— Молодец, Ваня. Сколько у тебя грибов?

— Десять.

— А сколько у меня в руке цветных карандашей?

— Тоже десять.

— Нет, одиннадцать! — торжествующе поправил Егор, не утерпев. Сколько раз ему уже говорили не высказывать. На крутом лбу у него посерединке мысик волос — вырос угол-

ком из-под других, выдвинулся — и ничего с ним не сделаешь. Так и с собой Егор не может ничего поделаться.

— А теперь разложите отдельными кучками то, что вы принесли. По сколько можно разложить?

Стали раскладывать озабоченно. В стекло ударилась замечательная муха, синяя с золотом — никто и не посмотрел.

Дмитрий Иванович знал: первым сделает Егор. Не ошибся, мальчик поднял руку, подскочил и на весь класс: «Я!» Дмитрий Иванович будто не слышал. «Я скажу!» — подпрыгивал Егор.

Одна из девочек Ипатьевых укоризненно шепнула:

— Не кричи «я», тогда спросят.

Наперебой стали поднимать руку. Каждому казалось, он разделит интересней всех. Но Дмитрий видел: кучки-то на парте только две. Ему не терпелось вызвать Егора. Уж этот разделит.

Выдержав и поучив его порядку, спросил самым последним. Шустрый мальчик живо стал перекладывать ранетки, отвечая бойко:

— Пять кучек по две. Две по пяти. Вот семь и три. Восемь и две. Девять и одна. Шесть и четыре. Три, три, три и одна. А спрятать вот эти, — торопясь, положил ручонку в цыпках на ранетки, — осталось семь, да? Значит, можно догадаться, сколь спрятано!

— Три! — не выдержали ребята, подсказав хором.

Ну вот, теперь можно и с иксом решать! То есть с вопросительным знаком вместо икса. Расцеловал бы этого умненького Егорку с его мыском на лбу! Всем стало ясно, что такое десять.

К Молокановым Дмитрий не вернулся, хотя тётя Физа не раз прибежала за ним.

— Где боле в Елшанке горенку особую найдёте? Все в одной теснятся, в мороз ишо с поросятами. У нас бы вам, как у Христа за пазушкой. А на хозяина не обижайтесь —

сроду грубиян. — Тётя Физа всхлипнула и закрыла лицо передником. — Иной раз сама бы сбежала не знай куда, и за Кольку терпишь. Жаль парнишку. Чего только не сносишь за него! Хоть бы вы его наставили — посмирней был бы. Сирота же, дома бедность. Посмирней надо!

— Нет уж! — только и ответил.

Весь день проходил в школе, а когда разбегалась вторая смена, Дмитрий кипятил чай на углях в печке, доставал из чемодана хлеб — тётя Физа напекла из его муки булок на всю неделю. И он ужинал. Пшеничный хлеб, пахнувший «прибелкой», на которой заводила вся Елшанка за неимением дрожжей, с отпечатком капустного листа на нижней корке, был очень вкусным и исчезал быстро.

Но так не могло продолжаться. Дмитрий понимал это сам. А тут ещё в школу явился Прищепов заявил, подрагивая сапожком:

— Вас обеспечил приличной квартирой, товарищ Петунин. Других квартир у нас нет. Поезжайте в районо и проситесь в другую школу. Какая вам разница? А я из-за вас выносить неприятности не намерен, заявляю.

Дмитрий после ухода Прищепова чисто-начисто подмёл пол.

В эту минуту и вошёл Матвей-печник.

— Айдите, Дмитрий Иванович, ко мне.

— Зачем? — не понял Дмитрий.

— Жить. У меня, по крайней мере, одно слово — изба! — похвалился Матвей. — Всем места хватит.

Оказалось — правда. Если понимать под словом «место» не квадратные метры, а нечто другое, ещё более нужное для жизни. Изба из неохватных сосновых брёвен, по-чалдонски: с крепким полом из плах с обскоблёнными сучками, в углу ткацкий стан, чесальный гребень — всё что надо.

[Далее часть текста отсутствует.]

...Быстро убрав со стола после ужина, Агриппина заштопала рукав на выстиранной рубашонке Вити и принялась кроить платья девочкам Созонта.

— Завтра не успеть: рожь жать. Осыпается уже, серпами жать надо. А тут ещё гуляки завелись — на молотьбу не выходят который день. Погода-то золотая! И где вино берут, варначье племя? В сельпо нет, а они каждый божий день пьяные. Ерёма с компанией. А уж такой парень! В руках всё горит, как за работу примется. Вот бы...

Но тут застучали в окно. Стук был тихий, осторожный. Матвей поднялся было, но Агриппина спокойно сказала: «Лежи, наткнёшься ишо на чего в темноте-то».

Она находила, что Матвей слишком бойко движется в темноте, особенно по знакомой дорожке в проулке. Но никогда не говорила об этом.

Машинка застрочила. Дмитрий вышел.

Вечёрка

Прохор с гармонью и Маша.

— Тише! — шепнула Маша. — И зачем ты эту гармошку взял?

— Погоди, погоди. Веселится тот, кто веселится последний.

— Тебе бы только веселиться! — озабоченно шепнула Маша. — А тут никак... Стойте! Слышите?

Из проулка донеслись странные звуки.

— В бубен бьют! — определила Маша. — Айдайте с нами, Дмитрий Иванович, ведь это у Малухи.

Она забралась на завалинку Малухиной избы, заглянула в оконце.

— Как же, разглядишь у неё!

Оконце так плотно завешено юбками и разным тряпьем, что с улицы ничего не видно. Ни щёлки!

— А топают, — тихонько сказала Маша, — стёкла звенят! Точно, там Ерёма с дружками, завтра опять на молотьбу не выйдут.

Дмитрий не выдержал, стукнул в окно. Юбки с одного края обвалились. Ерёма с таким же лихим дружкой бесшабашно плясал посреди избы. Малуха ударяла в бубен, обтянутый бычьей кожей, выделявая мотив «Подгорной». Бубенчики встряхивались, гремели, парни отчаянно кружили девчонок. Одна из них пыталась завесить окно.

— Тише вы, бешеные! — цыкнула Малуха на парней, приложившись к стеклу. — Не слышать из-за вас.

Она живо рассовала со стола стаканы, чашку без ручки, сало и хлеб, выскочила в сени. Входная дверь с улицы не запиралась, висела на одной петле, а дверь в избу Прохор не дал притянуть обратно.

— Выметайтесь! — скомандовала Малуха, влетая обратно в избу. — Вечёрка вся.

— Как? Вся вечерка? Только раззадорились, — возмутился Ерёма, приплясывая на месте, махая руками с красными кулачищами.

— Три дня гулять будем! — не унимался его дружок в треснувшей на плечах гимнастёрке. — Самогонки давай!

— Сказано — марш! — рассердилась Малуха.

— Здорово! Куда же мы?

— В Чирухино ступайте, в клуб, — съязвила она, суя под кровать бубен и оглядываясь на дверь. — Болотом протрезвитесь, а там доклад и всякое расписание планов. Живо!

— Давай тогда сало обратно, — потребовал Ерёма. Про сало Малуха не расслышала. Девчата дунули на лампу и со смехом, выталкивая вперёд парней, выбежали из избы.

— Вот ведьмы, вот ведьмы, — ругалась Малуха, оставшись в темноте. — Парней любить не умеют, а туда же.

Навстречу Ерёме и его компании неожиданно из темноты появился Прохор, растянул гармонь и запел:

Наш Ерёма, наш Ерёма
Развалился на соломе,
Я сегодня выходной,
Пусть работает другой!

Припев уже со смехом подхватили девчата, сбежавшие от Малухи. А Дмитрий Иванович смело шагнул в темноту Малухино дома, за ним Прохор и Маша.

— Есть в доме кто? — спросил Дмитрий Иванович.

Зевая во весь рот, Малуха засветила лампу.

— Кого это по ночам носит?

— Где Алёна и Зоя? — оглядевшись, спросил Дмитрий Иванович.

— Ушли к Каролинке уроки учить.

— Так поздно?!

— Слушайте вы её! — сказала Маша. — Она их просто выгнала на всю ночь, чтоб не мешали.

— Самогонки нигде не видно, но её гонят, — с уверенностью сказал Прохор, когда вышли на улицу. — И гонят из колхозного хлеба. Мы должны выследить, кто таскает хлеб и куда.

Дмитрий втайне радовался, что у Малухи не увидели самогонки. Может быть, её и совсем нет, может быть, его сотрудница вовсе не замечена в таком деле?

Конечно, беспокоился он не о Малухе, а о Зое с Алёной. Как на них отзовется такой позор? Алёна, худенькая и болезненная, так старается учиться.

— Давайте организуем комиссию по борьбе с самогонварением, — предложил он, — и выявим, кто же этим занимается?

— Больше никому, — отрезала Маша.

— А бабка Черниха? — напомнил Прохор. Но Маша и слушать не хотела про Черниху.

— Вот увидите — Малуха гонит! И торгует. И парней, и мужиков спаивает. Я знаю. И докажу!

Навстречу шли парни с девчатами. Прохор заиграл «Подгорную», и Машенька закружилась с подругами, приотпывая.

Говорят, я боевая,
Боевая, так и есть.

Нынче тихие не в моде,
Боевым большая честь!

Показалось или нет Дмитрию, будто она сейчас заплачет? В голосе её ясно послышались слёзы, но она сдержала их.

И когда гармонь удалилась, голос Машеньки зазвучал чисто и звонко:

«Лён, голубенький глазок,
Мелки снопики,
Как на улице колхозной
Новы домики».

Песню относило ветром.

«Лён я дёргала, вязала,
Работала чисто.
До свиданьица, матаня,
Приеду трактористкой!»

Разговор не получился

Закрыв последнюю проверенную тетрадь, Дмитрий подтянул гирьку ходиков. Опять Малухи нет! Сбрызнул бегунцы и герани.

Как уютно в классе. Он гордился своей маленькой школой. Новенький плакат неровными детскими буквами, у портрета Ленина:

*«Всю жизнь готовы мы отдать борьбе.
И дело Ленина, и имя возьмём себе».*

Календарь погоды и картинку к нему рисовала Лена. Снег и солнце...

Нет-нет, он будет бороться за Алёну и Зою, чтобы они учились спокойно. Будет воспитывать Малуху.

В коридорчике грохнуло ведро. А, явилась наконец-то. Он принял взрослый солидный вид, присел у стола.

— Аль уж не мыть до завтра? И так чисто, поди, — закинула удочку Малуха постанывая, берясь за поясницу.

— Как это можно? — приготовился к отпору Дмитрий. Никто не знал, чего ему стоило добиваться в школе чистоты. Несмотря на происки и отлыниванья своей сотрудницы, он требовал мыть ежедневно парты, окна, стол, шкапчик, мыть и класс, и коридорчик с ходиками, и крыльцо, чтобы всё сияло чистотой!

Сейчас он настойчиво повторил своё требование.

— Молодой, а придиристый, — заворчала Малуха, неохотно орудуя тряпкой. — Всё равно обратно грязи натащат.

— Положите соломы у крыльца, чтобы ноги вытирали.

— А, божечки. Ещё и соломы, не разорваться же мне.

Она так боялась «разорваться» от излишней работы, что сегодня уснула со звонком в руках, сладко похрапывая, пока не уронила его на пол посреди урока, и он брякнул на весь класс.

— Маланья Егоровна, — как мог строже начал Дмитрий Иванович, когда она закончила мытьё пола. — Я должен поговорить с вами о ваших детях. Им негде готовить уроки. Сегодня Зое пришлось поставить «плохо» по грамматике.

— А я виновата? — Малуха выпучила на учителя круглые глаза.

— Конечно, — не сдался он, — вы не дали им готовить уроки, и даже ночевали они не дома.

— Ну и пусть не ходят в школу. Обувка целей будет.

Вот и воспитай её!

В засаде

Комсомольцы залегли на току, спрятавшись за соломой.

Дмитрий с Прохором спрятались совсем близко от кучи пшеницы. Намолочено ещё совсем мало. Сторожа на току нет, а в деревне второй день гульба на крестинах.

Пахло полынью, соломой, позади шептались двое дру- гих парней. В стороне, над молотилкой, показалась луна, расплывшаяся, будто кусок теста. Она словно местная, ел- шанская. Не верилось, что это та самая, заливающая в иную пору с высоты голубым сиянием всё небо и поле, влекущая недосыгаемостью и тайной.

Воздух заметно похолодел. Солома щекотала шею и подбородок. Ноги немели.

Дмитрий вспомнил, что на столе у него ждёт стопа не- проверенных тетрадей, не написан поурочный план.

Но ведь сам же попросился в комсомольский патруль. Он здесь для того, чтобы доказать, что самогонку гонит и торгует ею кто-то другой, а не Малуха. Ведь у Зои с Алё- ной больше никого нет. Ради них он и терпит её в школе. Почему бы и ей не вести себя как следует? Зарплату полу- чает, колхоз нарезал ей земли под огород, хотя у неё ни од- ного трудодня. Все думают об её детях, а она — нет.

Комсомольцы охраняют хлеб третью ночь, но никто не показывается. А пьянку в деревне словно ветром разду- вает, как пожар, крестины ли, именины ли.

Ночь, ночь... Тень от молотилки островом на лунном току. Полосой сияет под навесом от выпавшей доски. Там, над сушилкой, небо без единой дороги. А на ухо шепчет что- то, возится в соломе жук.

— Ш-ш-ш... — Прохор схватил за руку, показал куда-то.

От деревни, перебежками между суслонов, приближа- лись двое. Вот миновали сжатый лён, вышли на неторную дорогу в стерне, присели, оглянулись... И — к току. Четверо комсомольцев следили за ними, не шевелясь. Вот они на- гребли наспех по полмешка пшеницы, понесли согнувшись, торопясь, будто совесть даже друг друга, этой яркой поло- сы лунного света под сушилкой. Дмитрий затаил дыхание. Неужели — в проулочек? Теперь, в эти полминуты, он понял, что и сам-то подозревает только Малуху и никого друго- го, ждёт беды на голову несчастливых её детей. Напрягся

в ожидании... Двое с мешками, один за другим, свернули к лесной тропе.

— К лесу! — не удержавшись крикнул Дмитрий, бросился за ними — и тут понял, что провалил всё: те, впереди, побросали мешки и исчезли за соснами, как растаяли. Нет нигде.

— Эх! — с досадой вырвалось у Прохора. Другие поглядывали на учителя сердито, молчали. Он почувствовал себя виноватым.

— Тянули ты за язык! — не выдержал Прохор. — Умызнули, как лещи из сети, — отдышавшись от бега, досадовал он: зря прокараулили две ночи.

— Но уже сегодня-то мы бы узнали, где их норка! И самих бы за хвост. Охота допечь так допечь! Навовсе эту заразу из нашего «Нового пути» выжечь! Чтоб вовсе не водилось. А теперь мы их спугнули... Надо другой план составить. Что будем делать?

Он поглядел на товарищей, минуя взглядом Дмитрия — явно на него сердился.

— А дойдём! — загорелись и другие. — Хай не радуются.

— Теперь у нас комиссия по борьбе с пьянкой и самогонварением. Обыски надо, — обернулись к Дмитрию. Как председателю комиссии ему поручили договориться с сельсоветом немедля, завтра же.

— Да у кого же обыск делать?

— Как это — у кого? — удивился Прохор. — Ясно, у Маланьи Цветковой.

Дмитрий даже не понял:

— Как? У Малухи? Пшеницу же не к ней тащили! Куда-то в лес...

— Ну и что? — возразил Прохор. — Да от вас и Малуха умызнёт, как те два леща. Обязательно у неё самогонный аппарат изъять — вот и попадётся. Да они там, в сельсовете, сами её знают. Только пусть сразу идут. Но, товарищи, никому ни слова!

Вокруг Малухи смыкалась цепь. Дмитрию всё ещё не верилось. Он решил не уступать до последнего. Узнать, кто живёт в лесу. Кому те двое тащили пшеницу?

Председатель самогоноварения

— Дмитрий Иванович! — ребята гурьбой встретили его в коридоре. — Вон, вас спрашивают.

Две колхозницы. У одной глаз завязан.

— Нас к вам послали. Терпенья не стало: как с цепи сорвались мужики-то. Молотьба, а они за гулянку взялись. Созонт и направил: ступайте, говорит, к председателю самогоноварения.

А тут ещё: едва ему удалось кое-как успокоить женщин, пообещав помочь, только он начал урок, — сам Прищепов. Он-то не какой-нибудь там рядовой колхозник, чтобы дожидаться конца урока, распахнул дверь и вызвал учителя. Ребята едва успели встать при виде кожаной кубанки бригадира. Малухи в школе в это время, как водится, не было.

— Какие мероприятия вы колхозницам обещали, товарищ Петунин? — не здороваясь, сразу начал он. Глаза спокойно шарили по лицу учителя.

— Я не говорил с ними ни о каких мероприятиях. Комиссия по борьбе с пьянкой и с самогоноварением решила обратиться в сельсовет. Мы решили, что разглашать о мерах не следует.

Дмитрий старался быть сдержанным. Но пальцы невольно крошили мел, так, с мелом, вышел из класса.

— Почему же со мной не согласовали? — уже с выражением оборвал Прищепов. — Обращаетесь в сельсовет, бросаете тень на правление колхоза, на председателя. «Верный путь», если хотите знать, в передовые выйдет в этом году! Я его выведу в передовые, пока я здесь за председателя! А вы хотите, товарищ Петунин, разгласить скорее отрицательные стороны. Сельсовет сейчас же припишет нам разложение дисциплины, пьянку, прогулы — в общем, по-

старается собрать всё! Станет известно и в районе, в райисполкоме, — кипятился он всё больше и так откровенно, что Дмитрию показался жалким.

— Комиссия решила только совместно с сельским советом произвести обыск, — хотел он успокоить Прищепова.

Но тот взвился:

— А, обыск! А я не даю разрешения на подобные мероприятия, категорически возражаю!

Ну и денёк выдался! На двух первых уроках не оказалось Каролинки. За неё учитель сейчас особенно тревожился: Настя уехала к мужу в больницу — был слух, что Ивану хотят отнять ногу. Ребятишки остались совсем одни. Агрипина ходила к ним доить корову и приглядывать, чтоб не оставляли одного Афоньку. Жаловалась учителю: Каролинка самовольничает, пропадает где-то.

А тут и в школу прибежала только к большой перемене, запыхавшаяся, в порванном платяшке.

На столе в классе появился огромный осенний букет. Прозрачные листья черёмухи, светящиеся, как лампы, багряные листья осин. Стрельчатые травы, вышитые солнцем, всё ещё стремятся вверх, похожи на крылья стрекоз розоватые листья ивы. Крупными каплями осыпали весь букет ягоды боярки. Лесной букет.

Каролинка за партой искоса наблюдала: почему же учитель не смотрит на ягоды и листья? Надо было нарвать ещё волчьих ягод. Какой красивый куст стоит там, на горе!

— Почему же ты опоздала в школу? — строго спросил Дмитрий Иванович, едва прозвенел звонок с урока.

— А мы с бабкой Чернихой ходили в лес, — радостно объявила девочка. — Далеко-далеко! Я помогала ей собирать кровохлёбку и ягоды шиповника. Она все травы знает! И знает, где старая лиственница. Идёмте завтра тоже в лес, к лиственнице?

Ещё только этого не хватало! Дмитрий Иванович почувствовал даже какой-то укол самолюбия и что-то похожее на ревность.

Подумаешь, «все травы знает! И знает, где старая ливенница...» Какая-то бабка... да уж не о ней ли вспомнил тогда Прохор? Может быть, к ней и тащили пшеницу на са-могон? К ней же...

— Эта бабка Черниха живёт в лесу?

— Да. В крайней избушке, возле леса.

— Не ходи больше к ней! Надо учиться, а не бродить по лесу.

Он показал ей примеры по арифметике, которые реши-ли без неё, и задал выучить наизусть стихотворение о Куз-нецкстрое. На букет учитель и не смотрит, а она-то думала его обрадовать! Когда Каролинке очень строго приказыва-ли, ей всегда хотелось поступить наоборот. А тут ещё дома такая тоска! Кофта мамкина розовая висит на гвозде, а мам-ки нет. Она всегда надевала её в праздник, станет, бывало, такая нарядная, красивая! Такая весёлая. И праздников, наверно, больше не будет. Никогда. И отец не погладит по голове, не спросит: «Уроки выучила, дочка?»

Никому-то они не нужны — ни она, ни Спирька, ни Афонька. Никто их не любит. Никогда не вернётся отец — так тётка Секлетейя сказала. Никогда! Из глаз Каро-линки потекли тихие слёзы.

А свиньи где?

Каролинка сидела на лавочке у избы и держала заку-танного в материну жакетку Афоньку. От жакетки пахло матерью, будто она тут. Каролинке было тоскливо. И ве-тер дует... Она повязала Афоньку платочком, как девоч-ку, сунула ему в ручку красную гроздь рябины. А сама глаз не спускала с подруги.

Плутоватая Зойка затеяла игру в классы, скакала по клеткам, поджав ногу. Классы начертили на сухом при-горке у избы Коржаковых. Каролинке ж отойти нельзя от своего двора.

Игра серьёзная. Ловко попасть стеклянкой в каждую клетку, проскакать их все на одной ножке. А потом ещё положить стеклянку на ногу и так пронести по всем клеткам, не уронить и ни разу черту не задеть. Тут уж лучше босиком — с обуви стеклянка скорей смывнёт, её не чувствуешь. И когда забрасываешь в следующий класс, опять же, нельзя черту задеть, надо метить в середину.

Каролинке приходилось и братишку развлекать, и следить, чтобы Зойка не жулила. Вот она остановилась, поправила густую чёлочку, а сама одним глазком косит — следит ли Каролинка? Каролинка будто не смотрела, а сама... Зойка прицелилась стеклянкой, размахнулась и бросила.

— На черте, на черте! — закричала Каролинка. — Не трогай ногой, я вижу! — Тут уж не до братишки. Она вскочила так стремительно, что Афонька вылетел из жакетки и очутился на земле, рябиновая гроздь упала с ним. Он стал отправлять в рот ягоды, выплёвывая только в тех случаях, когда попадало уж слишком много земли.

Теперь Каролинка поджала одну ногу и стала прыгать вправо, влево и прямо, и вперёд по всем правилам. Стелянка у неё белая с золотой каймой, осколок чайного блюдца. Прыгая, она крепко зажала стеклянку в кулаке. Зойка из всех сил старается её обыграть или украсть победу.

Тут зашла с молотьбы Агрипина. Подхватила Афоньку с захоладовавшими голыми ножками. Устало оглянулась по сторонам.

— Свиньи где?

Каролинка опустила поджатую ногу. И правда, где? Гуляли только что...

Коржаковы оставили в хозяйстве одну только годовалую свинку Фроську. Супоросая свиноматка должна была поступить на ферму, как только достроят помещение для молодняка. А то таскай опять этих поросят в избу, как только захолодает. Афонька на полу ползает, а тут ещё поросята. Уж скорей бы сдать ту, супоросую!

До поздней ночи девочка бегала по пустырям, проулкам, за банями, возле пустых старых амбаров, наглухо вросших в землю, ненужно торчавших за избами. Обегай вот их, ищи — не за ними ли?

Наконец, на меже у сжатого до середины озимого поля она услышала хрустенье и хрюканье: родненькие, тут! Но на колкой стерне оказалась только супоросая, которой тяжело далеко бегать. Фроська исчезла, умчалась куда-то. Девочка поискала во ржи, покликнула. Полная тишина.

Пригнав неповоротливую свиноматку домой, она закрыла её в хлеву. Агриппина вышла на крыльцо — она услышала, как захлопнулась дверца.

- Нашла?
- Ага.
- Далечно?
- Во ржах.

Агриппина успокоилась, ушла домой. Там ещё не управлено — корова не доена, ужин готовить надо.

А Каролинка опять убежала искать. Всю ночь пробежала вдоль плетней и звала вполголоса, уже с отчаянием: «Фрось, Фрось...»

На западе громоздились сердитые тучи, закрыли луну. Земля похолодала. Девочка с ног валилась от усталости, побрела домой.

Братишки спят. Она неслышно забралась на печь. Тепло, уютно. Спрятала за трубой стеклянку с золотой каёмкой. Всё время держала её в кулаке, даже ладошка занемела.

И стишок не выучила, который задан.

«И слышит шёпот гордый
Вода и под, и над...»

А дальше? Как же дальше? Глаза слипались. Нет, нельзя же спать, надо искать Фроську. Она поёжилась, зевнула. «Я сейчас, мамка, сейчас», — шепнула уже засыпая, прижимаясь к чуть тёплой трубе.

Сквозь сон услышала голос отца — ласковый и строгий: «Уроки выучила, дочка?» Каролинка смутно обрадовалась: приехал! Но до конца никак не могла проснуться. Светает. Окошко сквозит. Спать бы да спать. А отец настаивает: «Не успела выучить с вечера — встань пораньше!»

Каролинка вскочила: нет отца. Нет! На конике Спирька. Кофта мамкина розовая висит, а её тоже нет.

Афонька захныкал во сне. Она взялась за верёвочки. Потом плеснула себе в лицо холодной водой, чтобы глаза не слипались. Устроилась с книгой на скамеечке возле зыбки. Вверху под железным крючком колебалась синяя рюшка ка полога.

«...Через четыре года
Здесь будет город-сад».

Мамка шила эту рюшку, а отец взял и примерил ей к лицу, будто чепчик. Мамка рассердилась понарошку: «Тебе всё хаханьки, иголкой уколую», — и стала гоняться за ним по избе, чтобы хлопнуть, папка взял на руки Афоньку и загородился им. Смеху было! Смеялись и отец, и мамка, и Каролинка, и Спирька...

Весело, когда все дома! Рюшка с белыми пятнышками, книги отца на полке — всё на месте, но какое-то сиротливое.

Вошла Агриппина, стала цедить молоко. Уже и подойти успела!

— Спирька, свиней выпусти. Слышь?

Каролинка цепче ухватилась за верёвочки. В зыбке так и подпрыгивал Афонька. Соска, вылетев из ротика, каталась по подушке. Хоть бы Спирька не проснулся... Нет, встал, вышел. Не послушайся-ка тётку Агриппину!

Вернулся испуганный.

— Тётъ Агриппина, а у нас свинки одной нету!

Агриппина шваркнула цедилку и оглянулась на девочку. Рябое лицо стало грозным.

— Вечор закрыла?

Каролинка насупилась.

— Как я её закрою, раз она убежала?

— Так чего ж молчишь? Почто не сказала сразу?! Мать там намучится, приедет — а тут ишо...

— А папка, значит, не приедет, да? — задрожавшим голосом поймала её на слове Каролинка. Она выпустила верёвочки, раскачавшаяся зыбка рванулась вбок, с размаха ударилась о стену, и из неё вывалились все тряпочки вместе с Афонькой.

— Заполошна!

Девочка бросилась вон.

Дурнова баня

На краю Елшанки, в стороне от изб, чернела на пустыре заброшенная баня. Вокруг поднимался тонконогий зыбкий осинник, а к самой бане подступала крапива.

Лопухи распустили шершавые ладони. Из дикой конопли едва виднелось узкое, как щель, банное оконце. На земляной крыше прилежались красные и жёлтые листья.

По елшанскому преданию, баня принадлежала когда-то Якову Дурному. Фамилия была у него другая, но его прозвали Дурным за то, что не хотел ни землю пахать, ни скотину водить, как люди, а задумал разбогатеть сразу и засадил свой надел одним луком, повёз продавать куда-то за озеро Байкал. Вернулся без лука и без денег. По-уличному прозвали Дурным.

Потом, говорили, Яков бросил всё, уехал, а в бане поселил беглого соколинца делать фальшивые деньги. Харитон Сачков кормил его и держал взаперти. Когда соколинец наделал машинкой много денег, Яков приехал. Вдвоём с Харитоном они хотели соколинца сжечь и уже баню соломой обложили. А маленькая дочь Харитона Настя помогла ему бежать.

Страшно думать об этом.

Каролинка встала под дерево. Стемнело. Со всех сторон шептал дождь.

Целый день девочка бродила по лесу. День выдался холодный, пасмурный. Иззябла. В сумерки пробралась к заброшенной бане, прижимая к себе корзину. Хорошо, что догадалась прихватить её, наткнувшись на корзину у крыльца. Хотела просто выбросить её подальше — а тут стали попадаться опёнки.

Хотелось есть. За весь день съела несколько горсточек кислой костяники да напилась воды из ручья.

Кроме ягод, елшанские ребята знали в лесу много замечательной еды: пучки, гусинки, калачики, мышиный горох в чёрных ломких стручках, саранки. Их сытные луковицы, пресные на вкус, надо откапывать там, где растут серебристо-розовые цветы, похожие на лампы.

Но травы поблёлки, всё отцвело. Остались одни грибы. Сырыми их есть не будешь.

Дрожа от холода, девочка пробралась между кустов. Мокрая конопля с пряным запахом задевала по лицу, сеяла холодные капли за ворот. Пускай.

Девочка толкнула дверь в баню, дверь бухнулась вперед тяжело, неслышно. В нос ударило плесенью, гнилым деревом. А вон там — каменка. Она поставила корзину и прилегла в уголок. По земляной крыше шуршал дождь, путаясь в травах.

Съёжась в углу предбанника, девочка широко раскрытыми глазами следила за дверью. В неё заносило струи дождя.

Бабка Черниха рассказывала, в покинутых банях поселяется Лихой. Он пришёл сюда, в Сибирь, из Курской губернии давно-давно, потихоньку увязался за переселенцами.

Они его заметили и хотели убить, чтобы у них не было больше горя. Всё оттого, что Лихой таки приплелся за ними из безземельных губерний. Теперь он от людей ещё дальше прячется, а всё не хочет отвязаться от них, ждёт своего часа. Детёныши у него зелёные, косматенькие, с телячьими хвостами.

Дмитрий Иванович сказал, что таких животных вообще нет. И Лихого нет. А Черника сказала, учитель знает только то, что в книжках написано. И он ещё молодой, ничему не научился. Вот поживёт в Елшанке подольше и Лихого узнает! Тогда не будет говорить, что его нет.

Отлично, что ветер и дождь сюда не попадут. Хоть и страшновато. Надо зажмуриться плотнее, тогда ничего страшного не увидишь.

Опять этот Колька!

— Вставай. Вставай же!

Каролинка села. Протёрла глаза. Где это она?

Мутное оконце пылало от утренней зари. В чёрном углу качался паук. Ближе за стеной слабо шумели и трепетали листья.

В дверях — Коля. Штаны засучены выше колен, ноги в грязи. Смеётся.

— Так и знал, что ты здесь!

— Тебе-то что?

— А я знаю, где свинка ваша.

Девочка выронила корзину, рассыпались ягоды с листьев лопухов.

— Обманываешь!

— Ну вот ещё, больно надо. Тётка Марья Вяткина её в стайку свою запёрла.

— Что ты!

— Запёрла и на всю улицу кричала, будто председателя лева свинья у неё морковку поела.

— Врёт, — обиделась Каролинка.

— Ясно, врёт. А кто велел морковку на огороде оставлять?

Из гряды выдернули и оставили в куче. А свинка ходит за плетнём, поглядывает, похрюкивает.

— В плетне у них дыра, наверно? — догадалась Каролинка.

— У Вяткиных-то дыра? Со всех сторон заткнуто, не подобрёшься. Только и думают, как бы кто чего у них не съел. Пришлось свинку подсадить. Она же хочет морковки.

— Подсади-и-ить? — у Каролинки в глазах зажглись озорные чёртики.

— Самую чуточку. Поглядела бы ты, как она помчалась прямо к куче и стала рыться пяточком, хрупать.

Озорные чёртики проскочили из глаз Каролинки в Колины и обратно, и опять. Оба весело расхохотались, взявшись за руки, кружась от восторга. Ну и проделка!

— А сам успел удрать? — хохоча, спросила Каролинка.

— Нет, ждал, пока тётка Марья за ухо схватит.

Каролинка вдруг перестала смеяться:

— Беги быстро и Фроську выкради. Как бы они, злюки, ей чего не сделали.

— Тётка Марья и так кричала, что её зарежет. Зарежет... Фроську, такую весёленькую!

— Беги, что стоишь?! Выкрадешь — и сразу сюда, к бане. Срочно!

— Выкрадешь у Вяткиных, как же, — безнадёжно раздумывал Коля, но увидев красное рассерженное лицо девочки, по которому катились слёзы, пустился во весь дух.

Девочка подняла с полу корзину, собрала рассыпанные ягоды. Из-под листьев лопуха торчали ножки грибов с налипшей землёй. Поверх листьев прохладно блестели ягоды костяники.

Черника

Продравшись сквозь облетающий осинник, Каролинка вышла к озеру.

На берегу сидела на корточках бабка Черника. Похожая на пенёк. Кофейная юбка, словно обломок коры, до пят. Под бугорком носа — кустик волос. Как всегда, Черника делала непонятное. Она болтала в воде граблями.

На озере тишина. Прохладное сентябрьское утро только начиналось. Берёзы, кусты чёрной смородины и боярышника на том берегу отражались в неподвижной воде.

Молодая ёлка свежо зеленела среди вянущей листвы. Казалось, она медленно кружится в пышной юбочке, а взрослые деревья собрались в хоровод и любуются ею.

Куст шиповника со светло-красными ягодами манил на берегу. Другой, опрокинутый, дрожал в воде. Мелкие волнишки набегали на него кругами, рвали на кусочки, а куст опять срастался, и краснели в глубине ягоды.

Какое всё яркое! Ещё лучше, чем летом. Жёлтые берёзы, обступившие берег, и колючий боярышник, и тёмно-пунцовые осины. А папоротник совсем заржавел. Он сбегает с холмов к озеру рыжими ручьями.

— Бабушка, что это ты делаешь?

По воде быстро плыл белый цветок кувшинки. Его несло к берегу, хотя ветра не было. Черника притянула грабли к камышам. Хрупкая белая чашка с жёлтой сердцевинкой подплыла совсем близко. Каролинка хотела дотронуться до нежной чашечки, как из воды потянулось длинное, чёрное, скользкое...

— Ай, змея!

— Корневище, детка.

— Чьё?

— Кувшинки.

— А тебе оно зачем?

— Сушить.

— Его едят?

Девочка понюхала мокрый стебель. Тиной пахнет...

Старуха нашарила под кустом горбушку хлеба. Ещё сильней захотелось есть. Неужели не даст? Отломилась половину, будто догадалась. Сели на траву.

Хлеб в лесу такой вкусный. Не то полынью, не то дымком отдаёт обветренный мякиш. Нижняя корка запечена на капустном листе, отпечатались развилки. Пахнет капу-

стой, как пирог. Верхняя помазана подсолнечным маслом. Крупная солинка попала в сырой пещерке.

— Ешь хлебушко, ешь на здоровье, — старуха собрала крошки с передника, бережно положила каждую в коричневую ладонь. — Отец твой, дай бог ему здоровья, выписал пудик, надолго мне. А к новому председателю уж не пойду, без хлеба обходиться надо.

— Почему — без хлеба? — пожалела Каролинка.

— Я ж не в колхозе, детка. Куда мне? Старая и хозяйства нетути, одна коза, записываться стали — думаю, козу отберут. Жалко. Куда я без козы? И она ко мне привыкла. Где она там будет стоять, думаю, на колхозной базе? Отвяжется, ко мне прибежит, домой, а меня за неё ругать станут. Им бы сразу меня успокоить, что не отберут козу, — и пошла бы в колхоз. Ещё поработала бы, сколь силы хватит. Снопы-то вязала, бывало, — никто за мной не угонится. Хлебушко, он легко не даётся. А меня в колхоз агитировать тот ходил, Денис Прищепов. Ему объяснить мне про козу-то, растолковать старой, а он такой суровый: «Не хочешь, так и не ходи, толку с тебя!» Как я теперь за помощью-то к нему? Он что мне скажет? Ты вот дитя малое, и то понимаешь: кто ласковый, к тому и подойти не страшно. А то уж лучше голодной останусь.

— Отец же выдал тебе хлеба?

— Иван по-человечески. Родной души у меня теперь никого не осталось. — Бабка запнулась, словно хотела ещё что-то добавить, но сдержалась. — Пошли-ка в лес.

Девочка вытряхнула из корзины грибную труху, и они отправились.

Грибов много. Живо набрали и груздей, и опять, и рыжиков, мягких, как собачьи уши. Сели перебирать под сосну.

Вершина шумела, говорила что-то на лесном языке, звала покачаться с собою на самых верхних ветвях, под вольными облаками. Ветки плавно раскачивались вверх-вниз. Горбами расходились могучие корни. Развели там

всё, глубоко под землёй, где никто не видит. Узнали, что там спрятано, и опять вылезли.

Птичка принялась посвистывать, греясь на солнце. В осенней глубине тонули, как искры под водой, её воздушные пересвисты. Что поёт она на своём языке?..

Деревья шумят. Дятел выстукивает. Жуки в траве замирают и шепчут про осень. Птицы поют за всех: «Хорошо!.. Хорошо!..»

Поднялся ветер, зашумели деревья, птица улетела.

— Дождь будет, детка. Шалаш тут близко.

В шалаше пахло прелым листом. В углу охалка сена с сухими головками клевера, над шалашом ель.

Дождь уже шёл, и капли тихо ударялись о листья. Как таинственно шумел дождь то вблизи, то вдали, в глубине леса. Шум то нарастал, то уходил... О спинки листьев шлёпались крупные капли. И срывалась шишка: стук!

А может быть, там, в кустах машет крыльями большая птица? Она хочет подняться с земли, улететь. С шумом вздымает и снова опускает крылья.

Дождь вызывал множество голосов. Касаясь разных предметов, он заставлял их отзываться и звучать. Иные подавали голос сразу, по другим барабанило и барабанило. Дождь добился: даже те, которые всегда молчали, вступили в ровный осенний хор.

Зазвучали не только листья, но и опавшие ветки, хвоя, шишки, клубничник, — только слушай! Вот заговорил под дождём пенёк в тёмных смолистых кругах. Гриб отозвался под елью, ответив шлёпнувшей на шляпу капле. Прислушайся: глухо, ватно шепелявит мох с усами кукушкиных слёзок; сверху шуршат неуклюжие вороньи гнёзда, откуда давно улетели воронята.

Всё намокло: сыроежки, ёлки, пни, синичкино платье — шелковистая трава в синих пятнах. Выплыло умытое солнце. Тишина и жизнь осеннего леса обступили со всех сторон. Кто шевелится под листьями? Как называется вон та трава? Ест ли волк волчьих ягоды? Улетает вон та птица на юг или живёт в Елшанке всю зиму?

Черниха жила в крайней избушке. В распахнутое оконце влетал ветер. На бревенчатых стенах шевелились связки белоголовника и душицы. Над ними — подорожник, венчики крапивы, полынь. Больше незнакомых трав. Одни сохли на полу, другие под закопчённым потолком. В углу на холсте уродливые корни, плотная коричневая чага, обломки коры.

Корневище кувшинки развесили на верёвку. За окном скользил солнечный свет, качалась конопля, где-то в со снах каркали вороны.

Чудесно умыться у крыльца родниковой водицей из низенькой игрушечной кадучки. Вода отдаёт лесом, ручьём. Девочка зачерпнула полный ковш и плескала в лицо, вдыхая освежающий запах, потом напилась. Такая вкусная вода!

У плетня Черниха доила козу. Тут же за пряслем — сосны с песочно-чешуйчатыми стволами. Сверху их озаряло солнце, а в глубине между стволами скопилась мгла, наверно, осталась от ночи и запуталась, не смогла выбраться.

Где-то за деревьями бродили кони, и балаболы позванивали так усыпляюще, так таинственно и певуче.

Бабка послала Каролинку принести из сундучка чистую тряпочку. Она взяла её — и что же увидела под ней? Отглаженный, хотя уже и слинявший, пионерский галстук! Чей это?

— Одной девочки, — печально опустив седую голову, сказала Черниха.

— Она жила здесь? С тобой?

— Да.

— И гуляла с тобой по лесу, как я?

— Да, — бабка опускала голову всё ниже.

— Где ж она теперь?!

Бабка молчала.

— Её нет больше, — сказала потом. Каролинке так жаль стало и бабку, и ту незнакомую девочку, галстук которой лежал в сундуке.

— Я с тобой всё время буду жить!

Наевшись лепёшек с козьим молоком, она уснула на печке, но её сразу разбудил стук в дверь.

«Эй, колдунья!» Голос знакомый. Если б Лихой ввёл за ручки своих косматых детёнышей, и то бы Каролинка не так удивилась.

Спряталась за квашню. О! Это же Малуха!

Уж она-то не имела к сказке никакого отношения. Она тащила что-то тяжёлое.

— Сидишь тут! Пособляй! Обыск у меня хотят, учитель с комсомольцами в сельсовет ходили. Открывай подполье, ну!

Черниха не двинулась. Ругнувшись, Малуха подтащила тяжёлую ношу, со стуком открыла западню и стала спускаться что-то по лестнице, проклиная бабку.

— Единоличница! Колдунья!

Каролинка не выдержала, прыгнула с печки, чуть не уронив квашню, и заглянула в подполье: что такое прячет туда Малуха? Увидев над собой склонившееся любопытное лицо девочки, Малуха остолбенела. От испуга она чуть не выронила бидон:

— Ш-ш-ш! Ты откуда взялась? Никому не болтай смотри! Язык отрежу!

Ого, вот как? Значит, Малуха делает что-то запретное?

— А вот не отрежешь, а вот скажу! — Каролинка помчалась во весь дух, прыгая через ямки и пни, с ужасом слыша, что Малуха догоняет. Вот-вот схватит... И вдруг — баня! Но пока ещё справишься с дверью — успеет схватить... Тут дверь распахнулась сама собой, как волшебная. Каролинка влетела ветром, и дверь сама захлопнулась.

— Коля!

Едва он успел закинуть крючок, баня затряслась от ударов. Ещё задыхаясь от бега, Каролинка поддразнила в щёлку:

— А вот не отрежешь мне язык! — Крючок запрыгал, того гляди слетит. Холодок прошёл по спине от ужаса. Но девочка прокричала ещё раз: — А вот не отрежешь!

— Лезь в окно, — шепнул Коля.

Он выломал осколки стекла, гнилую раму. Завиднелись осинки. Девочка протиснулась в окошко и спрыгнула на опавшие малиновые листья.

— А ты? — с беспокойством оглянулась на Колю.

Он махнул рукой:

— Беги! Свинку я выпустил. Оська помог, утащил ключ из кухни, и мы вместе.

Она побежала домой. Скорее!

Коля догнал Каролинку уже в деревне, и оба вместе смеялись и над Малухой, и над тем, как ловко освободили мальчишки бедную Фроську.

Ой, как хочется рассказать обо всём учителю... Но как же заговорить с ним, если он на неё и смотреть не хочет? На уроках ни разу не вызвал, хотя она всё выучила и усердно поднимала руку. В перемену, когда она подбежала к нему, нарочно отвернулся, будто занимается тетрадами.

Каролинка отлично всё понимала! Учитель на неё обиделся. Но ему непременно надо всё рассказать, и он поймёт! А тогда и простит.

Нет, не смотрит. Он очень недоволен ею. Стало грустно. Будто уж нельзя помириться? Тогда она никогда больше не пропускала бы уроки. Но учитель считал, что прощать за это нельзя. И разве он не запретил ей разгуливать с этой знахаркой? А она не послушалась.

Он упорно хотел показать Каролинке, что она поступила очень плохо.

И она почувствовала свою вину сильнее, чем если бы учитель стал ей выговаривать. Он будто не замечал её. Молчание действовало на его ученицу сильнее слов.

Но теперь и она решила не говорить с учителем ни слова. Ни на уроках, ни на улице — нигде. Пусть узнает, легко ли это, когда с тобой не говорят!

Самогонщица

Черниха стояла среди своих трав, скрестив на груди сухие руки. Будто знала, что Прищепов поступит с ней именно так. Не удивлялась и не оправдывалась. Пускай обзывает как хочет. Она-то знает, что не виновата. Оправдываться перед ним! Просить, чтобы её не выселяли из деревни, где она родилась и выросла, похоронила дочь, а потом и любимую внучку? У неё только травы и остались, кувшинки на озере, откуда ручейком вытекает Лебяжка и разливается всё шире в заросших берегах, пересвисты птиц, горький запах весенних палов и шуршанье осенней листвы в родном лесу на протоптанных её опорками тропинках. Здесь-то её знает каждое дерево... И она знает, насколько подросла за лето молодая берёзка у оврага и сколько сухих веток обломал ветер у старой лиственницы. От всей жизни у неё осталось только это. А собраться ей недолго. Захватить сухие травы, стебли кувшинок с печки да заветный тот пионерский галстук из сундука.

Она знала, что Прищепов рано или поздно постареется и избавиться от неё. Ему очень неприятно встречать её, хотя бы изредка.

Ну а теперь улики налицо. На примятой траве — бидон самогону, чугун и змеевик.

— Полный самогонный аппарат! — Прищепов обвёл глазами членов комиссии по борьбе с пьянкой и самогонварением, представителя от сельского совета. Значит, он правильно привёл их прямо к лесной избушке. Под сосной в ямке нашли пшеницу, наспех прикрытую хворостом.

— И нечего шумиху по деревне поднимать, — он обратился к представителю от сельсовета.

— Из-за какой-то знахарки, отсталого элемента, понимаешь, единоличницы! Выселить из деревни, и всё. Постановлением оформим. В двадцать четыре часа чтобы тебя тут не было! — Прищепов повернулся к Чернихе. — Позориться из-за тебя, понимаешь... Езжай куда хочешь!

Черниха молча обводила глазами ветхий плетень с кринкой на кольшке, сосны за ним, тропинку.

Дмитрий испытывал сложное чувство. Вот они, улики. Теперь снято подозрение с Малухи, его сотрудницы, ничто не грозит ей, девочки могут учиться спокойно. Он почувствовал облегчение. Но почему-то не мог смотреть на Черниху без глубокой жалости.

И вдруг его глаза встретились с глазами Каролинки. Что с ней?

Стоит поодаль, но смотрит прямо ему в лицо, и выражение у неё такое странное, будто хочет сказать что-то. Вся напряглась.

— Ты что? — не выдержал он.

Девочка молчала.

— Ты что-то сказать хочешь?

Она закусил губу.

Прищепов заторопил Черниху:

— Живо ступай в контору, штраф заплатишь и получишь документы. Слышишь? Самогонщица!

— Она не самогонщица! Это Малуха притащила бидон! — Каролинка, вся красная, чуть не плача, встала между Чернихой и Прищеповым, будто он мог ударить. Он отвел её за плечо.

— Что ты тут кричишь? Иди-ка отсюда, не мешайся под ногами.

Но вступились другие.

— Что это она говорит?

— Я видела! — настаивала Каролинка. Она взволнованно рассказала. — Вот как по правде было! Спросите-ка Колю... Вон он!

По-прежнему торжественно высились сосны с чешуйчатыми стволами, озарённые сверху солнцем, тёмные в глубине. Балаболы лошадей позванивали невидимо, так усыпляюще и волшебю. Или это звенели колосья вдали, на поле, где жнут овёс?

Но уже не стало сказки. Там пела, посвистывала пти-

ца в мокрых ветках, капли дождя шлёпались, отзывались травы, сырой пенёк и гриб под деревом, кукушкино платье... Славно было! Зачем приползла змея, похожая на трубу?

Вот и козья стайка, и кадочка с водой. На дне камешек, а наверху плавают жёлтый лист. Ковшик уткой.

Над избушкой вьётся тальниковый дымок, плутая в соннах... Но уже всё стало иным. Будто Каролинка посмотрела на знакомый милый мир сквозь незнакомую стеклянку.

Нет больше сказки. Есть опасное, злое. Она уже не могла увидеть мир прежним и себя почувствовала другой, повзрослевшей.

Захотелось горько заплакать. Но Каролинка сдержала слёзы и стала продираться через колючий боярышник долой к бедным брошенным братишкам.

Мы — пионеры!

Оказывается, в мире неспокойно. Идёт жестокая борьба, и в борьбе этой каждый должен занять своё место. Середины нет.

Дмитрий видел перед собой посерьёзневшие лица ребят. Первый пионерский сбор. За стеной расшумелся ветер, кидал о стёкла листьями. Окна синели по-вечернему.

В странах капитала фабриканты угнетают рабочих. В Африке колонизаторы угнетают негров. В Америке чёрных детей выгоняют из школы. В Германии пришли к власти фашисты. Они бросили в тюрьму Эрнста Тельмана, вождя немецких рабочих, председателя компартии Германии.

Дмитрий сам, ещё со школьных лет, восхищался «Тедди»¹, его верностью рабочему классу, любил смотреть на его честное открытое лицо. Теперь он с болью переживал за Тельмана и немецких коммунистов. Его чувство передавалось ребятам. Притихли. Только ветер швырял листьями и ломился в окна, стараясь их раскрыть.

---

¹ Тедди — партийный псевдоним Эрнста Тельмана.

Мальчики и девочки в рубашонках и платьишках из крашеного холста с домашнего ткацкого стана. У порога грубые ботинки, тяжёлые отцовские сапоги. Сидят в одних шерстяных чулках: пол чистый.

Красные галстуки как клочок пламени от далёкого костра. Если бы кто-нибудь из них спросил, кто такие фашисты, Дмитрий не сумел бы объяснить им как следует. Он сам услышал это слово впервые.

Но ребята не спрашивали, хотя тоже слышали это слово впервые. Они поняли так же, как и их учитель: это — враги. Враги Тельмана, враги коммунистов и всех хороших людей на земле.

— А немцы победят фашистов? — спросил Коля.

И все ждали ответа. Ходики в коридоре отсчитывали минуты, росли дети. Во всём мире ждут, когда они вырастут. В мире — трудно. Без друзей никому не победить.

— Обязательно победят! — уверенно ответил Дмитрий Иванович.

— Будем дружить с пионерами всех стран! — решили ребята. — Пускай будет больше друзей.

От этой мысли стало легче. И даже ветер словно прислушался, перестал кидать листья и дёргать окна.

— Ну а нам-то что делать? — Гриша Бучевой заёрзал на парте, нетерпеливо высунулся вперёд.

— Да ты сначала ошибки перестань сажать в диктанте, — посоветовала Шура Ипатьева.

— Я не про то, — поспешил Гриша.

— Нет, про то самое! — заспорили с ним ребята. — Конечно, Шура правильно...

— Вы, пионеры, уже многое можете делать, — подсказал Дмитрий Иванович. — Прежде всего — отлично учиться. Ведь вы пишете в тетрадах, которые привезла для вас в буран ваша прежняя учительница Тамара Николаевна. Она была комсомолкой.

— Стыдно нам писать плохо в этих тетрадах, не стараться, — тихо сказала Шура. Гриша опустил глаза, покраснел.

И вдруг, на какую-то минуту, Дмитрий увидел себя далеко отсюда, в родном Саратове. Он стоял у дверей своего класса, а в открытые окна доносились с Волги гудки пароходов, и прямо на него смотрели ожившие тревожные слова великого Сталина: «...Мы должны пробежать это расстояние за десять-пятнадцать лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

И так же, точно так же, как он сам в тот далёкий день, ребята из сибирской деревушки прочли, может быть, впервые по-настоящему, вот эти слова, написанные ещё неумелыми буквами:

*«Всю жизнь готовы мы отдать борьбе,
И дело Ленина, и имя возьмём себе».*

Впервые в этот ветренный вечер они запали в душу, в самое сердце. Как и чувство, что каждый в этом маленьком классе бревенчатой школы в Елшанке отвечает за весь мир.

С этого дня началось

— Колосьев-то натеряли! — заметил Коля, когда возвращались с тока.

Остановились. Одинокое колосья валялись и на дороге, вмятые колесом, запачканные дёгтем, и на месте суслон. Скоро начнут поливать дожди, а там занесёт снегом.

— Вот зерна-то пропадает... Давайте соберём? — Коля посмотрел на ребят. Даже по запылённым лицам видно, как они устали, ведь прямо из школы пошли на поля. Радовались: Дмитрий Иванович договорился с бригадиром, чтобы пионерам дали участок работы. Нехитрое дело — отгрести солому. А успе-ка! Она течёт и течёт из-под молотилки, чистая, скользкая, с неуловимым запахом полей и ветра. Горят уже ладони, горит черенок граблей... Но попробуй остановись хоть на минутку — засыплет, не отгребёшься.. Они отвечают за свой участок и связаны со всеми на току. Вот как!

Рядом сыплется зерно, постукивает веялка. Непрерывным сухим потоком течёт и течёт пшеница, зёрна едва успевают нагребать в мешки, оттаскивать.

А теперь так устали и проголодались...

— Домой надо, — буркнул Оська. Оглянулись на Дмитрия Ивановича. Но он молчал нарочно, будто и не смотрел на них.

— Смотрите-ка, целый сноп! — Коля подобрал растрёпанный сноп без вязки, положил в сторонку у дороги.

— А вон там тоже много, — показал Гриша и побежал по стерне за колосьями, обгоняя Колю.

— А мы в другую сторону, вон к тем кустикам, — махнула рукой Каролинка. Остальные помчались за ней.

Дороже зерна на току, уже готового, провеянного, была сейчас для Дмитрия кучка недавно растерянных одиноких колосьев, собранная его учениками. Он понимал, конечно, стоимость их в общем умолоте невелика, но для него ценность их в другом. Да и немало набралось!

— Я скажу бригадиру, чтобы увезли на ток, — сказал он ребятам, укладывая вместе с ними последнюю охапку.

Хорошо шагать полевой дорогой на закате солнца после трудового дня. Всё равно — отгребал ли ты солому, крутил веялку или собирал колоски в общую кучу. Хорошо, когда ты устал, а навстречу подувает со сжатого поля ветерок, освежает лицо. И когда в той пшенице, что лежит на току, в тех зародах соломы есть то зерно, которое собрал ты, и та солома, которую ты отгребал.

— Эх, из-за леса солнце всходит, Ворошилов едет к нам! — завёл Гриша, и все подхватили свою любимую песню.

Неважно, что солнышко закатилось — завтра-то взойдёт... Как в песне!

«Кто, когда придумал, что дети, подростки должны только готовиться к жизни, к труду, а не участвовать в нём по-настоящему, с малых лет?» — напряжённо думал Дмитрий, шагая в сторонке. Но что-то не удовлетворяло и в сегодняшнем дне. Не хватало чего-то, может быть, главного... По-

следовательности, что ли? Конкретно поставленной задачи, которую решать и решать много дней? Задачи отдельной, но и общей со взрослыми, с колхозом.

Он старался уловить свою мысль, когда дорогу пересекла группа незнакомых ребят. Из папок и корзин торчали жёлтые листья.

За ребятами шла учительница в сером пальто... Ольга!

Она узнала его ещё издали, остановилась, по её глазам он видел, что она рада встрече. Вспомнил колокольчик, на его месте краснеет крохотная стеклянная звёздочка. Это почему-то задело Дмитрия. Будто колокольчик мог быть всё ещё там.

— А мы в воскресенье придём сюда в бор, — сказала она, поглядывая на удалявшихся детей. — Ребята хотят посмотреть старую лиственницу.

— На какую же тему у вас будет экскурсия? — счёл нужным посерьёзничать Дмитрий.

Она посмотрела на него молча, словно думая над его вопросом. Или решала, зачем он задал его? И тихо прочла:

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Сплошною пёстрой стеной
Стоит над золотой поляной!

— Вот на какую тему!

Она улыбнулась торжествующе и чуть насмешливо.

Дмитрий проводил её глазами, пока чёрный беретик не скрылся за кустами. Там, значит, дорога на Ручейки...

— Дмитрий Иванович, у вас вот тут вот запачкано, — Каролинка показала на свой нос, провояжая внимательным и тревожным взглядом удаляющуюся Ольгу. — У молотилки запылились, наверно. А она красивая.

— Ты рассказывала нам про старую лиственницу? Ты знаешь, где она? В воскресенье пойдём её искать.

Дмитрий Иванович улыбнулся светлой и счастливой улыбкой: ему только что назначили свидание!

Экскурсия

— Смотрите-ка, сосны у нас в бору все разные!

Гриша с удивлением остановился у муравейника, разглядывая деревья. А издали кажется, что все одинаковые. И пошли, и пошли замечать наперегонки, стараясь выбрать сосну с какой-нибудь особенностью. Может быть, много раз бывали здесь, а на каждое дерево в отдельности обратили внимание впервые.

С одной стороны, в котловине, теснился, рос, поднимался из бурелома сосняк. У иных деревьев ветви росли только с одной стороны. Они опускались с вершины донизу, как спадающие лохмотья, густея книзу. На другие как вихрем бросило зелёный клоч, влепило сбоку, а остальное осталось голым. Устремлённые к небу прямыми чистыми стволами, с ветками только у самой вершины, будто уходя от бурелома, с краю высились молодые сосны. Вершинами они уже видели даль, поля пшеницы в сторону деревни.

Островком среди старых больших сосен высились мачтовые.

— Мачтовая сосна — самый ценный строевой лес, — любуясь деревьями, сказал Дмитрий Иванович. — Такие идут даже на кораблестроение, это богатство нашей страны, их надо беречь.

Ребята и себя почувствовали богачами, притихли. Вон какие у них в Елшанке сосны!

— А кто найдёт вон там, под берёзами и осинами, два одинаковых листа? — раззадорил ребят Дмитрий Иванович.

— Два одинаковых? — удивились они. — Да проще простого!

Помчались наперегонки. Разложили на земле папки для гербария. Азарт нарастал, толкались локтями, каждый хотел найти первым. Тёмно-вишнёвый, жёлтый как охра, а тот будто квасом побрызган, а рядом розовый...

Дмитрий наблюдал и за детьми, и за дорогой. Вот-вот покажутся ученики из Ручейковской школы, а за ними...

Пусть Ольга увидит, что его школьники вышли на настоящую экскурсию, а не какую-нибудь там прогулку. У них задание: собрать образцы почвы и подпочвенного слоя, листья для гербария. Вот так.

— Набирайте больше и хорошо разглаживайте в папках! — Он опять покосился на дорожку, полускрытую нависшей берёзой, послышался шорох. Шаги? Нет. Маленькая птичка перелетела с ветки на ветку.

— Ну? Кто же нашёл два одинаковых листа?

Ребята упорно, наперегонки искали. Гранатовый, оранжевый, лиловый, чёрный...

Вот светло-красный, как калина, зелёный с белым, точно арбузная корка, — провисел в тени. Вот пунцовый с осины, заревой с черёмухи, а тот цвета ржаного хлеба и пахнет брагой. Берёзовые — яично-жёлтые.

— Ага! — Оська с торжеством выхватил из груды два листа. — Вот и нашёл! Одинаковые.

— Да смотри ты лучше! — возразила Зоя. — Один, как воробьиное яйцо, в рябинках. А другой похож на твою рубашку, коричневый с разводами. Все разные! Как и деревья.

Мальчишки бегом пустились к обрыву.

— Дмитрий Иванович, а это что? — остановились у полосатого земляного среза, разглядывая слои.

Ух, и потрудились здесь три неразлучных друга — вода, ветер, время.

— Вот этот слой, повыше, — чернозём.

— А толстый, жёлтый?

— Суглинок.

— А у нас на полях какая почва?

— Это вы должны сами определить. Для этого надо научиться различать почву, давайте наберём с обрыва образцов почвы. А потом так же наберём с поля, будем изучать.

Живо помчались набирать в коробочки, кто какую с собой захватил.

Вот и коробочки полны, а Ольги всё нет. А обещала быть со своими ребятами на экскурсии к старой лиственнице.

— Лиственница! Вот она!

Дерево выросло на голой поляне. Корявые корни, звездой раскинутые в стороны, выпирали из травы. На ветках кое-где колебались пучки зелёных игл. Верхние сучья высохли, как кости, обнажились. Одинокораскинулись на огромной высоте. Того гляди проколют плывущее облако.

Старая лиственница росла здесь давно. Её корни уходят глубоко в землю. Она помнит многое.

— Отец рассказывал, где-то в той стороне проходил давно-давно Сибирский тракт, — Каролинка вгляделась в вершины сосен.

— По нему гнали кандалников на царскую каторгу. Только теперь дорога заросла.

— И не здесь шли кандалники, а за Чирухинским болотом, — заспорил Гриша Бучевой.

— Уж мой-то дед знает. Ему сто два года.

Но знала, вероятно, только старая лиственница. Отсюда, с вершины, ей было видно, как шли по дороге люди, тащились по грязи усталые лошади. Может быть, до неё доносился звон кандалов... Но сейчас только безмолвно колебались пучки сухих игл.

— Дупло! — крикнула Шура Ипатьева и сунула туда руку, глубоко ли. — Ай! Там кто-то сидит.

— Ещё укусит! — ребята окружили дерево. Шура испуганно выдернула руку.

— Ну-ка, пусти, — легонько отстранил её Витя. Он за-сунул руку поглубже — и вытащил что-то пушистое...

Дмитрий Иванович взял белку с руки, осмотрел её и сказал:

— Я сейчас расскажу историю про эту белку. Молодой белке весело жилось в лесу. Животным, домашним и диким, всегда хорошо, если их человек не обижает. И белка радовалась жизни, но человек выстрелил в неё и поранил лапку. Она удержалась на дереве, спряталась в листьях, замирая от боли и страха. С того дня стало совсем не так весело жить, как прежде. Лапка болела, и белка задержалась с заготовкой корма на зиму.

Неподалеку в ложбине росла черёмуха. С неё можно запасти ягод, когда лапка подживёт. Но утром пришли дети. Не шевелясь, прячась в дупле, большая белка следила за ними. Может быть, они оберут только внизу?

Но мальчики залезли на самую верхушку, ломая ветки, и обобрали всё. Как беспечно они уносили в берестяных тудесах её пропитание!

Сердце у неё сжималось от страха перед надвигающейся голодной зимой — ни орехов, ни ягод. Тревожил однообразный стук, долетавший с опушки, на стволе сосны бело-чёрный дятел отколупывал с коры чешуйки и быстро поедал прятавшихся от холода насекомых, не давая им разбежаться.

Вот он ловко подвесился на сосновой шишке, покачался, откусил шишку и перелетел с ней на ветку. Принялся выклёвывать семечки. Счастливый!

Белка забилась глубже в дупло и приготовилась умирать.

— Я так и знала! — вздохнула Каролинка, с волнением выслушав рассказ учителя.

Дмитрий Иванович вернул белку Вите. Сверкая тёмными глазками, белка печально смотрела на лес, на гроздь рябины, далеко красневшие сквозь оголённые ветви.

— У неё на лапке кровь, — заметила Каролинка. — Отдай мне, Витя, а? Я ей лапку перевяжу. У неё лапка болит.

Витя и слушать не стал, накрыл испуганную белку полкой пиджачка. Торчали только песочно-жёлтые уши с бархатистым пушком. А тут ещё Оська поддразнил девчонок:

— Дядя Матвей из неё чучело сделает.

— Чучело! — возмутились дети. — Она ведь живая!

— Сам ты чучело! — объявила Шура Ипатьева.

Витя помчался с белкой. Дмитрий Иванович хотел успокоить: Витя только пугает, он сейчас вернётся.

Но тут пришлось бежать разнимать драку. Увязавшие за старшими два приятеля, Егор Ёрзин и маленький Ваня, весь посиневший от холода, обнаружили чью-то нор-

ку с нажёванной рядом кучкой земли. А переросток-третье-классник Тиша стал тыкать туда палкой.

Оба на него напали.

— Дурак! — кричал Ваня. — Крота усыбёс.

— Не ушибу, а выгоню, — нахально улыбался Тиша.

— И выгонять не дадим!

Егор стал вырывать палку.

— Он там дома, в норке. Сам её рыл, трудился. Ему там уютно, весело, если человек не обижает его... Брось палку, ну!

Дмитрий Иванович подоспел, когда большой мальчик пустил палку в ход. Насилу помирил мальчишек.

— Тут и бурундуки водятся, и змеи, — поведал Ваня. Подняв рубашонку над голым животом, он таинственно прикрыл на земле двух жуков. — Засыпать на зиму собрались, — шёпотом, чтобы не разбудить жуков, показал учителю.

А вот он и Витя. Шагает как на ходулях. Где-то порвал штаны на коленках. Запыхался.

— Белка-то где? — так и накинулись на него ребята.

— Убежала.

— Эх ты, разиня, — хриплым голоском сердито упрекнул Гриша. — Такой длинноногий журавль и не догнал.

Стали бранить Витю.

— Как она зимовать-то будет с больной лапкой? — напала на него Шура.

— Замёрзнет или с голоду умрёт, — ужаснулась Каролинка.

— Волк съест, — расширив глаза, уверенно решил Ваня.

Витя опустил голову, как виноватый, поводит худенькими плечами.

— Ну, может быть, не съест, — постарался уменьшить его вину Дмитрий Иванович. — А в деревне кто бы сумел за белкой ухаживать? Ведь за каждым животным, домашним или диким, нужен уход.

Поднялся шум, все кричали враз, уверяя, что стали бы ухаживать за белкой, а теперь она погибнет.

И тут Дмитрию пришла идея. Она и прежде наклёвывалась, правда. Но только теперь, глядя на оживленные лица ребят, он решил её высказать.

— Кто из вас хочет стать юным натуралистом?

— А что делать?

— Дел у нас будет масса. Наблюдать за домашними животными, за жизнью растений, птиц, жуков. У нас будет живой уголок.

— Живой кто? Ур-р-ра-а-а!

Подняли руки — кто с листьями для гербария, кто с жуками, коробочками, где образцы почвы, песок, суглинок, чернозём. А Коля — с плотно закрытой шапкой.

Но уже холодало в лесу. Напрасно Дмитрий Иванович оглядывался на дорожку. Порыв ветра пригнал к ногам тучу листьев. Они помчались с ветром так стремительно, словно он обещал показать им что-то интересное. Листья развеселили. Пробежаться бы! Или залезть на дерево, на самое высокое, раскататься на ветке, чувствуя, как напрягаются мускулы, наливается силой всё тело.

— Домой по дорожке! — скомандовал он, хлопнув в ладоши. Ребята посыпали, обгоняя друг друга.

Где мы живём?

Он проводил взглядом удаляющихся в деревню детей и вдруг будто сорвался, помчался с пригорка, словно подхваченный буйным вихрем радости, мальчишьяго задора. Благо никто не видел! Прыгал через пни, спотыкался о корни, срывался в ямки. С разбега перемахнул канавку и растянулся, раскинув руки, отдыхая всем телом. Какой воздух!

Небо, огромное, с полосой жара внизу. И вдруг близко склонилось чьё-то лицо, чуть встревоженное. Волшебница. Хотелось, чтобы она не двигалась; просто смотреть в широ-

ко раскрытые, не то зелёные, не то серые глаза с искринкой в глубине.

— Дима, вы что? Ушиблись?

Он вскочил, одёргивая пиджачок. Ну конечно, ей хотелось спросить: «Взбесились?» Она же видела, как он мчался...

— Нисколько не ушибся. Просто прогуливаюсь.

Она сдержала улыбку. Дмитрий невольно протёр платком лицо на всякий случай, особенно нос. Ну откуда взялась? Ждал, ждал — а тут!..

У куста боярышника стоял чемодан. Ольга на него присела. Он только сейчас заметил, как она устала. Нагнувшись, сорвала пучок пырея в канавке, обтёрла мальчишечьи ботинки от пыли.

То же детское выражение коленей в простых чулках. Поправила выбившиеся светло-русые волосы на лбу. Посмотрела на елшанских ребят, цепочкой уходивших в деревню.

— А вы ходили с ними в бор?

Как ни в чём не бывало! Будто не она собиралась в воскресенье на прогулку к лиственнице, не первая сказала об этом, не её он ждал весь день, весь чудесный этот золотистый день в последних паутинках — их покачивал ветер, как порванные струны. И будто не из-за неё устроил весь этот поход к старой лиственнице!

Дмитрий посмотрел на неё с упрёком и ничего не ответил. Может быть, она прочла в его лице больше, чем он сказал бы словами? Чемодан оказался тяжёлым. Дмитрий посмотрел на её тонкие руки. Как она его тащила?

— Я сама виновата. Макар из Калино-Падунской школы хотел довести до дома. Но я спрыгнула и пошла напрямки. Ведь ехать с ним ещё хуже, чем нести чемодан.

Что-то задело. А, значит, он весь день ждал её, а она проводила время с этим Макаром из Калино-Падунской школы? Увидеть бы его, что это за Макар такой!

Что-то тёплое возникло в её голосе.

— Значит, вам в Ручейках нравится? — спросил он.

Дмитрию хотелось, чтобы она ответила вполне искренно. Ведь она выросла в Томске. А в Ручейках такая глушь.

— Не сразу понравилось, — сказала она, подумав. — О маме очень скучала. И о подругах, о кино. Здесь даже передвижка не бывает, а я очень люблю кино, настоящий фильм — как книга. Например: «Овод», «Декабристы», «Поликушка», «Медвежья свадьба», «Поэт и царь»... Столько уже видела прекрасного! Тем более хочется поделиться своим богатством. Но так не сразу было, а... У вас, наверно, рука устала?

Она остановилась, оглянулась на него:

— Давайте я.

— Вот ещё! — Дмитрий переменял руку. Он испугался, что Ольга замолчит. Хотелось идти вот так, слушать, идти этой заросшей дорогой с жухлыми кустиками полыни по сторонам, сухими головками петушков и клевера в колеях.

Ему казалось, что Ольга просто думает вслух.

— А раз как-то забралась высоко на пригорок. За ним солнце садится — алое-алое, близко — хоть в ладони бери! Погасает день, ушёл. Так жалко. Чего-то не сделала. Избушки внизу, флаг на конторе, скрип журавля — всё вдруг показалось родным. Это — Россия. Она идёт куда-то, и ей нелегко... А я чего-то не сделала!

Во мне словно открылось что-то созвучное сельской жизни, природе. Я глубже почувствовала родину...

Так же было со мной дома, когда дедушка рассказывал о старом Томске, как по утрам ходил на мост ждать, не найдёт ли купец на работу. На мост — такой уж был обычай. Вся голь собиралась там.

Мне представляется, как в девятьсот пятом по мосту шли колонной типографские рабочие, полиция стреляла по ним, но не могла разогнать. Отец с другими наборщиками разбрасывал прокламации. Я ходила каждый день в школу по этому мосту и мимо дома с мемориальной до-

ской Сергею Мироновичу Кирову, у нас и сейчас живут семьи высланных революционеров... Представляете, как мне трудно было понять сначала эту тишину, как будто глушь?

Когда я приехала, под самые окна школы подступал овёс. Его ещё не начали жать. Мне нравилось смотреть, как ветер бежит по нему, и легко качаются серёжки, будто позванивают. Смотришь долго-долго, и вдруг покажется, что ты сам — один из этих колосьев. С вами так бывало?

Дмитрию нравился её голос — низкий, с богатыми переходами. Не хотелось прерывать её, и он кивнул не думая: «Бывало».

Но она спросила опять:

— А у вас сегодня какая была тема, в лесу?

— Лес, точно терем расписной, — в шутку ответил он, но сразу поправился: — я проводил экскурсию на тему «Где мы живём?».

— Где мы живём? Это интересно! Как увлекательно учить сельских ребят, правда? Они такие любознательные, и учитель для них — всё. Они верят, что мы всё знаем.

Новые жильцы

Он заехал с права фланга,
Па-а-здоровался, сказал:
«Эх, вы, здорово, красноармейцы,
Ко-о-омандиры-молодцы!»

Пел Матвей вполголоса, притопывая и катая пыжи из Витиной исписанной тетради. Он применился орудовать левой рукой.

— Вот так! Ты против отца пошёл? Не хочешь стрелять зайцев, да? Молчишь и увиливаешь. Я тебя раскусил, товарищ. Ты не хочешь стрелять зайцев! Постой-постой. Много болтать не стану, мать не позволит в избе тарарам разводиться, а вот наготовлю тебе пыжей, берданку в руки — и айда. Четыре шкурки давай как миленький. Набьёшь!

Да ещё и обдерёшь сам. Нынче же после школы отправлю, дорогой товарищ, «Эх, вы, здорово, красноармейцы!» — напевал он всё воинственной.

Каролинка остановилась у порога с новенькой сумкой, где тесно уложены учебники. Она вытерла сапожки у порога — на улице такая грязь!

— Я тоже эту песню знаю.

— Ась? Ты почто в эку рань?

— За Витей, в школу идти, — глядя в пол, придумала девочка. Поискала глазами: Нюрка ещё спит? — А у нас Афонька уже на ножки встаёт, — сообщила она.

Матвей стряхнул обрывки бумаги с передника, оглядел берданку и стал щепать лучину.

— А у нас тётя Агриппина уже растопила печку, — заметила Каролинка. Из-за перегородки вышел Витя, стал плескаться у раковины. Девочка в нетерпении помахивала сумкой. Опять исчез за перегородкой. Чучела белки не видно.

Витя появился с клеткой. В клетке — белка! Поблескивая зёрнышками глаз, она что-то грызла. Витя опустил клетку на пол. Каролинка мигом присела рядом.

— Ты её не лечил, наверно, — ревниво сказала она. — Вот я бы сразу вылечила: у мамки есть мазь.

— Зажило без твоей мази. Эн, эн, как прыгает. — В просторной деревянной клетке белка перелетала, распушив хвост, с одной палки на другую. Оба засмеялись.

— Отдай, а? — попросила девочка. — Я тебе за неё книжку дам. Али-Баба и... и ещё целых сорок разбойников! С картинками.

Витя презрительно повёл плечом.

— Ну, тогда на семечки сменяй, — не унималась она, не спуская глаз с белки.

— Не надо мне семечек. И разбойников твоих тоже.

— Ну чего, чего же тебе? — Девочка чуть не плакала.

— Ни-че-го! — отрезал Витя. — Мы её отнесём в жилой уголок. Ты вот вчера не пришла на собрание в Дурнову баню.

— А я с Афонькой сидела!

— Мы выбрали Колю старостой кружка. Сегодня после уроков соберёмся. Только, чур, с пустыми руками не являйся, носи что-нибудь.

— Что же я принесу? — растерялась Каролинка.

— Твоё дело. Кто ничего не принесёт для живого уголка — из кружка вон.

Прямо из школы Каролинка забежала к Ельцовым. Коля встретил девочку важно, как и подобает старосте кружка юннатов. Он готовил обед: Прасковья ходила теперь на молочную ферму дояркой, днём надо поить телят, и Коле приходилось хозяйствовать.

Коля крошил морковь в суп с таким видом, что девочка не решилась улыбнуться. Он выслушал её, сбросил в кастрюлю последние кусочки и закрыл крышку.

— Ну и что ж? Что я могу тут поделать? Постановление общего собрания. Посуди сама: ты ничего, другой ничего — разве живой уголок получится?

Коля держался твёрдо. Девчонкам только поддайся! Особенно этой занозе.

— Ничего не принесёшь — исключим, напрасно шла.

— Подумаешь, какой! Ну, поищи чего-нибудь для меня.

— Откуда я возьму?

— А для себя-то есть?

— Есть.

— Покажи.

— Нельзя.

— Ничего у тебя нет, я знаю. Староста и воображаешь так пройти? Хи-и-итрый. Тогда и тебя исключим! — Она хлопнула дверью и выбежала. Теперь куда? К Оське!

Оська обтачивал железные прутья клетки. Он так увлёкся, склонив рыжую голову, что не сразу обнаружил в избе девочку.

— Всего-навсего пустая клетка? — с надеждой спросила она.

Оська посвистал, оттопырив толстые губы, чтобы показать, как глубоко она ошиблась. Кивнул на окно. Там, в другой клетке, сидели два красногрудых снегиря. Один, покрупнее, пил воду из баночки.

— Два! — обрадовалась Каролинка. — Одного мне. Ладно, Оськ? А, Оськ?

Он покачал головой.

— Сказала бы ещё — половинку. Пара! Нельзя различать. Всё равно как один. Поняла? И клетку им на двоих сделал. Как я тебе дам?

— Ла-а-одно же...

На улице Каролинка нарочно громко скороговоркой проиграла:

Рыжий красного спросил:
Где ты бороду краси́л?
Я не краской, не замазкой,
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал!

— И погрозила кулаком, — ну, рыжий, попросишь у меня чего!

Каждый готовил что-нибудь для живого уголка. Только у неё «ничевошеньки».

Чем интереснее становилось в заброшенной избушке-бане, тем горше было Каролинке.

Знай она, что решили на собрании юннатов, конечно, она бы приготовилась. Но она же не знала! Ей пришлось сидеть дома с Афонькой. И Спирька заболел. Значит, если бы она бросила их одних, ушла бы на собрание — теперь бы не осталась виноватой? Значит, она поступила бы правильно, хорошо? А Афонька как же? А Спирька? Она не могла решить, правильно ли поступила. Она шла к Дурновой бане, а обида только росла.

Витя поставил клетку на непросохший вымытый пол. Белка, белка! Здоровая, резвая. Хвост такой пушистый! Больше её самой.

Коля выпустил из тряпки ежа. Вот как? Значит, он тогда, в лесу, поймал ёжика и помалкивал? Даже ей ни слова! Какой забавный ёжик...

Тут все подбежали смотреть Оськиных снегирей. Грудки у них в красных перышках, нарядные. Клетку с птицами повесили на гвоздь, поближе к окошку. Жаль, что оно маленькое, как заплатка из неба.

Каролинка загляделась. Каким чудесным представился ей живой уголок!

— Ну? Что ты принесла? — строго спросил Коля. — Мы тебя так не примем.

— Ну и уголо-о-ок, — отозвалась девочка с полным презрением. Но голос дрогнул.

— Ну и уходи, — оскорбился Коля.

— Я и так не хочу играть: ничего хорошего.

— Иди в куклы играй.

Он подтолкнул её, но, само собой, получил сдачи. Каролинка побежала рощей одна, торопясь и спотыкаясь. Позади весело горело от вечерней зари крохотное оконце, манило к себе.

Она прислонилась к забору.

— Что ты тут стоишь одна? — Дмитрий Иванович возвращался со второй смены.

— Хочу, чтобы мне было плохо!

— Вот те раз... Что-нибудь случилось?

— Я сама хочу, пусть мне плохо, — упрямо повторила девочка. — Пусть я буду одна, раз меня не принимают.

Не только по её словам, но и по голосу Дмитрий Иванович понял, что она глубоко обижена.

— Как же так? — заговорила Каролинка, — что я сделала плохого? Вчера весь вечер сидела с Афонькой, и принесла воды, и пол вымыла, и свиньям вынесла варёную картошку, пока тётя Агриппина пришла. Мамка всё не едет... Тётка Секлетейя сказала, папке ногу отрезали. И Спирька заболел. — Девочка прерывисто вздохнула, всхлинула и заплакала. — А они... Они меня из кружка исключают!

Дмитрия Ивановича ребята встретили шумно. Он вчера провёл с ними собрание, но дальше решил не связывать их инициативу. Пусть-ка делают всё сами — ведь в этом и была его идея. Она возникла ещё когда собирали колоски. Собирали сами. А пока Каролинка не ушла в лес с Чернихой, ему и в голову не приходило, что это маленькие человечки, они не только подчиняются взрослым, но и живут! Как-то проявят себя теперь?

— Смотрите, Дмитрий Иванович, мы уже вымыли, натопили. Вон хворосту нарубили сколько! Снегири на солнышке. А белка-то, смотрите! Ей здесь уютно. Ёжик спрятался. Зойка, достань его, — приказал Коля. — Кормить решили по очереди. Кто дежурный по уголку, тот и кормит. Хорошо ведь, верно?

— Плохо. — Дмитрий Иванович покачал головой, взглянув на опечаленное лицо Каролинки.

— Плохо?! — разочарованно хором повторили ребята.

— Конечно. Если всем весело, а одному обидно — это очень плохо.

— У нас правило, — не сдавался Коля. — Каролинка ничего не принесла, вот и всё. — Он-то сразу понял, за кого заступается учитель.

— Я же не была на пленуме и не знала, — отстаивала Каролинка свои права.

Дмитрий Иванович хотел, чтобы ребята сами поняли, что поступают несправедливо.

— Мало ли что, — стоял на своём Коля. У ребят оказался свой подход к делу.

— Правила нарушать — никакой игры не получится, — серьёзно поддержал Витя. — И живой уголок тоже не получится.

— Да ладно уж, — решил Оська, оттопырив губы. — Отец мне пару кроликов привёз. Пускай они тоже тут... за неё будет пай. Ладно? — обратился он к остальным.

— Сейчас неси, — потребовал Коля. Про себя подумал: как же, позволит Вятиха утащить из дома кроликов. Держи карман.

Тем не менее через десять-пятнадцать минут Оська вернулся красный, запыхавшийся, потрёпанный и выпустил из мешка двух кроликов. Ясно, выдержал дома бой. Прямо заявил матери, что за кроликами станет ухаживать только вместе с другими ребятами: так веселее.

Серые, с гладкой шерстью. Хвосты — комочки на апрельской вербе.

— Фландрские, — объяснил Оська.

Сбежали к дяде Мартыну, выпросили книжку с кроликом на обложке — в точности!

— Завтра все морковки несите, — распорядился Коля. Соломы и вилокв капусты уже натащили.

Кроликам отвели место под банным полком. Каролинка бежала домой счастливая. Как ещё недавно было плохо. Не принимали в кружок. Как она ненавидела вредного Кольку. А теперь Коля опять хороший. И все ребята. Ну и Оська! Молодец!

Весело постукивали сапожки по замёрзшим к вечеру кочкам грязи. Сухо! Всё хорошо. Вот и Спирька встал, куриц кормит. Мама письмо прислала. Она скоро приедет!

А в это время у себя дома Матвей рассыпал кучками дробь, примеривался зорким глазом-щёлкой, чтобы ровно.

— Завтра после школы бери берданку, товарищ, и айда. Чтоб к воскресенью три зайца! Понял? Твёрдозада-нец ты теперь. Без зайцев домой не пуцу.

Витя, растерянно приглаживая чёлочку, оглянулся на учителя.

— Что вы, Матвей Максимович! — вступился Дмитрий Иванович. — Витя теперь — юный натуралист.

— Что за чудо-юдо? — оторопел Матвей, держа мешочек с порохом.

— А вот! Натуралисты — защитники природы, зверей и животных. Убивать он не может.

Нежданный гость

Что-то странное сегодня с Денисом Прищеповым. Обзавёлся к холодам диковинной полудошкой неведомых мехов, нигде, никем не виденной, и цены, должно быть, немалой.

А сам недовольный, мрачный, глаза беспокойно бегают, зашёл зачем-то вечером к Матвею, сел, расстегнув дошку, раскинув полы. Взял со стола районную газету. Пробежал глазами, ища чего-то.

— Это кто такая — Ольга Волохова?

Матвей вышел управляться со скотиной. Агриппина рубила капусту у вдовой соседки, организовав на помощь чуть не всё своё звено. Видимо, вопрос задан учителю, и так строго, будто он в чем-то провинился.

— Вы же её знаете, — сказал Дмитрий, не отрываясь от тетрадей. — Учительница из Ручейков. — Он настоужился, ожидая дальнейших вопросов.

Однако Прищепов сложил газету и сказал только:

— Критику разводит, о чем её не спрашивают.

Дмитрий ещё утром прочёл заметку, увидев подпись. Ольга писала о том, что молодёжи негде собираться — ни постановку поставить, ни комсомольское собрание провести, ни репетицию. А ведь ещё в прошлом году на совещании актива в сельсовете постановили построить в Чирухине клуб на два колхоза — «Имени Ворошилова» и «Верный путь».

Заготовленный лес увезли в колхоз «Верный путь», а клуба всё нет.

— Знаю, чьи намёки, — потемнел Денис. — Ипатьевская порода. Прошке больше всех надо. Сам Созонт вечно лезет в дела правления, и сынок такой же. Н-ну, погодите. С учительницей объединились?

Дмитрий отлично понял, почему заметка так задела Дениса. Собираясь у Агриппины, колхозники говорили о том, что Прищепов строит себе на Барашкиных Хуторах дом из колхозного леса, плотницкой бригаде во главе с Ефимом Вяткиным пишут трудодни.

В тесной избёнке старого Прищепа, Гаври, копилась обстановка. От неё уже не пролезешь, а дом не готов. Прищепов торопил плотников, отрывал от ремонта свинофермы, чтобы к зиме переселиться. Может быть, и не в зиме тут дело, а чтобы успеть до Коржакова. О нём толковали разное. Секлетея, приехавшая из Ясногорска, утверждала определённо, узнав из верных источников, что председателю отрезали ногу. Оттого и Настасья не возвращается, не отходит от него.

— Ничего у них не выйдет, — зло сказал Прищепов, видимо, об авторах заметки. — Слыхали, наверно: в субботу общее собрание. Из района приедут. Будут избирать председателем. Хочешь не хочешь — надевай хомут! Так что с председательским домом придётся поторапливаться, — уже самодовольно заявил он.

А тревога, а бегающие глаза — куда их денешь? Он сорвал лазоревый с серебристой нитью шарф, повёл шеей, словно от душья.

На беду Дмитрия, опять Прищепова потянуло к размягчённой откровенности.

— Эх, товарищ Петунин... Если бы вы знали, сколько в людях коварства! Один на тебя петлю накидывает, другой когтит, как ястреб, отдыха не даёт. А тут ещё... Я только на вас одного и надеюсь. У вас душа добрая, вы можете сочувствовать, помочь. У меня один человек сидит, старый друг ваш. Мы завтра зайдём к вам вместе.

Друг, да ещё «старый»? Такие остались в Саратове. Кто бы это мог быть?

А назавтра и правда пришли гости. Вот уж кого не ожидал увидеть Дмитрий! В дверях едва не свалил с ног грузный человек с объёмистым портфелем. Заключение в объятия.

— Привет! Не узнаёшь старых друзей? Магульницкого хотели с кашей слопать — а он вот он! Как огурчик! К вашим услугам! — Он похлопал Дмитрия по плечу и выставил на стол запотевшую бутылку. — Давай стаканы.

Откуда он взялся? Давно ли Прищепов с тонкой улыбкой сообщил, что из Таскаева Магульницкого убрали «с треском»?

— Я не пью. — Дмитрий подал два стакана.

— Ну, брось наглядную агитацию. В Таскаеве-то, помнишь? — подмигнул Магульницкий. Словно было что там помнить!

Хорошо ещё, что хозяева все ушли перелопачивать пшеницу, а маленькую Нюрку отнесли к Коржаковым.

Прищепов с таким презрением оглядел нары за занавеской и сказал:

— Я создам вам условия, товарищ Петунин. Мне, как руководителю, стыдно. Пусть не сразу, но добьюсь, чтобы вы почувствовали себя человеком.

Дмитрий вспыхнул. Он и так чувствует себя человеком.

Магульницкий, опрокинув свой стакан, хлопнул его по коленке.

— Да ты что ерепенишься-то? Зелёный ты ещё, не разбираешься в жизни. С председателем, милый мой, надо жить в дружбе. Ласковый телёнок, он, знаешь, двух маток сосёт. Муки тебе хватает? Скажи!

— Муки мы добавим. Пожалуйста, — подхватил Прищепов. Он только отпил из своего стакана и поставил его. Сидел, как на колючках, беспокойно оглядываясь на тёмные окна, то и дело меняясь в лице.

Дмитрий ответил сердито, что пайка ему вполне хватает.

— Да не стесняйся, тут все свои! — поддержал Магульницкий. Пошарив по полкам, он сам достал початое блюдо с капустой и огурцом. Дмитрий, быстро покраснев, подал хлеб.

— Что, кирпич-то хороший тогда тебе отпустил? — самодовольно напомнил Магульницкий, опрокидывая стакан. — А краску? Дефицит, а? Думаю: парень что надо, за ним не пропадёт. Рука руку моет. — Он захохотал. — Вот и встретились!

— Нам пора, — напомнил Прищепов.

Магульницкий достал из портфеля и развернул перед Дмитрием командировочное удостоверение ветучастка.

— Ты и не знал, что по специальности я являюсь ветеринаром? А где у нас опытные специалисты? То-то. Кого на прививки? Магульницкого. Кого на эпидемию? Магульницкого! — Он пил, ел, расцветал, как роза. — Магульницкий плохо не жил — и не будет! — похвалил он сам себя. Запахал в портфель бутылку с остатками водки. — Ты вспомни, изменщик кова-а-арный, как я доверя-а-алась тебе! — запел, весь сияя и улыбаясь мягким беззубым ртом.

В сенях Прищепов задержал Дмитрия:

— Забыл с этой пьянкой... Пожалуйста, зайдите в контору на пару минут. В комиссию ввели вас, там минутное дело. Хлопот с этим ветучастком! Тут хлебозаготовки, а тут... Вам расписаться только.

Дмитрий зашёл в контору, следом вбежала Прасковья. Платок у неё сбился, стежонка, наброшенная поверх халата наспех, сползала с плеч.

— Не верю я, Денис Гаврилыч! Не верю! Всю жизнь с коровами — да здоровой от больной не отличу?! Красавка лучшая корова на ферме! Оттого и раздаивать её взялась... Да ты только на ножки, на ножки-то ей посмотри — короткие, как култышечки. Аккуратненькая, махочкая, вся тигровая. Всякому видать — молочная порода! Какая ж ей выбраковка! Нет-нет...

— Не мешай здесь, Прасковья, — оборвал Прищепов. — Какое твоё дело? В группу тебе добавляют, тоже дойную. Корова подлежит выбраковке.

С улицы послышалось тревожное мычание. Прасковья встрепенулась и чуть не с кулаками бросилась на бригада.

— Не дам скотину мучить! Не дам!

Он не ждал такого напора, попятился, хотя и сохранил надменное выражение. Как, это та самая бедная вдова, что на собраниях забивалась в уголок в лохмотной своей

одежонке? Рта не раскрыла ни разу? Он за человека-то её не считал.

— Я до райкома дойду! — Прасковья оттолкнула его с дороги. — Где акт?

— Да тебя свяжут раньше, саботажницу.

Акт лежал перед Дмитрием, и он мучительно вчитывался в слова — «нижеследующем», «настоящий», «составили», ища тут ошибку.

Но всё на месте. Комиссия подписала. Ему оставлена строчка пониже подписи второго члена — Вяткиной Марии («за негр. Вяткин Ефим»). Если бы не вмешательство Прасковьи, он бы уже подписал.

— Ступай на своё рабочее место, товарищ Ельцова, а то я приму меры, — пригрозил Прищепов.

Вошла Агриппина вместе с Магульницким. Запылённая, усталая. Сняла рукавицы, бросила на лавку.

— Вот и член сельсовета здесь, — показал на неё Прищепов.

— Ну. А что случилось? Почему корова с нашей фермы к телеге там привязана? — Она оглянулась на раскрасневшуюся Прасковью.

— Выбраковка скота, — деловито пояснил Прищепов.

— Знаю. Бракованный скот на мясокомбинат отправляем. А не так.

— На ветучастке должны подвергнуть экспертизе, — вступил Магульницкий. — Подозрение на эпидемическую инфекцию. — И он добавил латинское название.

Пока Агриппина, сдвинув брови, читала акт, Магульницкий вызвал учителя в сени покурить.

— Ну и бабы у вас! — шепнул со смехом. — Прищепов, видимо, потерял у них авторитет. Ты должен вмешаться как член комиссии и учитель, поддержать его. Тебе-то доверяют. А за мной не пропадёт, ты меня знаешь, — добавил тише, хлопнув по плечу.

Как электрическим током дёрнуло. Ах, вот что! Дмитрий вернулся в контору.

— Я не буду подписывать акт.

В памяти запечатлелось лицо Прищепова — бледное, с трясущимися губами. Выражение озлобленное и жалкое.

А Магульницкий не унывал, как рыбак, у которого на этот раз сорвалась щука, В реке-то их плавают ещё много! Он уселся на телегу, посвистывая, и даже любезно помог отвязать корову: у Прасковьи тряслись руки, она никак не могла справиться с верёвкой.

— Напрасно так всё принимать к сердцу, голубушка, — мягко посоветовал Магульницкий. — На весь колхоз сердца не напасёшься, милая. Расстройство нервной системы нажить можно. — Он взял вожжи и запел:

«Поедем, красotka, ката-а-аться,
Я волны морские люблю!»

Из-за угла конторы выдвинулась темная фигура. Не то пряталась от дождя, не то ждала кого-то. Дмитрий отступил за только привезённые, сваленные кучей дрова. Тьма стала как будто ещё гуще. Он и сам не знал, зачем спрятался, почему не пошёл прямо домой мимо Секлетей. Испугался чего-то, что ли? Досадую на себя, он уже хотел идти, когда дверь конторы открылась. В полосе света блиснуло мокрое крыльцо. В луже забелел снег.

— Ну? — Секлетей загородила собой дорожку. Голос едкий, скрипучий.

— Подождёт, — сухо сказал Прищепов, отстраняя её с дороги. Она дёрнулась.

— Как это? Обещал же. Сорвалось, что ли?

— Не твоё собачье дело, — гордо сказал Прищепов. — Подождёт твой зятёк.

— Не хочет он боле ждать. Ему уезжать надо срочно. Кир-то всех теперь впутает.

— И это не твоё дело. Ему скажи: рассчитаюсь.

— Всю сумму надо. И за дошку теперь. Где ж возьмёшь?

— Ну... не ваша забота, где возьму. У Малухи займу.

Секлетея гадко рассмеялась:

— Ха, у Малухи! Подрезали крылышки. Какие у неё теперь доходы? И без места осталась. Прежние-то, небось, все выкачал на патефоны эти да на абажуры, до копейки тебе отдала, дурочка.

— Ну, ступай, ступай! Ещё всякий элемент будет мне указывать, — рассердился Прищепов и пошел.

— А не боишься? — значительно окликнула Секлетея. — Мне и то боязно.

Денис не ответил, шлёпая по грязи.

— Ох, парень, смотри! С огнём играешь.

Кому радость, а кому...

Дежурил сегодня Витя. Каролинка пришла сменить его. Кормили кроликов. Их стало не два, а четырнадцать!

Хорошенькие серые крольчата сидели в ящике. У них болели уши. Витя принялся мазать уши мазью — дал дядя Мартын.

— Ну-ка, держи этого, — приказал Витя девчачьим голоском. Крольчата били задними ногами, вырывались и фыркали, испуганно тараща круглые глазки. Все одинаковые. Того и гляди спутаешь, у кого уши смазаны, у кого нет. Витя экономно набрал на лопатку величиной с мизинец зелёную, как трава, мазь.

— Ты тихонько держи. Ему так дышать трудно, — мальчик вытер руки о штаны.

Каролинка и без того сама старалась не дышать, держа в ладонях живой пушистый комочек.

— Этому мазал?

— Нет.

— А этому мазал?

Солнышко светило в окно. Снегири весело прыгали, клевали зёрна, разбрызгивая воду.

— Ну что ты, что ты, дочка? — он опустил её на дорожку, погладил по голове. — Успокойся. Вон, погляди-ка лучше, кто к нам бежит?

Спотыкаясь, прижимая к себе Афоньку, спешила Настасья.

— Мама! — задохнулась от счастья Каролинка.

Но крольчата не могли ждать на снегу, дети быстро занесли их в тепло. Будто забыв своё распоряжение, Прищепов заботливо прикрыл дверь и с изменившимся побледневшим лицом поспешил за председателем.

Таинственный незнакомец

Все ушли, но только теперь Дмитрий Иванович увидел мужчину и удивился, откуда взялся в осинках нездешний человек? Или он просто не заметил его, пока не остался один.

От ондатровой шапки до оленьей куртки и каких-то ловких меховых сапожков всё на нем нездешнее. Но почему-то неожиданно подумалось: «Вот кому Прищепов подражает своим щегольством! Правда, безуспешно. Несмотря на дорогую привозную одежду, Прищепов остаётся елшанским, как ни пыжится. А вот этот человек, хоть одень его в сибирский тулуп, — остаётся нездешним». Лицо плоское и длинное, очень гладко выбритое и холёное, длинный разрез глаз с выражением рассеянности. Лицо было бы красиво, если бы не шрам на верхней губе, правда, неглубокий.

Губа чем-то рассечена. Видимо, давно срослась, но образовала как бы две губы, обе румяные и свежие, удлинённого рисунка.

«Уполномоченный, что ли? Тогда почему он остался здесь? От кого скрывался за той осиной?»

У двери, в сторонке, Дмитрий заметил окурок и незнакомую обёртку от папирос, коричневую с золотом. «Значит, человек стоял сначала там, ждал чего-то. От кого же он метнулся в осинник?»

— Скажите, пожалуйста, нельзя ли поинтересоваться вашим зоологическим уголком? — любезно обратился он к Дмитрию, выходя из осинок. Мельком взглянул на часы — есть ли у него ещё время? Снова опустил их на золотой цепочке в нагрудный карман под куртку.

«Уж не для него ли Прищепов освобождал помещение, не из-за него ли кипел? Или у него была другая причина взбеситься?»

Приезжий представился: «Юлий», — так вежливо, что невозможно было не показать ему и не просохших ещё крольчат, и взрослых кроликов («Фландры», — определил он), и белку.

— А почему вы не разведёте их побольше, чтобы хватило на воротник? Обожаю пушной промысел. Да и дело, признаться, знакомое...

— А вы, верно, охотник? — с непонятым облегчением догадался Дмитрий.

— Нет, я сам не стреляю. У нас на Дальнем Востоке хватает охотников, да и не выношу первобытный образ жизни.

Он покачался на подгнивших досках.

— Верно, пол давно не перебирали?

Дмитрий сказал, что не знает. Здесь была какая-то заброшенная баня.

— Но на её месте стояла когда-то другая? Не может быть, чтобы столько лет... Ну, всего хорошего! — прервал он себя, снова взглянув на часы. — Благодарю вас. Мне пора, к сожалению.

На Дмитрия он смотрел ещё рассеянное, чем на снегирей и на гнилые доски. По-видимому, Дмитрий не представлял для него никакого интереса.

На прощанье спросил только, не скучает ли он здесь, не бывает ли у соседних учителей.

— В Ручейках, например?

— Ходить в гости некогда.

— Ну, всё-таки? Я бы не утерпел. Неужели вы совсем не встречаетесь?

— Нет, — по какой-то странной интуиции решительно отказался Дмитрий. Он проследил, как новый знакомец неторопливо направился в проулок к избёнке Малухи.

А вечером, сам не зная почему, Дмитрий попросил у Матвея замок с кладовки и запер на ночь белку, ежа, кроликов с крольчатами и журнал дежурного на чурбаке. Просто ему было неприятно.

На рассвете у запертой двери нашёл чью-то брошенную лопату.

Мешкотара

Председателя Ивана Ефимовича Коржакова нигде не видать. Только стало известно, что накануне был у них разговор с Прищеповым глаз на глаз. И того точно живой водой брызнуло, не узнаешь: ожил, как расколдованный царевич. Он будто сам старался сбросить с себя то, что его терзало. По крайней мере, старался не думать, весь растворился в жарких делах. К чему бы это? Всякое изменение требует мотивации.

Дмитрию показалось, что и правда не знал он Прищепова до этого, не понимал его сути. Или без Ивана Коржакова он и был словно во власти других, ненавистных ему влияний? Кто-то цепко держал его, а у него не хватало силы и воли вырваться. Оттого раздражался и злился на всё. И не только...

Так думал Дмитрий. А может быть, это было и не совсем так.

Но он любовался, как всё горело у Прищепова в руках, как за сутки свезли остальной хлеб, день и ночь тарахтели колёса по мёрзлым кочкам и по снегу, у амбаров возбужденно вешали, ссыпали хлеб нового урожая, большой хлеб. Охотно, организованно работали от темна до темна люди, и всюду среди них поспевал Прищепов, бодрый, подтянутый, энергичный. Даже голос у него изменился. Вместо грубости в нём звучали только мужественные властные нотки,

которым люди с охотой подчинялись — может быть, более властные, чем это требовалось от бригадира, но такова уж натура Дениса Прищепова.

На него можно было злиться, возмущаться им, спорить, или, почти влюблённо, выполнять его приказы.

Задержка получилась из-за мешкотары.

Не в чем вести хлеб на ясногорский элеватор. Тот, что около железной дороги, возвышался тремя исполинами, а потом отгрузка дальше в Россию, в Москву! Но в газете, где печатали сводки, колхоз «Верный путь» далеко отстал от других колхозов, почти все уже рассчитались с государством.

Дмитрий спешно организовал пионеров на сбор мешкотары. Впервые собрал ребят поздно вечером, по цепочке.

Они будут участвовать в отправлении красного обоза!¹

На Барашкины Хутора пришлось пробираться через речку по обледенелой жёрдочке гуськом, держась друг за дружку.

Зато мешки давали охотно. Бородатый кузнец принёс свой единственный, весь залатанный. А бабушка Вани в бедной избёнке сняла со стана только что сотканный и уже сшитый мешок: «Дома-то старым обойдусь». Такой же новый отдала Прасковья — Колина мама.

Лихорадочное возбуждение охватило всех. Уже прикидывали, примерно, — на трудовень. Выходило по пять килограммов хлеба и деньгами — по рубль восемьдесят шесть копеек. Неплохо бы.

— А ссуда-то? — напомнил Гавря. — Забыли уже? А государство не забыло. У него таких колхозов не один «Верный путь», которые сами себя не смогли оправдать.

— Зато ваш «Луч» себя оправдал, — заметил Созонт Ипатьев. — Спасибо Ивану, что раскрыл кулацкие ваши обороты вовремя, ревизию к вам наслал.

— Кто виновный, тот и сидит, — огрызнулся Гавря, втянув голову в плечи. — Надеетесь на трудовень, да? А правление о трудовне не думает. Оно себе задачу ставит

---

¹ Красный обоз — первые подводы, везущие урожай на элеватор.

после хлебозаготовок за ссуду рассчитаться. И по зернопоставкам за тот год — задолженность.

— В этом году урожай позволяет рассчитаться, — вновь заметил Созонт.

— Эх-х, урожай! — язвительно вразумил Гавря, даже тоном показывая своё превосходство и особое положение среди таких, как Созонт. — Много тебе останется с того урожая, голова? Денис мой вот ночи не спал, заботился, как бы на трудодень больше оставить, о вас же пёкся. Не спешил вывозить. Ну, а теперь уж... — Гавря развёл руками, показав, что при Коржакове следует ждать всего. С тревогой ждали окончательного подсчёта.

Красный обоз

Рано утром собрались у амбаров. Митинг, что ли, будет? Погода мягкая. Густо летит снег на тугие мешки с пшеницей, на гривы лошадей. Лошадки сытые, справные.

Прищепов отдавал последние распоряжения, назначал возчиков, посылал бегом мальчишек поторопить тех, кто ещё не пришёл, раздавал наряды звеньевым. Ловко запрыгнув на задок долгуши, поправил съехавший мешок на крайнем возу, мельком, цепко оглядел другие: не сыплется ли где зерно, не вытекает ли тонкой, почти незаметной пока струйкой? Глаза под сросшимися чёрными бровями по-хозяйски властно и зорко скользнули по лошадям, по упряжи, по красному флагу у передней подводы. Молодцевато спрыгнул, отряхивая снег с модной дошки, прошёл мимо Маши, будто не замечая, занятый делом. Маше пришлось даже чуть посторониться. Может, обиделся за комсомольскую активность, уличившую Малуху, или правда весь в делах.

Дмитрий Иванович загляделся на Прищепова. Уже не верилось ни в его грубость с односельчанами, ни в сомнительные махинации, ни в попытку расправиться с живым уголком. Теперь это другой человек. Именно тот, каким он мог и должен быть. Загадка. Может ли так быть?

«Как же хорош, красив человек в сути своей... — думал Дмитрий. — Красив каждый человек! А Кир Сачков в своей дикой ненависти к Матвею, к новой жизни? А тот неизвестный, кто стрелял в Коржакова? А бросившие Эрнста Тельмана в тюрьму? Кто они?»

Чистые, только что упавшие снежинки липли к подошвам, на их месте оставались грязные следы.

Но сам Прищепов будто поверил в себя другого. Обманывал себя или вправду верил, поддавшись влиянию Коржакова? Или играл роль для него? Нет, этого не может быть. Ему ли не знать, что Коржаков видит его насквозь, до душевного дна, куда и самому заглянуть страшно.

Он искал себя прежнего — того, кто ночами не спал и не хотел спать, охваченный новой жизнью, рождавшейся в селе, принимал среди ночи свежие отчёты о засыпке семенного фонда и слал растущие цифры с нарочным в район, ходил по дворам с бригадирами, разъясняя и агитируя. Словно ожили эти ветреные ночи, чудесные ночи его молодости и восторженной влюблённости в каждое слово Ивана, в его идеи, во всё, что он делал.

Может быть, и Маше видится сейчас именно тот Денис Прищепов? Дмитрию показалось это по её лицу. Но в нём какая-то горечь. И вызов.

Не терпелось увидеть Коржакова. Для этого Дмитрий Иванович пришёл. Что он скажет? Вот он. Рядом с Прищеповым в его полудошке и лазоревом шарфе Коржаков кажется простым рядовым колхозником. Из-под домашней стёганки виднеется примятый ворот синей выгоревшей рубахи. И весь он какой-то домашний. Твёрдая пуговка на подбородке, точь-в-точь как у Афоньки, который с рук матери тянется к отцу.

Очевидно, в том и сила председателя колхоза «Верный путь» Ивана Ефимовича Коржакова, что сам он умеет не выделяться, а виден в делах людей. Виден в Прищепове, в Созонте и его сыне Прохоре, во всех других. И говорит тоже просто, беседует с людьми.

— Борьбу за хлеб вы выиграли, несмотря на трудные погодные условия. Есть у меня ещё для вас радость.

Он прочёл «Положение о сельхозналоге на 1933 год», по которому колхозники, не имеющие обобществлённых доходов, освобождались от налогов. И постановление Центрального комитета партии и правительства «О снятии недоимок по зернопоставкам и рассрочке взыскания ссуд на три года».

— Это уж прямо нас касается! Партия и правительство всемерно идут навстречу колхозникам в их борьбе за всеский трудодень, за укрепление колхозов в первой пятилетке. В нынешний год получим по пять кило на трудодень.

Красный обоз тронулся. У передней подводы, с волнующимся на ветру над дугой лошади красным флагом, шагал Прохор.

На курсы тракториста

Созонт и Матвей, Агриппина, Прасковья, Мартын Молоканов и другие колхозники долго провожали глазами флаг на передней подводе. Вот и их доля в трудных делах страны, в великой пятилетке. Никто из них не привык говорить такие слова, так они не говорили и даже совестились произнести это вслух. Но так они чувствовали.

Бабушка Вани Степанчука, которая много сжала в эту осень серпом и много покрутила лебёдок веялки, незаметно покрестила обоз, шепнула: «С Богом!» Дорога-то дальняя, колдобины да выбоины, да по мосту ехать.

— А вот с трактористами подкачали, — укоризненно сказал Коржаков, усаживаясь на брёвна, — видимо, болела нога. — МТС¹ вам путёвку предоставила, а на курсы никого не послали.

Кровь бросилась Маше в лицо. Она словно и ждала этой минуты, хотела сказать что-то, но сдержалась.

---

¹ МТС — машинно-тракторная станция.

— Я посылал Еремея Бучевого, — сказал Прищепов, обернувшись к парню. — Ты что ж не поехал, Ерёма? Сам же просился.

— Путёвка-то была одна, — буркнул Ерёма.

— На тебя и оформили. И характеристику от колхоза дали за твою хорошую работу, — усмехнулся Прищепов. — Скажи спасибо.

— А, чтоб я уехал, и в характеристике наврать можно? — взорвался Ерёма, отсунув на затылок заячий трехух. — Кроме меня ж заявление подавали... А я, значит, должен с твоей вральной характеристикой цапнуть, как собака кусок мяса, бедой товарища воспользоваться? За какое же говно ты меня считаешь! — зло бросил он в лицо Прищепову.

— Подожди, — остановил парня Коржаков и повернулся к Прищепову. — Кто ещё просил путевку на курсы трактористов?

— Я, — отозвалась Маша. — Ещё в августе.

— Почему ж отказали?

— Она сама отказалась, — спокойно заявил Прищепов. Маша резко покраснела.

— А какую ты мне характеристику написал как председатель колхоза? Да с такой характеристикой на МТС даже показаться стыдно! Разве так я в колхозе работала, как ты написал? Прогулы у меня, да? Ты не только меня — наших комсомольцев опозорил такой характеристикой.

У Маши дрогнули губы от обиды, но она гневно смотрела прямо в лицо Прищепову.

— Так, Денис Гаврилыч, сейчас же оформи документы в Ясногорскую МТС на Машу Берёзкину, — сказал Коржаков. — Собирайся, Маша, — ободрил он девушку. — Занятия уже начались, но тебя примут. Догонишь.

Маша, вся просияв, убежала.

— Ступай, Ерёма, запрягай, повезёшь Машу на курсы, — сказал Коржаков.

— А тебе ещё рано, верно ты рассудил, — Иван поправил на Ерёме треух. — Вот когда всю самогонку прикончишь, чтоб её больше не было, да покажешь себя на колхозной работе — пошлём на комбайнёра учиться. Согласен? И характеристику получишь не вральную, а настоящую, раз уж ты вральные не любишь.

Знакомство

В конторе никого. Потрескивают в печке берёзовые дрова, да ходики со снопом пшеницы, как в избе у Прасковьи, тикают, напоминая о том, что время идёт.

— Садитесь, Дмитрий Иванович. — Коржаков зажёл на столе лампу. Подышав на стекло, осторожно надел. Другую «молнию»¹ под потолком зажигали только для совещаний.

Прямо перед глазами, пониже портретов вождей, двигался по чёрной пашне трактор под голубым небом. Казалось, вот-вот сойдёт с плаката, разломает дверь и ринется на улицу, помчится, затарахтит мимо избышек и колодцев — в поле.

То Каролинка, то Спирька прибежали звать отца ужинать. Такие командировки им очень нравились. Каролинка пробовала совсем остаться возле отца. Но он, ласково и в то же время твёрдо, велел ей идти домой: «Помоги маме Афоньку купать. Ужинайте. У нас с Дмитрием Ивановичем серьёзный разговор».

При этих словах Дмитрию стало не по себе.

Он сам зашёл к Коржакову познакомиться и поговорить о школе: надо привезти ещё дров.

Иван Ефимович встретил приветливо и вместе серьёзно, расспросил о школе. Дров привезут.

— Хорошо сделали, что зашли. Дел у нас с вами нехитрое. Но сначала давайте познакомимся.

Сразу понравилось, что Иван Ефимович не делал никакой скидки на возраст учителя: работаешь — значит работай.

Только тревожила какая-то недосказанность. Дмитрий

---

¹ «Молния» — керосиновая лампа.

чувствовал на себе недоверчивый взгляд Коржакова и чего-то ждал. Как будто он виноват в чём-то, уж скорей бы узнать, в чём дело?

Иван Ефимович просто расспросил, откуда он приехал, кто родители.

— Издалека, значит... А где же с Магульницким познакомились?

Вот оно! Вопрос хлестнул, как кнутом. Дмитрий вспыхнул. Какое там знакомство!

Он рассказал про таскаевский кирпич. Коржаков ударил по столу ладонью.

— Ах, лиса бесхвостая... Ну и лиса. Сразу смекнул. Нюх на жареное. Ну-ну... А ведь меня информировали, что он ваш старый друг. Ладно-ладно, понял. Как тут не понять. Я сейчас с вами не как с учителем, как с комсомольцем хочу побеседовать. Об этой лисе — понятно. — Коржаков как бы облегчение почувствовал. И смотреть стал по-другому. — Но вы-то, Дмитрий Иванович, понимаете, что, поехав за кирпичом в Таскаево, допустили ошибку?

— Я ведь для школы. Где было взять? — Дмитрий стал спорить. Ведь он тогда нашёл отличный выход и кирпич привёз.

— Понимаю. Вы остались с кирпичом, потому что подержали спекуляцию. А другие? Кирпичный завод продолжал отказывать организациям вместо того, чтобы увеличить выпуск. В районе затянулась стройка. Но вам — комсомольцу! — было это уже всё равно. Так ведь? Вы нашли выход для себя и на том успокоились.

Дмитрию захотелось дернуть себя за волосы. Стало жарко. Он не смел шевельнуться. Какой позор! Как это он не догадался, что делает? Правда, какой-то голос тогда изнутри подсказывал: не так, не так, но — это верно — он торжествовал, когда вёз кирпич — и гори там всё у этого окошечка на кирзаводе, в той заплёванной закуренной ожидалке!

— А если бы вы поступили как комсомолец, не помирились бы с таким положением в снабжении района стройма-

териалами, пошли бы в парторганизацию завода, а потом в райисполком, в райком, добились бы приёма к Аюпову. Трудно это, а вы всё равно бы добились! Написали бы в районную нашу газету. Разве нельзя было так? Разве это не есть наш правильный путь борьбы с бюрократией, волокитой, нарушениями?

Коржаков долго курил, напряжённо думая. Потом словно очнулся от тяжёлых мыслей.

— Не обижайтесь, Дмитрий Иванович. Но учитель на селе в настоящий момент много значит. Нам работать вместе, а обстановка сложная. Мы должны быть начеку. Вы уже в курсе того, что у нас в «Новом пути» этой зимой произошло?

Дмитрий наклонил голову. Но Коржаков был не уверен, так ли он разбирается в обстановке, и заговорил о самом главном. В прошлом году он рекомендовал учительницу Тамару Николаевну, активную общественницу, в ревизионную комиссию, заметив неладное в маленькой артели «Луч». И не ошибся. Учительница подняла все документы, помогла обнаружить хищения. Вылетел сразу Кир Сачков, счетовод. Ему грозил суд, если бы он в тот же день не возместил большую недостачу полностью.

Однако именно это показалось Тамаре подозрительным. Кто заставил счетовода взять всё на себя и поддержал его, снабдил деньгами?

Она заподозрила, что самое крупное хищение ещё не вскрыто. И тут она погибла, замёрзла в буран.

Коржаков опять взялся за папиросы и курил молча. Притиснул окурок в блюдце, словно тот был живой и мог выпрыгнуть.

— Заметку Ольги Волоховой из Ручейков читали в газете? Я прочёл ещё в больнице и поспешил выписаться сейчас же. Хотя врачи не пускали.

Дмитрий удивился: такая обыкновенная заметка. О клубе.

— Она, безусловно, обыкновенная, — согласился Коржаков. Но не для всех. А известно вам, что Ольга Волохова

писала корреспонденции в газету о кулацкой артели «Луч» совместно с Тamarой? И выясняла кое-что в период ревизии на месте, на Барашкиных Хуторах, помогая ревизии? Они готовили большой материал. Он остался незаконченным.

Дмитрий был поражён. Ольга... Ведь она ни полсловом не обмолвилась о своём участии. И это так не вязалось со всем её обликом, с тонкой фигуркой, со стихами об осеннем лесе!

Он сказал, что ему ничего не известно. Коржаков так и думал.

— Зато известно кое-кому другому. — Резкая складка у него под переносьем углубилась. — Также о том, что материал об артели «Луч», пусть и неоконченный, где-то существует. Кое-кто дорого бы дал, чтобы заполучить его в свои руки.

Он внимательно посмотрел на молодого учителя, как бы решаясь на что-то. А Дмитрий в эту минуту думал, что Коржаков и в больнице, где ему хотели отнять воспалённую ногу, не терял время.

Как слово наше отзовется

Гудит, ломая скалы,
Ударный труд!
Прорвался песней алой
Ударный труд!

Дмитрий остановился у закрытой двери, отступил назад. Школа — как сказочный заячий домик с острым коньком крыши, и вся звучит детскими голосами. Или это не домик, а музыкальная шкатулка на снегу?

Урок пения только начался, и Ольга показала на узенькую дверь в перегородке за классом, сияющую белизной, как и весь класс. Дети вежливо встали, пока он проходил у крайнего ряда парт.

Охватила робость при взгляде на скромное отглаженное платье учительницы, серебристо-серое, немного стёртое на манжетах. Кружевной воротничок, безупречно чистый и свежий. Ольга держалась с достоинством, как обладательница несметных богатств. На полочке красовался знакомый глобус.

В тесной комнатухе за перегородкой Дмитрий не смел поднять глаз. Он пристроился у окна за шатким столиком со стопкой тетрадей. Одна была раскрыта. Старательно выведено детским почерком: «Вода — краса природы».

Учительница, видимо, нашла не совсем правильно написанной заглавную букву и вывела её на полях. Столик так дрожал при малейшем движении, что приходилось придерживать его за ножку. Занозистые доски — их две — аккуратно застелены газетой. На них чернильница-непроливашка, ученическая ручка.

И вдруг прямо перед собой он увидел чьи-то глаза, улыбочивые, приветливые, под ровной чёрной чёлочкой.

...В труде нам счастье и почёт,
Железо с песней молот бьёт,
И трактор по полю идёт, гудёт,
Он с песней по полю идёт!

— пели за стеной детские голоса

— Могу поделиться с вами своей радостью. Книгу, правда, ещё не вернули. Но она нашлась. Эта книга мне очень дорога. — Она задумчиво смотрела перед собой. Может быть, это связано с дорогим для неё человеком? С первой любовью? Дмитрий ждал молча, боясь заговорить, боясь услышать о ком-то, ему неизвестном.

— У вас в школе был какой-нибудь уклон? — неожиданно спросила Ольга.

— Уклон? Ах да, в восьмом изучали педагогику и педологию. Хотя учебников не было.

— А к нам на урок пришёл агроном, пожилой уже, с сильной проседью и странным отчеством. При первом же знакомстве он даже записал нам его на доске каллиграфическим почерком, чтобы мы не путали. Его звали Павел Кононович. — Ольга произнесла это имя, словно преодолев какую-то преграду чувства. — Приняли мы его несерьёзно, он показался нам чем-то смешным — вероятно, тем, что отличался от привычных наших учителей и наружностью, и манерами. Одевался в русскую рубашку на выпуск, с узеньким пояском. Но потом разглядели, что он преславный. У него были добрые синие глаза, и он шутил с нами. Как-то сели по бригадам тему прорабатывать — кажется, о травосеянии в Сибири. Читаем, конспектируем. А в окна — солнышко, весна!

Павел Кононович ходил-ходил по классу, заложив руки за спину, в своих мягких ботинках, смотрел-смотрел на верхушки тополей, уже в почках, — и вдруг стал читать сам себе негромко, совсем неизвестное для меня:

«В стороне далёкой от родного края
Снится мне приволье тихих деревень.
В поле при дороге белая берёза,
Озимы да пашни — и апрельский день».

С каким чувством он читал, с какой мечтательной грустью! Я не могла уже прорабатывать задание, оторвалась от книги и слушала. Мне было ясно — Павел Кононович сейчас не видит ни нас, ни класса, он далеко-далеко.

«В стороне далёкой от родного края
Девушкой-невестой снится мне весна:
Очи голубые, личико худое,
Стройный стан высокий, русая коса».

Я оглянулась на класс. Никто не читал. Все слушали. После звонка я выбежала за учителем. Когда он обернулся — растерялась. Всё же преодолела смущение, спросила,

что за стихи он читал в классе, где можно найти их? Он внимательно так посмотрел на меня. Глаза у него были чудесные! Нет, не какие-нибудь там, просто они как бы отражали красоту того, что он любил.

— Это стихи большого русского поэта Ивана Алексеевича Бунина, который глубоко любит Россию, покинутую им, и тоскует о ней.

Дома я перерыла весь шкаф с книгами, сундук в прихожей, но сочинение Бунина не нашла.

Зато Кононович стал с того дня иногда оставаться с нами после уроков, приносил с собой книги, читал нам вслух.

— Стихи?

— Не только. Из его книг мне запомнились особенно повести и рассказы писателя Михайлова, революционера и демократа. Он был сослан царским правительством в Сибирь и умер на тяжёлых работах. А стихи Михайлов писал такие:

«...Если ж погибнуть придётся
В тюрьмах и шахтах сырых,
Дело, друзья, отзовётся
На поколениях живых...»

Ветер ударил в стену. Тёмное окно над шатким столиком забрасывало морозным узором.

Дмитрий вспомнил о Чернышевском, о его ссылке в далёкий Вилуйск. Сколько прошло этой дорогой доблестных, лучших. Представилась эта дорога где-то там, в самом начале, за днями и днями. Потом шли на штурм Зимнего, но дорога вела дальше. Он вздрогнул, как от сновидения. Сторожиха в классе подбрасывала дрова, стучала поленьями.

— Ну, а как же травосеяние? — вспомнил он, пряча улыбку.

— Произошло чудо. То, что казалось нам сначала неинтересным, далёким — ожило. Мы слушали о травосея-

нии и многопольном севообороте, как и всё, о чём нам рассказывал наш агроном.

Это был рассказ о родине. Просто Павел Кононович не отделял полеводство от поэзии, не мог разделить.

— А после школы вы встречались? — Дмитрия волновал её рассказ об этом седом агрономе.

Ответ оказался неожиданным и сделал ему больно.

— Павел Кононович умер в то же лето. Мы узнали о нём, когда вернулись после каникул. Такие весёлые. И тогда же узнали, что Кононович был выслан студентом в Томск ещё царским правительством за революционную деятельность. И здесь организовывал стачки на чугунолитейном заводе, на спичечной фабрике Кутерина. Свою домашнюю библиотеку он велел передать нашей школе. А одну книгу написал мне лично, на память...

Это и были стихи Бунина.

— Та самая книга?! — догадался Дмитрий.

— Та самая. Теперь вам понятно, почему я не могу с ней расстаться?

Оба долго молчали. Ольга вспоминала, вероятно, Павла Кононовича.

— Ольга Сергеевна, — заглянула сторожиха. — Ну, я закрываю трубу. Смотрите, как по-вашему. Чтобы опять головка не разболелась.

А на улице — мороз!

«Надо идти домой», — мысленно заторопился Дмитрий. Но как идти, когда ничего не сделал?

— Где, интересно, тот человек нашёл ваш чемодан? Тамара получила его сама в пакгаузе?

— Да, в багажной её роспись. А чемодан оказался на дороге в Елшанку, недалеко от моста. Его занесло снегом, поэтому не сразу заметно было.

— И он оказался запертым?

— Конечно. Я думаю, он просто упал с саней, ведь была такая буря.

— Абсурд! — вспыхнул Дмитрий. Он напомнил Ольге, как аккуратно оказались упрятанными тетради в санях,

и, уж конечно, так же прибрала Тамара чемодан с книгами.

— Неужели вы опять поедете по вызову этого подозрительного типа на вокзал?

[Далее часть текста отсутствует.]

Коллеги

Ольга Сергеевна захотела непременно посмотреть календарный план, и все трое вернулись в школу, хотя Макар Баянов и заворчал, что уже поздно.

— Очень надо ещё — планы... Я и планы эти не составляю, и правила с учениками не зубрю, — заявил он, усевшись на парту и болтая ногами. — У нас не старая школа, слава Аллаху. Страна занята делом, грандиозной стройкой, а я должен зубрить с ребятами про суффиксы существительных и читать сказку о рыбаке и рыбке? Задурманить головы советской детворе? Восемилетнему мальчишке, который уже на рыбалку ходит, я должен внушать, будто рыба может заговорить человеческим голосом.

— Не ерунди, Макар, — остановила Ольга, вчитываясь в календарный план. — Что же, по-твоему, надо?

— Что надо? В первом классе пусть хоть одну гайку от машины, хоть один винтик изучат твёрдо, а дальше — второй, третий, научатся управлять. Вот программа! Учить у машин! У тракторов! К чёрту парты! — он грохнул по крышке кулаком. Дмитрий поймал на лету чернильницу, покотившуюся со стола. — Лучше камни бить на мостовой, чем так, — заключил Баянов.

— Зачем же ты пошёл работать учителем? — с любопытством спросила Ольга, отмечая у себя в блокноте даты по плану.

— Зачем, зачем... Так получилось! Девятилетку кончил — как раз только что электростанцию построили, на переменном токе. Я и поступил дежурным у щита. А электричество ни черта не помню, как в школе проходили.

ский разбираю. Читаю Библию. Могу сам дочь обучить. А ваша ученья — несправедная.

— Предлагаю договорить в доме, — уверенно шагнул на Якуню Дмитрий Иванович, тому ничего не оставалось, как отступить, пропуская учителя в дом.

— Вы совращаете молодые души, — продолжил хозяин дома, — учите, будто Бога нет, — избличал он, подняв палец, словно грозя учителю. — Вечной жизни, суда Божьего, по-вашему, тоже нет. Грабь, убивай, за грехи отвечать не придётся — так?

— За грехи и преступления каждый ответит ещё на земле, — твёрдо возразил Дмитрий. Хозяйка, сидевшая за ткацким станом, прислушалась к его словам, задержалась на минутку, раз-два! — опять пристукнула новую нить.

У окна низко склонила гладко причёсанную голову над прялкой молчаливая Тоня. Сучила нитку из кудели на деревянном гребне, у колена над полом крутилось веретено. Ни хозяйка, ни Тоня не посмели прервать своего дела.

На столе под образами Дмитрий заметил знакомую по внешнему виду книжку «Жития святых». Та самая, изъеденная молью. Видимо, перед приходом учителя Якуня читал её жене и дочери вслух. Егора дома не было, видимо, бегал на улице с другими детьми. Дмитрий почувствовал вдруг такой прилив ненависти к пропахшему нафталином дому, что стало трудно дышать.

— Я прошу вас не знакомить школьников с теми книгами, которые читаете вы, — произнёс он как мог медленнее, как мог отчётливее, стоя против Якуни и глядя ему прямо в лицо.

Только не сорваться. Не сорваться, как тогда у Мартына. Якуня молчал, как будто не понимая его или не желая понимать.

Что-то кипело внутри: Егор, умный Егор с его мысиком волос на лбу, живой и подвижный, уже теперь знающий больше, чем взрослые жители Елшанки, чем его отец и дед, похожий на жука... Дмитрий Иванович наконец-то овладел собой.

каивал волкодава, ласково трепал его густую шерсть с жёстким стальным отливом.

— Меня-то он знает! — с гордостью сказал Егор. — А то разорвать может.

— Мало-мало успели оттащить, — Ваня деловито скакал на замёрзшей ноге, разыскивая слетевший на бегу опорок.

— Мы видели, как вы сюда шли, — признался Егор. — За воротами спрятались. Вы в другой раз ему только скажите тихонько, вот так: «Шакальчик, Шакальчик» — он сразу поймёт, что вы хороший, — учил Егор.

Если Тоня не придёт — опять единоборство с Шакалом. Дмитрий готов был к схватке. Кто-то первый должен понять — Шакал или Якуня.

На крыльце появился хозяин.

— А что? Сорвался-таки!

Дмитрий вытер прокушенную руку носовым платком, спокойно сказал:

— Если не учтёте мои замечания, вами займётся милиция за травлю учителя собакой. Вот они, — Дмитрий кивнул на Егора и Ваню, — свидетели. Думаю, годика два на лесоповале вам обеспечены, только молитвенник с собой в тюрьму не забудьте. — Повернулся и вышел на тёмную улицу.

Он почему-то был уверен, что Тоню не пустят в школу. Ждать нечего. Но она пришла! Размотала старушечью накрывную шаль с кистями. Робко улыбнулась.

— Мама тятё сказала, будто к сестре послала меня шерсть чесать. Овечек они стригли. Папа расстроенный, отпустил.

Потом повторяла за учителем по букварю торопливо, немного задыхаясь и боясь перевести дыхание, не помешать. Догоняла потерянные годы. Пусть другие сказали это уже раньше — Тоня сделала открытие теперь: «Мы — не рабы». Напористо двигалась вперёд. Такая оказалась понятливая, способная. И словно решила не уступать отцу,

кой Фросей, и Мартын, и парни с девчатами, и Прасковья.

Как не любоваться? Хорош домок будет у бригадира Дениса Прищепова. Прасковья тихонько вздохнула, вспомнив свою развалюшку.

— Вот что значит — своя рука владыка! Лес-то колхозный, — усмехнулся Коржаков.

— Колхозу заготовляли на постройку, — подтвердила Агрипина.

— Вот сегодня на общем собрании и поставим вопрос об открытии в Елшанке клуба, — Коржаков оглядел всех.

Созонт облегченно вздохнул, будто свалил тяжесть:

— А ведь справедливо!

Молодёжь захлопала в ладоши.

— Сцену надо, — заметил Прохор. — Постановки ставить.

— А вон, как раз под аркой, — показал Коржаков на нишу с высокой аркой. — На собрании и обсудим, какие ещё недоделки у нас. Досок на сцену хватит, Ефим?

— Хватит. Да мы сегодня же сделаем, долго ли там...

— Хорошо, делай! Ты что-то хочешь сказать, Денис?

Прищепов отрицательно мотнул головой. Не так он глуп. Стоял неподвижно, сунув руки в карманы, стиснув кулаки. Чувствовал: все на него смотрят.

С облегчением перевёл дух, когда народ разошёлся, и они с председателем остались вдвоём под аркой. Коржаков озорно хлопнул его по плечу:

— Вот так, Гаврилыч! Получай первый урок: председатель колхоза — не барин, он всегда честным должен быть.

Совещание учителей

Ясногорский Дом культуры одноэтажный, но просторный. Пока приехавшие из разных Сосновок и Берёзовок учителя выбирались из саней и бараньих тулупов, отряхивались от сена, топтали озябшими, онемевшими ногами

сразу видно, что сжился с хозяином как неразлучный друг, а не для парада надет. В таком и теплее, и чувствуешь себя увереннее. Освежала шёлковая трикотажная рубашка с готовым галстуком. Её сиреневый цвет очень подходил к лицу и особенно к светлым глазам владельца.

— Досихина не видел? — спросил он Баянова, оглядывая ряды. Баянов отрицательно мотнул головой.

— Николай Николаевич, знакомьтесь с елшанским учителем, — Баянов поспешил представить Дмитрия. — Помните, мы хотели с ним в Доме колхозника познакомиться, а он сразу заснул, как сурок. Будьте любезны — Дмитрий Петунин.

— Ничего. — Николай Николаевич ласково улыбнулся Дмитрию. Сбоку у него не хватало одного зуба, но от этого улыбка была даже милее. У глаз от неё появились ранние морщинки, ему было не более сорока. — Маринин, — представился в свою очередь он и подал Дмитрию руку. — В наше время даже гора с горой может сойтись и реки сливаются, а уж мы-то, учителя, найдём друг друга. — Потом присел только на кончик стула и предупредил, что уйдёт «к своему табору» — надо только найти Досихина.

— Николай Николаевич имеет счастье работать в Борзинской школе под руководством самого Осипа Яковлевича Досихина, нашего внештатного инспектора, председателя методобъединения или как там его, чёрт, и прочая, и прочая, — пояснил Баянов.

— А я, как председатель местного комитета, сразу вцеплюсь в вас, Дмитрий, — пошутил Николай Николаевич. — На заочное оформились?

— Куда? — удивился Дмитрий.

— В Томский пединститут, конечно. У нас все учатся. Кроме, правда, Макара Баянова.

— И в профсоюз подавай, — подсказал Баянов. — Там тебя живо обрачают по всем статьям. Вот увидишь Борзинскую школу. У них уже пятые классы открылись и мастерская...

— Мы не можем отменить ваше выступление «О политехнизации школ», — так же холодно и сдержанно сказала Рудковская. — Будьте готовы выступить после моего доклада. Я вас не задерживаю, товарищи.

Дмитрий был поражён не меньше Рудковской. Он с нетерпением ждал той минуты, когда Николай Николаевич поднимется на трибуну.

Совещание началось. После доклада на трибуну пригласили Маринина. Рудковская отодвинула графин с водой, чтобы он не мешал ей видеть Николая Николаевича, и слегка облокотилась на руку.

— В Таскаевской школе, — хмуро, но спокойно начал говорить Маринин, — куда нас командировали за опытом, мне не понравилось вот что. Во-первых, из школьников, хотя и без целевой установки, всё же как бы готовили рабочих кирпичного завода. А их следовало учить подходу к изучению производства — любого производства на уровне современной техники.

Во-вторых, само производство кирпича в Таскаеве носило узкоремесленный характер. Чему могут научиться школьники на таком производстве? Пока они растут, прежние формы устареют, отойдут в архив. Да, экскурсии на производство имеют большое значение. Ещё в 1920 году, намечая доступные шаги к политехническому образованию, в заметках на тезисы Надежды Константиновны Крупской товарищ Ленин рекомендовал: а) посещение электрической станции, ближайшей, и ряд лекций с опытами на ней; б) то же — каждый сносно поставленный совхоз; в) то же — каждый сносно поставленный завод.

Загляните в том тридцатый второго издания полного собрания сочинений товарища Ленина на страницу четыреста девятнадцать и убедитесь в этом сами. — Маринин говорил на память, не заглядывая в листки, свёрнутые перед ним трубочкой. — Сегодня под ленинским словом «сносно» надо понимать «лучшее». Потому что прошло тринадцать лет и нам есть что показать детям, и не на уров-

не таскаевского кустарного производства времён прошлого столетия, — а это наша Ясногорская железнодорожная станция, паровозное депо с новыми токарными станками, механические мастерские, новейшее оборудование на заводе «Металл-лес». Нам есть что показать и на селе — это только что построенный льнозавод в Зудово, я уже не говорю о передовых хозяйствах района!

Рудковская слушала всё внимательнее. Она облакачивалась то на правую, то на левую руку. Аудитория не смущала Маринина. Он держался на трибуне свободно, как у себя в учительской, говорил спокойно, не повышая голоса, «кабинетно». Только по быстрому движению, каким он поправлял волнистые волосы у лба, было заметно, что тема его очень волнует. Но он старался убедить не голосом, а только содержанием.

— Здесь, понимаете, хитрое колёсико вставлено, — пробовал он подобрать понятный пример. — Перекрутишь — ученик скатится на роль подсобного рабочего. А мы должны развивать его как будущего ученого. Да-да, не улыбайтесь там! Потому что это и есть тип будущего рабочего! А недокрутишь это хитрое колёсико — получится разрыв теории с практикой.

Но всем не терпелось услышать о том, как осуществляется политехнизация в Борзинской школе, куда поедут с экскурсией. И Маринин понимал это, а потому начал рассказывать о своей школе.

— Летние каникулы мы потратили главным образом на строительство и оборудование мастерской. Съездили за лучшими станками в Тогучин, приобрели инструменты. Но дорога, скажу я вам, — дрянь дорога, мы чудом выбрались из корниловской грязи! Но это я к слову. Думаю, что настанут времена, и в Тогучин будем ездить на поезде, как в Новосибирск, или по ровной дороге. Обязательно — по ровной!

У нас занятия по обработке дерева начались задолго до первого сентября. Ученики изготавливали крышки для

парт, ножки для столов и стульев, чинили мебель, классные доски, делали табуретки. Потом в расписание ввели уроки труда, и уже на уроках ребята изготовили полки для книжного шкафа, этажерку в учительскую, рамки для портретов, ящички для мела и полочки для цветов. В классах стало уютно, все были очень довольны... Тут-то я присмотрелся — и решил всё это прекратить.

Маринин плеснул в стакан немножечко воды из графина, выпил. В зале следили за каждым его движением. Стало так тихо, словно здесь нет ни одного человека. Только блестели глаза.

— Помните сказку Андерсена «Новое платье короля»? Ну вот, мне пришлось взять на себя роль того мальчика, который крикнул первый: «А ведь король-то голый!» И это в то время, как все восхищались новым платьем короля, не смея заметить, что он голый.

Я поставил себе простой вопрос: а чему учатся дети, расходуя многие часы в мастерской при Борзинской школе? Или, делая табуретки, они только и учатся делать табуретки? Но ведь и Ваньку Жукова в своё время учили тачать сапоги. Мы же готовим не Ванек Жуковых, а будущих строителей социализма. Для успешного овладения современной техникой, — а мы убеждаемся в период первой пятилетки, что она будет развиваться всё быстрее, — требуются глубокие знания основ наук. На их использовании основывается вся техника и технологические процессы. И тут я понял, что просмотрел: в нашей Борзинской школе техническое обучение было оторвано от основ наук. Посещение уроков математики, физики, биологии убедило меня в этом. И ещё убедило: если бы мы все эти часы, что провели, делая рамки и полочки, употребили бы на решение задач и на доказательство теорем, мы ближе подошли бы к политехнизации. — Николай Николаевич напористо закончил: — Я не отказываюсь от уроков труда ни для мальчиков, ни для девочек, но призываю во всём к здравомыслию и учёту современных и перспективных задач, стоящих

перед нашим обществом. Наши успехи во многом зависят от этого!

После совещания Николай Николаевич подошёл к Рудковской:

— Евгения Павловна, я должен извиниться перед вами...

— Вместо извинения сходите, пожалуйста, в редакцию. Я не смогла дозвониться. Скажите от моего имени редактору газеты, чтобы не помещали статью о Борзинской школе и мастерской. С вашим портретом.

Рудковская была расстроена. Но она обвиняла в первую очередь себя. Надо было выбрать время приехать в Борзинскую школу или хотя бы созвониться с Марининым.

Дмитрий чувствовал, как тяжело и Маринину. В эту минуту все сожалели, что запланированная экскурсия не состоится.

В прениях разгорелись страсти. Целая стая записок слетелась на стол президиума. Волновали и организационные вопросы: чем должны заниматься девочки в часы труда? Считать ли отстающим того, кто получит «плохо» по столярному делу? Были и раздражённые, каверзные, с подковыркой вопросы: «Кого мы, собственно, должны выпускать из девятилетки — образованных людей или столяров?»

— То и другое вместе, — отвечал Маринин. — Столяр будет образованным человеком. А получивший образование может стать столяром, если ему нравится эта работа.

— Значит, интеллигенции не будет? — яростно кричали с места.

— Наоборот, её станет больше.

Заспорили уже между собой прямо в зале. Рудковская подняла колокольчик. Укоризненно смотрела в зал.

— Товарищи! Вы ещё требуете дисциплины от учеников, а сами ведёте себя как дети! — уже с улыбкой упрекнула она.

В заключительном слове она сказала:

— Вопрос о политехнизации коренной, он в перестройке школы. Сейчас мы делаем главный поворот. Именно теперь, в эти два-три года, школа должна повернуть на тот путь, по которому пойдёт дальше через годы и десятилетия, в ногу со всей страной, в ногу с нашей промышленностью, — к коммунизму.

Дмитрий впервые увидел Рудковскую на трибуне без её обычной неторопливой выдержки, без той мягкой иронии, с какой она терпеливо показывала споткнувшимся их ошибки. В повседневной жизни, в заботах о ремонте школ, о стекле и дровах она казалась деловитой, настойчивой — и только. И это могло ввести в заблуждение, не дать различить за мелочами главное — огонь, рождавший эту непреклонность в ежедневной борьбе. Не винтовку вручило ей государство, а послало в светлый класс и вот на эту трибуну, где врага нужно разглядеть ещё, может быть, не в человеке, а в букве, в цифре, — и бить его словом, бить мелом у классной доски, бить глубоким научным знанием, потому что именно знание — это власть.

Человеческий фактор — решающий фактор

Возраст Досихина определить трудно. Казалось, он раз и навсегда надел приличное лицо, немолодое, но и без заметных морщин. Бережёт, как и свой костюм неопределённого цвета. Можно ли его чем-нибудь вывести из равновесия? Вряд ли. Таково было первое впечатление, может быть, и ошибочное. По сухому, несколько уплотнённому лицу Досихина был сразу виден работяга в своей области. О таких говорят почему-то: «собаку съел».

Он так и держался, как будто съел эту самую собаку, и сбить его трудно. В районо был и штатный инспектор, но он не мог проинспектировать все школы, среди которых есть отдалённые, за тайгой и болотом, куда попасть можно

только зимой — летом утонешь в трясине. Лошадь в районе одна, инспектор часто ходил в школы пешком.

Досихин как руководитель методического объединения должен был, в порядке общественной нагрузки, проверять школы. Он старался выполнять свои обязанности как можно добросовестнее.

Положив перед собой на трибуну исписанную тетрадь, он мерным голосом читал листок за листком, отчитываясь за первое полугодие. В тетради было записано, что лучшая школа в Борзинском кусте Турнаевская, а лучшая учительница — завшколой Амелина Анна Петровна.

— Успеваемость за полугодие — сто процентов, посещаемость — также, — монотонно докладывал Досихин. — Тетради Амелиной сегодня на выставке, их можно посмотреть, советую.

Досихин взял несколько тетрадей с трибуны и, перегнувшись к столу президиума, передал Рудковской.

— Вот, я взял с выставки, можете ознакомиться. Анна Петровна Амелина — образец аккуратности и исполнительности. За Турнаевскую школу я всегда спокоен.

Передние стали оборачиваться, искали глазами Амелину. Но Досихин, не меняя тона, уже перешёл дальше:

— Внушает большую тревогу Калино-Падунская школа. Учитель Макар Баянов крайне недисциплинирован, если не сказать более. Он может оставить детей в классе, а сам уйти ловить рыбу. Вместо осеннего совещания отправился шишковать в тайгу. Ученики Калино-Падунской школы плохо читают и пишут, совсем не знают правила по грамматике. Программа не пройдена.

— Ещё стану я тебе зубрить правила, — пробурчал Баянов.

Осип Яковлевич добавил, что учитель Калино-Падунской школы не организовал занятия с малограмотными.

— Всё равно не станут ходить, — возразил Баянов. — У нас по ночам волки бегают.

Кто-то засмеялся.

— В то же время, — невозмутимо продолжал Досихин, — товарищ Баянов предпочитает ходить плясать на вечёрки, где пользуется успехом, — заключил он и снова обернулся на Рудковскую.

Евгения Павловна внимательно перелистывала тетради, привезённые Амелиной. По её лицу нельзя было судить о её мнении. Досихин признал себя виноватым в том, что не успел побывать в Елшанской школе:

— А там молодой учитель. Первый год. В третьей четверти побываю непременно.

— Ну, держись! — со смехом шепнул Баянов, ничуть не унывая от только что полученной характеристики.

У Дмитрия Ивановича по спине пробежал холодок. В это время кто-то задал вопрос:

— А надо ли школьникам учить наизусть правила по грамматике и формулировки по арифметике и алгебре?

— Ага! — торжественно одобрил Баянов.

Но Досихин ответил, что учить надо именно наизусть, дословно:

— Мы, к сожалению, увлеклись новшествами, перестали учить правила и формулировки. Это дало отрицательный результат, что отмечено в постановлениях о школе. В период перестройки наша школа давала слишком мало элементарных знаний. Крайно потребовал от нас использовать в этом смысле опыт старой школы. Следует учить! Добиваться от учеников чётких знаний.

— А как внедрять политехнизацию в начальной школе? — беспокоился кто-то.

Досихин чуть заметно улыбнулся одними губами.

— Пусть ваши ученики хорошо усвоят четыре действия арифметики — вот вам и подготовка к политехнизации.

Поднялась Амелина в оригинальном шарфе, похожем на шахматную доску. Она выразила мысль, что неуспевающие не смогут хорошо усвоить четыре действия арифметики:

— Меня тревожит успеваемость. Возможно, с введением политехнизации и требования повысятся? Критерий,

А в заключение хочу вам пожелать всего самого наилучшего в новом, тысяча девятьсот тридцать четвертом году!

Сорока смотрит кино

Бывают дни, совсем не похожие на твою жизнь. Как обрывки сна или неизвестной киноленты.

Он шёл по обмёрзшим доскам деревянного тротуара, нёс лыжи.

Вместо экскурсии в Борзинскую школу организовали лыжную вылазку в Загородный бор. Дмитрий спускался к Водокачке неохотно, смотрел по сторонам. «Пока буду в бору, Ольга может приехать», — сожалел он.

Впереди ровное поле огромного пруда, который почему-то прозвали Водокачкой, оно искрилось в лучах утреннего солнца. Пруд ограничивался слегка изогнутой дамбой, а за прудом чудо — величественный сосновый бор. Склон, по которому настороженно шёл Дмитрий, крут и скользок. Справа от начала дамбы — красное здание и высокая красивая труба с короной наверху. И всё — из красного кирпича, уложенного идеально ровно и с выразительными прожилками растворных швов, — это насосная станция, которая по невидимым трубам гнала воду на железнодорожную станцию, к паровозам. Ближе к дамбе одноэтажный деревянный барак — это казарма охраны: водокачка относилась к объектам стратегического назначения. Дмитрий оглядел панораму пруда и быстро заскользил по склону вниз. Устоял, хотел оглянуться, но вдруг кто-то обнял его сзади и положил ему на глаза ладони в рукавичках. И тут же убрал...

Они стояли друг против друга, немножко растерянные от радости. Может быть, оттого, что утро такое яркое? Не сговариваясь, пошли по дамбе в бор.

— О, смотрите же! — Ольга тронула его за рукав и показала на надвигающиеся вековые сосны-великаны. — Запомните эту картину на всю жизнь!

С вечера летел мокрый снег, хлопья липли на деревья, на заборы, штакетники. К утру ударил мороз — штакетники стали кружевными, а каждая голая веточка, до тончайшего прутика, оделась в ледяной чехольчик. Хрупкие эти трубочки засверкали на солнце, осыпаясь с едва уловимым звоном, как хрустальные стекляшки.

На снег брызнули искры. Алые, золотые, синие, они двигались как живые и вспыхивали вдали. Но едва Дмитрий и Ольга приближались — искры гасли. И снова зажигались впереди.

За Водокачкой уже виднелись между деревьями учителя на лыжах. Выехали все, молодые и старые, спортсмены и те, кто и на лыжи-то не становился. Организатор похода, преподаватель физкультуры из городской девятилетки, в вязаной шапочке, похожей на чулок, мигом вручил Ольге лыжи и скомандовал: «За мной!». Дмитрию показалась не симпатичной и его шапочка-чулок, и особенно не понравилось, как он скомандовал Ольге, красуясь перед ней спортивной выправкой.

— А если мы поедем лучше вон там? — показал ей Дмитрий в глубь леса.

Даже не верилось, что они останутся сейчас вдвоём! Позади остались тальник у замёрзшего берега, берёзы, осины — всё обросло белым мхом. Но как точно, с мастерством чертёжника, иней повторял изгиб ветки, обвисший стебель осоки на болотной кочке, зазимовавшую кисть калины!

Лес и зимой жил своей жизнью. Тишина полнилась глухими шорохами, едва уловимыми микрозвуками. Шуршал под лыжами снег. Шли целиной.

От мороза у Ольги разгорелись щёки. Она сбросила пальтишко, повесила на сук и сказала:

— На обратном пути захватим.

Но не хотелось думать про обратный путь, деревья уводили дальше и дальше в лес. Они прятались одно за другое и вдруг вновь появлялись, неповторимые в морозном узоре.

Ольга осталась в пушистом свитере — сером с яркой радужной полоской у ворота. Дмитрий двигался по её лыжне, радужная полоска вела его за собой, как луч солнца, как флажок.

Смыкался снежный коридор. Таинственнее стало во круг. Лучи скользнули по сугробу и погасли. Как стало сумрачно!

Куда вы, двое? Здесь не пройдёт человек. Вернитесь назад, пока не поздно! А то сами обратитесь в деревья!.. Они идут и идут... до самой тайги, где бурелом да болото.

Низко опустились ветки бородавчатой заскорузлой берёзы, полощутся по сугробу. Пропусти нас, берёза! Мы не тронем твои ветви, мы нагнёмся и нырнём вот здесь. Ты разве не узнаёшь нас?

Мы ничего не боимся. Мы пройдем везде. И распахнулся новый коридор — неправдоподобный, как неоткрытый мир. Тончайшим музыкальным рисунком виртуозно обыгрывал иней нездешние деревья.

Ольга внезапно остановилась. На лыжине порвался ремешок. Дмитрий опустился на одно колено, стал перевязывать. Она смотрела на него сверху вниз сквозь запушённые ресницы. Свитер немного порвала о сучок. Волосы из-под шапочки, как белый дым.

Её он тоже никогда не увидит такой. Никогда. Как и странные деревья, забредшие из другой эры. Прошедшей или будущей? Не всё ли равно!

На снегу — опавшие звёзды.

«Если она сейчас скажет хоть слово первая, то...» — неожиданно для себя загадал Дмитрий. От одной только мысли захолонуло в сердце. Ждал. Молча отряхивал рукавичку. Ну, скажи, скажи хоть слово... Милая, скажи!

— У вас коленка в снегу, — заметила Ольга.

Он взял её руки, сжал в своих и нежно, бережно привлёк её к себе. На всей планете — белые деревья и они двое.

— Милая, я же понял, я чувствую... Я угадал? Ну зачем же... зачем? — невнятно, бесцельно умолял он, сам

не зная о чём, целуя ей запястья и ладони, подбирая рукавички и снова роняя их на снег.

Может быть, он молил о том, в чём и она была не властна? О том, чтобы не гасли эти звёзды на снегу, и чувство было, как нетронутый мир вокруг? Он обнял её и заглянул в побледневшее изменившееся лицо.

— Ты — знала?

Она закрыла глаза.

— Знала, что я люблю тебя? — спросил он почти сурово.

Когда он оторвался от поцелуя и перевёл дыхание, лицо её показалось ему незнакомо-красивым и горестным. А в нём так светло!

Сорока шевельнулась на ветке, осыпала их снегом. Перелетела повыше, чтобы удобнее смотреть.

Оба молчали.

Милая, прости... Прости! Как он смел думать о каком-то призраке, химере? Рассеялось всё! Никого, кроме нас двоих. Никогда, никогда больше не буду думать о тебе плохо! Никогда!

Потом, при расставанье на улице, хотя ни о чём не уловились, но было ясно, что Оля придёт на вечер в клуб.

Вечером завершалось январское учительское совещание. Многие уже разъехались по своим сёлам, озабоченные и политехнизацией, и покинутой дома детворой — не опрокинули бы лампу! Надо и календарный план на второе полугодие составлять, и наколоть дров побольше, и запастись керосину из сельпо для школы и для себя, и мел плохой, не пишет, а крошится, — на печке, что ли, просушить?

На вторые классы не дали тетрадей в косую линейку, не хватило. Придётся пролиновать, а то почерк у ребятшек совсем испортится, все труды — насмарку... Тридцать пять в классе — тридцать пять тетрадей. И хлебы испечь. Начнутся занятия — всё некогда будет, всё только при лампе.

Но молодёжь, не поддаваясь заботам, разгорячённая лыжной вылазкой, собралась в просторном прохладном фойе Дома культуры, где уже настраивал трубы духовой оркестр.

Дмитрий посматривал на часы. Полированный футляр словно пытался задержать время. Выходил в гардероб — не пришла ли? Выпил в буфете бутылку лимонада, чтобы скоротать минуты. Попробовала голос одна труба, потом другая, и оркестр весело грянул стремительный «Марш ударных бригад».

Всё преобразилось. С новым торжественным смыслом отразило лица бывалое зеркало в плюшевой раме, смотрела в столетие скульптура «Делегатка», заложив за спину рабочие руки, теснились вокруг портрета Ленина парни в распахнутых кожных. И слова Ленина о народном учителе, проживающие вместе с учителями каждый новый день, все их трудности и надежды.

Организовались в круг, пока оркестр настраивался на новое, тесно сцепились под руки, сбиваясь и смеясь, похорошевшие от радостного оживления, от сознания, что их много и они — в строю. Потом-то опять разведутся по деревушкам, занесённым сугробами...

«Наш паровоз, вперёд лети,
В коммуне остановка.
Иного нет у нас пути...»

У Дмитрия перед глазами с песней проплывала лыжня, морозный лабиринт, разноцветные звёзды на снегу.

Баянов дернул его за рукав.

— Одевайся. Идём.

— Что-то про Ольгу?

— Да зачем ей сюда? — удивился Баянов. — Она же письмо получила. Для того она и приехала.

Дмитрий не сразу понял. Но пусто стало вдруг во всём теле.

«Мы дети тех, кто выступал
На бой крестьянской рады,
Кто паровоз свой оставлял
И шёл на баррикады...»

— окрепли, спелись голоса.

— Хватит, Колька, ведро уже пролезает. Давай поскорей черпать. — Витя осторожно свёл Байкала с крутого берега.

Светало. Осколки льда и вода в проруби порозовели. В них отражалась заря новорождённого дня. Конь опустил голову и стал втягивать воду. Пей, Байкал. Вода в этот час особенная. Заревая.

В Елшанке знают: кто встанет пораньше и успеет напиться заревой воды прямо из речки — тому любая работа будет под силу. Витя потрепал конька по упругой шее. Тот обернулся к нему, сильно дохнул, раздувая ноздри: что ж не захватил ржаного хлебца с солью?

— Ладно уж, — обещал Витя. — Вечером приедем с сеном — дам. — Байкал слушал доверчиво. Мягкими губами касался рукавицы. — Хлеб — его ещё заработать надо.

— Эй, скорей там! — окликнул Коля от водовозки.

Но ещё не успели подняться на гору, как к ним подошёл человек в дохе, поздоровался, потрепал Байкала по гривке:

— Замечательный конёк! Красавец.

— Ещё бы, — просиял Витя, поправляя на нём упряжку.

— В Америке таких лошадок берегут, держат в холе, в чистоте, любят ими. А у вас, вон, воду возят, бедный, — не то пошутил, не то всерьёз сделал замечание человек в дохе.

Мальчики промолчали.

— А что, учитель ваш дома?

— Дмитрий Иванович в Турнаево собирается, — сурово оборвал разговор Коля, мол, нечего тут, ждут их. Он подогнал Байкала вожжой и, не оглядываясь, пошёл с водовозкой рядом. — Витька, держи с того боку!

Рыболовные крючки

«Всем завшколами. Елшанская. Срочно сообщите данные о выполнении всеобуча и охвате учёбой неграмотных и малограмотных среди взрослого населения в районе ва-

шей школы и сельсовета по прилагаемой форме. Сведения передать в кустовое методобъединение. Завроно Рудковская. Верно: секретарь Хвостикова».

Дмитрий вертел бумажку так и сяк. Странно: почему это поручено именно мне? Хотелось придумать этому особенную причину, желание Рудковской испытать его исполнительность как молодого работника, оказать ему особое доверие. Приходило на мысль и объяснение попроще: Елшанка расположена как бы в центре других школ куста, расстояние от неё до них сравнительно небольшое, по несколько километров. Но первое объяснение ему больше нравилось.

Поручение ответственное и трудное. Ну, до Калинкина Падуна и Ручейков можно успеть после занятий. А вот до Турнаева десять километров. Только в воскресенье можно, да и то если выйти пораньше.

— Завтра же мы по турнаевской дороге по сено поедем, — сказал Матвей, когда учитель ещё накануне расспрашивал о дороге в Турнаево. — До поворота доведём, а там прямо. Слепой найдёт.

Дмитрий стал лихорадочно собираться. Осмотрел белую рубашку: на груди крохотная дырочка. Вот! Прекрасно закрылась галстуком в синюю полоску, купленным ещё мамой. На брюках он наутюжил всеми способами такие складки, будто они прямо из магазина. Эх, жаль, что придётся затолкать их в валенки. Хотелось бы выглядеть получше, ведь он по поручению района.

Держаться он будет тоже серьёзно. Особенно беспокоила мысль о турнаевской учительнице Амелиной. Она старше, уже со стажем, её тетради были на выставке...

О том, что теперь-то ему необходимо побывать в Ручейках — по делу же! — он подумал сразу и к встрече с Ольгой готовился. Он даст ей почувствовать, что между ними всё кончено. Сухо спросит нужные сведения, запишет и уйдёт. Но, как он себя ни успокаивал, предстоящая встреча с Ольгой волновала ещё больше, чем поход в Турнаево.

За ночь подвалило снегу. Какие были следы — собачьи,

лисы, заячьи, — всё скрылось. Одна дорога вилась белым полем. По ней ползли двое саней. На задних — Матвей в косматой шапке. С отцом выпросился Витя. Моряк бежал сзади.

С передних саней прыгнул Прохор, побежал рядом, похлопывая мохнашками, проваливаясь в хрупкий наст. Под распахнутым тулупом ладный полушубок прихвачен ремнём. На щеках разыгрался румянец. Его догонял Ерёма, тоже согреваясь, топая серыми валенками.

— Матвей, а Матвей? — дурашливо окликнул он. — Гончую свою почто прихватил? Аль ты на охоту?

Матвей огрел Байкала кнутом. Ни за что ни про что. Ерёму бы так! Чтоб не вязался. Но Ерёма не отстал, а побежал за санями. Пустился вдогонку и Моряк.

— Она у тебя из каких — гончая или борзая?

— Отвяжись, Ерёма, — остановил его Прохор.

Но Матвей уже раскипятился:

— Не смыслишь ты ни канта в охотничком деле, зубоскал. Не охотник так уж не охотник! Разве тебе породу распознать? Да этому псу цены нет, если уж ты знать хочешь! Заметь, как у ней на ушах кудрявится... То-то, брат. Сётта и гордой¹, вот она кто!

Ерёма со смеху опрокинулся в сани, прямо на то место, где у Матвея под сеном спрятана берданка. Спасибо, не пальнула. С досады и испуга Матвей огрел парня кулаком, шлёпнул его и Витя, которому он придавил ногу.

— Караул! наших бьют! — озоруя, завопил Ерёма, удирая к Прохору, подняв целый фонтан снегу.

Радуясь солнечному утру и молодому снежку, «сетта и гордой» помчался за вороной, но успел лишь скользнуть зубами по её хвосту. Виновато оглянувшись и не переставая махать пушистым колечком, он с разбега вскочил в сани, облизал всё лицо Матвею, Вите, заодно и Дмитрию, и умчался со звонким лаем. Ему нравилось, как от осинової роци вдали кто-то отвечает точно таким же лаем, только глуше.

---

¹ Здесь имеется в виду порода сеттер-гордон (шотландский сеттер).

Байкал тоже радовался утру, бежал резво. Нёс на спине снежок.

Вдруг далеко-далеко у кустарника Витя своими зоркими глазами увидел зайчишку. Сидя на длинных задних ногах и шевеля ушами, он преспокойно умывался.

Матвей не мог его видеть. Но, возможно, как старый охотник, он что-то почувствовал, вытащил берданку. Держал наизготовку.

— Витька, гляди лучше. Не видать зайцев? — шурил он глаз, сжимая ружьё.

— Не видать. — Витя застыл, не смел шелохнуться. Встретился глазами с учителем. Дмитрию не по себе стало. Он учит Витю обманывать отца? Сделал вид, будто смотрит в другую сторону. Но уж очень славно гладило солнышко зайца, как и Моряка, и Байкала, и самого Витю. Привольно тут зайчишке в реденьком околке возле рощи!

На снегу синеют тени берёз.

— А вон там — не заяц ли? — прямо на него показал Матвей. У Вити замерло сердце. Ну, сейчас пальнёт...

— Где? — оттянул он время, будто ища глазами. А сам следил, как шевелятся настороженные уши. Заслышав скрип полозьев, заяц прервал умывание, скачками понёсся к роще. Матвей приложился и выстрелил.

Дмитрий и Витя зажмурились, чтобы не видеть, как покатится белый комочек и останется недвижимым — вместо зайца, который умывался только что и радовался утру.

Глаза искали этот комочек, уже отключённый от жизни, утра и леса. Но где же он? На снегу так же синели тени берёз. В рощу цепочкой убегали следы.

Учитель и Витя весело переглянулись.

А впереди по заснеженной и искристой дороге неспешно шёл Юлий. Обернулся и увидел двое саней, на одних узнал Дмитрия и ухмыльнулся. Вот он. Сидит себе, подобрав на розвальни свои длинные ноги в валенках, весело смеётся о чём-то с мальчишкой. Мальчишка тот самый, который вёз воду утром. Юлий издали узнал его, догадался по собаке,

которая бежит за санями. И собака такая же деревенская, никакой породы.

Но чему они все так рады? И те двое парней в передних санях как будто ничуть не горюют о том, что молодость их идёт среди пустынных полей, сейчас занесённых снегом до самого леса... Быть может, вот здесь когда-то его отец, Яков по прозвищу Дурной, ковырял сохой землю. Но Дурным его прозвали мужики именно тогда, когда он стал умнее, взбунтовался против сохи.

Чем они живут, непонятные эти люди, о чём думают? Они даже не понимают, что такое золото.

Моряк звонко залаял на чужого, чтобы с ним познакомиться, и Юлию пришлось подойти к саням.

Матвей остановил лошадь, покосился.

— Садись. В Турнаево, что ль?

— Да-да, — ответил Юлий, кое-как усевшись. — Там в магазине, мне говорили, есть рыболовные крючки.

Дмитрий и Витя узнали его, примолкли оба.

— А вы тоже в Турнаево? — спросил Юлий Матвея.

— Нет, мы уж вон, считай, доехали. По сено, — Матвей показал кнутом на зарод близко от дороги, под снежной шапкой. — А вот вам попутчик, учитель наш. Вдвоём веселей.

Дмитрию досадно стало от рекомендации Матвея. Но делать было нечего. Пошли рядом.

— Да мы, кажется, и знакомы, — небрежно бросил Юлий, шагая заметённым просёлком. — Вы тоже за крючками?

— Да! Только мне направо, а вам налево! — отвечал Дмитрий, вовсе не желая притворяться обрадованным этой встречей.

Стоит ли нам ссориться?

А Турнаево — одна улица, извилистой змеей упирающаяся в церковь на взгорке. Церковь закрыли, но кресты снять не смогли — высоко.

Ех, зачепилося колёсико за пень,
Простояла я там, горькая, весь день!

— скороговоркой проиграли за гармонию голоса с летящих мимо по улице саней. В такт звенели бубенцы. В такт подпрыгивали разноцветные ленты. Махали руками нарядные колхозницы с бумажными розами на головах.

Свадьба!

Восхищённо смотрел на гулянку мальчик, потонув выше колен в сугробе. Рядом чернела на снегу собачка. Она зарычала на Дмитрия, когда он заговорил с её маленьким хозяином.

— Здравствуй. В каком классе ты учишься?

— А я не учусь. Не повезло мне: осенью упал с дерева, и вот такая вот нога раздулась. Пролежал в больнице, а у меня и так по арифметике «плохо» было. Анна Петровна не велела в школу ходить.

— Как не велела?

— А то всё равно не перейду. Велела осенью опять в третий класс.

— Тебе, наверно, скучно дома сидеть?

— Не, мы с Дружком, что ни утро, учеников в школу провожаем. А после ждём, когда из школы домой побегут. Дружок нипочём не проспит — и меня будит!

— Как тебя зовут?

— Федя Шипицын, а чё?..

Школа в добротном поповском шатровом доме. Железная крыша покрашена заново, на крутых скатах сдувало снег, блестела суриковая краска. Сторожиха проводила в комнату с низким потолком — вход через галерейку, в задние двери.

— Анна Петровна на свадьбе.

— На свадьбе, — огорчился Дмитрий.

— Нет, гулять они не гуляют, вина не пьют, а не пойтить никак нельзя: председатель дочку выдаёт. Анна Петровна и платье невесте шили, — с гордостью добавила

она и, поставив на плиту чайник, побежала за учительницей.

Дмитрий остался в обществе вышитых салфеточек, ковриков, футлярчиков, пышного банта на гитаре — непременной спутнице сельских учителей, но это не просто гитара и не просто бант. Они как будто утверждали с достоинством: да, вот мы на своём месте, а тебя каким ветром занесло? Вызывающе вело себя и зеркало на комодке под конвоем двух ваз с искусственными цветами, и атласные подушечки для иголок, и дорожка в розовых астрах, переброшенная через стол поверх скатерти. Не комната, а коробочка — не хватало только куклы. Душно.

«Оставить записку да выйти освежиться? — подумал Дмитрий. — Но где тут пишут?»

Пахнуло резкими духами, и в комнате появилась Анна Петровна. Он даже не заметил, откуда она вошла. Женщина лет двадцати восьми. Приземистая, с высокой грудью. Чёрные волосы подстрижены по последней моде. Могла бы быть красивая, но что-то неженственное, официальное брало верх. Портили и грубоватый подбородок, и слишком энергичный поворот шеи.

— Здравствуйте, Анна Петровна, — неловко поздоровался Дмитрий. Она снисходительно улыбнулась на его неловкость, показав золотую коронку среди мелких зубов, которых как будто было слишком много.

— Да, это я — заведующая Турнаевской школой, Амелина. Догадываюсь, Рудковская направила вас как молодого учителя за помощью? Не смущайтесь, гостям я всегда рада — скука же в деревне зелёная.

Она пригласила сесть, села сама, аккуратно раскинув крепдешинное ярко-синее платье. Дмитрий объяснил о поручении району.

Амелина даже не поняла сначала, потом в глазах у неё зажглись недобрые огоньки. Она тотчас же их погасила.

— Узнаю Рудковскую, её стиль. Она выдвигает молодежь. И правильно делает!

по-вашему? Или Рудковская об этом не думает? Вы не слышали, кого намечают директором новой семилетней школы?

Дмитрий ничего не слышал ни о какой новой школе. Амелина отнеслась к его словам недоверчиво. Как же он не слышал, когда школу намечено строить поблизости, в Чирухине, а может быть, даже в Елшанке? Уж он-то, конечно, знает, кого собираются послать на курсы директоров школ?

Амелина так и впиалась ему в лицо своими тёмно-кариыми блестящими глазами, стараясь распознать какую-то интригу. Потом махнула рукой и сказала с раздражением:

— А, всё равно! Уж того не назначат, кто годами торчит у черта на куличках, в этих камышах, ни одного замечания не имеет да ещё тянет за уши всяких желторотиков со школьной скамьи! Будьте уверены — того не назначат.

Она опять закурила и пригласила Дмитрия в класс, где всё блестело от свежей покраски.

— Амелина числилась в лучших, — сказала она с горечью, — отмечали на конференциях, с трибуны. Ни разу ни одной сводки не задержала. Мои тетради Осип Яковлевич на выставку возил.

Она показала и тетради, какие-то слишком парадные, обёрнутые толстой бумагой, с вложенными лентами, и такие же парадные календарные планы, утомительно однообразные, поурочные, вряд ли нужные даже ей.

— Инспектор придет — всегда всё в порядке, но, конечно, теперь Рудковская выдвигает других! Выдвигать в семилетнюю школу, уж конечно, будет новеньких.

Дмитрий понял: камешек в его огород. Он поспешил записать нужные сведения, чтобы поскорее уйти. Получалось, со слов Амелиной, что всеобуч выполнен на сто процентов. Посещаемость — тоже сто процентов.

Но вспомнился Федя Шипицын со своим чёрным Дружком.

— А можно посмотреть классный журнал?

Федя Шипицын зачёркнут аккуратной чертой, пометка: «Выбыл с родителями».

— Как же вы был, когда я сейчас его встретил? — удивился Дмитрий.

Амелина ничуть не смутилась.

— Пометка сделана, когда отец Феди повёз его в больницу, — нетерпеливо, как глупому, пояснила она. — Пропустил всю первую четверть, а он и так слабо учился. Зачем же увеличивать процент второгодников?

Может быть, он, Дмитрий, и правда глуп? Но он никак не мог увидеть этот самый «процент», а видел Федю в больших валенках, рядом с косматым Дружком. Внезапно неприятный разговор был прерван. Появился Юлий с любезной улыбкой.

— Мне очень неловко вас беспокоить, — обратился он к Амелиной, — но абсолютно не у кого даже спросить, полное безлюдие на улице. А на магазине — замок. Ждал-ждал, замёрз даже. Зайти некуда, даже столовой нет. Ни парикмахерской, ничего не нашёл. Может быть, вы знаете, куда весь народ разбежался и откроют ли магазин — эти двери рая?

Он потирал руки, произнося эту речь. Амелина слушала его с любезной улыбкой и предложила немедленно раздеться, сесть поближе к печке и вообще чувствовать себя как дома. Юлий объяснил, что ему необходимы рыболовные крючки, и его направили именно в Турнаево, будто магазин торгует и в выходные дни.

— О да, безусловно! — горячо подтвердила Амелина. — Ни выходной, ни рабочий день для продавца не закон. Но сегодня все на свадьбе у председателя. Посидите, а я пошлю сторожиху.

Дмитрий мрачно ждал, когда кончится вся эта суета.

«Но зачем его понесло в Турнаево? — соображал Дмитрий. — Не за рыболовными же крючками? Только время отнимает! И помешал делу».

— Надо немедленно вернуть Федю Шипицына в школу, — сказал он, возвращаясь к разговору.

— Вот ка-а-ак? — протянула Амелина насмешливо. — Указываем?

— Я не указываю, — смутился Дмитрий. — Я просто... по-товарищески.

— А я возражаю! Я без вас знаю, что делать. Ещё такие будут меня учить...

— Какие? — вскинулся Дмитрий.

— Такие!

Ему стало вдруг так неловко, что он хотел немедленно уйти. Перед ним опытная учительница. Красивая женщина старше его. Он уже и за шапку взялся, да вдруг представилось, что Федя стоит здесь, на пороге, ждёт, что он за него заступится. К черту всё! К чёрту застенчивость!

— А вот! Пусть и такой... Какой есть! А Федя Шипицын должен сесть за парту. Завтра же.

— Ой! — попятилась она с наигранным испугом. — Никак колючки выросли? — И оглянулась на Юлия.

— Без них, оказывается, нельзя, — возразил Дмитрий.

— Нет — настоящий Ёж Ежович!

Неожиданно она взлохматила ему волосы короткими тупыми пальцами, заглянула в глаза:

— Стоит ли нам ссориться, Ёж Ежович? — Но взгляд у нее был недобрый.

Он ушёл, а Юлий остался.

Метель начиналась. В открытом поле продувало так, будто он шёл раздетым. До самого леса несло позёмкой. Белые змеи ползли, свиваясь и развиваясь. С сугробов рвало космы.

«Стоит ли нам ссориться?» — ещё звучали в ушах слова Амелиной. Что она хотела сказать? Или это угроза? Он встал ей поперёк дороги? Но разве не общая у них дорога!

Полезно иметь врагов

В лицо швыряло снегом. Шагать против ветра становилось трудней. Варежки намокли. Он потуже надвинул шапку, сунул руки в карманы. Дорогу переметало, он едва

Врагов иметь хорошо, но друзей — ещё лучше! Всё на нашей планете отлично!

Неожиданная инспекция

Метель выла и бесновалась целую неделю. По ночам стучали ставни, будто их кто дёргал. Занесло мостик на въезде, приходилось откапывать с утра колодцы, ворота, прорывать дорожки, откидывать снег от стаяк, занесённых доверху. Тревожно мычали в стайках коровы: не каждый хозяин успел вывезти сено вовремя.

Всем тревожно в метель. Кажется, в свисте и вое готовится что-то грозное. Поручение районо не выполнено. А как хотелось оправдать доверие Рудковской! Каждый день Дмитрий ждал изменения погоды. В субботу наконец-то стихло. Мороз прижал метель к сугробам — хватит бесноваться!

Скрипя валенками по твёрдому снегу, торопясь в школу, Дмитрий радовался: сегодня можно будет после занятий отправиться в Ручейки... то есть в Калинин Падун сначала или — наоборот?

Ещё в коридорчике обнаружил на вешалке незнакомое длинное пальто, шапку-ушанку и лыжи в углу. В дверях встретил Досихина: сам Осип Яковлевич, немного отогревший руки у печки.

— Извините, что забрался в ваше отсутствие, дорога тяжёлая, едва успел к занятиям.

«Очень и нужно было успевать по такой тяжёлой дороге. Да ещё на лыжах в длинном пальто», — с досадой подумалось Дмитрию.

Осип Яковлевич, как бы не догадываясь о его мыслях, спокойно расположился на задней парте, достал из портфеля тетрадь, а из кармашка пиджака карандаш с наконечником. На эти приготовления Дмитрий смотрел с таким же чувством, как смотрит каждый на приготовления зубного врача, готовящего свои инструменты.

— Виноват перед вами, Дмитрий Иванович, никак не сумел заглянуть к вам на уроки в первом полугодии, уж извините, дождался тревожных сигналов.

«Каких ещё сигналов?! — стукнуло в голову. — Откуда?» Спросить Дмитрий не успел, да, вернее всего, и бесполезно было.

Начался урок, ребята с интересом оглядывались на незнакомого дядьку на задней парте.

— Внимание, дети, начнём урок, — сказал Дмитрий Иванович.

— Пионеры Петя и Миша возвращались из школы. Вдруг они увидели... — голосисто, отчётливо прочёл Витя. Дальше текст обрывался — придумай сам.

Все уставились на Витю. Каждому хотелось сказать своё. Но терпели.

— ...зайца! — оживлённо закончил предложение Витя. — За ним гналась жёлтая собака с пушистым хвостом, а позади шёл охотник.

Если бы на уроке не сидел Досихин, Дмитрий согласился бы с таким продолжением, в рассказе приняли бы участие другие ребята — и всё пошло бы отлично.

Но, как нарочно, урок был приготовлен по методической разработке. А там план:

1. Мальчики идут из школы.
2. Лопнувший рельс.
3. Сигнал красным галстуком.
4. Поезд спасён.

Дмитрию план понравился. Хороший мог быть рассказ. А Витя говорит не то. Как выйти из положения? Учитель смутился.

— Может быть, они увидели лопнувший рельс? — подсказал он.

Витя посмотрел на него растерянно. От Елшанки до железной дороги больше двадцати километров. Он никогда не видел рельсы. Сразу потускнев, он вяло согласился: «Они увидели лопнувший рельс».

Но урок уже сошёл с рельс. Дмитрий почувствовал это, и холодок пробежал по спине. Особенно когда он заметил, что ребята тянут руки. Они приучены к активности на уроках. Сейчас это, пожалуй, некстати. Но решился вызвать Каролинку.

— Лучше сноп пшеницы на дороге! — оживлённо поправила она. — Мальчики заметили потерянный сноп. Кто-то хотел утащить его с тока и быстро спрятался, увидел Петю и Мишу. Но пионеры не дали расхищать колхозное добро. Они унесли пшеницу на ток.

«Да, — подумал Дмитрий Иванович, — поезд на этот раз спасти не удалось...»

После урока, когда Дмитрий Иванович и Досихин остались одни, тот спросил:

— Выписали образец урока из методики? Так и знал. — Досихин вернул поурочный план.

Дмитрий заметил мрачно:

— Я считал, в методике правильно.

— Конечно, там правильно. Однако та же методика попадает и в какой-нибудь дальний кишлак в Таджикистане, и в школы, где обучаются недавние кочевники за Байкалом, и в полярные ночи Якутии. Составители не имеют возможности примениться к конкретной обстановке. Это должен сделать учитель.

Дмитрий был очень смущён тем, как провалил урок. Но самое неприятное ждало ещё своей очереди. Район счёл нужным выдвинуть ему в помощь рядовых учителей.

— Без контроля нельзя, особенно теперь: столько молодых понаехало! — сказал Досихин. — У вас, мне стало известно, создан уже кружок юннатов? И даже нечто вроде... теряюсь, как выразиться поточнее.

— Идёмте, — пригласил Дмитрий и повёл Досихина к Дурновой бане.

Как отнесётся инспектирующий к этой инициативе, Дмитрий Иванович уже даже не думал, настроение было убито окончательно ещё на уроке.

ка не будет больше. Почему? Как им объяснить? Потому что кто-то когда-то сказал, что тридцатилетний человек всегда умнее двенадцатилетнего. Что подросток не живёт, не принимает участия в жизни общества, а только готовится к жизни. Готовится и готовится. Это не человек, и слушать его нечего».

Брякнувшая линейка

Ося Вяткин ставил на доске одну за другой кривые буквы, делал ошибки. Будто ему ни разу не показывали, как надо выводить буквы, стараться! И будто не повторили только что правила. Нет, всё бесполезно... Прав Баянов. А он ещё хотел вносить в деятельность учителя что-то своё, мечтал... Смешно даже!

Тут, как нарочно, Ваня в первой группе уронил линейку, она брякнула.

— Почему балуешься? Почему не решаешь примеры? — учитель шагнул к нему. Ваня вскочил за партой. Примеры в его тетради оказались решёнными все до одного.

Дмитрий почувствовал мучительный стыд. Да что это с ним сегодня?! Разве можно поддаваться своему настроению на уроке? Мало ли, что у него неприятности... Дети-то причём? А он ещё вообразил, что научился вести себя на уроке. Ничего он не выучился! Легко быть выдержанным, когда ничто не выводит из равновесия, когда перед глазами не стоит Осип Яковлевич Досихин и огорчённые лица юннатов, когда в голову не долбит вопрос: как быть? Его надо решить немедленно!

Стало ясно: кривые буквы Оси Вяткина и его грубые ошибки, упавшая линейка Вани, клякса в тетради Зои — всё вызвано именно беспокойным настроением его, учителя. Да! Его собственным настроением. Явления эти вызвал он сам. Как чёртика из волшебной коробки.

Его настроение передалось ребятам. Незримая связь... Как мог он забыть ту чёрточку на первом своём уроке?

И мало того! Оказывается, хорошее чувство учителя, как и его раздражение, возвращается от них к учителю рикошетом: рассердился он сейчас на ошибки Оси, на брякнувшую линейку — это он сам на себя рассердился.

Бунт юннатов

Полная тишина. Слышно, как кролики пережёвывают капусту. Ребята ждут. Спрашивают глазами. Как обычно, знают всё. Но им важно знать: как поступит их учитель? Он сдаёт сегодня экзамен. И не смог спокойно сказать приговоренное, неискреннее. Брякнул прямо:

— Разносите по домам зверюшек, кроликов и птиц.

В углу зафыркал ёжик. Зафыркал он недовольно. Ворхнулась птичка, почистила клюв. Дмитрий вдруг заметил — на него никто не смотрит. Смотрят на Колю, старосту кружка. О чём-то уговорились.

— У меня есть мнение, — Коля выступил вперёд. — Не закрывать живой уголок. Товарищи юннаты, какое у вас будет мнение?

У ребят выработался свой любимый приём. «Председатель» бросал предложение в массу и ждал, как она его примет. Все кричали с места, дружно принимая или яростно отвергая. Всё ясно!

Учитель объяснял им, как проводить собрания, но это не привилось. «Нам так нравится», — возражали они.

Сегодня собрание шло особенно бурно.

— Пускай всё на месте! — подхватил Витя.

— Ничего не трогать, — поддержала Каролинка.

— Не закрывать! — вторил Оська.

— Стоп, стоп. Что же такое? Вы выкрикиваете, как ди-кари, — остановил их Дмитрий, сам взволнованный и красный, ероша волосы. — К концу третьей четверти вы должны

повторить правила по арифметике и грамматике, хорошо писать и читать. Живой уголок вам мешает.

— Нисколько не мешает!

— Посмотрим. Если хоть один из юннатов опоздает на урок или плохо выучит задание, или насаждает ошибок в диктанте — всем позор.

— Всем позор! — эхом откликнулись ребята.

— И живой уголок немедленно закроем, — заключил Дмитрий.

Расходились серьёзные. Было о чем призадуматься. Учителю — тоже.

Из записок Дмитрия Петунина. 18 февраля

Следует ли скрывать от ребят своё душевное состояние, быть всегда одинаково спокойным, ровным? Как буд-то да.

Я старался воспитать в себе это с первых же дней, особенно зная свою вспыльчивость. Побеждал в себе «мальчишество», старался вести себя более солидно. Это, конечно, мне было необходимо.

Но тот неудачный урок после приезда Досихина убедил: от детей не скроешь ничего. Бесчувственный манекен им не нужен.

Они понимают твоё состояние. И, как ни учи методику, каким ни стань искусным мастером, ничего не добьёшься, если стоишь к детям вполоборота. Стой к ним лицом! Им нужен ты весь, на меньшее они не согласны.

Прежде всего, они хотят знать меня, своего учителя, а потом уже всё остальное, чему я их учу.

Для ребят очень важно было, как я поступлю с живым уголком. Они ужасно насторожились, особенно Витя и Коля. Они готовы были принять меня или отвергнуть, замкнуться от меня... А вот что теперь скажу Досихину?

А товарищ Сталин ставит новую задачу, говорит, что мы отстали, что должны за десять лет сделать рывок, или нас сомнут. Это значит, скоро трудно будет, надо силы копить. Построим МТС и сразу же организуем курсы танкистов, все должны уметь водить трактор!¹ Все! Жизнь — это борьба, но не на льду потешаться с парнями, а быть готовыми встретиться с мировым капитализмом. Что вы думаете, они согласятся, чтобы у них под боком счастливая жизнь жила?

А чтобы чувствовать себя в безопасности, надо сильным быть, наблюдать приёмы врага, изучать их. Жизнь — это борьба каждый день, каждый час. А если сомнут, то рвать будут, как овцу волки, без жалости. На месте жалости у них кошелёк вырос. А сейчас для нас главное — много и хорошо работать! Всё. Наша жизнь от доходов колхоза зависит. А от колхозов — вся страна. И это сознание не сразу придёт.

Но когда придёт — встанет наш «Верный путь» крепко! Широко развернётся. Посмотрите, что будет лет через десять. Мы совершим этот рывок, сталинский рывок. Нам эти ближайшие десять лет вот как нужны! — каждый день и каждая минута.

Иван Ефимович посмотрел вокруг. Перед ним были не снежные пространства с тенью в низких местах и ярко, до блеска, освещённые на пригорках, а поля пшеницы до самого края, до неба.

Дмитрий Иванович слушал и дивился этому человеку. Коржаков видел жизнь и жил задачами всей страны. И для него, молодого учителя, должно быть так же. Он не просто учит елшанских детей, в малом надо видеть большее, кажется, необъятное. И его родной Саратов не где-то там, а здесь, рядом. Надо научиться у Коржакова подняться над Елшанкой, над всем Ясногорским районом, над Советской страной и выполнять задачу счастливой жизни всего народа. Вот что такое широкий кругозор. Это не строчка в характеристике, это мировоззрение, способность видеть себя в общем деле и общее дело в себе.

---

¹ Управление трактором очень схоже с управлением танком.

— Фермы у нас пока разбросаны, а мы построим единый животноводческий комплекс, чтобы удобнее электрифицировать, подключать механизацию, подвозить корма. Проведём водопровод во все помещения. Электричество загорится и в школе, и в клубе, и в каждой избушке... пока не построим новые дома, большие, удобные. За десять лет. Но раньше было трудней. Для всего этого нужен хлеб и хлеб.

Может быть, Иван Ефимович говорил и о далёком прошлом, когда вокруг простирались от веку непаханные земли, дикие травы качались на ветру, и двинулись из «Рассеи» в Сибирь переселенцы. Из безземельных ограбленных помещиками Курской, Могилёвской, Смоленской губерний плыли на пароходах в душном третьем классе для низшего сословия, тащились в товарных вагонах.

Под откосами и на берегу хоронили детей, умерших дорогой от скарлатины, дифтерита, с голоду. Шагали за кибитками, крытыми заплатамным рядном. Ночевали на заимках, кормились Христа ради. Со страхом обходили полевые избушки, пчелиные колоды, долблённые в стволе могучего дерева.

Варнацкий край! Того гляди на беглого наткнёшься. И то — в чалдонских сёлах клали хозяйки на ночь под окно ломоть хлеба, ковшик квасу ставили для беглых. Родня, видно...

Кто не умер дорогой, тот доехал. Глаза разбежались — земли-то! Сохой не тронутая, жирная, плодородная, в сочных травах. Да на чём пахать? Где взять семена? Чем кормиться до новины? Никто не поможет. Всякому — до себя. Не сумеешь жить — суму бери или умирай. Не поставишь старосте да миру ведро водки — получай негодный надел, у болота.

Поначалу местных старожилов переселенцы возненавидели. Потом огляделись, распознали: среди старожилов тоже есть богачи, кровососы, а есть и обездоленные. Породились, смешались со старожилами, с коренными да ссыль-

но-каторжными, стали перенимать их обычаи. Стали хлебать ту же долю, что и в «Расее», только из другой чашки.

Ещё десять лет, всего лишь десять лет и вся жизнь, чтобы «доля сея не вернулась вовек»!

Развязность невежества

«Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя».

— Макар? Баянов! Не может быть! — Не подходит к нему ни песня эта, ни грустные звуки гитары...

Николай Николаевич распахнул дверь, оба вошли. Точно!

Макар сидел на деревянном диванчике, покрытом кошмой, перебирал струны гитары. На Дмитрия и не взглянул.
— А, и ты здесь уже, — обрадовался Дмитрий.

Никакого ответа. Только аккорды.

— Да он-то каждую субботу здесь, — ответил за него Маринин. — Станет он один сидеть в выходной! Первый шахматист. — Он заметно старался смягчить настроение Баянова. Однако тот оставался мрачнее тучи.

Его настроение передалось Дмитрию. А может быть, и у него неприятности? Он сразу вспомнил подробности посещения Досихина, провал на уроке, заключение о живом уголке. Там, дома, в Елшанке, Дмитрий решил оставить всё по желанию юннатов, на свой страх и риск. А завтра предстоит встреча с Досихиным, и он непременно спросит, выполнено ли его распоряжение?

— Да что это с вами, друзья? — Маринин вопросительно посмотрел на одного, потом на другого. — Не кошка ли пробежала между вами, или прелестная дама? Пойдёмте-ка лучше ужинать!

Маринин жил в нескольких шагах от школы. Второе крылечко в том же доме вело к Досихину.

Маринины шли от крестьянского корня, но были уже вторым поколением учителей в семье. Отец Николая Николаевича окончил церковно-приходскую школу, а потом учительскую семинарию и начинал учительствовать по избам богатых мужиков, где иногда случались по зимам и телята. Другого помещения для занятий не было. Потом старший Маринин своими руками строил с крестьянами Борзинскую школу — в прямом смысле «своими руками»: с пилой и топором. В прошлом году также делал пристройку для пятых классов и мастерскую. В школе вёл первый класс.

Плотничать научился у отца, потом Николай Николаевич освоил и столярное мастерство.

Он преподавал русский язык и литературу. Но когда впервые ввели уроки труда, пожелал вести непременно их, на удивление всем добился, чтобы Досихин отдал ему эти уроки, и принялся за дело с задором, со страстью. Переносил насмешки жены, высокой брюнетки, красивой даже в черной мужской косоворотке с засученными рукавами, высоко поднятой на груди.

— Ты, Николай, жаден, как Шаляпин. Он хотел петь все партии в «Борисе Годунове», никому не хотел уступить ни одной. Так и ты в школе. Ты же лопаешься от зависти, что я учу твой класс математике, а не ты сам, уж я чувствую по твоим придиркам.

Такой разговор шёл за пельменями, которые у Лидии Романовны удались отлично. Она то и дело подкладывала Дмитрию на тарелку.

— Ешьте, Дима. У вас заморённый вид, одни ноги. Тебя, Макар, не узнаю сегодня. Ведь мы на твою долю тридцать штук свернули, а то тебе в прошлое воскресенье не хватило.

На мужа она будто не смотрела, но всё время видела его. Может быть, оттого у неё такое лицо, словно солнцем освещённое, такие хорошие глаза? Между собой Маринины неуловимо похожи, как бывают похожи супруги, живущие

вместе второй десяток. А чем похожи — не скажешь. Николай Николаевич порывистый, нервный, живой — жена его спокойна до медлительности. Наружностью тоже ничуть не сходны: у Лидии Романовны при нежной белой коже чёрные татарские глаза, а руки крупные, сильные. За всем сказанным между ними угадывалось значительно большее, понятное обоим, — мир, скрытый для других и важный для них обоих.

Их сын Серёжа, мальчик лет двенадцати, похожий на мать татарскими глазами, принёс с довольным видом мочёную бруснику, варенье из смородины, малины, мелкой лесной клубники, толчёную черёмуху, пареную калину — оставил весь стол.

— Мы с дедушкой до самой осени по лесу ходим, — гордо сообщил он.

Отец послал его почистить снег у крыльца.

— И поросёнкухвати, вывалишь в корыто... Осенью мы с вами непременно, Дима, в тайгу закатимся по шишке, — верно, Макар? — Николай Николаевич ещё попытался развлечь Баянова. Тот буркнул что-то себе под нос и ушёл в дальний угол, уткнулся в шахматную доску с недоигранной партией.

— Да ты уж не строй воздушных замков, — с улыбкой остановила мужа Лидия Романовна. — Каждую осень собираешься. А ремонт школы? А календарные планы? А конференция?

— Удерём до конференции. У ранней шишки, Дима, знаешь, вкус особый. Её только в сибирской тайге и попробуешь. Орех надо выбирать понемногу, прямо с шишки, когда она ещё сырая, красная и горькая, от смолы липнет к рукам. А запах! Отколупнёшь шапочку-чешуйку и вынешь из гнезда кривенький тёмно-кофейный орешек. Отдаёт он лесом, кедровой смолой — аж язык ущипнёт! Внутри медянистый, мягкий, ядрышко ещё не затвердело.

Залезешь на самый высокий, самый чёрный кедр, трахнёшь — а они дождём стук-стук-стук! Вот Серёжка кон-

чит учиться, приедет учителем домой — всегда с ним будем в августе шишку бить! Уже сейчас готов из тайги не вылезать.

Только ночью, когда всё в доме затихло, а Дмитрий и Баянов улеглись на тулупах и крестьянских армячках, покрытых белейшей простынёй, Николай Николаевич заговорил о деле.

Из отгороженной спальни полоской падал свет. У стены напротив до самого потолка стояли и лежали на стеллажах книги. Вышитый пойнтер смотрел человеческими глазами.

Маринин остановился с папиросой у двери.

— Расскажи-ка, Макар, честно, что ты там такое натворил? Рассказывают анекдот. Я не поверил, — со смехом сказал он.

— Никакого анекдота. Не знаете Досихина? Приезжает... Я хотел заниматься по-новому. Звонок выбросил на помойку. Чтоб он меня не стеснял, не давил на психику.

— Выбросил?!

— Ну да. Почему я должен укладываться именно в сорок пять минут — не в сорок и не в пятьдесят? Кто-то когда-то придумал, а нам лень изменить. Может быть, на один урок мне нужен полный астрономический час, а на другой достаточно двадцати пяти минут. И вообще в этой тюрьме с партами мы редко бываем. В тот день, как этот ханжа заявился, мы с учениками пришли в кузницу. Смотрели наковальню, кузнечный молот. Кузнец показал, как раздувается огонь в горне, починил при нас сломанную деталь в сноповязалке. Досихин: «А уроки?» Я: «Вот уроки». Но как же он поймёт, если не сидят за партами! И пошло... Доказал, что он — начальство.

Баянов вскочил, стал ломать спички, пытаясь закурить. Маринин молчал. Дмитрия тоже волновало его молчание. Ему было важно услышать, что он думает. А Баянова, видимо, его молчание бесило.

— Значит, и вы против меня? — взорвался он.

— Не против тебя. А против развязности невежества. И зачем ты оскорбляешь Осипа Яковлевича?

— Не терплю этого кашевара! Говорит, будто кашу варит на медленном огне, чтобы не пригорела. Никогда не скажет «хорошо», а только — «неплохо». Потому что ему всё равно! Лишь бы нигде из рамок не вылезало. Что затвердил, то и повторяет, думать не способен. А я хочу иметь своё мнение!

— Это правильно, что хочешь. Но чтобы составить своё мнение, надо много учиться. Я знакомил тебя с трудами выдающихся педагогов. Ты имел возможность убедиться, сколько они учились, сколько думали, чтобы создать современную школу.

Одно слово, сказанное Марининым, задело Дмитрия. Невежество... Развязность невежества... Да, невежда должен быть, по крайней мере, скромным, молчать и слушать, молчать и учиться... «Я знаю только то, что ничего не знаю»... Что же думает Маринин обо мне?

— Анархия нам не годится. Мы сейчас на труднейшем этапе — осваиваем новые принципы воспитания, — сказал Маринин.

Дмитрий порывисто вскочил, но тут же сел.

— Но я тоже хотел их освоить, провести в жизнь! — взволнованно заговорил Дмитрий. — Вы меня понимаете, Николай Николаевич?

— Конечно, — поспешил кивнуть Маринин и присел на стул поближе, стал слушать.

— Методики я ещё не знаю, верно, — с жаром признался Дмитрий, — и опыта нет. Всего-навсего успел убедиться: быть учителем несравнимо сложнее, чем я представлял себе это раньше. Чем больше начинаешь понимать, тем сложнее. Но в одном я глубоко убежден, ни за что не сдамся: школа должна быть радостью! Николай Николаевич, разве не так?! — Вспомнилось, что пришлось пережить не только ему, но и юннатам, защищая своё маленькое хозяйство. — Эх, легко погасить детскую радость! Дунь — и погаснет.

Баянов лег спать. Дмитрий заговорил почти шепотом:

— Разве ученики только готовятся к жизни? Разве для них она — что-то непонятное, смутное, нереальное? Разве не задевает она их со всех сторон? Они живут, радуются, страдают, горько плачут, отзываются на несправедливость, обиду, борются за свободу личности.

— Но чего ты хочешь, Дима? — вдумчиво спросил Маринин. От неожиданности вопроса Дмитрий замолчал. Он ещё не ставил себе такой вопрос конкретно. Но неужели не ясно?

— Я хочу?.. Чтобы детей, подростков считали гражданами, пусть маленькими, — отвечал он порывисто. — Может быть, они — лучшая часть человечества, ведь они уже живут как бы при коммунизме. А мы стараемся покорить их, наполнить чем-то своим, заставить подчиняться во всём — ведь это позиция силы. Надо дать им слово!

— Ты себе противоречишь. Когда человек чувствует себя гражданином? Когда он участвует в общественно полезном труде, в жизни общества, — мягко возразил Маринин.

Лидия Романовна выглянула из двери.

— Николай, ты забыл, что с утра профсоюзное? Спать, спать!

— Да, завтра я дам тебе, Дима, карточки, срочно оформись на заочное. И напиши заявление в профсоюз. В собрании участвуешь ещё без решающего голоса, — напомнил Маринин, уходя.

От последних слов как в голову ударило. Да ведь, наверно, будут исключать из профсоюза Баянова! В повестке дня: «О поведении учителя Калино-Падунской школы т. Баянова М. А.».

А он, Дмитрий, не может даже голосовать против исключения! Как же быть? Как помочь Макару? И он решил отстаивать товарища во что бы ни стало.

Профсоюзное собрание

Анна Петровна Амелина посмотрелась в зеркало. Платье с круглым вырезом сидит весьма удовлетворительно на плотной фигурке с гибкой талией. Вишнёвый цвет гармонирует с тёмными глазами и ресницами.

В тесной учительской Борзинской школы никого нет. Если, конечно, не считать портретов на стенах. Чего же стесняться? Она далека от легкомысленного любования собой. Нет, Анна Петровна не кокетка. И вообще не понимает женщин, которые стремятся понравиться каждому, будь то хоть чёрт с рогами. Анна Петровна здраво смотрела на жизнь.

Красота женщины — её верный союзник в делах. Позволить себе увлечься каким-нибудь размазнёй вроде её бывшего мужа? Ну нет.

Он-то живо получил он неё отставку за неумение извлекать пользу из всего, что лежит кругом, и непонимание: чем выше, тем больше возможностей и уважения.

Уж второй-то раз она не ошибётся.

Любовь нужна в романах. Ну, и в кино. А в жизни она может помешать.

Когда Амелина смотрелась в зеркало, мысли у неё шли самые деловые.

Подходит это платье для заведующей школой? Для директора семилетней школы? Вполне. Причёска? Пожалуй, прилична. Волосы красиво подстрижены и лежат пышно. Валенки чёрные, аккуратные. Достала по знакомству.

Досихин должен видеть, что она вполне на своём месте как будущий директор Елшанской семилетки. От него зависит многое. Он может и должен выдвинуть её кандидатуру. Чтобы она не осталась в этой дыре с камышами! И позволила всяким желторотикам затереть себя? Ни за что! Попробуйте перейти дорогу Амелиной. Попробуйте, товарищ Петунин. Только сначала вытрите молоко, которое у вас

на губах ещё не обсохло! Теперь у неё есть союзник. Новый союзник. Посмотрим!

С таким воинственным настроением она вошла в класс. Там уже собирались.

Бревенчатые стены пристройки чисто промыты. Сероватый мох темнеет полосками, как линейки тетради. В широкие окна виден сад в снегу, от снега ещё светлее в просторном классе. На стенах таблицы правописания наречий, портрет Пушкина.

Анна Петровна обошла взглядом, как пустоту, молодых учительниц, собравшихся вместе, кивнула Маринину как председателю месткома, резко посторонилась от Баянова, словно об него можно запачкаться. Одарив самой любезной и самой очаровательной улыбкой Досихина, Анна Петровна раскинула на плечах эффектную косынку с вишнями и уселась рядом.

— Воображаю, сколько у вас забот из-за этого типа, указывая глазами на Баянова, вполголоса заговорила она.

— Да, развалил школу, — сдержанно отозвался Досихин, положив обе руки на портфель. — Уже в прошлом году следовало убрать, но очень тяжело с кадрами, Анна Петровна.

— Но крайню обеспечит хотя бы начальные семилетние школы? — подбиралась Амелина.

— Вряд ли сумеет. Ведь только в нашем районе запланировано три новые школы, в Елшанке строительство начинается на днях, потому что там будет МТС... Смета уже подписана.

— В Елшанке?! — Амелина чуть не подскочила. — Директором будет, конечно, Петунин?

Осип Яковлевич слегка улыбнулся тонкими губами.

— Петунин слишком молод.

— Но активный общественник, комсомолец! — горячо заступалась Амелина.

— Районо считает, что в новой школе Петунин должен вырасти. Но...

— Ах, так!

Дмитрий ходил и ходил по коридору мимо мастерской, много раз читая крупно написанные слова: «Работая учись и учась — работай».

В другое время слова эти задержали бы его внимание, даже очень задержали бы. Но сейчас его слишком занимали голоса за неплотно прикрытой дверью мастерской. Только что туда прошёл Баянов; там учителя раздевались.

— Ты привез сведенья о всеобуче? — спросил Ольгин голос, от которого по спине Дмитрия пробежал холодок.

— У меня нет ни черта. Стану я бюрократию разводить.

За дверью помолчали.

— Я слышала от Фомченко, ты стал ходить по вечеркам и пить водку. Может быть, ему сказали неправду?

— Нет, это правда. Ну и что?

— Ты — учитель. — настаивала Ольга.

— Надеюсь, такой же свободный гражданин, как и другие.

— Но к нам высокие требования! Как воспитывать детей, если сам себя воспитать не можешь?

Опять наступило молчание. Дмитрий ходил и ходил, покашливал, хотя и не хотелось.

— Что ты станешь делать, если снимут с работы? Сейчас, среди учебного года?

— Камни бить на мостовой. Там, по крайней мере, ханжей нет и всё ясно. — Баянов вышел, но даже не посмотрел на Дмитрия. И по его сумрачному лицу, и по тону Дмитрий понял: ему гораздо тяжелее, чем он это хочет показать.

Услышав за спиной Олины шаги, Дмитрий поспешно отвернулся к окну, прижался лбом к холодному стеклу. Что это собирают воробьи под черёмухой? Семечки или крошки хлеба? Пожалуй, крошки. Да — вернее всего, именно крошки...

— Дмитрий?

— Между нами всё кончено, — Дмитрий не узнал своего голоса.

Каблучки процокали мимо него. Дмитрий повернулся и решительно прошёл в класс вслед за Ольгой.

Баянов сидел за партой один. Дмитрий опустил плечо с ним рядом, притиснув плечом.

Собрание началось. Вел председатель профкома Маринин. Слово предоставили общественному инспектору Досихину. Тот тяжело поднялся с парты и подошёл к столу председательствующего.

— Находящаяся в зоне моего инспектирования Калино-Падунская школа пришла ко второму полугодю с низкой успеваемостью по письму и чтению, грамматике и арифметике. Знания учеников внушают тревогу. Тем не менее учитель товарищ Баянов отказался последовать советам инспектора, игнорировал его указания. Не принял мер для поднятия успеваемости.

Дмитрий не ожидал от Досихина такой корректности. Он ни словом не обмолвился об оскорбительном, вызывающем поведении Баянова. Напомнил только, что инспектор лишь в том случае может справиться со своими обязанностями, если учитель выполняет его советы. Если же нет — инспектора следует освободить от занимаемой должности или общественной нагрузки как не справившегося. Вопрос не было.

— Кто желает выступить? — Маринин оглядел учителей.

Амелина вышла вперёд. Слегка подбила и без того эффектно лежавшие волосы.

— Нет, мне просто непонятно, как у Осипа Яковлевича, при его занятости, хватает терпения возиться второй год с Баяновым, которому, собственно говоря, абсолютно, — абсолютно! — не место в школе. Он и внешне не похож на просвещенца, и ужасными манерами. Не желает признавать никакой дисциплины. Он бросает тень позора на всех просвещенцев. Даже стыдно находиться с ним на одном сове-

щании, в одной комнате. Я не желаю с ним одним воздухом дышать! — в заключение заявила она.

Если бы Анна Петровна на самом деле была настолько возмущена, Дмитрий бы это понял. Возможно, такой взрыв ему бы даже понравился. Но он ясно видел: Амелина держится наигранно, как на сцене, выступает с очевидным пафосом.

— Я лично, — продолжила она, — вношу предложение ходатайствовать перед районо об оставлении товарища Досихина в должности инспектора, пока внештатного. Пока! — добавила она значительно, подняв палец. — А Баянова, как позорящего весь наш куст, просить районо немедленно снять с работы и отразить в его документах, что он уволен как проходимец за халатность, пьянство и хулиганские выходки. Не справку ему, а волчий билет!

Дмитрий даже со страхом посмотрел на Амелину. Нет, ей совершенно безразличен этот взлохмаченный парень, на которого она опрокинула полное ведро сажки, чтобы он уж никак не мог отмыться.

Ненавидеть его ей не за что. Она может забыть о его существовании, едва выйдя из этой комнаты. Он просто случайно встретился ей на дороге, и она использует его. Ей нужен Досихин. Нужен. В то же время доказала ему, что умеет выступить авторитетно, — качество, необходимое для руководителя будущей начальной семилетней школы.

У Дмитрия мелькнуло: а что, если и он встанет на дороге Анны Петровны? Неприятный холодок прошёл по спине. Что за «волчий билет», который она заказывала для Баянова? Никогда не слышал о таком!

Но что же — Ольга? Что же она?! Неужели не выступит, не защитит товарища? Ведь она-то член профсоюза.

Дмитрий и не заметил, что уже несколько минут смотрит на неё.

Как нарочно, на ней сегодня тот самый свитер... Радужная полоска у ворота прикрыва с боков белым воротничком, спереди выглядит как галстучек. Совершенно новая шер-

стяная юбочка, тёмно-синяя, с двумя заглаженными складками, чёрные чулочки. По виду и не подумаешь, на какое коварство, на какую измену она способна! Ну конечно, она и не думает выступать, выручить товарища. Но Ольга вдруг попросила слова, встала.

— Прежде всего, Баянов должен извиниться перед Осипом Яковлевичем. Он оскорбил его как инспектора и как человека. Во-вторых, он должен понять, что значит носить звание народного учителя. Высоко поднято это звание в Советском Союзе! Высоко подняли его Ленин и партия. И несовместимы со званием просвещенца пьянство, дикость, грубость. Если Баянов этого не понимает, ему не место в нашем строю. Я предлагаю исключить его из профсоюза.

Чувствуя, что он осуждает Ольгу, идёт не только против Амелиной, но и против неё, словно рухнул за ним какой-то мост, Дмитрий встал и, позабыв спросить председателя, обратился к Амелиной:

— Разберёмся по-честному. Неужели Баянов проходимец, пьяница, хулиган? Вы сами знаете, что нет. Так не надо спешить наклеивать ярлыки! По-моему, ярлык может не исправить, а наоборот, убедить человека в его неполноценности, вредности для общества. Не только другие, но и сам человек поверит в свой ярлык. Я бы не смог жить так. А ведь Баянову двадцать два года — целая жизнь впереди.

— Но понимать уже кое-что пора, — вставил Маринин.

— Безусловно, — поддержала Ольга.

Оживившись от поддержки и подкрепления, Амелина энергично закивала и переглянулась с Досихиным. Дмитрия взорвало её киванье и значительный взгляд, посланный инспектору.

— Но, главное, тот волчий билет. Интересно, бывает ли лисий билет, Анна Петровна? Кому бы мы его вручили? Товарищ Амелина готова отбросить человека как негодную вещь. А ведь его учили вот такие же учителя, старались воспитать его возможно лучше, готовили для буду-

щего. Вы предлагаете, товарищ Амелина, сразу зачеркнуть весь их труд? Но даже вещь, на которую затрачены энергия, сила, средства, — преступно выбрасывать. Вы же предлагаете выбросить человека.

— А что вы предлагаете? — помог Маринин, пока Дмитрий переводил дыхание. Он с трудом успокоил себя, но он высказал то, что ему хотелось.

— Не знаю. Не думал ещё. Возражаю Амелиной. Вот и всё! Я же ещё не член профсоюза.

Он сел. Чувствовал на себе презрительный возмущённый взгляд Амелиной. Осуждающе проводил его глазами и Осип Яковлевич. Что же другие? За кого? Они чего-то ждали.

Маринин встал и вышел из-за стола.

— Вот что мы надумали в своем коллективе. Баянова нельзя оставить в Калино-Падунской школе — это так. Он развалит её своими слишком смелыми экспериментами.

— Развалил уже, — сказал Осип Яковлевич.

— И сам окончательно собьётся. Глаз на глаз со школой сего экспериментатора никак нельзя оставлять. Как ребёнка с острым предметом. — Все немножко засмеялись. Стало легче. Может быть, Маринин и счёл нужным разрядить сгустившуюся атмосферу. — Наш коллектив так решил эту загадку о волке, козе и капусте, — продолжал он. — Калино-Падунскую школу следует передать немедленно в более надёжные руки, а Баянова убрать оттуда и перевести к нам, в Борзинскую школу, под ответственность нашего коллектива. Нас немного, но мы в тельняшках, надеюсь, выстоим.

Все посмотрели на Досихина.

— Товарищи, — поднялся Осип Яковлевич, — но это не решает главного вопроса: о Калино-Падунской школе. Положение с кадрами весьма затруднительно, район не сможет никого послать туда сейчас, среди учебного года, и никто не согласится. Школа развалена, и за знания учащихся к концу года надо отвечать. Там даже дисциплины

трудно добиться после таких порядков. Кто же решится принять эту школу?

— Я! — решительно поднялась из-за парты Ольга. — Я попрошу районо назначить меня в Калино-Падунскую школу.

Все повернулись к Ольге. Баянов поднял голову и отшатнулся, как от удара. Осип Яковлевич рассматривал девушку снисходительно, будто ребёнка. По-мальчишески подстриженные на косой пробор волосы пушились возле ушей. Она стояла за партой, как ученица.

— Обязуюсь выправить положение к концу учебного года.

«Понимает ли она, что говорит? — удивился Дмитрий. — Поднять школу за полгода!»

Среди общего молчания Досихин с сомнением повторил:

— Трудно будет справиться.

— Справлюсь.

Досихин молча взвешивал: за школу в Ручейках можно быть спокойным. Отставания по программе нет, учебно-воспитательная работа на высоком уровне. Там справится теперь любой учитель.

— Товарищи, прошу голосовать, — улыбнулся Маринин.

После процедуры голосования он заключил:

— Итак, большинством голосов мы поддержали предложение о рокировке. Я передам в районо решение профсоюзной организации нашего методобъединения. А также ваше заявление, Ольга Сергеевна.

Маринин готовился закрыть собрание, когда вскочил Баянов. Вид у него был взбудораженный.

— Не пойду я в Борзинскую школу ни за что! — голос у него сорвался. — Хотя теперь-то и понял, что есть друзья. Но — не хочу. Не могу!

Он нахлобучил шапку и кинулся в дверь, словно за ним горело. Все встали и разом заговорили. Кто-то пошёл курить.

Донос

Дмитрий в раздумье походил по коридору и машинально открыл дверь учительской.

— Извините! — поспешно отступил Дмитрий, заглянув в учительскую. За столом сидел Досихин с жёлтым лицом, устало перебирал какие-то листки. Он сделал знак Дмитрию войти.

— Или вам некогда? Кого-то ищите?

Дмитрий покраснел.

— Кого я ищу? Никого!

— Тогда заходите, — Досихин пригласил сесть, наскоро хлебнул остывшего чая, отодвинул недопитый стакан.

— Спешу в район, но прежде должен дать вам совет, товарищ Петунин.

Дмитрий насторожился. Не узнал ли тот про бунт юнатов?

— Знаете ли, если вы поведёте себя подобным образом и в дальнейшем, вам будет весьма и весьма трудно в жизни.

— Что такое? О чём это вы?

— Неужели неясно, дорогой Дмитрий Иванович. Подниматься на защиту того, кто в данный момент осуждается, — нетактично.

— Я сказал, что думал.

— Это и плохо.

— Разве я был неправ?

— Не в том дело. Я сказал: нетактично. Другое слово. С более постоянным значением. Умейте взвешивать обстоятельства. Выступать надо так, как требуется. — Он переложил пресс-папье, сильно прижал им пачку топорщившихся бумаг. — Потому беседую с вами на данную тему, что лично к вам расположен. Это товарищеский разговор. Вы можете вырасти. При условии, если научитесь вести себя. Следует доверять тому, кто руководит вами. Иначе — анархия. — Он понизил голос. — Посудите сами, вас разве хотели снять с работы? Вас исключали из профсоюза? Даже если Баянов вам

друг, вы должны были немедленно от него отмежеваться, дистанцироваться. А вы и сели с ним рядом, демонстративно. Это ребячество. Сумейте воспитать в себе такт, выдержку.

— Выдержку?.. — медленно разбирался Дмитрий. И внезапно вздрогнул, точно на змею наступил. — А-а, то есть равнодушие к судьбе другого? Равнодушие к тому, что совершается у тебя на глазах? К несправедливости? Страшно...

Он и на самом деле ощутил внутреннюю дрожь, его трясло. Ведь это не о Баянове только — это на всю жизнь...

— Нет, я не к этому вас призываю, я советую вам стать тоньше, сдержаннее, умнее, наконец. Есть вещи пострашнее. — Досихин встал, опершись обеими ладонями о стол, и значительно посмотрел на Дмитрия. — Вот я предупреждал в отношении... вашей инициативы по поводу звероводства при школе. Я предвидел, я знаю, что всякая инициатива наказуема. А что бы вы сказали теперь, если бы, допустим, кто-то — неважно, кто! — написал в кустовое объединение, будто бы учитель Петунин принудительно собрал с родителей своих учеников кроликов и разводит их себе на мясо, жарит и варит, объедается мясом, а учеников заставляет ухаживать за ними и кормить, таская из дома овощи?

Дмитрий ощутил холод во всем теле. Лицо жарко вспыхнуло. Он отшатнулся.

— Но это же... клевета!

— Тот, кто писал, знает одну истину: «Клевещите, клеветите — что-нибудь останется!» Прилипнет. Вот и посудите после этого: стоит ли мои советы слушать? А если это ещё цветочки, ягодки впереди? И поймите, я сейчас с вами говорю, потому что вы еще молоды и ваша жизнь может стать удачной.

Дмитрий рывком вышел из учительской. Он остановился и утёр лицо.

— Жить, молодой человек, нужно, если даже жить трудно, и думать, и взвешивать уже пора по-взрослому! — донеслось из открытых дверей учительской.

— А если от такой жизни жить станет стыдно? — ответил Дмитрий и опять утёр горящее лицо. Ему казалось, в лицо плеснули грязью — и она там осталась.

В соседнем классе за стеной слышались голоса. Кто-то засмеялся. Зазвучали струны гитары. Мужской голос. Не очень сильный, но берущий за душу. Маринин?

Дывлюсь я на небо,
Тай думку гадаю:
Чаму я не сокол?
Чаму не летаю?

Дмитрий крепко сжал своё лицо.

— Дима! Что с тобой?

Руки, которые он целовал в лесу, в том белом коридоре деревьев, в мире, который уже невозможно найти, пытались отвести от лица его пальцы. Он почувствовал близкую теплоту, ощутил милый запах каких-то духов или сирени.

— Оставьте меня, — он не узнал свой голос, так он был сух и зол. — Между нами всё кончено. Всё!

В памяти остались её глаза — нет, взгляд, как будто под водой. Как она посмотрела...

На память обо мне

Ольга принялась собирать вещи, прощаясь мысленно с комнаткой за перегородкой. Как незаметно привыкла она к дощатой перегородке со щелями, в которые любопытно подглядывали наивные деревенские малыши!

Привыкла к столу с занозами — он колченого дрожал и трясся, когда она составляла за ним план или проверяла тетради. И к тополю за окном. В сентябре он стоял ярко-жёлтый, задумчивый и медленно ронял на завалинку лист за листом, будто её дни. Летом с него летел пух, тёплый и подвижный, залетал в комнату, садился на книги. Тогда напевалось: «Когда полетит белый пух с тополей...» Эта не-

складная песенка обещала что-то. Теперь на ветках хлопья снега.

Нет-нет, не смей думать... «Всё между нами кончено». Она так ждала ту встречу! Нарочно для него надела свитер с полосками — ему должно быть приятно увидеть её в нём... Перестань! Поняла? У тебя есть самолюбие, хотя бы капля?!

Она уложила бельё, платье с кружевным воротничком, аккуратно перевязала книги. Отблески заката на голом столе. Пусто в комнатке. А сколько здесь пережито, переделано! Первые шаги в учительской жизни. Плакала один раз.

— Можно войти? — Румяные от мороза, на пороге остановились ребята. — И посыпались вопросы:

— А почто вы уезжаете, Ольга Сергеевна?

— Боле не хотите нас учить? Из-за Петрухи, да? Он ленился, баловался.

— Уходи, Петруха. Ольга Сергеевна не станут прощаться с тобой.

Круглолицый курносый мальчик виновато фыркнул и покосился на учительницу.

— Нет-нет, зайди, Петруша, — позвала она мальчика. — Ну что вы, ребята! — На уроках, конечно, приходилось и сердиться на озорника. Но теперь так мил, так дорог стал и он. — У новой учительницы, Петруша, ты должен вести себя хорошо. А то мне будет за тебя стыдно.

— А мы её не станем слушать, — проворчала маленькая девочка, до коленок увязанная в мамкин платок.

— Не станем, не станем! — подхватили ребята. — Пускай вы нас учите.

— Вот бунтари! — Ольга успокоила их. — Новая учительница очень хорошая, добрая. Её зовут Мария Васильевна.

С некоторыми детьми пришли матери в растоптанных валенках, с узелками в руках. Насовали гостинцев «на дорожку» — пирогов с черёмухой, овсяных блинов.

— Счастливенько на новом месте. А нам жалко. У нас бы учили.

Потом все вместе помогали нести чемодан и постель. Ребятишки, споря между собой, несли кто книги, кто лампу, чернильницу. Ольга сбрызнула в последний раз бегунцы в горшке на подоконнике, положила записку «На память от меня». Может быть, Марии Васильевне не покажется здесь так одиноко, когда она войдёт в первый раз.

Председатель колхоза Фомченко в лохматой дохе и унтах подъехал к школе.

— Желаю лично доставить вас на новое место, Ольга Сергеевна. Колхозники выразили желание рысачка запрячь. И не думали, признаться, что вы от нас уедете.

Он уложил в передок книги и чемодан. Ждал, сдерживая бьющего копытом рысака.

— Там разве больше ничего нет?

— Всё, — немножко виновато сказала Ольга и села в сани, на минуту стало неловко перед Фомченко за такое имущество.

— Стойте, стойте! Тулупчик вам, Ольга Сергеевна, — накрыла ее девушка. — Отец послал. Снеси, мол, в поле ветер, а у них ничего нетути. Ужо Фомченко обратно захватит.

Сани летели так быстро, так резво мчался рысак просёлочной дорогой, посылая в лицо колкие брызги, так рвался навстречу ветер! Как в кинокадрах, сменялись лучистые от заката поля и чёрные перелески.

Скорей бы за дело. Приказ районо здесь, в рукавичке. Калино-Падунская школа ждёт. С чего начать с ребятами? Может быть, встретят так же, как собрался её Петруша встретить новую учительницу, привыкли к Баянову?

Председатель колхоза «Первое мая» смутился, что не успел выслать подводу за учительницей.

— На рысаке-е-е, ишь ты, ворошиловцы, — позавидовал он, скребя в затылке. — Дай срок, обзаведёмся. Получше вашего.

— Помалкивай. Ишо солодкой топитесь, — хохотнул Фомченко, обтирая на красном лице взмокшие светлые усы. — На буксир подцепляем вашу школу!

Чужое горе

— Рудковской нет, — сухо отозвалась Катя Хвостикова, когда Дмитрий вошёл в районо и взялся за ручку двери кабинета. — Евгения Павловна уехала в Ленинград. Её вызвали телеграммой, разве вы не слышали? У неё несчастье. Муж умер.

Но почему, почему даже в голову не приходило, что у Евгении Павловны может быть и своё горе? Он видел её всегда на посту, готовой прийти на помощь другим. И сейчас добирался до неё, не в силах жить с этой грязью, которой в него плеснули. Рудковская была необходима ему сейчас, как глоток воздуха. Он задыхался. Ему казалось, что он не доберётся сюда, не вынесет. И вот — всё рухнуло. Не верилось! Расспрашивать Хвостикову он не хотел, но в приёмной сидели ещё учителя, тихо переговариваясь. Он сел с ними.

— Скоропостижно? — спросил один.

— Нет. Он болел давно, ещё когда Рудковская не уехала в Сибирь.

— Но не оставлял работу.

— Тоже педагог?

— Да. Ещё перед январским совещанием Евгения Павловна хотела ехать, а что-то помешало или райком не отпустил, не знаю.

Ну кому она доверила бы провести совещание? В районо так сложно с успеваемостью, с политехнизацией. Молоденькая учительница вспомнила, расширив почти детские глаза:

— Я вошла раз в кабинет — а она в платочек плачет. Скомкала его у самых глаз и тихонько плачет, совсем не слышно. Только плечи вздрагивают. Бедная Евгения Павловна... Потом стала меня ругать за успеваемость.

Только в эти минуты Дмитрий понял: он и раньше, до гадкой клеветы и доносов Амелиной, не терял надежды, что Рудковская придет к нему в школу, он покажет ей, чему научились за год ребятишки, и они понравятся ей. Никогда уже не вернётся. И вспомнить-то о Сибири ей будет больно.

Странное дело: войдя на другой день в класс, зная, что Евгения Павловна никогда не посетит Елшанскую школу, Дмитрий старался вести урок так, будто она сидит здесь и слушает урок, строго и беспощадно, со скрытой добротой в глазах, глубоко скрытой добротой. Рудковская понимала его. Ведь не менее трудно, чем ему сейчас, не менее горько было ей!

Из записок Дмитрия Петунина. 4 марта

Уроки, уроки, пасмурные утра, чад керосиновой лампы, голоса детей, их одежонка на вешалке, неторопливые, но неустанные ходики с гирькой, и дни, дни, разделённые на дольки школьным звонком. Все удачи и все неудачи — в этом домике с шестью замёрзшими окнами, в него каждый день, каждый день я складываю понемножку свою жизнь и маленькие жизни моих учеников, коплю и коплю.

Что ещё успеешь сделать от утреннего звонка до утреннего звонка?

Правда — окинуть мысленно окрестные поля под снегом, ждущие новой весны, такие же крыши изб и такие же школы, как моя. До самой границы.

Правда — тихо порадоваться чему-то, убирая стопу проверенных тетрадей, кладя сверху последнюю, выведя ещё раз красными чернилами «хорошо» под детскими буквами: «Леса — хранители вод. Деревья закрывают землю от палящих лучей летнего солнца, от иссушительных ветров».

Радауюсь чему-то каждый вечер, как тот, кто копит золотые монеты и положил сегодня ещё одну.

Радуюсь детским голосам и тому, что дети растут на нашей свободной земле, что «Верный путь» скоро засеет поля для нового урожая. И тому, что ещё не успел сделать ради этой жизни, но непременно сделаю. Богатству, которое копится в моём домике с шестью окнами и картой родины на стене. Вы, нанесшие мне рану, слышите? Я счастливее вас.

Но мне нужна чистота. Нужна! Я должен быть чистым. И ты, кого люблю, должна быть чиста.

...Вызываю на бой

Тех, кто пятнышко только посмеет

Отыскать на моей дорогой!

Все б, конечно, угрюмо молчали,

Кроме собственной скорби его...

Сириус

Под ногами хрустел ледок на лужах, затянувшихся к ночи. Он шагал на Барашкин хутор на комсомольское собрание и, кажется, досматривал этот чудесный сон. Сегодня ему опять снился голос Оли. Она говорила что-то ему, но слов он не разобрал. Да это было и неважно. Он понял, что она любит его.

Ну конечно, конечно! Только не надо будить эту сладкую боль.

Как раз пришло первое задание из Томского пединститута, и он засел за книги. Маринин дал ему ещё тогда, в феврале, «Вопросы ленинизма», посоветовал изучать самостоятельно.

Чтобы выкроить часок до школы, приучил себя вставать рано. Обнаружил второго себя. Мозг в эти часы работал жадно, впитывая знания, как земля впитывает влагу.

Он умывался ледяной водой с плавающими льдинками и садился к лампе. Дмитрий полюбил эти ранние часы, когда были так свежи силы, полюбил даже скрип бады у колодца и бормотание кур, которые просыпались у Агрипп-

пины под коником, высовывали головы через деревянную решётку и клевали овёс.

...Молодёжь высышала гурьбой из клуба. На комсомольском собрании избрали нового секретаря — учительницу Ольгу Волохову. Прежнего секретаря комячейки¹ Прохора призвали в армию. Собираться теперь решили лучше в новом клубе, чем идти через болото в Чирухино.

На следующем собрании будут заслушаны отчеты комсомольцев ударной бригады, закреплённых за участками на период весенней посевной кампании. Об этом и говорили, расходясь, и ещё — о капели с крыш. Вон какие сосульки! Обламывали самые длинные, догоняли девчат, чтоб спустить ледяшку за ворот. Ещё о том, что весной придёт трактор. И Маша, дочь кузнеца, вернётся уже трактористкой.

Ещё — о радио. В клуб надо как можно скорее провести радио, чтобы слушать передачи. О Тоне Таликовой — она подала заявление в комсомол, а отец её, Якуня Жук, пригрозил, что выгонит её из дома, если она в комсомол вступит.

Расходиться не спешили. Ночь тёмная, в звёздах. Тепло.

Дмитрий задержался у крыльца с Тоней — она про отца рассказывала: сильно разбушевался, книжки её раскидал.

Из клуба вышла Ольга с пареньком из райкома комсомола, в чапаевке². Остановились. Ольга подняла лицо к небу.

— Посмотрите, какая это звезда мелькает там, между облаками? Она поминутно меняет цвет. Вот стала оранжевая, вот сиреневая, золотая. А теперь — синяя, как василёк... Ах, какая синяя!

— Это Сириус, — сказал паренёк в кубанке. — А вон там — созвездие Ориона...

— Мне кажется, созвездия — нерешённые геометрические задачи. Какая чёткость в линиях, если провести от звезды до звезды, — сказала Ольга, даже не глянув на Дмитрия.

¹ Комячейка — комсомольская ячейка.

² Чапаевка — папаха, головной убор.

— Когда-нибудь и эти задачи человек решит, — уверенно ответил парень.

Они прошли мимо, Ольга слегка задела Дмитрия плечом, он удивился, потому что ему показалось, что она толкнула его специально. Дмитрий внимательно посмотрел ей вслед, а потом стал разглядывать Сириус. Звезда показалась ему осиротевшей, покинутой в этом далёком небе.

Не как всегда

С первых дней, как только проступили в снегу кучи навоза и синички завели свое солнечное «цыри-цыри», Дмитрий стал усердно обдумывать и свой план.

Когда у него зародилась идея? Может быть, в тот осенний день, когда его ученики отгребали солому на току, а потом собирали колоски, до которых правлению колхоза не было никакого дела? Пришли и ушли, и больше ни разу на молотьбу их не позвали. А за тот раз сказал бригадир «спасибо», как посторонним.

Ну да, так всегда делается, чего ему надо? Вот это самое «так всегда», успокоительное и несворотное — самый враг. Как же его своротить? Для этого надо отчётливо представить себе, чего он хочет добиться. А пока только смутная неудовлетворённость от участия школы в делах колхоза, от случайного характера этого участия.

Но, когда идея уже зародилась, факты и слова начинают складываться к месту, всё более проясняют её. Помогли и слова Агриппины, сказанные когда-то вечером, когда соседи собрались на огонёк. К Вите зашёл тогда Гриша Бучевой, и мальчики говорили о том, кто из них выучится на инженера, а кто на лётчика.

— Ох, мать честная! — понарошку вздохнула Агриппина. — Вырастут, улетят все. А кому ж землю пахать?

Потом Дмитрий убедился, с какой охотой юннаты помогали на ферме, учились ухаживать за телятами и поросятами. Заинтересовало всё слышанное на январском со-

вещании о политехнизации, статьи Ленина и Крупской. Хотя Лидия Романовна прервала ночной разговор с Мариным, слова его остались в памяти: человек сознаёт себя гражданином только когда участвует в общественно полезном труде, в жизни общества.

Нет, далеко ещё не всё оформилось в сознании Дмитрия из задуманного им. Но первый шаг он решил уже сделать.

Без Коржакова, председателя колхоза, сделать его нельзя. Значит, прежде всего надо убедить его, добиться полного контакта.

Нет, и этого мало. Надо заразить его идеей совместной деятельности школы и колхоза, покончить со случайностью, внеплановостью походов то на молотьбу, то на уборку брюквы, турнепса, моркови, то на кошку картофеля, — там, где он остался к осени белым мухам. Он помнил, как кое-кто из мальчишек и девчонок собирал только лежавшие сверху клубни, бросая остальную картофель в земле. Бригадир или учитель не заметит — и порядок. Но это же только вред воспитанию!

Дмитрий тщательно готовился, чтобы завоевать Коржакова, захватить его на свою сторону. Набросал даже конспект, обдумал аргументы.

Он ждал, пока зачитывали и обсуждали на общем собрании колхозников план весенней посевной кампании. Встретили серьёзно и радостно цифры роста поголовья рогатого скота в колхозе «Верный путь», увеличения надоев, но в особенности расширения посевной площади.

Издавна заложено понятие о богатстве, мерило зажиточности. О хозяйстве судят по хлебу. Коржаков подчеркнул ещё и другое:

— Хлеб в настоящее время — это машины, инвентаризация. Чтобы вырастить и убрать богатый урожай, нужен трактор, комбайн. А чтобы страна давала больше машин — нужно больше хлеба.

Конюх Яков Таликов, он же Якуня Жук, выставил живот, крепко расставив кривые ноги, покрыл всё скрипучим голосом:

— Если и дальше корма расходовать без всякой оглядки, как его помощник Ерёма Бучевой, — кормов не хватит. В аккурат к севу ни зёрнышка овса не останется, подкормить коней будет нечем.

— А трактор придёт, — возразил беспечно Ерёма.

Решили ввести строгий рацион.

Дмитрий вслушивался в каждое слово. Тем более что ходить за конями помогали Коля и Витя. Вот здесь он уже добился некоторой систематичности, увязки с колхозом, приучал юннатов отвечать за каждое маленькое дело. Об этом Дмитрий и подготовил своё выступление.

Начал с того, что обратился к правлению с просьбой выделить площадь для пришкольного участка.

— Как водится, — кивнул Коржаков. — Понятно, выделим. В уборочную и школа поможет иной раз.

Тут-то Дмитрий взвился, словно его подхлестнули. Нет уж, с таким подходом к делу всё провалится! Должны же они все понять, что он добивается другого.

— Я не о том. Что значит самое слово «помогать?» — с горячностью врубался Дмитрий в главное. — Будто колхоз — одно, а школа — другое. А необходимо, чтобы школьники уже чувствовали себя маленькими колхозниками, имели свою посильную, вполне конкретную задачу, понимаете? Они должны быть в курсе всего, быть заодно со взрослыми, врать во все колхозные дела с малых лет. А то пришли, как посторонние, что-то поделали и ушли.

— Но ведь им учиться надо! — улыбнулся Коржаков его молодой горячности.

— Я и не о том, чтобы они проводили всё время в поле. А как раз о том, чтобы время это было связано с учебным планом, чтобы бригадир, скажем, или звеньевой был для них и учителем. Колхоз тоже должен принять участие в учебном процессе. Смотреть на школьников не только

как на рабочие руки, но сделать так, чтобы труд в колхозе обучал их чему-то.

Коржаков стал серьёзнее.

— Вот теперь, с механизацией, это будет возможно. Трактор изучать, другие машины.

Дмитрий добивался, чтобы он понял вполне, проникся его идеей.

— Речь идёт о совместной деятельности школы и колхоза, именно совместной, — подчеркнул он. — Так и на пришкольном участке — назовём его колхозным учебным. Нам с участка не овощи нужны.

— Овощи тоже нужны, — поправил Коржаков.

— Ну да, ну да! Это неотделимо. Я не то хотел... Но у школьников должна быть задача сложнее. Они должны не только вырастить энное количество картофеля, свёклы, моркови, капусты, — они должны изучить свойства разных сортов, научиться возделывать землю грамотно, по последнему слову агротехники. Участок должен быть не только не хуже колхозных огородов, но служить колхозникам образцом, прививать культуру земледелия. И в то же время обучать школьников. А в поле пусть колхоз тоже выделит для школы небольшой отдельный участок. Старшие ребята уже смогут сами провести прополку и боронование, а осенью убрать — хотя бы сжать серпами! И непременно учить их умолот особо.

— Но им захочется работать там, где комбайн! — возразил Коржаков. — К осени обещают.

— Да, вы правы. И это нужнее — убирать за комбайном, — поправился Дмитрий. — Я только хотел подчеркнуть ту идею, что школьники должны вырастить и убрать хлеб полностью самостоятельно, с начала до конца.

— В общем, пришкольный участок выделим, — подытожил Коржаков. — Я думаю, возражений нет, товарищи?

Дмитрий мог считать, что добился того, что нужно для школы. Практически — да. Но не всё сразу. Надо ещё обдумать и окончательно завоевать Коржакова. В Елшанке

не всегда будет начальная школа, скоро откроется и семилетняя, а там...

О том, что случилось на другой день, в субботу, Дмитрий узнал подробно от Коли и Вити после события, да и то не сразу.

Пожар

Мальчики выкинули из кормушки Байкала объедья, жёсткие, как палки, убрали с полу притоптанную солому, смешанную с навозом. Ещё выскребли пол лопатой, проширкали метлой и внесли с заднего двора свежей соломы. Вот как чисто стало. Принялись чистить Байкала двумя щётками, с двух боков.

Якуня зажёл в фонаре свечу и стал разносить овёс помятой железной меркой. Разносил важно, торжественно, обрядно.

Фонарь выхватывал из полумрака то подстриженный султан хвоста, то добрые лиловые глаза лошади. Байкал переступал ногами, заворачивая голову на свет. Ждал овса. Наконец — его очередь.

Якуня обошёл его, будто его тут и нет, всыпал соседней лошади в кормушку.

— А Байкалу? — в голоса напомнили ребята.

Разлаписто ковыляя между кормушками, Якуня важно промолчал. Когда процедуру закончил, сказал внушительно: «Кому какой рацион. Норма. На ём не пахать».

«Так вот отчего Байкал такой грустный! Он голодный стоит, — поняли мальчишки. — А вокруг жуют овёс!»

У мальчиков созрел план. Проследили, как Якуня далеко засунул оставшийся от вечернего рациона овёс в заповедный угол, за стопку жмыха. Будь что будет, а Байкала они накормят! С нетерпением ждали, пока не останутся одни прибираться в конюшне. На ночь Якуня обходил обычно всю базу, основательно проверял запор на шорной, осматривал задний двор, прибирал к месту вилы, разваленную солому. После того уже шёл запирать.

Но в этот вечер он и выйти не успел, как вбежала Секлетей с дорожным мешком, пристёгнутым к спине, вскочила в конюшню, словно за ней гнались: «Пожар! Пожар»!

Якуня выбежал, помчался сразу к Чирухинской поскотине. Витя за ним. А Коля прежде всего вытащил из-за жмыха овёс, насыпал Байкалу в кормушку. Конь благодарно погрузил морду в сухое зерно и стал хрупать, хрупать... Тогда Коля проверил, плотно ли заперты ворота на задний двор, потуже загнул штырь, разыскав замок с ключом, задул фонарь и, ещё раз окинув конюшню взглядом, как делал это Якуня, старательно запер. Только после этого побежал тоже.

Но где же пожар?

Когда Якуня, а за ним и Витя мчались к Чирухинской поскотине, люди попадались им навстречу, кое-кто пытался даже их остановить. Но Якуня ничего не замечал, только хрипел отрывисто:

— Подождгли, окаянные... Горит! Семенной хлеб горит!

С чего Якуня взял, что горит Чирухинская поскотина с запасом семенного зерна, он и сам не мог потом объяснить. Но так стрельнуло у него в голове, и всё.

Он примчался к старой церквушке с облупленным куполом, где хранили зерно, но стоит она цела и невредима. Кругом темно. Двери заперты. Якуня обковылял её со всех сторон и вдруг увидел за болотом чёрный дым и зарево. Горело в Елшанке. Витя уже бросился назад. Теперь он нёсся вперёди, прыгал по обтаявшим кочкам.

Народ с ведрами спешил на двор Якуни Жука. Пожар был там. Загорелась запертая стайка. Тоня ночевала у сестры, прибежала вместе с Ёрзиными. Хозяйку нашли запертой в чулане.

Пока её выпускали, пока искали ключ от стайки и разбирали крышу, задохнулась в дыму корова с теленком. Тоня и мать громко плакали, плакали и многие женщины, с жалостью глядя на животных.

— Да как загорелось-то, запёртое? И ключа нет!

Волкодав оторвался и убежал вместе с цепью.

Тучная старуха Сачкова ходила с палкой среди разбросанных пылавших брёвен, переваливаясь с боку на бок, зловеще бормотала своё:

— Божья кара, божья кара!

Когда прибежал, задыхаясь, Якуня, уже загорался дом. Рухнули столбики у крыльца. Якуня чуть не упал, его поддержали. Но люди уже набежали с ведрами воды, и не успевший охватить дом огонь сник.

Прислонясь спиной к дому, Якуня Жук молча, страшно погрозил кулаком в густой туман, пропахший гарью. Рука у него тряслась. Мелко дрожала челюсть.

Коля с ужасом посмотрел на задыхающуюся корову с телёнком: «А вдруг бы лошади в конюшне так? Байкал?!»

Хорошо, что он всё осмотрел, а потом как следует запер конюшню. Подумать страшно!

Комсомольское собрание

По указанию райкома комсомола Ольга начала изучать с комсомольцами «Речь В. И. Ленина на III съезде комсомола».

Начала с того, что прежде всего ещё раз прочла и проконспектировала всё, выписала отдельные места, на которых считала нужным остановиться подробнее, обсудить их. Особенно неверным и опасным Ольга считала, что некоторые комсомольцы не желали расширять свой кругозор и политические знания, не читали газет. Такие парни и девочки слушали её несерьёзно, она замечала их улыбки, переглядывания. И здесь, как с учениками, приходилось завоёвывать авторитет неотступно и постепенно.

На собрании молодёжи Ольга сделала обзор по газетам о международном положении, о ведущей роли Советского Союза как опоры трудящихся всех стран. А в конце спросила:

— Вопросы будут?

Она ждала серьёзных вопросов, готовилась разъяснять ещё, пусть даже прочитать нужное место из речи Владимира Ильича Ленина, там, где знаний её недостаточно. И тут одна девушка, румяная и толстая, в шали с розами, бросила щёлкать семечки и сердито, громко крикнула в общей тишине:

— Почему товаров в лавке нету?

Ольге показалось, что её ударили в лицо. Ведь такой вопрос можно было задать, только не поняв ничего из её беседы, из того, что говорилось только что! Девушка с семечками в кулаке как бы перечеркнула всё. Нет, она, эта девушка, хоть и с комсомольским билетом, но ещё не комсомолка. Но для кого же готовилась Ольга с таким тщанием, со строгостью к себе, выбирая самые доходчивые слова? Девушка — её ровесница или немного старше. И не желает слушать! Обидно... В первый миг захотелось ответить ей что-нибудь резкое, сделать замечание, что вопрос не по существу, пусть у продавца спросит. Но вовремя вспомнились слова отца, всю жизнь кипевшего в общественной работе среди таких же, как сам: «Никогда не думай, дочка, что ты не могла ошибиться». В недавнем письме он напоминал о том же, быть может, угадывая, как ей трудно. Она устыдилась своего порыва. Может быть, она виновата сама. Её слова не дошли. Надо подобрать другие.

— Положим, у вас в семье надо корову купить, поправить хозяйство, а то и молока детям нет, и самим голодно. Решили всей семьёй на будущую покупку поработать и средства откладывать. Приходится жить построже, не расходовать на пряники, на конфеты, на вино и гулянки. Приходится потерпеть, переносить нехватки ради того, чтобы поправить хозяйство. — Ольга заметила, что не только девушка с семечками, но и другие внимательно слушают. Особенно прислушивались молодые женщины. — Вопрос острый. Мы сейчас развиваем тяжёлую промышленность, машиностроение. Машины нужны и для заводов, и для сельского хозяйства.

А если мы бросим их производить, начнём развивать легкую промышленность, ситец и шёлк, — мы, конечно, нарядные будем, но народное хозяйство обеднеет, страна ослабнет, и любой враг нас сомнёт. Недавно товарищ Сталин так и сказал: «Мы отстали от передовых стран на пятьдесят-сто лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». И окажемся мы с вами в красивых платьях, но в плену!

Потом уже Ольге подумалось: а не было ли в поведении девушки чего-то вызывающего, отместки за какую-то обиду? Вспомнила. Недавно поздним вечером в школу ввалилась группа парней и девчат.

— Мы поплясать. — Не очень церемонясь, парень заиграл «Подгорную», девушки пошли притопывать. С каблучков полетела грязь. Ольга отодвинула ученические тетради, поднялась за столом.

— Здесь не клуб, а школа.

— Макар Авдеич всегда нас пускал! — удивились парни.

— А я не разрешаю.

Она настояла на своём, и компания ушла, очень недовольная. Среди них была та самая девушка. Запомнилась её шаль с розами, толстые щёки.

Первое время то и дело приходилось ушибаться об это «Макар Авдеич», словно о подводный камень:

— А Макар Авдеич проводил с нами не четыре урока, а три, отпускал домой.

— А Макар Авдеич тетради не собирал.

— А Макар Авдеич не посылал руки мыть, если грязные.

Пришлось поспорить и с председателем колхоза, ничем не похожим на Фомиченко, вялым и ленивым. Собрания он, как правило, проводил в школе.

В первый раз Ольга постеснялась возразить. Наутро, войдя в класс, чуть не задохнулась от устоявшегося с вече-

ра густого запаха доморощенного табаку и табачного дыма. У стен и между парт валялись окурки, шелуха от семечек.

Больше она собрание не пустила ни разу.

«А при Макар Авдеиче всегда в школе проводили», — услышала в ответ, как только заявила, что в школу не пустит. Отношения с председателем испортились. Он отомстил тем, что морозил школу без дров, пока не вмешался сельсовет.

На помощь пришли пионеры

Ольга не сдавала позиции. Вывести школу из того состояния, в каком оставил её Баянов, — вот цель, от которой нельзя отступить ни на шаг.

День за днём, как будто и незаметно, ребята сами убеждались, что лучше приходить в класс чистым, чем грязным, не пачкать тетрадей и писать без ошибок, отвечать урок так, чтобы и другие слушали, получать «хорошо» и «отлично».

Они не знали, каких стараний и выдержки стоил учительнице каждый маленький успех. Но Ольга открыла способ не тащить лодку по песку, а спустить её на воду. И однажды после урока она спросила:

— Ребята, а есть среди вас пионеры?

И поднялся невообразимый содом. Припоминали, спорили, кричали:

— Ты, кажется, записывался, Мишка! И я.

— А я не помню, записывался или нет.

— Галстуки раз привозили!

— Поищи в сундуке, может, лежит.

— У меня-то лежит!

— На сбор ни разу не собирались!

Пришлось организовывать, начинать всё сначала.

Принесли галстуки, залежавшиеся в сундуках. Интересно было то, что ребята, несмотря на безалаберность учителя, всё-таки их берегли, хранили. Оказалось, что некоторые даже гладили их несколько раз утюгом, ждали чего-то.

О сборе напоминали не раз, просили Макара Авдеича провести сбор, а потом сникли. И только хранимые в сундуке галстуки не давали угаснуть надежде.

Вот интересно стало жить! Новая учительница провела сбор. Захотелось вступить и другим ребятам. На следующий сбор пришло уже много детей. Каждый пионер взял обязательство учиться хорошо сам и помочь товарищу. Заработали санитарные тройки. Пионеры взяли шефство над первым классом, и это очень понравилось тем и другим. Так у Ольги появились помощники. Самый трудный перевал был пройден.

Примирение

Теперь Дмитрий Иванович шёл на комсомольское собрание с особым чувством ответственности. Он мог сидеть и смотреть на Ольгу, не отрываясь, весь час, а то и допоздна. А она похудела, побледнела. Поясок у серенького платья пришлось укоротить.

Но Дмитрию она показалась ещё милее, ещё красивее. Глубже стали глаза, то блестящие радостью, то уходившие в свой внутренний таинственный мир.

Когда однажды Ольга на комсомольском собрании, вразумляя нерадивого комсомольца, рассказала о своём отце и повторила его слова: «Никогда не думай, дочка, что ты не могла ошибиться», Дмитрия будто ударило: а вдруг он тоже незаслуженно обидел её, как оскорбила его клеветой Амелина. А что, если его подозрения — вымысел влюблённого воображения, просто ревность, слепой эгоизм и тогда, может быть, он нанёс Ольге ещё более глубокую обиду, чем причинили ему.

Обида от любимого — самая горькая обида.

От любимого... А если она его уже не любит?

Он спрашивал об этом глазами во время разговора о подготовке к Первомаю, об успеваемости, — о чём бы ни говорили, глаза спрашивали одно. И ему чудилось, что

шадки, напрягающиеся от тяжести, с трудом вытаскивающие ноги из грязи. И приготовленные для них плуги и бороны у колхозной кузни. Но никогда, сколько бы ни миновало лет после этих первых колхозных вёсен, большевистских вёсен, — никогда не пройдёт чувство благодарности к их талым водам, напитавшим землю.

Уж очень пропах снеговой водой бродяга-ветер, дувший в лицо, и встречные тонкие осинки оживали под ним, чувствовали что-то...

А вот человека на дороге Дмитрий заметил первый. Тот быстро приближался лёгкой пружинистой походкой. Развевалось короткое пальто.

Дмитрий узнал его: тень отца Гамлета — Юлий! Остановился и тот: дорога-то узкая.

— А, привет труженику советского просвещения! Я уж беспокоился, признаться, что вас замело тогда, в буран. Помните, вы ушли поздним вечером из Турнаево. Зря ушли. Зря тогда не остались, я отлично переночевал у Амалиной! — Неуловимо подмигнув, он дал понять, насколько отлично переночевал.

— Рыболовные крючки купили? — холодно справился Дмитрий.

— Крючки? Ах, да. Анна Петровна преподнесла мне свои, на память. Тоже обожает ловить рыбу. М-м-м, очаровательная женщина и такая, скажу я вам, ласковая!

— Прекратите говорить о женщинах плохо.

— Молодой человек, я как раз говорю о женщинах только хорошо, — собрав кончики пальцев в щепотку, Юлий поцеловал их. — Такие женщины вокруг вас, юноша. А вы? Чем вы заняты? А Ольга Сергеевна — это же просто персик!

Дальше всё произошло неожиданно и для самого Дмитрия: он резко и точным хуком нанёс удар Юлию прямо в челюсть. Тот упал, кровь потекла по подбородку.

«Ну, сучонок», — Юлий сунул руку в карман за револьвером, но он остался в тайнике. Юлий встал. Дмитрий

лака и среди них просвет в ещё большую глубину, откуда сияло прикрытое тонким облачком солнце. Перегнувшись, стараясь не оступить в лыву, Каролинка наломала вербы. На пригорке нарвала бледно-лиловых и молочно-белых подснежников.

Нет... На дороге пусто. Синий дым низко стлался над полями: горела прошлогодняя стерня. Ветер разносил горький запах гари. На куче прелого навоза сидела ворона.

Послышался отдалённый дрожащий треск, и вдали показалось чёрное. Счастливая, запыхавшаяся, Каролинка встретила трактор далеко за деревней. «Ой, да ведь это Машенька! За рулём-то». Концами красной косынки играет ветерок. «Машенька, миленькая, посади, а?»

Маша остановилась, прыгнула в грязь, посадила девочку на трактор и включила третью скорость. Земля побежала, побежала, побежала. Ветер так и затрепал волосы! Когда уж тут приглаживать! Разве с ветром сладишь? Верба и подснежники в руках — и те растрепались.

Радостные, раскрасневшиеся девочки въехали на тракторе в деревню. Со всех сторон побежали ребятишки. Вот и белая голова Спирьки: не опоздал! А всё же Каролинка обогнала всех.

«Подожди, остановлю!» — Маша, сбавляя скорость, старалась перекричать шум мотора. Каролинка прыгнула, прижимая к себе цветы. А все бежали навстречу трактору — впереди растрёпанные ребятишки, сзади всех бабушка Степанчуха с батоном. Машенька остановила трактор у конторы, прыгнула на землю.

«Товарищ председатель! Вверенный мне трактор в колхоз «Верный путь» доставлен», — по-военному рапортовала Машенька. А ребятня уже забралась на трактор, людской галдёж заглушил слова председателя. Митинга не получилось, восторг и любопытство, как вольный ветер, колыхали радостную толпу. Трактор рыкнул и поспешил к гаражу. Счастливые люди провожали его, махая картами и платками.

Через дорогу, высоко на шесте, в голубом небе покачивалась от ветра скворечня. Прыгая через верёвочку, Каролинка пропела: «Скворчик чёрный, отдохни, песню спой!»

В лад с песенкой Матвей постукивал молотком, делая вместе с ребятами клетки для кроликов. А пока они рассыпались, прыгая по траве.

Дмитрий издали заметил Коржакова.

«Иван Ефимович, у меня к вам разговор», — он догнал председателя на полевой дороге. Она вела между чёрными пашнями и озимью, то исчезая за бугром, то снова появляясь. Где-то горел навоз, и низкий молочный дым стлался над полями. Приятно и горько пахло гарью.

Иван Ефимович шел неторопливо, опираясь на палку, оглядывал пашни. Ворот синей сатиновой рубашки под бывалым пиджаком расстегнул, картуз отправил на затылок, подставив пахучему ветру крепкую шею и лоб. Он уже успел загореть первым весенним загаром, лицо дышало здоровьем, общим с этими полями, дорогой, озимью. Приветливо посмотрел на учителя. Что ещё он там придумал?

— Я обращался в правление колхоза о пришкольном участке, помните?

— Так уж выделили. Вспашем.

— Нужна ещё лошадь привезти жерди.

— Привезём. Что ещё?

— Но это будет не просто пришкольный участок, а как бы колхозный, только учебный, — приступил Дмитрий к своей главной мысли.

Коржаков зашепшил, но Дмитрий вдогонку:

— На контрольно-семенной станции я достал кое-какие семена. Я думаю, и для колхоза будет интересен наш опыт. Может быть, зайдёте потом на участок?

— Загляну, загляну. Непременно! — обещал Коржаков, спеша к телеге с семенами: ту ли пшеницу нагребли? Самая лучшая не из амбара, а с зернохранилища, которую на неделе привезли и протравили. Отборная пшеничка!

есть, все плодородные соки, чтобы она стала ещё богаче, сам одарит её плодородием.

Трактор тарыхтел и тарыхтел — то навстречу им, то удаляясь. Пахал целину. Этой весной решили расширить посевную площадь за счёт земли, считавшейся неудобной, где слишком трудно и долго было бы справляться на лошадях с плугом, а потом разбивать бороной комья, прошитые корнями трав. Когда-то простиралось здесь болото, потом оно пересохло, но остались кочки, твёрдые стебли осоки.

Иван Ефимович глядел и не узнавал: да здесь ли торчали сухие кочки? Не узнавал и Павел. Оба остановились и молча, из-под руки, прикрываясь от солнца, смотрели на взбуровленную трактором землю. Жирные слои, отливающие глянцем, одинаково лежали по всему полю. Вот только здесь, сейчас наглядно стало понятно, что такое механизация, какие новые возможности открывает она! Сколько она даст ещё хлеба.

Коржаков уже мысленно прикинул: на будущую весну можно будет ещё расширить посевную площадь за счёт залежи за лесом, там можно посеять люцерну или вику, тогда прирастёт еще клин яровой пшеницы.

Красный платочек веял, как флажок, над чёрной пашней. Всё-таки тревожно было с утра: как-никак, не парень, пусть и училась. А тут — целина, кочки.

Тарыхтенье смолкло. Стало слышно жаворонка. Он пел, невидимый за лёгкими облаками.

Маша спрыгнула на землю, полезла куда-то с ключом. Она пристально изучала характер нового друга, с каждым часом он становился понятней. Иногда и заартачится, заставит потрудиться с отверткой, лёжа на земле. Но это он, чтобы испытать, со своей стороны, её характер.

«Не испугаешь, — умирала его Маша, берясь за смазку. — Не из таких».

Полный контакт. Трактор оказался работягой. Поддерживал честь Челябинского тракторного завода: пёр себе и пёр.

соседей... Слишком долго её считали невестой Дениса Прищепова.

Она вывела из затруднения Ивана Ефимовича. Как только Павел свернул в сторону, к бороноволокам на лошадях верхом, возбуждённых и весёлых, заговорила первая:

— Иван Ефимович, скажите мне всю правду. Люди говорят разное, я вам одному поверю. Знать хочу, в чём он виноват и в чём не виноват. Он же меня не отпускал на курсы, потому что хотел около себя держать, как ручную, понимаете, и характеристику мне такую специально написал, чтобы я при нём осталась. Расскажите мне всю правду.

Всю правду? Того ли она Дениса любит? Или прежнего, с которым гуляла ночи напролёт ещё шестнадцатилетней девочкой?

Коржаков положил руку ей на голову:

— Одно скажу тебе: если ты его любишь — думай о нём хорошо. Может быть, исправится, вернётся другим. И мы забудем всё, что было, и станем жить будущим. Поняла? Только помни, Машенька-Мария, каждый из нас принадлежит ещё и Родине. И оттого нет у нас причины горевать!

Маша оглянулась на поля, которые её ждали.

Преступление

Коржаков пошёл прочь. Он шел перелеском, потом вдоль ручья и одинокой разлапистой ивы, ствол которой изогнулся для удобства встреч влюблённых, и потом полем, чистым, ясным, ещё не тронутым плугом.

Ему и самому было тяжело вспомнить последний разговор с Денисом в то утро. Ещё на рассвете к нему пришла учительница из Калининка Падуна Ольга Сергеевна, подруга погибшей учительницы. Она пришла чуть свет, чтобы не опоздать обратно в школу. Она многое узнала и хотела немедленно знать, как это случилось. Как мог Денис Прищепов бросить Тамару одну в буран и почему отпряг лошадь?

— Гавря? — быстро перебил Коржаков и переглянулся с Ольгой: что она? Ольга устремила глаза на Дениса. Кажется, она стала старше во время его рассказа.

Он и рассказывал именно ей, на Коржакова и не глядел. Заговорил тише, иногда замолкал, всматриваясь в Ольгу, как бы оправдываясь: теперь она видит, что он-то ни при чём.

— Отец поехал, закружило по-страшному, в двух шагах не видно. Сани он нашёл, а Тамары в них не было... Кричал, звал — только метель выла.

Ольга зажала лицо руками, выбежала вон. Денис сразу замолчал. Крепко сцепил руки на коленях.

— А теперь я у вас спрошу! — прорвался Денис. — Зачем вы у меня дом отобрали? Просто нарочно, доказать что-то. Будто я не понял. Знаете, в какое положение я из-за этого попал! Теперь радуйтесь, радуйтесь! — он в отчаянии притиснул кулак ко лбу.

— Постой. Никто у тебя дом не отбирал. У тебя его не было.

— Нет, это вы всё уроки даёте, всё воспитываете! Только без вас и отдохнул немного.

— Хорошо, коль таков разговор: ты разве не понимал, что отец твой не найдёт Тамару, благодаря чьей статье прекратилось существование кулацкой артели «Луч» на Барашкином хуторе.

Денис молчал.

— И ты считаешь себя невиновным? Да вы бы и эту девчонку угробили, была бы ваша воля. И последний вопрос: кто стрелял в меня той ночью, на чирухинской дороге? Говори, ты знаешь.

Денис помрачнел, но теперь ему захотелось бросить именно Коржакову в лицо правду.

— Если вы хотите знать... — ещё медлил он.

— Я знаю.

— Зачем тогда спрашиваете?

— Хочу услышать от тебя.

Денис вскочил, дернул ворот рубахи, так что отлетели пуговицы.

«Что вы, Осип Яковлевич, разве мне справиться?!» — «Вы достаточно опытни, Анна Петровна, чтобы стать директором НСШ. Роно остановил свой выбор на вас. Мы предоставим вам право самой подобрать себе коллектив. Петунина уволим». — На этом месте мысленный диалог был прерван Досихиным.

— Извините, Дмитрий Иванович, — выглянул из кабинета Осип Яковлевич, — посидите, пожалуйста. Я отпущу Анну Петровну. Видимо, Анна Петровна очень спешит.

— Очень! — расцвела она улыбкой, усаживаясь на мягкий стул поближе к столу.

— Районный отдел народного образования удовлетворил вашу просьбу о переводе из Турнаевской школы. — Амелина вспыхнула от удовольствия. Осип Яковлевич надел очки, словно хотел получше её видеть. — Вы переведены в Елшанскую НСШ учительницей начальных классов.

— Что?! Учительницей? Начальных классов?!

Улыбка померкла.

— Вы... шутите, Осип Яковлевич?

— На шутки не имею времени, Анна Петровна, — поставил её на место Досихин, хотя тем же ровным голосом.

— Но ведь... Вы меня давно уже информировали... Выдвигали мою кандидатуру совсем на другое место!

— Районо был вынужден изменить о вас мнение.

Он достал из портфеля и положил перед ней исписанные листки бумаги.

— Судите сами, Анна Петровна, может ли стоять во главе коллектива человек, который занимается подобным творчеством, я не буду называть их доносами, но которое чернит своих товарищей по работе? И позвольте вас спросить, Анна Петровна: за кого вы, собственно, считали меня, позволяя себе адресовать всю эту клевету именно мне?

— Я вас считала за человека, — уязвила Амелина.

— Благодарю. — Он помолчал. — А вот товарищ Петунин Дмитрий Иванович или, скажем, Николай Николаевич Маринин тоже считали меня за человека, но ожидали

А если уж признаться — не представлял себе, как это он не будет учить дальше Каролинку, Колю и других юннатов, шустрого и умненького Егора Ёрзина? Не будет следить, как развивается дальше и крепнет колхоз «Верный путь?» Неправда, что он ехал сюда, в Сибирь, преодолевать трудности — он поехал за счастьем! Он с детства стремился к нему, искал его во всём, упорно добывал, как золотые крупинки, ворочая груды руды. И он добыл себе счастье. Видеть, как его ученики узнают с каждым днём больше, начинают любить книги... Сознать детей как своих маленьких сограждан, которые проникаются чувством родины, начинают понимать её великую ведущую роль в борьбе за коммунизм, за мир на земле, — уже счастье. Но он хотел учиться по-настоящему, на дневном отделении.

Колебания его прервал Досихин — и на самом живо-трепещущем месте. Он вошёл с отпечатанным на машинке приказом и положил его на стол перед Дмитрием: «Учителя начальных классов Петунина Д. И. назначить преподавателем математики в пятых классах Елшанской НСШ с 1 сентября 1934 года».

Расписываясь в книге, Дмитрий вздохнул с облегчением. Оля остаётся с ним рядом, всего в трёх километрах, а это не расстояние.

Неожиданная радость

В один из последних дней занятий все окна стояли открытыми. На подоконниках — медунки и подснежники, букет огоньков, как сноп. Сквозь цветы видно, как куры роются в пыли посреди улицы, хозяйки хлопают половики и мешки на плетне. Стук колёс. Телега остановилась у школьной ограды. Не сразу узнал вошедшую пожилую женщину в дорожном плаще, с портфелем. Евгения Павловна?!

— Рады или нет — встречайте. — Она пожала ему руку, лёгким движением сняла плащ и повесила над лав-

кой со звонком, осталась в синем костюме с белой кофточкой. — Здравствуйте, дети.

Дмитрий поражённо повторил про себя произнесённое ею приветствие, стараясь уловить интонацию. Так вот как можно произнести два простых слова, таких знакомых.

Те же самые слова могут прозвучать устало или недовольно, или ворчливо, скучно или мрачно. Так и останавливаются над классом в виде тучи. А как произнесла Рудковская?

Будто солнцем брызнуло! Надо научиться этому, потом быть учителем. Первокласники — ну что с ними делать! — как раз успели на уроке лепки вчера долепить макет птицефермы и сейчас потащили показывать приезжей приветливой тёте заляпанных клеем картонных петухов, индюков, гусей и уток, показали и глиняные кормушки, и такой же курятник, да ещё с красным флажком. Они объявили, что понесут своё произведение в контору колхоза, в подарок. Учитель обещал им это!

Дмитрий покраснел и готов был провалиться. А Рудковская, как ни в чём не бывало, поторопила малышкой вымыть руки и сесть за парты. Похвалила ферму.

Она принялась опрашивать их по арифметике, давала примеры на устный счёт и смотрела тетради. Делала она это так просто, непринуждённо, словно была их учительницей, и дети отвечали охотно.

Дмитрий, несмотря на своё беспокойство за ребят, не мог не любоваться приёмами Рудковской на уроке, её тоном с детьми.

Он видел перед собой настоящую учительницу. Голос мягкий и в то же время серьёзный. Тоном она даёт понять детям: они заняты очень важным делом. Лицо и манера держаться ободряют их.

— Ух, соскучилась по школе, по ребятам, — призналась она в перемену. — Учите их думать. Развивать надо не память, а мышление. Такие сообразительные ребятки!

Дмитрий помнил свой неудачный урок при посещении инспектора и боялся, что случится что-нибудь вроде

того конфуза. К тому же дети устали за год, настроены уже на каникулы, поглядывают на цветы, в окна. Задора нет. Он уже переселился из класса на простор, на свежий воздух.

Но уроки прошли хорошо. Состояние ребят перед ролл-спуском, видимо, было знакомо Рудковской.

— Эх уже им бегать хочется! — заметила она.

Несмотря на это, от неё не ускользнули сильные и слабые стороны учителя.

— Хромают частные методики. Штудируйте во время отпуска. Дети делают много ошибок при чтении. Ведь это не городская школа: в семье у них говорят по-другому. Нельзя забывать, что мы готовим первое образованное поколение сибиряков. Если в Центральной России мы уже в прошлом веке имели таких выдающихся деятелей народного просвещения, как Илья Николаевич Ульянов, которые боролись с мракобесием, дикостью, нищетой школ, боролись за них против министров самодержавия, — то ведь здесь, в Сибири, таких деятелей не было.

— А декабристы? — несмело напомнил Дмитрий. — Они тоже пытались сделать что могли для просвещения сибирских жителей.

— А что они могли, не владея никаким ресурсом? Мы первые после Октябрьской революции приступили к плановому строительству школ и всей системы образования и победили безграмотность среди взрослого населения. — Она улыбнулась той особенной улыбкой, которую вызывали у неё дети. — Знаете, что мне в ваших учениках понравилось? Спрашиваю, кто из них хочет учиться дальше, в новой семилетке? Все хотят! Спрашиваю: «Почему?» Отвечают: «Учиться интересно». Вот это, Дмитрий Иванович, победа. «Учиться интересно». Молодцы. Если учителю интересно работать — детям интересно учиться.

В лице её Дмитрий с грустью, с болью за неё видел следы перенесённого горя, и всё время остерегался задеть рану

как-нибудь нечаянно, старался обходить подальше, словно вёл лодку среди подводных камней. Поэтому он почти испугался, когда Евгения Павловна стала расспрашивать о его родных, о матери.

— В отпуск обязательно съездите, повидайтесь. Тем, кто нас любит, тяжела разлука.

Ему показалось, что голос у неё чуть заметно дрогнул. Значит, она не хотела другим такого же горя, теперь думала о тех, кто ещё не испытал потери близкого человека, и, как в первую встречу в районо, Дмитрию захотелось поделиться сокровенным. Он сказал, что рано потерял отца. В горе для всей семьи было одно утешение: жить и поступать так, как это было при отце, как он считал верным.

Евгения Павловна молчала, думая. Лицо её как-то просветлело.

— А ну! Что же вы мне не покажете, какая там у вас затея с юннатами?

— Да оставили только кроликов, — смутился Дмитрий.

— Значит, взрослеем?

Знала бы она, сколько он перенёс всего из-за живого уголка!

— О, какие славнушки! — заглянула она к кроликам. — На будущий учебный год кружок юннатов должен расширить деятельность. И за кроликами пусть ухаживают.

Дмитрию даже жаль стало, что Рудковская не видела остальных обитателей.

— Евгения Павловна, — решил он, — а что бы вы сделали, если бы приехали проверять школу — и вдруг бы застали здесь, кроме кроликов и крольчат, ежа, белку, снегирей и черепаху?

— Что бы я сделала? Что бы сделала... Да оставила бы всех жить, раз уже живут! — она засмеялась. — Только без прописки.

Осмотрела стройплощадку, где ошкуряли бревна.

— Место у вас богатое. Вот здесь можно оборудовать спортплощадку, поставить турник, шведскую стенку, па-

раллельные брусья, врыть столбы для гигантских шагов, — с увлечением прикинула она. — Директором НСШ назначен Николай Николаевич Маринин. Переедет сюда, как только кончатся занятия.

— Маринин! Вот это здорово! Работать с ним в одной школе...

— Не знаю, как справится один, вы же в отпуск уедете, — озабоченно сказала Рудковская. — Столько работы!

— Плотники же строят.

— Да ведь, кроме строительных работ, сколько ещё предстоит: внутренняя отделка, мебель, оборудование, заказы в мастерских, кто-то должен получать наглядные пособия в Томске и Новосибирске. Обещали проекционный фонарь, динамо-машину, микроскоп, приборы для проведения опытов по физике и химии... В районе получить горн и барабан для пионерской комнаты, переходящее знамя.

Тётя Физа пригласила заведующую районо пообедать. Она настряпала пельменей. Евгения Павловна поблагодарила. Ей бы только кипяточку.

— В районо лошадь одна. Задержусь — инспектор пойдёт пешком. А у него ревматизм. Надо заглянуть ещё в Калино-Падунскую школу.

Дмитрию очень хотелось знать, добилась ли своего Ольга, удалось ли ей выправить школу. Но поостерёгся спрашивать: Рудковская может подумать что-нибудь...

Она сказала сама, что Ольге Сергеевне трудно пришлось. Но годовые контрольные её ученики написали и решили хорошо. «И так чисто стали писать! Тетради не узнаешь».

Тётя Физа принесла кружку с кипятком, заваренным морковным чаем. Донышко запачкалось в золе.

— Вот и спасибо. — Рудковская смахнула золу и достала из портфеля кусочек хлеба, развернула, два кусочка сахару спустила в чай.

Дмитрий был весь захвачен мечтами о строительстве новой школы.

— Для кого мечта, для кого будни, — заметила Рудковская.

— Это так интересно!

— Правда? Вот я и решила отозвать вас из отпуска, Маринину помогать.

Дмитрий растерялся:

— Вот неожиданно! Я было уже...

Евгения Павловна поняла его.

— Навестить родных успеете ближе к осени. Договорились?

Она достала из портфеля готовый приказ: «Учителя Елшанской школы Петунина Д. И. отозвать из очередного отпуска с 1 июня с. г. на строительство неполной средней школы. Завроно Рудковская».

Сельдерей

— Пожалуйста, Ольга Сергеевна. — Дмитрий Иванович пригласил войти на пришкольный участок. Ольга вошла и поздоровалась с детьми, которые трудились каждый на своей грядке. Ноги в чёрных чулках и полуботиночках остановились возле грядок. В руке она держала тетрадь, свёрнутую трубочкой.

— Наш лозунг: на сибирской земле должно расти всё! — Дмитрий Иванович помог юннатам отмерить расстояния для колышков. Юннаты знали, грядки должны получиться ровные, как по линейке. Для этого натянули между ними верёвку туго, как тетиву лука.

— У нас всё должно быть образцово! — пояснил гостье Дмитрий Иванович. — Колхозники увидят: на участке трудились юннаты.

Ольга и Дмитрий стояли рядом и наблюдали труд детей:

— Прочёсывай граблями! Прочёсывай и прочёсывай, пока земля не станет рыхлой, пухлой.

— Витя, золу носи!

— Суперфосфат, — деловито поправил Витя, высыпая золу от сгоревшего костра.

Опьянев от солнца, от запахов земли, ребята мельчили руками комочки.

— Сегодня мы решаем первую задачу, — обращаясь к Ольге Сергеевне, но так, чтобы слышали и дети, Дмитрий Иванович вырвал крохотный, но уже упорный корешок пырея. — Бороться с сорняками удобнее с весны, при обработке почвы.

— Мы корни сорняков все удалили и сожгли, — похвастался Коля.

— Нет, сначала мы на уроке природоведения про сорняки всё изучили, — напомнил Витя.

— Мы только начали изучать сорняки, — поправил Дмитрий Иванович. — Это очень обширная и интересная отрасль природоведения, ботаники.

Ольге заметно понравился участок. Она с удовольствием начала помогать Каролинке, та подала колышек с дощечкой «Сельдерей».

— Вот сюда его, сюда, — показала она на грядку, которую обрабатывала вместе с Зоей граблями. — Эта грядка за нами закреплена, ровная, правда?

Она заложила за спину перепачканные землёй руки и пояснила:

— Сельдерей растёт во Франции. Вы читали про Гавроша? Он подносил патроны коммунарам на баррикаде, жил в Париже. Это главный город Франции. — Она немного перевела дыхание и покосилась на Дмитрия Ивановича. — Сельдерей — овощ французских бедняков.

— А вдруг он не захочет расти в Сибири? — подзадоорила Ольга Сергеевна, весело подмигнув Дмитрию.

Каролинка переглянулась с Зоей.

— А мы будем его поливать, поливать, каждый день станем поливать! Чтобы вырос!

Подъехал председатель, и Ольга Сергеевна поспешила к нему. Пока она обсуждала что-то с Коржаковым, развер-

Под обломанным сучком натекло так много соку, что он застыл розовой пеной. И что за пир, что за весенний праздник справляли какие-то крохотные мошки, собравшиеся неизвестно откуда и оживлённо облепившие берёзу! Тихий ветер веял со вспаханного поля, колебались лёгкие ветки с почками. Дерево чуть покачивалось, и вся компания насекомых, опьяневшая от сока, качалась вместе с ним.

— Цветы надо поскорее отнести домой, поставить в воду. — Как она успела подойти? На переносье высыпало несколько веснушек. Чуть-чуть. Села рядом. — Тогда зачем же ты рвал огоньки?

— Зачем? Хочешь знать?

Он осыпал её огоньками, как дождём, они падали ей на плечи, на грудь, она смеялась, лицо у нее порозовело.

Была такая таинственная дверь, открыв которую они нашли бы столько сказать друг другу, что не хватило бы весенней ночи. Почему же ни один не хотел тронуть первый волшебную ручку? Страшно было счастье? Или раны? Лучше просто сидеть вот так, рядом, чуть касаясь друг друга плечом. Чувствовать, что их двое в этом мире.

Дмитрий напомнил о лыжной прогулке, о деревьях незнакомой эры...

— Я хотел бы, чтоб у тебя сейчас опять порвался ремешок на лыже.

Поняла. Не воображает ли он, что переступил там, в лесу, через какую-то грань? И теперь находится в новой стране? Посмотрела на него сбоку. Волосы у него возле лба растрепались — это когда рвал огоньки. «Не воображай. Ни на пядь ты не продвинулся. Если захочу — живо верну тебя за черту. Если захочу!» — думала она.

Дмитрий по её лицу всё понял. Он и сам не решался повторить то, что было в лесу, на лыжах. А ни о чём другом ни думать, ни говорить сейчас не хотелось.

— Знаешь, когда я с тобой, то ни о чём не думаю, — признался он. — И верю в тебя.

— Лестно. А когда один, то, значит, не веришь?

— На щепы разберу, а найду! — обозлился Юлий.

Он вышел на улицу, огляделся: всюду люди! Идут и едут, везут бороны, мешки с семенами. Свернул на заросший травой просёлок.

Он схватился за карман — уж тут ли револьвер?! Ведь он ночевал у Мартына, напился вечером и не помнил себя. Револьвер на месте. Он успокоился немного.

«Коля, ты зачем отпряг Байкала?» От ненавистного голоса учителя, раздавшегося из рощицы, Юлий вздрогнул.

На лесной дороге неподвижно стояла лошадь; когда лошади свободны, они любят становиться не вдоль, а поперёк дороги.

Пегая лошадка так и стояла, мордой к пушисто зеленоющему, просвеченному первыми лучами лесу. Она прикрыла глаза и только слегка обмахивалась от проснувшихся уже комаров. На спине у неё белое пятнышко, будто кто снежком запустил.

— А пускай отдохнёт, пока мы кусты рубить будем. Потом я его ещё на речку свожу.

Кустов решили нарубить побольше, заплести всю ограду вокруг участка от гусей и кур. Да и свињи с поросятами такие вольные! Только и смотрят, куда бы забраться. На полянке дымил костёр. Он и не должен гореть огнём — это дымный костёр, от комаров. А то они так лезут и кусаются, что и рубить-то не дадут, и таскать кусты помешают, все в почках.

— Гнёздышко! Дмитрий Иванович, смотрите, — гнёздышко!

— То-то птичка так тревожно летала вокруг, стараясь отвести от гнезда подальше...

— Ой, какие яички хорошенькие... — перешёптывались дети.

— Рябенькие и с голубыми разводами.

— Отойди, птичка боится, что мы возьмём.

Дети отошли тихонько. Птичка вернулась и закрыла собой яички. Успокоилась.

— Несите ещё прошлогодних листьев для костра, — послал ребят Дмитрий Иванович. Разбежались. Сгребали руками чёрную листву, освобождая лезущие вверх зелёные иглы пырея, полосатые ладошки подорожника, подснежники и медунки.

Дмитрий подкладывал листья в костёр, отпугивая комаров, уже кружившихся тучами подальше от дыма, с наслаждением вдыхал горечь. От слежавшихся полуистлевших листьев тянуло хмелем и брагой, словно из кадки. Примешивался и запах отсыревшей коры, и медунок... Славно. Вдали мальчики уже рубили кусты, негромко тюкая топорами и перекликаясь.

— Вон сколько мы принесли! — ребята подбежали и ухнули в костер листья и прутья.

За кустами Юлий опустил дуло револьвера. Приятно целиться и знать, что можешь, если захочешь, спустить курок.

О последствиях подумал. Не время. Не уйти. Но хотел обязательно отомстить за их непонятную жизнь, за их непонятную гордость. Испытать ещё раз острое ощущение. Тот, кого он ненавидит, спокойно подкладывал листья в костёр — а он за кустами целился ему в голову...

Ради сладости этого мига Юлий отменил своё решение уехать сегодня же. Можно прятаться, скрываться на заимке, а своего дня дожидаться и дать вырваться ненависти, летящей пулей в голову, в самый висок.

Слово юннатам

Хорошо носить воду тихим летним утром. Прохладная пыль бархатно касается босых ног. Бадья, вся мокрая, стоит на краю сруба. С неё обрываются блестящие капли.

Далеко-далеко, может быть, за рекой, кукует кукушка.

Коля спешил к колодцу первым: на участке сохнут грядки. Взялся за гладкий лебедок, отполированный ладонями

до зеркального блеска, столкнул бадью. Мокрая цепь разматывалась вокруг тяжёлого вала. Едва слышно плеснуло. Будто там, в глубине, кто-то сказал короткое слово. Всегда хотелось расслышать его. Мальчик заглянул в колодезь.

Темнея, уходили вниз подгнившие бревна. Твёрдые бурые грибы торчали по углам. В глубине теснее, таинственнее. Светлел голубой четырёхугольник. По нему расходились круги, но вот он совсем успокоился и стал ясным. Дверь из коридора в незнакомый мир — такой же солнечный. Оттуда смотрел на Колю мальчик. Наверно, он и сказал то слово. Коля кивнул мальчику. Тот кивнул тоже.

Но сзади уже толкались с вёдрами, и Коля деловито налил в свои. Поздороваться с тем мальчиком под нездешним небом можно только один на один, пока не началось трудовое утро. Зато потом веселее бежать по тропинке с вёдрами, обгоняя ребят. Все спешат поливать участок, засуха. Давно нет дождя, а солнце калит, земля пересыхает. Сохнут хлеба.

Поникли листья огородных растений на участке. Оживают только под струями воды. Земля жадно впитывает влагу, чернеет, отмокает. Приятно поить её, когда она так хочет пить! Приятно видеть, как расправляются поникшие листья. Коля засучил штаны выше колен. Но на него брызнуло сзади.

— Ну конечно!

Каролинка обеими руками держала лейку.

— Чтобы струи проникали под корень, а не разбрызгивались, поливать нужно правильно, — назидательно пояснила она Коле и склонилась над грядкой.

— У тебя уже листочки. А другие только ещё всходят, а то и не взошли.

— Коля, а правда, ты на правлении выступать будешь?

— Буду, Дмитрий Иванович мне поручил.

— Я бы тоже хотела выступить, но он мне не поручил.

А можно я приду послушать, а потом ты такой, Коля, дурак, чё-нибудь да забудешь.

до самой весны за конём Байкалом. Научились кормить по рациону, и чтобы кормушка держалась чистой, а то конь есть не станет. В стойле тоже дочиста убирали. Ещё ездили за водой на речку. Ещё... — Но тут, представив себе Байкала со снежком на спине, Коля сорвался со «взрослого» тона. Ой, если б они знали, какой Байкал хитрый! — Пока чистишь щёткой, смиренно стоит. А станешь гриву чесать — так и норовит за руку схватить зубами! Но это он балуется по-нарошке, пугает только...

И вдруг Коля увидел в окне, в том самом, что выходило на тропинку, рожицы Каролинки, Вити и Оськи. Сначала он сделал им суровое лицо. Потом не выдержал и показал кулак. Все оглянулись, но в окне уже никого не было. Потом опять в окне появились мордочки друзей. Но они делали ему какие-то знаки.

— Другим юннатам было поручено помогать дояркам и телятницам, — добавил он. Покосился на окно. Нет, опять делают знаки. Не только глазами, но руками и ртом, а Оська ещё и ушами. Ой, про кроликов-то чуть не забыл! — Ещё мы вырастили в подарок своему колхозу два десятка кроликов. Чтобы развить колхозное кролиководство. При живом уголке оставляем пару.

Оська успокоил свои уши. Зато Каролинка подсказала так громко, что все опять оглянулись:

— А про участок-то?

Дмитрий Иванович погрозил ей пальцем. Но Коля спохватился. Самое главное-то!

— А теперь у нас опытный огородный участок при школе. Возделываем такие культуры, как савойская капуста и сельдерей.

Сел разгоряченный и красный, с блестящими глазами. А Иван Ефимович Коржаков обратился с торжеством к гостям из «Красного знамени»:

— Что, есть у вас начинание такое? Смену растите? А?

— Значит, пока «Верный путь» впереди, — подытожил председатель сельсовета.

Захлопали.

Пошли поля пшеницы, какая сухая земля! Дмитрий поднял ком земли — он рассыпался в пальцах. Засуха?

Но ни во что плохое не верилось в это счастливое утро. И вдруг в эту самую минуту стало ясно, какой поворот незаметно совершился в нём со времени приезда в Елшанку.

Да, не исчез образ страшного грозового неба, открывшегося ему в юности. «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут...» Впервые возникла мысль: нас хотят смять, уничтожить. За солнечными всплесками Волги, за первомайскими колоннами культармейцев, за огнями у кинематографа «Прожектор» появилась тень неизвестного античеловека. Он угрожал этой радостной жизни.

Но сам существовал нереально, только в сознании.

Враг, с которым пришлось столкнуться в Елшанке, ничем не напоминал его угрожающе затаённый облик. Однако это уже реальный враг, с плотью и кровью, хотя и более обыденный, даже какой-то повседневный, как грязная лужа у колодца, где можно промочить ноги и запачкать ведра.

Что-то переместилось. Странно: в школьные годы, когда враждебные силы капиталистического мира были для него только теорией, они представлялись страшнее. Словно невидимая рука была занесена над всем, от чего он был счастлив.

Теперь же, когда враждебные силы мешали ему на каждом шагу, реально вошли в его жизнь, нельзя бояться их — надо выходить на бой с ними — будничным, повседневным.

Дорога к мечте — через будни. Глаза отыскивали всё родное, до страсти любимое, то, что нуждалось в его участии, в его труде и сердце.

Школа и елшанские ребята, их маленькие дела, даже грядка с сельдереем — всё было важнее и сильнее в ежедневном поединке. Оно-то и помогало устоять перед враждебной силой.

У него есть дело. Пусть не встают на дороге!

Дмитрий шагал всё быстрее. Вот уже немного осталось.

А в это время зелёная гусеница с множеством ножек старательно взбиралась на торчащий возле крыльца старый пенёк, собирая горбик и снова расправляясь. Они не заметили, как туча закрыла солнце. Птицы смолкли. Ветер пронёсся, сорвал с куста лепестки. И вдруг — сложилось. Теперь сложилось! Дмитрий отстранился от Ольги.

— Вот послушай. Посвящается моей любимой Оленьке!

Обрывает ветер куст калины.
 Не за ним ли ты?
 Вечно убегающую радость
 Я хочу догнать, как белые цветы.

Оля рассмеялась:

— Нет рифмы и размер ломается, но стихотворение хорошее!

— Правда?

— Да, правда! — и они опять радостно обнялись.

Вокруг вдруг померкло. Метнулась молния. Клевер в колеях дороги, кажется, вздрогнул и в предчувствии влаги распрямился, потянулся вверх. Колосья вдали, листья на кустах, каждая травинка — всё притаилось в радостном ожидании. Гусеница, распрямляя и собирая горбик, спустилась, спряталась в траве.

Сейчас польёт дождь. Обильный, благодатный дождь!

Здание первой школы в Большеречке

На этом месте стояла первая Варламовская школа

Накануне войны. Коченёво. Семья Кубышкиных

Дом на ул. Октябрьская, 22

Дорогой герой,
 Три дня с нарастающим внимани-
 ем вычитываю в доисторического Кел-
 дуня, горюю о том, что ситуация на
 подвеса — описи Кава-Кави (Ка-
 ча-описание ведических гим-
 нов, теории транслизма в Индии
 и основами царских дипломатии
 в узорах транслизма восточной
 Индии) и на восточном гим-
 ний, представляющей два-пору-
 скости (небесно-хотологолю) дуа-
 лизму, и всего соответствующей ин-
 тектуры и ритуальной символи-
 ке (графически изображены
 два сова и т.д.) камерных ме-
 таников с охватом для
 души и безразличной карашкой,
 археологические движения ко-

торых точнее хронологиче-
 ски проследимы от Атланти-
 ки — IV тыс. тиз до централи-
 зации Европы начала III тыс. тиз
 и Куллин и Ср. Азии сродина
 и конца этого же III тыс. тиз...
 Тригем, иранские описи
 в мегалитических источниках Гер-
 мании, на Восточном и в ср.
 Азии идентичны друг другу
 и описаниям в брахмических
 Ведах и в Европе!

Об этом писал археолог
 Вестин и Восточные, но я сра-
 зу подумал, что следы мегали-
 тической культуры... не мог-
 ли не сохранились в Ведах и
 в Авесте. Отсюда и описи
 кава-кави и индийцев и
 германов и правые "кава" и

Письмо Алексею Кубышкину

Алексей Кубышкин

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК ПО УЧЕТУ КАДРОВ

1. Фамилия Карасева
имя Наталья отчество Борисовна

2. Пол Ж 3. Год, месяц и день рождения 1910 Год Февраль

4. Место рождения Село Рава Рязанской обл.
(рай, уезд, губерния, область)

4. Национальность русская и, если известно, язык русский

7. Образование 1/а *(тип)* нет *(тип)* нет *(тип)*

8. Состояние на начало БУСР, с даты приема в БУСР

9. Образование Рязань

Место работы (службы, предприятия) и вид деятельности	Начало или окончания работы	Как принято считать	Как принято считать	Вид работы, по какой специальности	Место выполнения работы и должности, специальности, квалификации и другие сведения о работе (за исключением случаев, когда она не засчитывается)
<u>Саратовские Аэро-Построения Рязань</u>	<u>август 1946</u>	<u>1950</u>	<u>—</u>	<u>Квалифицированный механик электр.</u>	
	<u>Организационно-методич. работы</u>			<u>Квалифицированный организатор в структурных подразделениях в организации.</u>	

10. Какие организации созданы и закрыты в период БУСР в Колхозы, совхозы, колхозы, совхозы, колхозы

11. Какие работы, услуги выполнены

12. Какие работы выполнялись в период БУСР

13. Выполнение работ с оценкой трудовой деятельности (заполнить в начале и в конце работы на основании сведений, внесенных в карточку учета и журналы учета, в период работы и работы на территории)

Проставить оценку (отметки) за выполнение работы и качество выполнения работы, за то качество, к которому требуется (качество работы)

Дата и вид	Дата	Зачеты и оценки выполнения работы, выполнения и время работы (дней)	Место выполнения работы, профессии, специальности
21.08.55	21.08.55	Квалифицированный механик электр. в 5-9 классах температур и электр. машин и Д. В. С.	г. Болотово Новосибирской области
21.08.55	21.08.55	Квалифицированный механик электр. в 5-9 классах температур и электр. машин и Д. В. С.	г. Болотово Новосибирской области
21.08.55	21.08.55	Квалифицированный механик электр. в 5-9 классах температур и электр. машин и Д. В. С.	г. Болотово Новосибирской области
21.08.55	21.08.55	Квалифицированный механик электр. в 5-9 классах температур и электр. машин и Д. В. С.	г. Болотово Новосибирской области
21.08.55	21.08.55	Квалифицированный механик электр. в 5-9 классах температур и электр. машин и Д. В. С.	г. Болотово Новосибирской области
21.08.55	21.08.55	Квалифицированный механик электр. в 5-9 классах температур и электр. машин и Д. В. С.	г. Болотово Новосибирской области
21.08.55	21.08.55	Квалифицированный механик электр. в 5-9 классах температур и электр. машин и Д. В. С.	г. Болотово Новосибирской области
21.08.55	21.08.55	Квалифицированный механик электр. в 5-9 классах температур и электр. машин и Д. В. С.	г. Болотово Новосибирской области
21.08.55	21.08.55	Квалифицированный механик электр. в 5-9 классах температур и электр. машин и Д. В. С.	г. Болотово Новосибирской области
21.08.55	21.08.55	Квалифицированный механик электр. в 5-9 классах температур и электр. машин и Д. В. С.	г. Болотово Новосибирской области

№ п/п	Сведения о предприятии, организации, учреждении, а также индивидуума (наименование)	Почтовый адрес предприятия, организации, учреждения
101 101010	Коллективная ферма "Водяновская" при совхозе / на территории совхоза с районом в № 101 48/	г. Новосибирск Н.С.О.
101 7526 76	Архивный № 101 76	г. Новосибирск
101 77 77	Сельскохозяйственная организация "Сибирская"	г. Новосибирск

14. Профильные по отраслям (указать название организации, филиала и структурного подразделения)

№ п/п	Наименование	В какой форме	Срок пребывания по отрасли

15. Участие в центральном, республиканском, областном, районном мероприятии, совещании и других мероприятиях

Наименование мероприятия	Почтовый адрес мероприятия
№ 101 101 101	Ветеринарный колхоз
№ 101 101 101	Сельскохозяйственная организация
№ 101 101 101	" "
№ 101 101 101	" "
№ 101 101 101	" "

16. Какие книги, брошюры, журналы, газеты, альбомы, карты и т.д. имеются в наличии?

№ 101 - Книга "Очерки истории Новосибирска"

17. Наличие по профессиям: _____ Клас, стр. № 101 и т.д. (указать название профессии)

18. Отрасли и виды деятельности в области науки

Сфера: _____ (указать область деятельности)

19. Сведения о наличии изобретений, патентов и т.д.

№ 101 - Книга "Очерки истории Новосибирска" 1988

20. Наличие в семье: Новосибирская область и Новосибирск

Семья: _____ (указать фамилию)

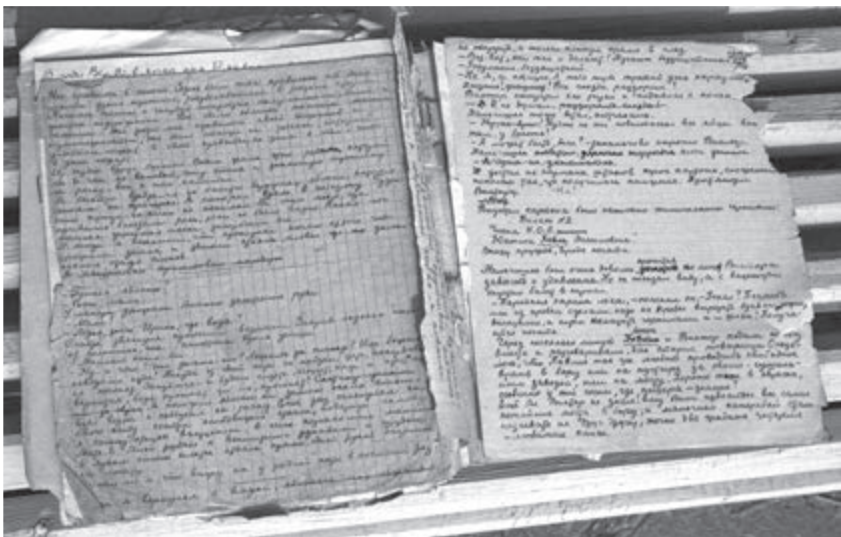
Семья: _____ (указать фамилию)

Семья: _____ (указать фамилию)

(на Г. И. С.)
Мальчишка
Мальчишка познанолились сизой.
Правда, подружилась она добротой сиротки,
котор шел по лесу — дело было в мае — в Вязуче под ноги
ему стремительно кинулась птичка. Он даже не успел
защелкать ее — заветил только желтое плутишко на груди.
Да повисше и оплуть гутью ко ударилась. «А, должно бить,
у же где-то тут гнездо, она отводит меня», — помыслил Викто-
тор. Он сжал искать гнездо, чтобы убедиться в верности
своей догадки и потянул же огаири, не беспокоить птицу.
Гнездо оказалось совсем рядом, в кустах. Вязучу бежал
на пень, чтобы не тревожить его, посмотреть на лички.
Интересно, какие у этой птички лички? Лички оказались
рыбешные, коричневые с голубыми, их было четыре.
Птица все продолжала тревожно носиться вокруг, улю-
ляла не трогать лички.
«Да я не трою, не трою, сейчас уйду», — успокоил ее
Виктор и только приготовился спрыгнуть с пенки,
как кто-то сильно схватил его за плечи и
бильно сусузил.
Он сердито обернулся и увидел мальчишку своих
лет — ~~маленького~~ ^{маленького} ~~маленького~~ ^{маленького} с потными ушами, подви-
ным лицом, сейчас выразившим торжество, и
вспушками на носу.
— Тебе чего? — крикнул Виктор.
Вместо ответа мальчишка как толкнул его, что он
отлетел далеко в сторону от пня и расфулся
на ~~хвосте~~ ^{хвосте} хвосте. Он быстро вскочил и налетел на
мальчишку с кулаками — тот оказался совсем
худеньким, с тонкими руками и ногами. Пов-
лив его, Виктор губовал под застиранной синей
шей ^{синей} рубашонкой его худое тело. Сиде лезет, подумал
— Сдавайся, — предлоил Виктор.
— И не подумало!
Мальчишка тучно дышал. Виктор прижимал его
руки к земле.
— Файнес! — ~~вздрыгивал~~ ^{вздрыгивал} мальчишка.
— Кто — я?!
Виктор гуть не ударил его по лицу, но сдержался, чтоб

Н. Карнеева

В ДОРОГЕ

«За годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ».

(Из Отчетного доклада ЦК КПСС на XXIV съезде партии).

КОГДА вдумчиво наблюдаешь движение нашей действительности, даже простое и повседневное, то убеждаешься, как в людях наших проявляются общие исторические черты духовного облика, характерного для всей новой исторической общности людей — советского народа.

Интересные случаются встречи с представителями сибирского поезда дальнего следования «Россия». И не те, чтобы пассажиры казенно-ничего там, пробыльковские свалки. — Нет, напротив, — самые обыкновенные. Порой собираются люди настолько разные и по возрасту, и по профессии, даме как будто и по континенту — и вдруг словно выжидая всякой между ними возникает жаркая за-

горится общий разговор и объединяет всех.

Так что же, все-таки объединяет в наше время, и дни строительства действительности, даже самых, на первый взгляд, разных людей?

— Ответ на этот вопрос, думается, и валяку в одной встрече, пойдя два часа.

ПРЕЗД «Россия» спешит на восток. В плацкартном вагоне сидят много пассажиров — и все-таки разговор как-то «не клеится». Может быть, поэтому, что все с тревогой поглядывают на пассажира за основным столиком. Молодая светловолосая учительница в очках, которая вошла из плацкартного маленькую дочку, слезно отворачиваясь, повторила с ней табличку ужасности: не забыла ли за лето? Малышка-белоснежка с обидным усмешкой, возвращаясь с кухни, улетела на кухню и закрыла глаза.

Даже студент-рабочник, в одинаковом черном обмундировании и вышитых ильинских гребенках, тихонько сидит, взвешивая на руках, покладывая на бо-

вой столик. Пахолок, это были молодцы.

Так же несильно сидят, погруженные в явную, только что отслуживший солдат. Но читать ему никаких книг, — что вида парня в потертой куртке «эмальник» — тот самый, кто бесновал всех второе сутки. Расположившись за столиком, он выждал в стакане острую на волонтерском, опорожненной им на валяку, и протянул солдату:

— Эй, товарищ солдатик! Так и в желанье поддержать компания?

— В этом — не хочу!

— А в гонимом дерюге? Потом еще сбегался. — Не уклонился парочка.

— А не хватит ли хлеба?

— Надо ли? — чуть насмешливо этот валяк солдат, не отрываясь от книг.

— Да что ты все читаешь-то? Проголодаешь?

— А вот, послушай:

«Идем вперед два трактора и то, что мы делаем тут — это всего лишь начало... Изъявлять обдумывая быстрое подвиги реки. Люди выносят эту землю, и на Алтае она заливается в голые сады, побегает вода в проталинах аржанка, и эдак-то ветры будут мерять золотые хлебные поля».

Публикация в газете «Путь Ильича»

На полях школьной тетради (записки)

1941–1944

1941 г., Коченёво

28 августа

Доехали до места ещё далеко до заката солнца, но настолько усталые и голодные, что начать работу сегодня — и думать было нечего. Тем более что работа непривычная. Я сразу узнала место нашей стоянки в прошлый раз, в начале августа. Вот полукруглая поляна, за ней — лес, вот ивы, отделяющие поляну от дороги и луга. Их длинные листья, похожие на пальцы, пожелтели, стали прозрачнее, и много-много их внизу на примятой траве. Тогда мы вешали на них полотенца, на изгиб ствола клали мыло, на сучья вешали пиджаки и верхние вещи. Ивы встретили тихим предосенним шумом. Нашего шалаша уже нет, нет и шалаша, где спали в тот раз мужчины, — смешной Посажеников, так трудно представимый с топором и пилой, и другие. Было решено поставить один общий, как в первобытной общине, накрыть его брезентом на случай дождя и немного утеплить ветками хотя бы.

По знакомой дорожке я пошла одна за водой. Здесь также тенисто, тихо. Хорошо, что нет уже комаров — их угнал первый холод. Деревья просвечены далёким заходящим солнцем, каждый лист ожил и вспыхнул последний раз. Узкая дорога плотно укатана. Вот и знакомое углубление в кустах налево, сломанные ветки боярышника, поваленная рябина и яма с водой. Плеснула лягушка. А, шиповник поспел! Весь куст усеян крупными красными ягодами, словно в круглых каплях. Я нарвала полные горсти ягод и присела на сухой ствол поваленной рябины. Шиповник внутри мохнатенький, с жёлтыми семечками, бархатистый и сладкий. Только ко за

язык кусает. Вот ветка смородины — она всё лето провисела в густой тени и оттого в тот раз была ещё зеленоватой и твёрдой. А теперь и она поспела, вся ветка сплошь покрыта чёрными ягодами, до того перезрелыми и мягкими, что они попадали на землю, едва я коснулась рукой куста. Смородина полна поздней сладости, тает во рту, и я не тороплюсь с водой. Ведро стоит себе на глинистом обрыве, а я смотрю и смотрю вокруг, не могу наглядеться на лесную жизнь... Отчего так легко дышится здесь, в обществе шиповника, боярышника, смородины, этой поваленной рябины, через которую дружелюбно снуют муравьи, среди прозрачных листьев, тропинки, расходящихся по воде кругов от скакнувшей лягушки? Здесь свой мир — и никому не под силу его разрушить. И не только здесь — вся Россия живёт и дышит так же в тысячах и тысячах вот таких уголков. Никаким разрушителям, никаким танкам не справиться с этой маленькой серой лягушкой. Не справиться с птицами, которые пересвистываются в кустах. Весной здесь будут гнёзда и появятся птенцы. Где-то за оврагом стучит молотилка. Слышно, как протяжно кричат: «Давай-дава-а-ай!». Полевой дорогой поскрипывает телега со снопами. Колхозники спешат больше убрать хлеба в эти погожие дни: мужчин в деревне осталось уже немного. Не хватает лошадей. Но убрать надо вовремя. Сибирский хлеб будет кормить наших красноармейцев, нашу армию.

Черпаю воду, только когда доносится издали голос Пермяковой: меня зовут.

Костёр уже ярко пылает, ведро с супом всё почернело от языков огня и дыма, пламя лижет его со всех сторон, и Пётр Михайлович уже опять принял свой «лесной» вид: Робинзон — не Робинзон, но и не преподаватель алгебры и геометрии, а также тригонометрии, гроза старшеклассников, всегда аккуратно одетый в неизменный коричневый пиджак, немного ехидный и медлительный. Ему больше 50, ближе к другому десятку, пожалуй. Теперь он остался в одной ситцевой серой рубашке, с засученными рукавами и откинутым воротом, в белом платке на голове, завязан-

ном по-бабьи косынкой концами назад. Так он похож ещё на Тартарена из Тараскона. Он движется неторопливо на своих коротких ногах, облаживая шалаш и изредка крякая, указывает ребятам, куда ещё класть жерди.

Но несмотря на сходство с Тартареном из Тараскона, нечто новое в нём заставляет меня посмотреть на него с уважением. Он всегда казался мне немного эгоистом. Возможно, меня отделяло от него то, что у меня двое маленьких детей, а у него их никогда не было, и он высказался однажды, что учительница, имеющая своих детей, уже неполноценна для школы. Возможно, это говорит в нем самоуверенность, с которой он подвергает критике некоторые истины. Например, он осудил как-то народное выражение о щедром и добром человеке, близко к сердцу принимающем беду другого: «Последнюю рубашку с себя отдаст». Пётр Михайлович разбил это выражение чисто математически: «Но если я отдам с себя последнюю рубашку — тем самым я останусь раздетым, а следовательно — нуждающимся в помощи. Значит, это бессмыслица, алогизм. Теперь меня нужно одевать».

В узком школьном коридоре или в учительской за длинным столом с чернильницами и тетрадями он представлялся безнадежно сухим, чёрствым человеком. Но здесь, на поляне у костра, в лесу, где он должен руководить заготовкой дров для школы на эту надвигающуюся страшную зиму, когда в его распоряжении остались только неумелые учительницы, в жизни не державшие ни пилы, ни топора, да подростки-ученики, — его словно живым ветром овеяло. Он даже помолодел и больше стал походить на мужчину — даже мускулы на руках стали заметны. И все невольно стали обращаться к нему со всеми вопросами, чувствуя какую-то опору.

Мы с Пермяковой пошли за сеном к большому стогу, смётанному недалеко на лугу, заделываем отверстия в шалаше. Он вышел четырёхугольный, как дом, разделён на две половины, глухой и уютный. Выход — лазейки в полчеловека — обращён к лесу. Телегу завезли вправо от дороги и поставили в высокой траве оглоблями вниз. На телеге

овоши: капуста, картошка, лук. Мясо опять зарыли в яму под ивами, а хлеб в ящичке занесли в шалаш. Да, недаром Робинзон так подробно описывает свои способы добывания и хранения пищи: среди природы это приобретает совсем другое значение и как-то интересней. Ребята разожгли гигантский костёр: натаскали молодых сухих деревьев и длинных веток. Поток искр помчался в тёмное небо, огонь вздымался выше деревьев.

— Гитлера бы сюда! — сказал Витя.

По ту сторону костра неподвижно стояла лошадь, прикрыв глаза, вся озарённая ярким пламенем на фоне ночного неба.

— Витька, табак у тебя есть? — спросил Павлик, покосившись на шалаш: там учителя.

Анисья Николаевна услышала:

— Это кому там табак?!

— Пусть их курят, — застывает Пётр Михайлович. — Они тут за мужчин работать будут. А там и на войну...

На лопате накрошен зелёный табак, и Павлик суёт его ближе к огню, чтобы просох. Все следят, затаив дыхание.

— Ой, сожжёшь...

— Ты не толкайся, так и не сожгу.

Люди спят. Костёр погас. Тонкая струя дыма от него тянется прямо к небу, мешаясь с ночными облаками. Лошадь заржала тихонько. И снова молчание. Пахнет сеном.

1 сентября

Впервые в жизни с тех пор, как я стала вести самостоятельный образ жизни, то есть начала работать в школе, я встречаю этот день не в классах, а в лесу. Что ж, и это не плохо. Ещё совсем тепло, тепло как летом. Но больно думать о той причине, по какой мы здесь, а в нашей школе всё готовят для госпиталя, для встречи раненых с запада...

Когда все ещё спали, прошла по мокрой траве, ослепительно блестящей на солнце. Сапоги оставили седой след.

стоя на коленях на траве или сидя на поваленной коряге. Привыкли и к костру, и к бараньему супу с картошкой, к чаю с терпким горьковатым привкусом листьев смородины (М. С. Пермякова пьёт этот чай с сахаром, остальные — так), к запаху сена в шалаше и к вечерним песням. А что делать вечером?

Сознание беды, которое каждый носит в себе, немного глушится песней. Или ярче разгорается, обожжёт нестерпимо. Но здесь кажется, что война идёт словно на другой планете.

У Марии Степановны Пермяковой уже уехал на войну муж, но пока он ещё в Новосибирске, не подвержен никакой опасности. Пока ещё... Да и она крепкой сибирской породы: не поддаётся печали. Спокойна, весела, говорит о том, как надо красить пол в квартире, белить, какие она себе заказала туфли в городе.

Знамя войны развёртывается над головами людей, но не все ещё чувствуют его страшный ветер. Сейчас оно захватило их только краем. Но близко время, когда оно развернётся всё, страшное и чёрное, и закроет небо. И не будет ни отдыха у костра, ни новых туфель, ни любимых около нас. Я уже вижу это знамя, различаю его тёмные очертания, но пока ещё ярко синее небо и золотистые листья блестят на солнце. Снегирёв и мальчишки пилят дрова, зачищают, а мы только перетаскиваем верхушки и ветки, а потом стволы. И это нам кажется работой. Ведь до войны мы этого не делали. Но война только начинается, она может не кончиться и к той зиме — а что тогда ожидает нас, женщин, учительниц, которые отвечают и за школу?

4 сентября

У нас потерялась лошадь. Утром её не оказалось у костра. Ребята побежали в разные стороны искать, свистели, звали. Но нет и следов Савраски.

5 сентября

Рано утром поднялись опять на поиски. Но только озябли и промочили ноги, бегая по холодной росе. Наскоро поели горячего супу, собравшись у костра, и вынесли решение: части экспедиции идти сейчас же в Коченёво и известить начальство.

Потеряли лошадь! Ничего себе. Как-то встретит мадам Рабинович?

Решили оставить в лесу Снегирёва, так как при своей тучности он не может идти пешком 20 километров, и мальчиков, чтобы продолжать поиски и собрать остальную чащу. После завтрака Мария Степановна, Анисья Николаевна и я взяли узелки и отправились пешком в Коченёво. На этот раз — через Захолустное. Избушки его стоят в лесу. Колхозники были на полях, всюду тихо-тихо. Кое-где в избах открыты окна, виднеются цветы в горшках, белые занавески или стол с початой кринкой молока. Как в сказке. Покачиваются над крышами высокие тополя, раскинув ветви и роняя прозрачные листья. Рябины уже краснеют. Какие-то птицы невидимо перелетают в них. А вот одна села на плетень, где висит полосатая дерюга, повертела хвостом, похожим на руль, блеснула круглыми глазами. Лошадь выехала из переулка, медленно ступая с возом пшеницы, и свернула к колхозному амбару, распаханному настезь. Зерно насыпано прямо в кошёвку. Но мы все трое ахнули: «Савраска!» Оказалось, колхозники просто взяли его пока на уборочную: «Коней-то теперь нехватка». Возчик обещал отогнать коня к нашей стоянке. Но мы уже не вернулись и вышли на пыльную дорогу вдоль насыпи железной дороги. Вдали зашумел поезд. С запада. Не едет ли ко мне Иришенька из страшной сейчас Москвы, над которой уже рвутся бомбы. Нет, она не уедет из своей Москвы. На площадках товарных вагонов люди, люди. Старики, дети. Смотрят на наши сибирские поля, берёзы. День сухой, жаркий по-летнему. Мы разулись. Босиком идти приятнее и легче.

На полпути свернули в перелесок, нашли уютное местечко, достали и разделили огурцы, которые я взяла ещё из дома. Поели, но отдохнуть не пришлось: началась гроза с громом и молнией, по-летнему, дождь хлынул. Домой дошли все мокрые и грязные. И странно свободно было идти так по улицам в новом виде.

2 декабря

Снег идёт. И вчера летел весь день густыми хлопьями. Но я не сметаю с крыльца. Там остался след мужской ноги. След огромного валенка. Нога стремительно шагнула наискось по крыльцу, в сторону вокзала. Это было вчера утром. Михаил ушёл на войну. Положил руку мне на голову — и пошёл, не оборачиваясь. А мы остались в этой маленькой комнатке на углу, куда переехали из привычной уютной квартиры в первые же дни войны: в нашей прежней квартире разместился нархозучёт, так было нужно. Здесь не поместились обе детские кровати, не поместился и большой стол, за которым мы работали вечерами, — всё это и многое другое пришлось свалить в больших щелястых сенах. Там же в углу ещё ведер шесть угля — вот это нужно, это богатство. В школе угля нет, протапливают очень экономно, чтобы не было мороза, а нам, учителям, не обещают. Да и школа теперь не в прежнем здании, а в маленьком одноэтажном, на окраине, куда мне идти далеко-далеко, ботинки промёрзнут за дорогу, так и стучат, потому что торопишься, бежишь бегом и в школу, и домой, так и думается, что пожар или угар от печки. Десятый и девятый классы учатся в третью смену, так как комнат не хватает. Ведь наша школа размещалась в большом двухэтажном здании «покоем» — теперь там лазарет. А прошлогодний выпуск почти весь ушёл на фронт, даже девочки прошли подготовку на медсестёр и отправились с эшелоном. Я их всех учила с восьмого класса, всех знала ещё почти детьми, подростками, но больше всего любила в десятом. Они так серьёзно,

ном классе... И тут-то начинали петь, пока директор или дежурный учитель висел на телефоне, ругаясь с электростанцией. Пели на обоих этажах. Из одного класса неслось «Раскинулось море широко», из другого «Выходила на берег Катюша», из приоткрытой двери третьего всё покрывают увлечённые голоса: «Всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ».

Какие ребята ушли в июне! Представляю себе их каждого в отдельности. Сильные, умные, красивые. Выделялся Анатолий Рычко — сын нашего завуча, хорошего человека. Это был их старший — остались две девочки. Анатолий ушёл в первые же дни войны — и с тех пор ни одного письма. Как в воду. Ему было семнадцать. Когда он проводил комсомольское собрание, то мы, учителя, сидели в стороне, молчали, только слушали выступавших. Сидели мы в классе или нет — комсомольцы проводили своё собрание так же.

А Володе Ветчину, единственному сыну учительницы начальных классов, только в прошлом году похоронившей мужа, едва исполнилось шестнадцать — или ещё не исполнилось. Как ему удалось уйти на фронт? Мать говорила, что поправил цифру в комсомольском билете. Перед войной она ему только что «справила» настоящий суконный костюм, какой ему очень хотелось, купила галстук. Ни разу не надел. С фронта писал: «Мама, костюм отдай кому-нибудь или променяй себе на картошку. Немцы палят и с земли, и с воздуха». А во втором письме: «Мама, ты мой костюм пока береги, если ещё не променяла: может быть, я и вернусь домой». Пока письма больше не было.

Вот и мы одни остались. Дети ещё спали, когда ушёл отец. Только постоял возле них. Было ещё темно. Дома холодно. Потом я надела его суконные коричневые брюки, старые, чтобы было удобнее и теплее, растопила плиту, уголь разгорелся хорошо, жарко. Быстро сварила суп с картошкой и собралась в школу. Разбудила Алёшу — ему тоже с утра в школу, ходит в третий класс, а в первом он у нас

С утра натопила пожарче. Комната у нас тёплая, и жар в печке сохраняется иногда до следующего утра. Но растоплять завтра нечем: дрова кончились. Угля есть ещё немного. В школе нет ни дров, ни угля, который можно бы дать учителям: едва тянут, чтобы не прекращать занятия. На уроки принесли противогазы, научили обращаться с ними, и один урок провели все в противогазах — и мы, и ученики. Душно, противно. И вряд ли нужно. Неужели, если газы пущены, где-то идут уроки? Помимо этого урока, занималась хорошо — шёл в девярых мой любимый материал — «Bescheidenheit»¹ — статья Сталина о первой встрече его с Лениным в Гельсингфорсе, о его необычайной скромности, деловитости. На таком материале невольно выходишь за рамки изучения языка, увлекаешься и чувствуешь, как живое доходит до учеников, будит мысль, видишь даже по лицам. Хотя все сейчас думают только о войне. Но и это имеет прямое отношение к ней: наши вожди, их высокая нравственность. Вот и я увлеклась уроком — и вдруг как пронзило: а чем завтра топить? Вышла из школы в сумерках и постояла ещё. Просить у завхоза хоть дощечку какую-нибудь? Бесполезно. Уже просила — и я не одна остро нуждаюсь в этом. Вдруг вспомнила: возле большой школы стояли поломанные парты. Прошла туда. Число парт, правда, значительно уменьшилось: госпиталь же тоже топить надо, а кто их заготавливал, дрова? Ближайший лес от Коченёво километров 20–25, в Захолустном. В августе нас послали туда заготовливать дрова для школы, мы там жили в шалашах и на костре варили суп, кипятили чай со смородиновым листом. Поставили несколько кубометров берёзы и осины, но их до сих пор не вывезли: не на чем. Всё же за углом школы нашла подходящий обломок от старой парты, притащила домой и расколола, вот и с дровами на два дня. Вечером вскипятила чаю, напоила детей с остатком хлеба. У Алёши на лице выступила красная сыпь. Оставила обоих на нашей кровати — она

---

¹ Bescheidenheit (нем.) — скромность.

повыше, и в ногах — обогреватель от печки. Другая кровать, узенькая, стояла на прежней квартире в кухне. Теперь она очень пригодилась. Стоит напротив большой, возле другой стены, так что детей мне видно и слышно.

Завтра до школы надо успеть получить хлеб.

6 декабря

Заняла очередь, когда было ещё темно, но народу скопилось порядочно. Все молчаливые, суровые, жмутся возле стен. Когда очередь ждёт у запертых дверей и вокруг одни глухие запоры на окнах, — мороз кажется сильней. Он какой-то железный. Может быть, ещё потому, что в животе пусто, а на ногах резиновые ботинки. Думалось о том, что все великие исторические события сопровождаются очередями за хлебом, начиная с Великой Французской революции и кончая... Где он — конец?

Вместо хлеба стали выдавать муку, пришлось бежать домой за наволочкой, но мука очень хорошая, и дали много. Готовить уже некогда и пора бежать в школу. Едва успела растопить печку и сварить суп с галушками. Очень боюсь, чтобы дети не стали расчёсывать на лице сыпь. Объяснила Алёше, что могут появиться ямочки от оспы. Но он такой понятливый и, несмотря на то, что сам болен, следит и за Володей, и за тем, чтобы он не простудился, не пускает его на пол, не даёт раскрываться, обращается ласково, кормит с ложки и подаёт водички.

А небо всё грознее. Немцы обложили блокадой Ленинград.

8 декабря

Сегодня такой свирепый ветер, что окно совсем замёрзло. У нас только одно окно, довольно большое. Оно выходит прямо на скрещение двух улиц. Поэтому машины летят как бы на нас, так и несутся на окно и вдруг — сворачивают, пропадают. Но теперь и машин не видно — одни лианы да огромные бе-

лые тропические цветы. Думается о морозе под Москвой: вчера пришло письмо от Ириши. Ваня на фронте с сентября, в штабе. Она ждёт второго ребёнка, но часто дежурит на крыше, то днём, то ночью, работает в боевой дружине, гасит фугаски. Она и всегда была у нас энергичная и мужественная. А уж в эти-то дни сидеть за чьей-то спиной не станет. Москва, Москва... Все о ней сейчас думают. Спешись в школу ещё и потому, что там узнаёшь обо всём, что на фронте, там и газета, и радио.

По улицам, закрываясь от ветра, густо идут с вокзала эвакуированные. Одеты совсем не по-нашему, не по-сибирски. Скользят по льду и снегу в полуботинках, в каких-то туфлишках с лакированной отделкой, на каблучках. Мужчины в фуражках, натянутых на уши, в шляпах. Многие в осенних пальто с поднятыми воротниками. Кто несёт два чемодана или какие-то увязанные по-городски мешки, клетчатые рюкзаки на спине, а кто и ничего не несёт. Детей ведут за ручки. Все с надеждой поглядывают на добротные домики с голубыми ставнями и палисадниками, доверху заметёнными снегом, на цветы за окнами. Жизнь кажется здесь нетронутой... Бомбы не долетят. Смотрят на клуб посреди площади, одноэтажное здание редакции районной газеты и низенькую электростанцию, на раймаг с устаревшим прејскурантом и макетом колбасы на витрине, на единственную столовую, где сейчас замок. Больше, пожалуй, не на что смотреть, если не считать ещё пожарной каланчи, далеко видной с разных улиц этого районного селения. Не очень живописно, но сюда не долетают бомбы. Можно отдохнуть немного.

А к вечеру все эвакуированные получили уже хлеба, талоны на молоко — литр в день на семью, их прикрепили к столовой, откуда можно ежедневно получать суп с картошкой. Правда, они не понимают, как тут могли жить люди до войны. Стоя в очереди в столовую с котелками, кастрюлями, бидонами, постукивая ногами на морозе, они вспоминают фруктовые сады, яблоки, вишни, сливы, вспоминают красивые улицы, ярко освещённые площади и парки, театры, музыку... Нет, ко всему этому они вернутся!

и симпатичный коммунист. Они вместе ездили в Новосибирск сдавать зачёты. У Евглевского остался совсем маленький сын Радик, на год моложе Володи. Теперь прислали нового редактора — чёрненькую тоненькую женщину, очень живую и, видимо, евреечку. Она очень славная и интеллигентная, эвакуирована откуда-то с юга с двумя детьми и здесь совершенно одинока. Получается, как у меня: старшая уходит в школу, а младшую не с кем оставить, в детсадике места все заняты. Только у нас — мальчишки, а у неё — девочки. Но мы хоть как-то дома, а у них и спать не на чем. Я им отдала сегодня наши детские кровати. Правда, Алёшину жаль — она довольно большая, железная и с сеткой. Но он сам захотел отдать её приезжим девочкам, которые пришли к нам с матерью. И пусть. Сейчас ставить некуда, а война кончится — неужели кроваток не купим? Тогда всё найдём — только бы война скорее кончилась.

В воскресенье понесла на базар две шёлковые белые кофточка, которые купила в магазине весной — и тоже подумала, что сейчас их мне вовсе не надо. Но только обменять их пришлось на ведро картошки, а она оказалась мёрзлой. Нехорошо со стороны той женщины, которая продавала, она должна была предупредить. Правда, население в Коченёве, большей частью, картошкой обеспечено, сажают свою, на огородах или в поле. У некоторых есть корова или поросёнок. Поэтому они не голодают, хотя хлеба дают мало. Хлеб, как нарочно, очень хороший, вкусный, из чистой пшеничной муки, хотя и серой. В столовой как-то не хватило супу, хотя его наливали щедро в бидоны, кто сколько просил, — тоже вода и мороженая картошка (почему её непременно надо было поморозить, когда она сейчас — всё?). Один эвакуированный, видимо, с юга, пожилой, но ещё не старый, рассердился и сказал с отчаянием: «Что же мне теперь, голодным сидеть?» А повариха, она местная, муж Грищенко где-то служил, мы с ними тогда поменялись квартирами, чтобы переехать поближе к редакции, сказала ему:

— Ну почему же голодному сидеть?

мыми стихами стали «О Пете, толстом ребёнке, и о Симе, который тонкий». Запомнил и другие его «Стихи детям». Но как серьёзный интерес выделяется его интерес к географии, к исследованиям таких натуралистов, как Брем, Гумбольдт.

Систематически мы с ним не занимались, даже оставлять приходилось одного дома, когда ему было всего пять лет. Соседи за стеной удивлялись, что он никогда не плакал и не шумел, а всё время был занят или своими детскими книжками, или игрушками: тихонько катал красивого козла на колёсиках, играл на шарманке или рисовал. Как раз в день объявления войны, ещё до объявления по радио, отец подарил ему толстую книгу с иллюстрациями «Жизнь птиц» Брема. Он привёз её накануне, 21 июня, но дети уже спали. А на другое утро, в воскресенье, мы все встали такие весёлые: Михаил сдал зачёт по истории, к которому усердно готовился, на отлично, и даже преподаватель сказал: «Если бы у нас был высший балл, чем отлично, я бы Вам его поставил». С изданием книжки всё движется, скоро заключат договор. У меня только начались летние каникулы.

Вот и верь в предчувствия. Ни малейшего предчувствия ни у кого не было, ни снов. А ведь там, на западной границе, всё уже было, всё началось.

А мы пошли в виде прогулки на базарную площадь ради солнечного утра. Михаил надел свою белую рубашку, вышитую васильками на вороте и на рукавах, Володя нёс в ручке воздушный розовый шарик. И тут вдруг народ побежал куда-то, на столах всё бросили. На здании райкома партии заговорил репродуктор. «Война! Немцы напали... Гитлер повёл войска на наши границы... Уже ворвались сегодня утром», — так передавали все друг другу, бледные, встревоженные, сразу как-то подтянувшиеся. Ещё не верилось...

21 декабря

От Ириши письмо, но не из Москвы, а из Бузулука: её с Колей эвакуировали. Ребёнок вот-вот должен родиться.

неразвита речь. Видимо, такое население, хотя от Новосибирска всего 70 километров по железной дороге. Её наблюдения показались мне правильными и ещё раз убедили, что внимание её направлено всё ещё в ту сторону, куда должно быть направлено внимание учителя, и она со своей девочкой ещё много хлебнёт беды. Например, радуется: дают литр молока — а ведь из него и масло сбить можно! Попробуй, сбей. Даже понятия не имеет о том, как сбивают масло. Одета тоже кое-как. Видимо, до катастрофы жила высшими интересами. А теперь ходит в худых ботинках и холодных чулках, в какой-то тряпке вместо платка на голове и думает о том, как научить детей правильно употреблять родительный падеж, писать без ошибок суффиксы существительных. Больше всего озабочена этим. Странно, но мне почему-то с ней интереснее, чем, например, с М. С. Пермяковой, которая всю дорогу от школы до дома может говорить о том, как лучше всего стирать бельё и сколько у неё доит корова. Она-то одета безупречно и на взгляд любого больше похожа на учительницу 5–7-х классов, чем Эсфирь Григорьевна в её растоптанных ботинках. И тут уж до боли встаёт то, о чём никогда не могла думать без ненависти, не могу простить: молодость Левитана, те гонения, которые он, с чуткостью художника, воспринимал так болезненно.

Но разве не преуспевал одновременно какой-нибудь еврей-коммерсант? И не подвергались гонениям на той же Руси Пушкин и Некрасов? И не гоняла нас этой осенью заменившая нашего директора, ушедшего на войну, мадам Рабинович, как мы её прозвали? Она тоже была эвакуирована откуда-то в Сибирь, и тоже — еврейского происхождения. Весьма злобное и властолюбивое существо. Она приказала всем учителям являться к ней ежедневно утром и узнавать, какие будут приказания на сегодня. Занятия ещё не начинались: не было готово здание взамен занятого под госпиталь. И Рабинович буквально изоцрялась

1942 год

16 января

Наконец письмо от Михаила. Он ещё в Новосибирске. Проходит военную подготовку, в том числе на радиста. Только ещё в конце месяца их должны отправить на фронт.

Был в «Сибирских огнях». Теперь всё перевернулось. Журнал выходить пока не будет. Вместо него — альманах «Огневые дни». Михаил сдал туда свою повесть «В Степановке», написанную в первые дни войны, немного наивную, но, пожалуй, довольно хорошую. Ему устроили выступление по радио: читал отрывки из большой рукописи и стихи. А я и не знала. Да если бы и знала, у нас нет радио.

17 января

У Ириши в Бузулуке родился сын, Серёжа. Вот уж вовремя-то! Теперь в чужом городе с одним девятилетним и одним грудным. Ваня брал отпуск из части на время родов. Был ещё недалеко и приехал. Но ведь точно нельзя угадать день родов, и он на несколько часов опоздал явиться обратно в часть. Дали десять лет условно. Сразу заменили тем, что послали на передовую. К этому он был готов и всё равно не бросил бы Иришу одну. Настоящий мужчина.

Приходил вчера прощаться П. Гончаров: тоже едет на фронт. Осенью он приносил Михаилу свою рукопись — повесть о деревне. Но он не стал читать, передал мне. Я прочла всю и постаралась помочь как могла. Скромный; передал Михаилу привет.

29 января

К Михаилу из Болотного ездила мать, успела проститься. Меня спрашивает: выхлопотала ли я пособие как красноармейка?

Пособие мне оформили и выдали сразу — 120 рублей в месяц. По нашим ценам, конечно, почти ничего. Но всё же что-то. Ведь нас всё больше. Купить из одежды или обуви ничего невозможно. Алёша ходит в школу в коротеньких, как глубокие калоши, обрезках от валенок. Хорошо, что перед войной я успела купить для него у Пермяковой чёрную дошку, из которой вырос её мальчик. Морозы и метели сильные. У Володи вообще ничего нет из верхней одежды, кроме того коротенького красного бархатного пальтеца — его иногда и дома приходится надевать. Выйти гулять не в чем. Хорошо, что третий класс, где учится Алёша, занимается теперь с двенадцати до половины четвертого: в это время у меня редко бывают уроки, только один день, так что мы по очереди дома. Потом я опять ухажу, уже до позднего вечера. Володенька иногда спит уже, когда я возвращаюсь. Алёша сидит ждёт меня, готовит уроки или читает свои книги, в том числе Большую советскую энциклопедию, один том которой оставил ему отец. Володю жаль будить, хотя он иногда засыпает голодный, а мы что-нибудь придумаем на ужин: или суп из столовой разогреем, или хлеб доедим с кипятком. Потом наступает самое хорошее во всём дне: садимся под убранный столик под картой Австралии и читаем вслух «Дети капитана Гранта». Как далеко от войны, от этой маленькой комнатки, которую обсвистывает зимняя метель, от столовского супа с мороженой картошкой, от общей беды, о которой кричат со станции паровозы, увозя эшелоны на запад, на запад, на запад...

Одна я, конечно, не сумела бы отвлечься опасностями экспедиции Гленарвана, его благородных и отважных спутников. Даже когда им грозила опасность от людоедов Новой Зеландии или когда они живописно спасались от наводнения в ветвях огромного дерева. Но вместе с Алёшей, которому девять лет, это так увлекательно. Забываешь и свой возраст, и всё, что обрушилось на нас. А кроме того, члены экспедиции мужественны и обладают в высшей степени способностью в любых условиях оставаться

культурными гуманными людьми. Расположившись среди бурных вод в ветвях дерева, они сумели использовать его и для устройства удобного жилья, и для добычи пищи, оценили быстро все трудности и нашли из них выход, благодаря духу дружбы и коллективизма, чтобы охранить себя от диких зверей. И в любой обстановке остаются сами собой, не теряют своей главной цели: упорно ищут затерянное судно «Британия», вернее его погибших пассажиров, ещё надеясь на их спасение, продолжают анализировать найденный документ, обсуждают курс — не допустили ли они ошибки?

18 февраля

Письмо от мамы с папой из Саратова. Держатся. Уезжать в чужое место не хотят. Дома и стены помогают — считая домом весь Саратов, его улицы, знакомые дорожки в Липках, театр Чернышевского и домик Чернышевского над Волгой, напротив церкви Сергия. Квартира-то у них, конечно, плохонькая. Но оба заняты делом развития животноводства в колхозах и совхозах Нижней Волги. Бывают у Нипе (Нины Петровны Баулиной). Она осталась одна: Сергей, её любимый старший сын и мой «жених», — с её точки зрения, — ушёл на фронт, за ним и хулиганистый в мальчишках Володька, который пишет: «...Мама, отлично прошёл военную подготовку, весь подтянулся и пощады врагу не дам».

26 февраля

В школе нам повезло: Рабинович куда-то уехала, не понравилось ей Коченёво и наши сугробы, а на место директора прислали довольно простого парня лет тридцати с небольшим. У него повреждён один глаз — совсем не видит им. Холостой и живёт на квартире по-старинному — «на хозяйских харчах», а короче — ест вместе, что дают. Всегда жалуется на их режим: днём все чем-то заняты, а по-

том, совсем поздно, сварят густой мясной борщ, наедаются на ночь плотно, ну а ему так тяжело. В школе ведёт себя скромно, в учебный процесс не вмешивается, очень занят хозяйственными делами: чем топить школу, как обеспечить тетрадами, учебниками, спиртом для опытов в физкабинете, где достать уголь и дрова для учителей. Впрочем, последний вопрос ставится уже давно лишь теоретически. Все понимают, что надо добывать своими силами. Учебным процессом занимается новый завуч, Шнерсон. Он эвакуирован из Москвы, где работал в техникуме, интеллигентен, умён и образован. По наружности из плотных коротышек с животиками, лысоват, но очень симпатичен. В больших очках. Он в большом горе, что пришлось оставить Москву, где жил всё время, но сочувствует и другим, словно мы все вместе попали на какой-то остров в бурном океане.

«Вы ели когда-нибудь маслины?» — в его голосе страдание и восторг вместе. Мы ели помидоры, огурцы, пироги с черёмухой, чем тоже хвалимся. Но завуч наш горестно и скептически зажмуривается, качает головой: «Ай-ай-ай! Да неужели вы никогда не ели маслины в ресторане?! Как же вы жили?!» И он описывает их так подробно и красочно, с таким вкусом и знанием дела, что нам кажется, будто они стоят перед нами на тарелке... А Рожкова, уборщица, которая вечерами всегда печёт картошку в протопленной печке, поспешно кладёт перед завучем несколько обугленных горячих картофелин, разламывает одну пахучую, исходящую паром, и посыпает крупной солью. «Покушайте», — говорит она с уважением. И он ест. Хвалит картошку. Голодный. Этот человек много читал, много учился, человек вполне кабинетный. И его война подхватила, как лист поздней осенью, понесла куда-то.

Ведёт он физику. Хорошо знает и немецкий. Мои уроки ему понравились. Но настроен скептически, а я нет. Мне даже не кажется, что немецкий, который я преподаю, и есть язык «тех самых». Это язык Гёте и Шиллера, Томаса Ман-

на, Эрнста Тельмана, язык, на котором писал Гейне — один из любимых мной поэтов. И потому я стараюсь преподавать его как можно лучше, учить моих учеников так же, как если бы я преподавала им математику. Язык — наука, как и все другие. Много старания уделил Ленин изучению немецкого языка, совершенствовал свои знания, будучи взрослым. Добился того, что говорил свободно с рабочими-немцами, делал доклад на немецком.

Мне даже не нравится, когда изучению языка сейчас, во время войны с Германией, придают утилитарное значение: немецкий язык может пригодиться сейчас на фронте — вдруг подслушаешь, что говорят немцы, и поймёшь нечто важное. Это само собой. Но учиться надо не для этого. Более высокие цели должны двигать нами. Сейчас, когда идёт бой не на жизнь, а на смерть, между фашизмом и нашим социалистическим государством, бой за его существование и за ведущую роль его идеологии среди других государств, разве не должна наша молодёжь, в том числе и будущие воины, являть собой пример образованности, культуры, просвещённости во всех областях знания? Пусть, кому положено, учат их стрелять. А мы будем учить и учить, несмотря ни на что, и немецкому, и литературе, и теории стихосложения, и поэтическим переводам с немецкого Лермонтова и Жуковского.

Сегодня прочла в десятом наизусть «Wanderlied»¹ Гёте, а потом «Горные вершины» Лермонтова. Тихо было в классе. Это уже после звонка. Сидели в пальто. Ветер швырял в окна снегом.

Вышла на улицу и ещё у крыльца набрала в ботинки, намело столько. Но пока дошла до дома, это стало всё равно — везде сугробы.

Главного письма нет.

Из Ленинграда даже эвакуированных мало. Не вывезти.

---

¹ «Wanderlied» (нем.) — букв. «Походная песня». Вероятно, имеется в виду стихотворение И.В. Гёте «Ночная песнь странника» (1780), вольный перевод которого сделал М.Ю. Лермонтов в 1840 г. («Горные вершины спят во тьме ночной...»).

31 марта

Просто стало жить. До войны куда сложнее было. Каждый день, казалось, не так прожит. День, если не написано ничего, будто ничего не весил. А часто ли писалось? Надо подготовиться к урокам и провести их как можно лучше, занятия ежедневно в две смены; три раза в неделю по вечерам на курсах литература по программе восьмого класса, а я эту программу не очень-то люблю: самое начало, былины, «Бедная Лиза» Карамзина, Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву». Всё это хорошо читать, но преподавать малоразвитой аудитории... — Надо продумать так, чтобы суметь захватить, вызвать интерес к изучению. Ну, рассказала им о радищевском музее в Саратове, который сама изучила довольно хорошо: он не велик. А всё надо вспомнить и выбрать нужное. Денег всегда нет. На зарплату с этих курсов решили купить что-нибудь хорошенькое из одежды.

Потом купили Михаилу какую-то полудуху из светло-жёлтого меха, нашёл в Новосибирске очень тёплую. А поносил он её мало, теперь осталась дома. Ещё трудность: заводить или нет какую-нибудь мебель? Появились красивые диваны по 400 рублей. У нас ещё никогда не было дивана. А вдруг надумаем уезжать? Вот и забота. Даже велосипед он себе не завёл, хотя мальчикам купил обоим — Алёше двухколёсный маленький, Володе — трёх. И это была проблема: чтобы Алёша научился хорошо ездить. Он уже почти научился. И ещё много подобных проблем. И стирка. Починка. Глаженьё. Мытьё пола. Готовка обеда (ни утром, ни вечером не готовилось, уже законно). Но хоть раз-то в день надо как следует? Не просто хлеб с молоком или чаем и другие случайные продукты, вроде солёного сала с чесноком. Пышно пировали только в выходной день, когда оба свободны.

И среди всего этого — хоть все проблемы утряси! — среди всего оставалось главное. Опять — оставалось. И потому

никогда нельзя было признать день мало-мальски удовлетворительным. Сказать прямо — не замечали, что были счастливы. Нет, счастливы были, но не замечали. Строго требовали с себя как с вечных неоплатных должников. Ждали начатые рукописи. И не доведённые до дела, как большой «роман» «Яблоко и черви», бывший в Гослитиздате, и повесть «Степь», написанная ещё в Саратове, и наброски из жизни сибирской деревни, как «Село Солёное», многое другое — и ещё больше ненаписанного. «Осень в Александровке»... Из всех проблем выступала одна: научиться распределять время. То есть научиться двигать на первый план главное. Теперь, во время войны, стало куда легче. Я уже не подвергаю себя жёсткой критике за неумение выкроить время, чтобы писать. Да и за многое другое. Настолько кричащи насущные проблемы каждого дня. Вот и сегодня. Встала ещё в темноте, без огня, сразу влезла в брюки, надела шапку с ушами и исколола в щепки доску, добытую вчера. Растопила жарко печку. Пока дети спали, сварила суп с мучными клёцками и вымыла пол. Погладила Алёше рубашку для школы, которую стирала с вечера, и штанишки Володе. До школы успела сходить, хотя это и далеко, к одной ученице. Её мать приходила в школу и плакала, что девочке уже не в чем ходить в школу, осталась босиком. Выяснила: есть одни сапоги, вполне крепкие. Но в них ходит в школу брат. Значит, пока мы им ничего не достанем, выход один: перевести мальчика в другую смену. Тогда оба смогут носить эти сапоги по очереди.

Шнерсон выслушал меня с сомнением: какая уж тут может быть успеваемость, когда одни сапоги на двоих? И переводить ученика в конце третьей четверти в параллельный класс — тоже противопоказано учебному процессу. Я слушала и думала: как завуч он прав. Но вспомнила эту девочку, которая сидела дома такая печальная... И пошла к директору. Тот сразу всё решил: вызвал классного руководителя и распорядился записать мальчика в параллельный класс. «Иначе кто-нибудь из них бросит

школу! А этого мы никак не должны допустить. Как только удастся вырвать в сельпо обувь на школьников, — выдадим этой девочке в первую очередь». Всё уладилось.

Кроме того, принесла домой целую связку старых тетрадей на растопку. А по дороге в школу успела получить хлеб. Даша принесла молока в счёт долга за костюм. Мы хорошо поужинали, мальчики выпили по стакану молока с хлебом. Значит, бранить себя не за что сегодня.

9 апреля

Письма нет. Эвакуированных всё больше. В столовой очередь длиннее. Мы пришли все втроём и сели за стол: может быть, скорее принесут. Сегодня было два меню: лапша для раненых, а для всех остальных — уха из маленьких рыбок. Всё подаётся, конечно, без хлеба. Только некоторым, по командировке, — двести граммов с обедом. Раздатчица громко кричит через всю столовую: «Анна Спиридоновна, киномеханика как бум кормить?» Парень у стойки ждёт, затаив дыхание. Но заведующая отрубает решительно и так же — на всю столовую: «Обыкновенно будем кормить. Без хлеба». Значит, если с хлебом, то необыкновенно. Другая жеманно требует, видно, для своего протеза, имеющего всё же какие-то права: «Виноградскому селёдку!» — и просовывает подносик на раздачу, в дальний уголок. А другим не до селёдки. Сидели-сидели и мы. Наконец официантка поставила перед нами три полных жестяных миски — уха с небольшим количеством картошки и множеством костей. Большому есть можно. А Володя стал есть — сразу подавился и заплакал. Напротив нас парень в солдатской шинели с подвязанным рукавом только что принёс себе миску с лапшой. Он посмотрел на Володю, молча поставил перед ним свою миску и так же молча вышел из столовой. А я с трудом сдержалась, чтобы не разреветься, глядя ему вслед, как он шёл молодцеватой походкой к двери.

10 апреля

Сегодня я так обрадовалась. Мать одной нашей ученицы, эвакуированная из Минска, заведует детским садом. Там очень мало мест и свободных, конечно, никогда нет. Володю приняли туда осенью только на те дни, пока я была в Захолуственном на заготовке дров. Но сегодня эта дама зашла к нам узнать, как учиться дочка, и обещала мне сама устроить Володеньку в детсад: «Приводите завтра». Главное, что понимает каждый — детям там дают три раза кушать, и такое, чего нигде не достанешь и не увидишь даже. Пусть хоть не досыта.

[Далее часть страницы вырезана автором.]

Тогда она перестала спрашивать, разобралась, что он принимает это как игру. Вечером мы его уже не кормили. Съедаем весь хлеб, а может быть, он голодный? Но не просит. Рассказывает про няньку: «Тётя Нюра маленького мальчика», «Нисколько! Нисколько!» Видимо, ему запомнилось это слово, когда бранили мальчика. Алёша показывает ему картинки в энциклопедии, объясняет, а он, когда устанет слушать, его же дразнит, хлопая по книге ладошкой: «Акапедия!»

— Да ты слушай, учись.

— Не буду учиться!

Поёт песенку:

«Рано, рано поутру
Пастушок тру-ру-ру.
А коровки по селу
Му-му-му да му-му-му.
Ты, коровушка, ступай,
В чистом поле погуляй,
А вернёшься вечерком —
Нас напоишь молочком».

2 мая

В школе нам раздали пакетики с семенами огородных культур. Кто-то позаботился о том, чтобы учителя завели свои огороды, имели бы хоть овощи. В одном жиденьком пакетике огурцы, в другом редис, есть и капуста (впервые увидела, что у неё семена кругленькие, даже можно спутать с редиской), свёкла, морковь, репа. Хорошо мечтать о том времени, когда всё это вырастет. Даже весну встречать веселей. И никого не оставляет надежда, что война вот-вот кончится, фашистов так погонят, что сдадутся. Но это, конечно, мечты. Театр военных действий очень сложен. Однако одержаны крупные победы, одна из них — великая: Москва вне угрозы. Ириша выхлопотала разрешение вернуться и немедленно едет из Бузулука домой, несмотря на то, что на руках грудной ребёнок и Ваня так далеко на фронте.

Она аккуратно получает от него по аттестату, но в Москве хочет поступить донором, как только перестанет кормить ребёнка, собирается перекопать участок вокруг дома, развести не только огород, но фруктовый сад, если достанет отводков яблонь, вишни, крыжовника, кустов чёрной и красной смородины, малины. Дом они кончили строить перед самой войной, в Химках. Брали ссуду у Вани в министерстве, но ещё и не пожили, и вокруг дома на участке ничего не успели сделать. Теперь она немедленно хочет приступить к этому, сначала огораживать участок любимыми путями, работать с утра до вечера. Ваня пишет регулярно.

А мне письма нет. Ждали хоть к Первому мая — почему-то казалось, что к такому празднику должно быть письмо. Но не было.

Ходила на демонстрацию. Выводили и детсад с флажками, что-то пели. Потом Володенька шёл со мной домой, нёс обеими ручками пакетик с пряниками и конфетами и возбуждённо кричал, как на площади: «Ура! Да здравствует Первое мая!» Все толстые книги называет «акапедия».

Когда Алёша показывает ему картинки в книге Брема «Жизнь птиц», он тоже хлопает по ней ладошкой: «Академия!». Однотомник Маяковского тоже «академия». Он знает там все рисунки Маяковского, «Окна РОСТА» и сам добрался рисовать рядом красным карандашом.

14 мая

Вчера посадили школьную картошку — сажали ученики 5–7-х и учителя. В окрестных колхозах идёт горячка посевной. Погода сухая и тёплая. Всюду плакаты: «Хлеб — это победа».

15 мая

А я решила добиться пропуска и переехать в Болотное к его родителям. Может быть, пример Ириши подействовал. Она поехала с грудным ребёнком из Бузулука в Москву, где у неё и родных-то нет никого и где одной надо за всё приниматься. А мне-то всего до Новосибирска 70 километров, там опять поездом 126 — и, можно сказать, мальчики дома: бабушка их так любит, особенно Алёшу. Там своя корова, они будут с молоком, а тут совсем уж стало плохо к весне, побледнели и похудели. А какой кругленький, здоровенький был до войны Володя! Больно вспомнить, глядя на него теперь. И старикам помогу. В районо, хотя и со скрипом, добилась увольнения. Теперь в милицию за пропуском.

30 мая

День рождения Алёши. Ему исполнилось десять лет. Я поздравила его утром, поцеловала, а подарить нечего. Но совсем без подарка ни разу не было этого дня — и я подарила ему красно-синий карандаш, почти новый, которым проверяю тетради. Он тут же сел заполнять им контурную карту Советского Союза (тоже я принесла из школы) — си-

ними стрелами показывал оккупированные районы, красными — освобождённые. О продвижении войск он знает отлично, подробнее, чем я. В школе учительница, Ф.М. Ветчинина, им довольна. Он перешёл в четвёртый класс с хорошими отметками, но лучше всего учился по географии и естествознанию. Читает лучше всех в классе, она иногда оставляет его читать вслух, если ей необходимо бывает уйти. И все слушают.

2 июня

День рождения Володи. Ну, ему-то совсем уж нечего подарить. Но ради этого дня Алёша был с ним особенно ласков. Много играл и уступил ему за обедом свой творожник — Даша принесла им по творожнику. Корова у неё только что отелилась, а до этого пришлось долго ждать. И Даша расстраивается, что ещё не расплатилась с нами за костюм. В редакции она работает уборщицей. Узнав, что мы уезжаем, ещё больше расстроилась. Володе исполнилось сегодня четыре года. Сравнительно с Алёшей, в этом возрасте я мало ему уделяю внимания. Но они по натуре разные. Алёша уже в четыре года был больше сосредоточен на детских книгах, кубиках со зверями, рисовании, знал много стихов. Правда, и я, даже в более раннем его возрасте, поставлю его перед собой на стул и читаю ему наизусть Пушкина, Лермонтова — а он слушает, слушает, уставит на меня глаза и не пошелохнётся даже при чтении таких стихотворений, как «Три пальмы», «Спор...». Очень рано знал портреты Карла Маркса, Ленина, смотрел, как я с кем-нибудь из школьников готовлю к выпуску стенгазету, черчу плакаты, располагаю фотографии на фотовыставках. Он темнее, чем Володя: глаза карие, волосы тёмно-русые, сам немного смуглый, без румянца. А Володя весь беленький — и кожа, и волосики, и брови, глаза светло-серые. Ходил летом в жару голый, в красных шёлковых штанишках с широкими лямками, в туфельках с носками и в белой панамке.

18 июня

Едем. Пропуск получила. Осталось трудное: взять билет на пассажирский поезд. Ведь они идут с запада, из Москвы, все дальнего следования и набиты битком.

Укладываюсь. Комнатку нашу, в которой пережили военную зиму, оставляю А. Н. Асановой — пожилой учительнице из Новосибирска, с ней мы и на заготовку дров вместе ездили, и вообще она славная. Ведёт литературу в старших классах. Ей же оставляю то из вещей, за чем приеду как-нибудь после, а сейчас увезти трудно. Кровать нашу попросила Эсфирь Григорьевна — пусть берёт. Роюсь в тетрадях. Нельзя ли что выкинуть? Ну, о тетрадях Михаила речи быть не может — тут каждый решить может только сам. Бережно укладываю каждый листок. Даже смешную «Божественную комедию» в стихах и с рисунками, как за водкой ныряют разные подонки, и на такую же смешную про Сёмку Ключникова, овцу и милиционера.

Так, моё. Рукописи — проза и стихи (Саратов). Наброски о школе и школьниках Большеречки, начатая до войны повесть, или роман, или что, тоже сельская школа, куда приезжает симпатичный мне персонаж, прототип которого — Петр Иванович Климович, мой бывший ученик в Болотнинской ШКМ¹, а потом коллега девятнадцати лет, на пять лет моложе меня. Но главное в той рукописи — девочка десяти лет. Её образ давно и прочно сложился в моём представлении и живёт: восприимчивая, живая и чуткая, до обидчивости остро чувствует несправедливость не только по отношению к себе, но и к другим, рвётся навстречу всему новому.

Я только не знаю, как её зовут. Но однажды в Большеречке выдавала книги детям из библиотеки, то есть из шкафа в коридоре. Старенький учитель Киселёв, белорус по происхождению, очень хлопотливый и старательный, выстраивал своих второклассников за книгами. И вдруг

---

¹ ШКМ — школа колхозной молодёжи.

укоризненно окликнул: «Каролинка! Куда же ты поперёд? Стань на место».

Каролинка! Вот как зовут ту девочку — больше никак...

Но когда же я вернусь к ней? Много таких девочек сейчас в осаждённом Ленинграде.

22 июня

Годовщина. Страшная.

Сегодня едем. Какое совпадение... Так получилось. Билет обещала мне достать наша бывшая ученица Стрельцова — она теперь кассир на станции. Передала ей пропуск — иначе нельзя, можно её подвести. Простилась с учителями, с кем удалось. Вещи помогут донести Асанова и Эсфирь Григорьевна — да там не вещи, а пустяк. Скоро придут.

Прощай, Коченёво!

Это записала утром рано, когда мальчики ещё спали. И думала, что эта запись здесь последняя. Но когда мы уже пили чай, кто-то постучал в сени. Пожилая женщина с сумкой на боку сердито сказала: «Чтой-то ящика у вас нет?» — и подала мне письмо. Главное! Мы его ждали четыре месяца, каждый день. Треугольник. На конверте — полевая почта.

Он в артиллерии на Украине. Пишет, как обстреливают врага, подносят снаряды. И, между прочим, в хатке, где ночевали, на широкой кровати спят двое ребятешек. Видно, уже привыкли к близким боям. Кровать дрожит от взрыва снарядов, а они спят. Вот что он заметил. Наверно, о своих подумал. Ну, слава богу. Жив и в артиллерии, стреляет в немца. В общем, второе совпадение случилось. И страшно подумать: а вдруг бы мы уехали вчера? Или письмо зашло бы на один день?

Сразу стало теперь спокойнее, нет такой тревоги. Будто он только сейчас писал это письмо. Уже с нетерпением жду: скорее бы на поезд! И детей одела: сидят и ждут, помалкивают. А я думаю о том, что вот закончился важный период нашей жизни. А что дальше? Будем ли вместе?

1942 г., Болотное

1 октября

Если немцы близко к Сталинграду, то как сейчас в Саратове?

На электростанцию пошла сегодня пораньше, к половине восьмого: надо выписать всех задолжников с абонентских карточек и обойти сегодня же, в том числе организации. У злостных отрезать свет. Едва ли не самое неприятное в моей новой работе. В августе поступила на электростанцию контролёром, чтобы скорее работать. Всё незнакомое.

Масштабная моя задача — бороться за экономию электроэнергии, что в условиях войны очень мало. Ежедневно с утра иду в генераторный цех и записываю (по-нашему, снимаю) выработку с трёх генераторов по отдельности — они так и именуются: I, II, III. Вычисляю в конторе, подвожу итог, черчу ведомость выработки и сейчас же несую в кабинет начальника. Он сух, высок, нелюбезен, за плечами только десять классов, но электричество — его сфера. Дело знает и увлекается, как мальчишка. Поэтому ближе с монтерами, там общий язык, а контору не любит и грубит при случае. В конторе, кроме меня, кассир: получает за свет в окошечко и кричит изо всей мочи на клиентов: «Давайте мелочи! Где я вам сдачи возьму?!» Типичная ФИО, убеждённая в своём превосходстве над всеми этими людьми, которые топчутся с утра в очереди, чтобы уплатить за свет, или заявить о неисправности в проводке, или подать заявление на новую точку, — такие заявления она без разговоров протягивает обратно и отказывает. Хотя это дело вообще не её, а контролёра. Иногда, если кассира нет почему-либо, у окошечка сажусь я. Только не умею так решительно орать, чтобы давали мелочь, а заявления на проводку принимаю и потом несую к начальнику за разрешением. Разрешает, только если новый дом, а также семьям фронтовиков и инвалидов войны. Остальным отказывает. Но они знают, что практически посылаю монте-

ров для проводки я, от меня зависит, вписать или не вписать их адрес на свою ответственность, — и вот меня таинственно выманивает в коридор какой-нибудь дед с палкой или пройдоха бабёнка с юркими глазами. Протягивают с каверзной улыбкой свёрточек. Там кусок свежей телятины, или десяток яиц, или сало. Отослав их с дарами обратно, я заявления всё же оставляю и ещё раз продумываю, кому провести свет, кому отказать, опять иду к начальнику. Без электричества плохо в наши дни, когда и керосину-то нигде нет, а по военному времени ни лампы, ни стекла к ней не найдёшь... И всё-таки приходится отказывать. В первую очередь должны бесперебойно снабжаться электроэнергией предприятия города: мастерские депо и вагонного участка, швейная фабрика, выполняющая срочные военные заказы, больницы, бани, пекарня, молзавод, госпиталь за линией, райком и райисполком. Если происходит промывка котлов, я должна заранее предупредить по телефону ведущие наиболее важные организации. Составляю ведомость на расход электроэнергии за месяц.

И, что тоже не очень приятно, раз в месяц надо снимать со счётчика в тех организациях, где он имеется. В августе и сентябре я обошла без неприятных встреч с этой целью швейную фабрику, магазин «Главликёрводка», госпиталь и ещё какие-то учреждения; но когда пришла в школу № 2 и преспокойно забралась под самый потолок по лестнице, уже достала блокнот, меня окликнули снизу по имени. Оказалось — знакомая учительница начальных классов, одна из болотнинских старожилов, представительная дама не без ехидинки.

— Кажется, я встречала вас в другой должности? — это она. Ну, я думаю, встречала, если даже по имени знает. Отлично меня знает, как и я её.

— А что тут особенного? — не сдаюсь я и стараюсь отделаться шуткой: — Хочу переквалифицироваться на электромонтёра.

Вот из-за таких встреч неприятно, а лазить-то мне хоть бы что. Даже интересно. Вечером, иногда совсем поздно, приходится делать «налётъ» — неожиданно появляться

с проверкой в частные дома. Разрешённая мощность очень мала, и вот некоторые достают разными путями «лампочки» с баранью голову, ввёртывают самовольно, а платят за 40-60 ватт. Для подобной «облавы» в моё распоряжение поступает Ванька Снарский — самый юный и самый наглый монтер (впрочем, другие вообще нисколько не наглые, а все хорошие люди). Этот же чистое исчадьё ада на кривых, но ловких ногах, вечно с насморком, рот до ушей, в запачканной телогрейке и со следами мазута на роже, хотя с мазутом он и дела не имеет. Притом — всего шестнадцать лет, но так «галантен» с женским персоналом, изображая взрослого заправского кавалера, к тому же наглого, что вечно получает тумачи и толчки. Тем не менее отец Ваньки на фронте, а его ещё не берут, мать старая, и он зарабатывает свой хлеб. Получает, как и все рабочие электростанции, 800-граммовую карточку¹, кроме того, карточку в рабочую столовую, где, кроме постного борща, дают по ней ещё плотное блюдо из капусты и картошки — «шурфрут», как написано в меню, получает также угольную книжку. Слава богу, что её хватает, чтобы выкупить всё, что «дают», привезти уголь, остальное уходит на мелкие нужды, особенно на курево: Ванька смолит непрерывно или держит потухшую в зубах. Как и все болотнинцы — за очень редким исключением — он сыт своей картошкой и капустой, а не зарплатой. Этот страшный человек, беспощадный к абонентам, закидывает себе за спину не менее страшные монтерские когти и, предвкушая добычу, охотно отправляется со мной. Он сам засматривает в окна, засекая слишком яркий свет даже сквозь щели ставен. Пока я составляю акт за превышение разрешённой мощности, он злорадно стоит в дверях, растопырив ноги, сдвинув чумазую шапку на одно ухо и ожидая, когда пойманный с поличным заартачится против штрафа, а я распоряджусь отрезать свет. Впрочем, Ванька Скарский делает это без моего распоряжения, по опыту убедившись, что подобное удовольствие я доставляю ему редко. Сам надевает

---

¹ По 800-граммовой карточке можно было получить 800 грамм хлеба в день.

когти и лезет на столб неумолимо. Хоп-хоп — и там. Рядом с маленьким белым домиком, где помещается контора, кабинет начальника и лаборатория — самая электростанция. Она одноэтажная, но большая. Входишь прежде всего в котельный цех. Здесь беспрерывно поддерживают пламя в трёх огромных котлах. Они напоминают опрокинутые паровозы. Подкатчики завозят со двора уголь в тачках, кочегары побрасывают совком на длинной ручке, шуруют длинной кочергой и поглядывают на стрелку сбоку котла, следят за ней. Сбоку узенькая дверца ведёт в душевую: тут можно рабочим и служащим, даже с семьями, бесплатно мыться. А в двух банях города сейчас всегда забито: то ссадили эшелон на прожарку, то детдом привели, то вообще не работает.

Мне нравится второй цех — генераторный. Он чистый, тихий. Здесь у длинного щита со множеством кнопок и рубильников стоит дежурный. Дежурным у щита сейчас работает моя бывшая коллега по Б. Реченской школе Яковлева, тоже учительница. У неё мальчик и девочка, муж тоже пропал без вести¹. Здесь она получает рабочую карточку и на детей по триста².

В следующем цехе всегда толпятся монтеры. Они что-то делают, иногда одни уходят по заданию, другие приходят. Среди монтеров есть такие красивые молодые парни, которых больше нигде не увидишь: дефицит. Этот цвет молодёжи сохранился, потому что на них бронь. Берут, но очень медленно, редко. За этим цехом — большой красный уголок с тремя фикусами в кадках, очень скучный. Но там можно слушать радио, а это сейчас всех интересует. На работу я хожу в чёрной рубашке Михаила, так как больше у меня ничего не осталось. Награда за весь день — увидеть вечером мальчиков, потом всю ночь чувствовать около себя Володеньку, слышать, как он дышит во сне.

---

¹ Муж Натальи Борисовны, Михаил Кубышкин, считался пропавшим без вести с 1942 года.

² На детей выдавали по 300 грамм хлеба в день.

Идёт дождь, слышно, как падают капли в кадку, то потекут быстро струями.

Дождь... дождь. Пальто ещё не просохло, развешано у русской печки.

1943 год

2 января

В Болотном развелось много разных гадалок. Они, конечно, широко используют тревожное состояние женщин. Вот и мать наша бедная. Последнее письмо от Михаила получила вскоре после нашего приезда, 24 июня, когда он находился под Харьковом или другим большим городом на Украине — судя по местности и климату, в артиллерии. 233-й артполк. И всё. Больше ничего не известно. В сентябре мы похоронили дедушку, отчима М[ихаила]. Ему было восемьдесят лет, он ничего не слышал, но до последних дней, пока не слёг, работал сторожем и дома всё что-нибудь делал, тюкал топором. Свой хлебный паёк — триста граммов — отдавал внукам. Всю жизнь он был бедным крестьянином в России, в Саратовской губернии, хлебнул много горя. Очень скромный, молчаливый. М[ихаил] изобразил его жизнь в своей повести, которая должна была выйти перед войной, а война всё перемешала. Хоронили мы дедушку в сухой сентябрьский день с ярким небом. На окнах в избушке стояли в воде маленькие подсолнухи. Теперь у матери только мы остались. Под Новый год она ходила гадать к своей бывшей соседке Лизе на Линеиную улицу. Лиза сказала, раскинув карты: жив. Даже на меня это действует, хоть и не верю им. А каково матери? Ещё к одной «знаменитости» сходила, снесла ей ведро квашеной капусты. Та вроде ясновидящей. Гасит в комнате свет, остаётся там одна (посетитель ждёт в кухне), шепчет что-то, и перед ней появляется на стене, как на экране... Матери сообщила: «Вижу берег речки какой-то маленькой, снежок сыплет. А твой идёт и шапку уронил.

Поднял, отряхнул от снега и лицом ко мне повернулся. Лицо худое-худое. А глазами на тебя похож. Живой».

На базаре появился пожилой мужчина с морской свинкой. Она бежит по деревянному кругу, нюхает разложенные по краям билетки с «ответами». Заказчик ждёт ответа на свой вопрос или просто «судьбу». Наконец, свинка выберет билетик, подбежит к хозяину, а тот развернёт поданный билетик и читает клиенту, большей частью лубочными стихами.

Зарплату я отдаю на сено. Сено у нас ещё есть, но уже немного. Всё лето мы каждый день ездили в лес — в сосновый бор. Брала тележку на двух колёсах, верёвку, мешки. Привязывали топор, серп. Сначала спускались к мосту по улицам — Комитетской или Кустарной, потом ещё с крутой горки к Паинскому мосту. За мостом уже бор. Там мы находили полянку и жали, рвали, укладывали траву. Раз оставили сушить — кто-то увёз. Тогда стали разбрасывать сушить дома — на дворе и перед воротами на улице. Когда оба мешка были полны, битком набиты, я рубила ещё молодых сосёнок или берёзок, укладывала их под мешки — и ехали обратно. На мосту иногда караулил лесообъездчик. Для него мать держала под кофтой немного денег. Но большей частью удавалось проехать, для этого мы возвращались уже в темноте. За дровами я ездила одна и выезжала из дома глубокой ночью. Два раза привезёшь днём, отдохнёшь — и ночь. Накладёшь вниз потяжелее настоящих дров, а сверху — хворост. Везти с непривычки очень тяжело, но мимо объездчика надо идти играючи, будто тебе совсем легко и там один хворост. Днём меня встречал под горой Алёша. Иногда ему приходилось ждать долго. Но зато как я радовалась, завидев своего помощника в клетчатой рубашонке! На гору ввозили вместе, он изо всех сил упирался сзади и потом уже помогал до самого дома.

В четвёртом классе он учится ещё лучше, чем в Коченёве в третьем. Каждый день, приходя из школы, меня радует. Или получил отлично, или учительница заставила его, вместо себя, рассказать ребятам новый материал по есте-

ствознанию, по географии, вызвала показать по карте продвижение наших войск, после уроков принесла интересную книжку, но не стала читать ребятам сама, а вызвала его. Он смешной бывает: в конце полугодия его фамилию записали на похвальный лист, а на ёлке, кроме обычного угощения, ребятам-отличникам дали ещё по куску колбасы. Он на это рассердился (хотя, наверно, уже не помнит, когда ел колбасу) и не взял, и сказал, что будет есть только то, что получили все ребята. У меня всё время просит денег, когда в классе собирают для нужд фронта, внёс больше всех.

Ужасно положение в Ленинграде, но держится героически.

4 марта

Блокада Ленинграда прорвана в январе. Поворот. Приехала из Новосибирска писательница Анна Ивановна Герман. Она хорошо знает Михаила, не раз встречала его, были в компании в театре. Потом она присылала открыточку и мне, и мы читали её хорошую повесть «Возвращение». Мне там понравились многие детали. Например, как поезд идёт поздно вечером, уже в темноте, где-то полем — и вдруг в открытое окно запахло смородиной. «Не смородиной — юностью повеяло». Она остановилась у нас, а потом мы вдвоём с ней пошли в 23-ю семилетнюю школу, где она проводила беседу со школьниками — о литературе, о том, какой бедной становится жизнь у того, кто не читает книг. На вопросы (обычные) о том, как она сама стала писательницей, отвечала просто, скромно, даже насмешливо по отношению к себе. Вообще, простота — её отличительное качество, как и общительность. Не только Михаил у неё бывал, но и мать уже у неё останавливалась. Она очень горюет и тревожится за Михаила. Мальчишкам привезла по огромному куску сахара. Мы, конечно, угощали чем могли. «Вот поэтому вам тут, в Болотном, хватает хлеба, что у вас много картошки, вы её едите досыта. А в Новосибирске очень плохо». Да, мать с

одной соседкой ездила туда как-то выручить немного денег на сено, возила большое ведро капусты и несколько кругов замороженного молока — всё разобрали тут же у вокзала. Анна Ивановна привезла кое-что из вещей, попросила мать помочь ей сменять на продукты. У неё две большие дочери, обе ещё учатся и живут дома, а отец давно умер. Кроме того, Новосибирск не Болотное — там надо, несмотря ни на что, одеваться прилично. Я пошла провожать А. И. на вокзал, и мы ещё интересно поговорили об Н. Островском, о том, с какими трудностями пришлось ему продвинуть в печать «Как закалялась сталь». Долго не отвечали, валяли и валяли рукопись. А ведь он лежал совершенно больной, не мог пойти сам в издательство. Помогла писательница Анна Караваева, которая вмешалась в это дело и двинула всё. Ещё дома я прочла А. И. кое-что из своего. Она сказала, что я должна решить твёрдо — писать. Михаила считает наиболее талантливым из новосибирских писателей.

Ему очень помог, вернее, тепло встретил его А. Л. Коптелов. Приглашал всегда к себе ночевать, подарил ему свою книжку с надписью «М. П. Кубышкину — растущему сибирскому писателю». Жаль, что — сибирскому. Всё-таки Сибирь — не Россия... Не настоящее тут всё — то есть новое, холодное, а не исконно русское, и многого не понимают.

17 апреля

Давно не работаю. С электростанции уволилась ещё в феврале. Каждое утро, ещё в темноте, беру санки, отправляюсь за дровами, но не в бор, а в реденький лесок за будкой, к западу. Без этого уже нечем было бы топить. Там болото, редкие, кривые тонкие берёзки. Пока нарублю побольше — рассветает. Гудок дрожит над дальними улицами, над болотом. Домой тащу санки уже по растаявшему снегу, по грязи. Хорошо, что ещё на электростанции один из рабочих подшил мне валенки крепким ремнём — иду по воде как в сапогах. Всё же на днях сильно простудилась. А мать слу-

шала ночью, как я кашляю, и горевала: «Вдруг умрёт? Что тогда я с детьми буду делать?» Я её утешила утром, что всё у меня прошло, взяла санки и поехала. Длинный поезд перерезал мне дорогу у переезда: пришлось ждать.

Товарняк. Теплушки открыты. Солдаты, солдаты, солдаты. На запад. Глядят из вагонов на уплывающие весенние поля с обтаявшими чёрными буграми, с кривыми берёзками на болоте, которым не удастся вырасти... Корова у нас давно уже не доится. Картошки мало. Мать отобрала, сколько необходимо, на посадку. Варим больше капусту, а туда только подбавляем, толчём. Детям она приносит молока — берёт в долг, чтобы отдать, когда своя отелится.

19 мая

Всю весну разные беды. Долго были без молока, а потом корова заболела ящуром, её не приходится гонять в стадо, а кормить дома нечем. Иногда ходим поблизости, около кладбища. Мать очень быстро жнёт серпом, а я наталкиваю мешок, отношу корове домой и возвращаюсь. Потом заболел и телёнок, его пришлось поскорее прирезать, когда в нём и мяса-то не было. Понесла продавать на базар, чтобы выручить немного денег. Так неудобно было, но сейчас все что-нибудь продают, а тут ещё — по несчастью. Выручает нас капуста — её ещё много. Сейчас трудно, потому что почти с начала мая копаем под картошку целину — семьям красноармейцев дали новый участок в сторону от депо, километров пять от города — ещё не тронутую землю. Одни говорят, урожай должен быть очень хороший, другие, что он бывает только на второй год, но все копают. Народ к работе привычный, взялись рьяно, лопаты так и блестят на солнце. Но её копать совсем не то, что рыхлую обычную землю, хотя бы на огороде. Каждый узкий кусочек отрезаешь, как ломоток сыра, он твёрдый и блестящий, не рассыпается. Как его разрубишь, так и будет, а сам не рассыплется. Вот и руби. Продвигается медленно, а участок — конца не видать. Ещё копать много

осталось, больше половины. Далеко впереди ложок, виднеются кусты тальника, там и кончается наш участок. Хорошо, что на приготовление еды не уходит время. Приносим с собой эмалированную миску с толчёной капустой и картошкой вместе, ставим где-нибудь на меже, на травку. Копаем или вместе с матерью, но далеко друг от друга, или приходим по очереди, а кто-нибудь на огороде дома, там ведь тоже надо работать: всё посадили, сложили навозную грядку под огурцы, высадили рассаду капусты и помидоров. Воды натаскать надо из колодца, корову напоить и накормить чем-то. Иногда совсем одни в поле — никого нет и на соседних участках. Только издали слышно, как шумит где-то поезд, постукивая по рельсам, да паровоз крикнет протяжно и длинно, так что далеко отзовется в полях. И так странно, несмотря ни на что, несмотря на все страшные потери наши, и на то, что Киев под немцами второй год, и много других городов и сёл, и писем нет, и голодно по-весеннему, — а ждёшь хорошего, копаешь весело, с какой-то радости, до усталости, пока останется хоть сколько-нибудь силы и видно ещё в темноте лопату и вскопанный край. Что ж, Киев под немцами — а в Москву не пустили! В Ново-Ховрине Ириша с Колей уже посадили маленькие яблони и вишни, у них сейчас цветёт смородина. Папа с мамой переехали в Вольск, а там дали назначение в большой совхоз, и опять папа продолжает дело своей жизни, только сейчас, в условиях войны, приходится не развивать животноводство, а бороться за сохранение поголовья, за культуру травосеяния.

Блокада Ленинграда прорвана. К нам в Болотное вчера прибыл ещё один эшелон эвакуированных. Все истощённые, слабые, многие едва идут, и их поддерживают. Много осиротевших ещё в Ленинграде, Калининe или уже в дороге, детей. В одной из бывших семилетних школ города, в старой деревянной школе на Базарной площади теперь открыли отдельный детдом для маленьких ленинградцев, сейчас же направили туда для них продукты: манную крупу, масло, сахар, джем, ежедневно доставляют свежее молоко, яйца, всё, что только можно достать, чтобы дети поправлялись. Взрослых

пока поместили в клубе имени Кирова, обеспечили хлебом и горячим питанием. Но они ещё сидят среди мешков и рюкзаков, как беженцы. Горсовет хлопочет, чтобы разместить всех по местам, найти квартиры. Но, значит, и жизнь этих людей спасена. Хлеба и картошки в Сибири на всех хватит. Пока, конечно, приходится поддерживаться и крапивой: лишь бы посадить. На посадку у нас должно хватить вполне. По утрам рвём крапиву вдоль забора, обвариваем, чтобы сошла зелень, варим и толчём. Кроме того мы посадили ещё в бору, на мягкой земле, которую нашли и вскопали самовольно, участок картошки и участок проса. Пошли туда в первый раз, как только сошёл снег, и обогрело землю. Мне так захотелось ощутить землю поближе, что я разулась и пошла по дорожке босиком... Ведь немцев разгромили под Сталинградом — и война повернула! Теперь их гонят, гонят.

Варламовка

16 августа

Вчера в районо получила назначение в Варламовскую НСШ¹ преподавателем русского языка и литературы в 6–7-х. Пошла, конечно, пешком. Это около 20 километров к северу, через Зудовский мост. Дорога идёт то полями, то перелесками, в стороне попадают берёзовые леса, осинники, одинокие берёзы в поле. Чисто, просторно. Но лошади попадают очень редко, а машин совсем нет.

Директора, молодую женщину лет тридцати, застала за тщательным промыванием капустных листьев для поросёнка. Она увольняется переводом инспектором районо. Только прочла приказ о моём назначении и тут же предложила мне занять квартиру, смежную с директорской, повела туда. Больше в Варламовке квартир для учителей нет, а эту только что освободил мой предшественник, переехав-

---

¹ НСШ — неполная средняя школа.

ший со всем хозяйством в Зудово. О нём директор отзывалась с уважением: большое хозяйство! Корова, две свиньи, куры, утки. Но в Зудове ему ещё лучше: там сосновый бор и река. О том, какой он учитель, не было сказано ни слова. Очевидно, это не имело значения.

— А кто же у нас будет директор?

— Бахтина. Её переводят из Кандереха. Сдаст школу и приедет.

От Кандереха всего четыре километра. Скорее бы увидеть эту таинственную Бахтину. Ведь она будет не только моим директором, но и ближайшей соседкой через стенку. Только крыльцо у нас другое. Как мне объяснила уборщица из сельсовета, в этом доме помещалась когда-то первая школа в Варламовке, потом разгородили, и получилось две квартиры. В каждой кухня и комната. Моя половина ближе к сельсовету, окнами на сельсоветский двор. Видно всех, кто приходит и приезжает на лошади. В комнате четыре окна, в кухне — одно. Светло и уютно даже теперь, когда ничего ещё не расставлено. А собственно, что нам расставлять? Из школы по распоряжению директора дали два топчана и стол, две табуретки. На кухне осталась ещё скамейка, а на угольнике две полки, где можно расставить посуду. Всё будет у нас очень хорошо, гораздо лучше, чем в Коченёве. Даже улица такая весёлая, приветливая. Вся покрыта травкой-мокричкой, и на ней пасутся поросята. Но не видно в Варламовке ни парней, ни молодых мужчин. Всё делают женщины.

18 августа

Сильный дождь. Зашла в наш магазин — он, конечно, один, в него же ходят и из соседней деревушки Трактомировка. Вижу, у прилавка стоит и разговаривает с продавщицей босая женщина лет тридцати пяти или постарше, худая, чуть повыше меня, в мокром платке. Обернулась. Лицо жёлтое, какое-то недоброе, с морщинами у глаз. Телогрейка поношенная сидит на плечах колом. Вот и знакомство состоялось: наш

директор, Ксения Ивановна Бахтина. Она сразу сказала мне, что учителя — не лёгкие бабочки, а поэтому завтра с утра я должна явиться в колхозную бригаду. Она, кажется, хотела доставить мне этим распоряжением неприятность. А я обрадовалась. Отчего же нет? В бригаду так в бригаду.

20 августа

С покосом Варламовский колхоз задержался. Дожди шли не вовремя, и народу не хватало. Вчера бригада, в которой я работала, сметала большой стог. Мне понравилась звеньевая Агриппина — крупная здоровая женщина с рябым круглым лицом и сильными руками. Она ворочала больше всех и, кроме того, успевала шутить с девушкой-счетоводом колхоза, Клавой. Та, маленькая, полная, в пёстром сарафанчике, всё никак не могла справиться с ляжками — они то и дело съезжали с кругленьких плеч. Тогда Агриппина подошла к ней с пояском: «Стой, запрягу!» И стала стягивать ляжки на спине, изредка приговаривая: «Тпру! Тпру!» А Клава перебирала ногами и слегка брыкалась. Работа шла быстро и весело. Сначала сгребли просохшие ряды сена ближе к стогу, Клава залезла на стог, остальные стали подавать вилами, так что она едва успевала поворачиваться во все стороны и его укладывать. Агриппина, отправляя огромные навильники, ещё подшучивала: «Эй, Клавк! Ещё много тебе сена надоть!»

Привезли хлеб на телеге — его развозили по всем бригадам, уже разрезанный на пайки. Вот этого и ждал маленький мальчик Коля, в холщовой рубашонке и таких же штанах, лет пяти. Он пришёл на сеноуборку с матерью и с нетерпением ждал, когда же привезут хлеб. Дома — и то его нет, только картошка. Она протянула ему кусок, разломив пайку пополам, подала огурец и усадила в тень: «Ешь». Мальчик принялся есть хлеб, оглядывая его со всех сторон, но не как голодный, а как будто получил лакомство. Уж такой хлеб вкусный! Да ещё на воздухе. Все тоже достали, что

у кого было из дома: огурцы, круглую варёную картошку с крупной солью, молоко в бутылках или свекольный квас. Сели под стогом, всё сложили вместе, и меня, конечно, угощали — и даже не очень, а просто: «Ешьте», да и всё. Как равную и с равными правами. Во время еды не умолкали шутки. Начали все посмеиваться над одной молодой бабёнкой, первая — Агриппина:

— Что-то, бабы, я гляжу, Дашка у нас поправляется, а? Потолще будто стаёт?

Все засмеялись. А я поняла, в чём дело, только присмотревшись к фигуре «Дашки». Она не смутилась:

— Теперь же картошки поспели — няужели худеть? — возразила она как-то растерянно.

Новый взрыв смеха. И вдруг мать Коли поднялась во весь рост, оправила белый платок на голове и стала смотреть на дорогу. Выражение у неё было такое странное, она заметно побледнела.

— Витька бежит, — сказал Коля, тоже завидев брата, и пустился ему навстречу.

Но чего же так испугалась мать? Разве в первый раз старший прибежал тоже в поле? Но лицо у неё стало почти торжественным, будто она готовилась к чему-то роковому. И когда сын, тоже бледный, перепуганный, протянул ей конверт: «Мам!!!» — она упала вниз лицом на траву, крепко сжав письмо пальцами, не читая, но зная уже, что там, в разорванном этом конверте, надписанном незнакомой рукой. Это была похоронка.

Да, лучше не знать. Лучше не знать, не знать, лучше надеяться, ждать и верить.

21 августа

Работала опять в бригаде. Переспела и начала осыпаться рожь. Рано утром бригадир Барановский, мужчина средних лет, хромой, черноватый, объехал свою бригаду на велосипеде и оповестил: «Берите с собой серпы. В колхозе серпов

нету». И верно: до войны уже не жали серпами, а тут понадобились. Когда рожь осыпается, её надо брать только серпом. Агриппина учила меня жать. Стало получаться, хотя не так быстро, как у неё. Но чистая беда с вязками: никак не удаётся скрутить так, чтобы на снопе не разъехалось, и сноп не растрепался бы. Как ловко, красиво делали это другие, а я, глядя на них, завидовала и старалась научиться этой русской науке. И рожь стояла вокруг, ждала.

30 августа

Вернулись с совещания из Болотного. Привезла домой мальчиков. Раньше я не могла этого сделать, потому что Алёша был в пионерском лагере в Зудове. Я как-то раз ходила к нему пешком — от Варламовки это семь километров лесом. В пионерлагерь его послали в награду за хорошее учение и дисциплину. Кроме того, он закончил четвёртый класс, то есть начальную школу, с похвальной грамотой. Как радовалась бабушка его грамоте, любовалась ею и гордилась, хотела повесить на стенку.

На совещании учителя говорили о том, что школы не готовы к учебному году: у многих не подвезены дрова, не произведён необходимый ремонт, нет краски, олифы, гвоздей, стекла для окон. Нет тетрадей, учебников, ручек, чернил, карандашей, контурных карт, наглядных пособий, кросину...

— Но учебный год надо начинать, товарищи учителя? — выслушав многие выступления, обратился с вопросом в зал Борисенко, зав. районо, молодой красивый человек, вернувшийся по ранению с фронта. — Или, может быть, не будем?

Тишина в зале.

— Нас не надо агитировать, — чей-то голос с обидой.

— Я тоже так думаю, — подтвердил Борисенко. — А потому давайте говорить о том, что от нас самих зависит, что мы можем сделать. Во-первых, не допустить отсева учащихся. В наших условиях — задача трудная. Сейчас же прове-

сти перепись всех детей, подлежащих обучению, проверить прежние списки. Взять на учёт нуждающихся в одежде и в обуви, кому совсем не в чем ходить в школу, и списки немедленно выслать в район. Я буду ставить вопрос на райисполкоме о выделении школьного фонда. Но многие подростки уже работают в колхозе наравне со взрослыми, получают натуроплату на трудовни. Их матери и они сами считают, что образование их уже закончено. Таких особенно надо поддержать: взять сведения в колхозе, сколько трудовней ими выработано, объявить на школьной линейке как лучших, поощрить грамотой, может быть, и каким-нибудь полезным для них подарком. Но вернуть в школу. Посадить за парту! Во что бы то ни стало. Провести работу и у них в семье. Во-вторых, выявить в каких колхозах наиболее трудно, в каких семьях, где есть ученики вашей школы, не хватает картошки. Да, есть и такие! К весне поели семенную — вот и подорвались на весь новый год. Оказать им помощь из школьного фонда овощами с пришкольного участка...

Шумно заговорили с мест.

— Какой там фонд!

— Какие в школе овощи?!

— С участка почти ничего не получили.

— А нам колхоз даже не выделил...

Борисенко прислушался серьёзно.

— А вот это очень плохо, товарищи. И исключительно ваша вина. Пришкольные участки теперь приобретают всё большее значение. Это будущее сельской школы. А теперь вы должны так поставить дело, чтобы обеспечить своих учеников, да и учителей также, горячими завтраками, и оказывать поддержку нуждающимся ученикам. За всеобщ отвечает директор и весь коллектив учителей.

Я посмотрела на Бахтину, сидевшую рядом в своём тёплом платке, из которого виднелось маленькое жёлтое лицо. Но как она вся вытянулась, как слушала... В эту минуту я начала постигать, что такое Бахтина и почему её перевели из начальной школы Кандерепа директором НСШ. По все-

му своему складу, по образу жизни, по энергии она была именно тем, что сейчас, в данный момент, необходимо.

По приезде домой, уже вечером, едва все успели сварить картошки, накормить детей и поужинать, она собрала учителей на совещание в школу.

— Завтра начинаем копать овощехранилище. Придите к восьми утра с лопатами.

— А планы?!

— Вы слышали, что занятия не начнутся до пятнадцатого сентября. К этому времени составите и подадите мне календарные на год и планы воспитательной работы, поурочные на неделю. — Голос у Бахтиной сухой, отрывистый.

Но почему она, ещё не зная меня, невзлюбила? Я чувствую её неприязнь. Она избегает встречаться со мной глазами. Даже любопытно. Узнать бы, что за причина? Я с ней не спорю. О планах возразила не я. Этот вопрос задала Александра Иосифовна, солидная дама, эвакуированная из Калинина, чертёжница на крупном заводе, человек умный и образованный. Ей впервые приходится работать в школе — преподавать математику и черчение. И она серьёзно озабочена планами. Предстоит трудная задача — и вдруг: овощехранилище!

В другом роде было возражение со стороны учительницы начальных классов Полины Егоровны. Кстати, по её же словам, настоящее её имя Пелагея. Это славная молодая бабёнка — именно бабёнка, которую, не зная, никак бы не принял за учительницу. Она в пёстром платье и в сапогах. Только что вернулась с семинара, где повышала свою квалификацию, так как учительского образования у неё ещё нет. Сельских учителей не хватает. Муж у неё участковый милиционер.

— Что вы, Аксинья Ивановна! — взмолилась она. — Ведь я целый месяц не была дома. В избе не побелено, огурцы не обобраны...

Бахтину она так и зовёт. А та с ней хоть и ругается попросту, но не избегает смотреть на неё, как на меня.

Пожалуй, спать пора. Устала. Такой большой сегодня

день. И мальчики приехали. Бахтина правила лошадью сама, подёргивая вожжи, и молчала. Алёша был, как нарочно, в хорошем настроении и пел выученное в пионерском лагере на слова Суркова:

«...Смелый дерётся с врагами,
Жизни своей не щадя,
Смелый проносит, как знамя,
Светлое имя вождя».

Накануне одна из двух наших школьных уборщиц, мужеподобная Шура, лет тридцати, которая поднимает по три пуда, привезла мне из Болотного «вещи». Теперь, значит, ещё добавился в нашей квартире наш зелёный сундучок, на котором можно сидеть, и жёлтый шкафчик. На его поверхности в пол квадратного метра вполне можно устроить письменный столик. В нашем распоряжении комната, а на кухне поселилась Александра Иосифовна со своей старушкой-матерью. Матери уже за шестьдесят, но она так обожает и бережёт свою дочку, что всё за неё делает, даже дрова колет. Наш Володя ей очень понравился. Она сияла, с улыбкой на него глядя: «Какой хорошенький, беленький!» Теперь они поневоле останутся вдвоём, когда будем все в школе, поэтому им и надо дружить.

Плита с обогревателем в нашей комнате, она и топится жарко, так что тепло везде. А кухня неизвестно почему числится кухней. Маленькая, наглухо заделанная дверца в ней сообщается с кухней Бахтиной. Если подойти к ней, слышно, что говорится рядом за стеной. Но нам это неинтересно.

У Бахтиной тоже двое детей — мальчик Юра десяти лет и девочка Тамара шести, очень живая и худенькая, до смешного похожая на мать. Оба хорошо встретили моих мальчиков — будущих близких соседей и товарищей. Отец у них был агрономом в селе, Бахтина говорит, что умер. Но, судя по её лицу, тут дело сложнее.

Сейчас за стеной тишина: легли спать.

2 октября

Только вчера начались занятия в школе: колхозы не справились с уборкой хлеба, и начало занятий во всех школах района перенесли на первое октября.

Как много переделали за этот месяц колхозники! Какие горы смолотили пшеницы, днями и ночами, при фонаре над током! Не умолкая стоял стук молотилки над опустевшими полями. Сколько заскирдовали, сколько отвезли зерна на элеватор — оттуда оно пойдёт хлебом на фронт. Убрали и лён — я впервые видела его созревшим, мы дёргали его жёсткие короткие колосья, связывали в тонкие снопики. А одна девочка напевала:

«Лён, голубенький глазок,
Тонки снопики...»

И дёргала так быстро, так ловко, будто играла, а за ней росли и росли суслоны снопов. Помогали мы и на молотье — возили снопы, отгребали солому из-под молотилки, крутили веялку. Но больше всего учителя со школьниками выкопали картошки на школьных и на колхозных полях. Об учениках старших классов и речи нет: те работали в своих колхозах наравне со взрослыми. С нами выходили только дети не старше 12–13 лет. Но и они уже привычны к работе, выносливы и ловки. А картошка в колхозе крупная, даже копать приятно: то пойдёт гладкая розовая, то белая — сорт, в котором больше всего крахмала, то тёмно-лиловая. А вокруг чёрного перекопанного поля с засохшей ботвой стоят жёлтые берёзы. На редкость красива осень в этом году. Или это потому, что так красиво вокруг Варламовки? Столько берёзок разбросано по пригоркам, у дорог, в ложбинах. И все — золотые.

Золотые листья, золотое поле... Или: золотая осень, золотое поле...

Чудесно было на полях. Но школьное овощехранилище измотало. Копали-то мы его только четвером: я, Алек-

сандра Иосифовна и ещё две самые молодые учительницы, обе толстые, коротенькие, но сильные. Эти качества имели значение при работе лопатой, а вообще учительницы эти не похожи одна на другую. Анна Васильевна Мануйлова и родом из самого старого села нашего района, Мануйлова. Оно зародилось прежде самого Болотного, и живут там старожилы, коренные сибиряки. В раннем детстве, по недосмотру родных, Анне Васильевне пришлось лишиться одного глаза. Но это не помешало ей закончить учительский институт, отлично знать историю и географию, много прочесть и художественной литературы. Второй глаз настолько зрячий, что Анна Васильевна много занимается рукоделием, любит вышивать, кроме того, рисует. Она развита и умна, но очень любит пошутить (особенно сейчас над Бахтиной). Несмотря на свою молодость — всего девятнадцать лет, она уже вступила в партию. Это следствие её серьёзности, знания истории и личных убеждений. Характер настойчивый.

Кроме короткого пальтишки и тёмной старушечьей накрывной шали, у неё ничего нет. Хорошо, что после совещания всем учителям выдали валенки. Правда, они серые и не совсем по ноге, но до того ли! Это была большая радость. В школе А. В. ведёт историю, географию, и она же будет старшей пионервожатой. На квартиру она устроилась «с харчами» к одной женщине на краю села, где МТС, но сразу стала приходить ко мне. Другая из молодых девушек, Катерина Карповна, года на четыре постарше, из Карасёва, одета и вообще обеспечена получше. Вести будет часть математики и физику. Сдержанна, ничего лишнего себе не позволяет, особенно в отношении начальства, в присутствии учеников напускает на себя важность. Немножко себе на уме. Жить устроилась вместе с Бахтиной. Щёчки румяные, глаза голубые, всё на месте. Но с ней не разговориться. Правда, любит петь:

«Толик учится отлично,
Одевается прилично».

Или:

«Ты цветы, кудрявая рябина,
Наливайтесь, гроздьа, соком вешним.
Как вечер у дальнего овина
Повстречалась с парнем я нездешним».

Это мои коллеги, Алёшины учителя. Бахтина будет вести зоологию и ботанику.

Ещё мог бы двигать с нами котлован под овощехранилище наш военрук Однорог А. П. Но его, как единственного мужчину в коллективе, приходится беречь. Кроме того, он в тылу по серьёзному ранению, в живот. Хотя дома он всё делает, потому что родители старые и больше некому, а у него маленькая дочка. Жена была на семинаре вместе с Полиной, теперь обе получили законный отпуск для домашних дел. Однорог живёт в Трактомировке, вместе со стариками. Такой славный приземистый бревенчатый домик с низкими потолками, но просторной комнатой и кухней с полным хозяйством и уютом на дворе. Попадать на двор надо через перелаз — так называется широкий пень по одну сторону плетня, а по другую — тоже пень. Это сделано от скотины, чтобы не открывать одностворчатые воротца из жердей. Андрей Петрович учился в Зудовской школе, где обучение и воспитание было поставлено лучше, чем в других школах, благодаря директору Денисову, впоследствии инспектору района.

Андрей Петрович заметно хорошо воспитан и придаёт большое значение образованию. Свою жену, учительницу начальных классов, постоянно побуждает учиться, недоволен её развитием. Ему лет двадцать семь. Он тоже член партии, как А. В.

Итак, вот почти и весь наш коллектив. Да, ещё одна учительница начальных классов Наталья Михайловна Авдеева, девушка лет двадцати трех. Пожалуй самая красивая и симпатичная на лицо изо всех. Говорю «на лицо», потому что она имела искривление позвоночника, носит

корсет, и это немного отражается на её походке и фигуре. Она среднего роста, в меру тонка, брюнетка с очень милой улыбкой, дети её любят и хорошо слушают. Н. М. не только самая красивая, но и самая богатая. Не шучу. Отец её — колхозник Варламовского колхоза, семья трудолюбивая, дружная, хозяйство держат большое: несколько свиней разного возраста, корову, бычка или нетель, кур. Картошки, как и все колхозники, сажают очень много, так что остаётся и на продажу. А это уже в военные годы — богатство. На базаре 60 рублей ведро, в Томске — 100 рублей, сало 300 рублей килограмм, масло — 400.

Отец старается не продавать, а менять на хорошие наряды для дочери, хочет, чтобы она была одета прилично, по-городскому. И Наталья Михайловна одевается лучше всех учителей, не кричаще, а прилично и к лицу. Сама шутит о том, что все платья, и плюшевая жакетка, и костюм куплены за картошку. Она закончила педагогическое училище и выглядит намного интеллигентнее Полины, хочет быть хорошей учительницей. В коллективе держится просто, откровенно. В четвёртом классе учится её младший брат Митя, на которого уже возложена заготовка дров для дома. Старший — на войне, лётчик. Но уже поздно. Пора готовить поурочные планы на завтра: утром четыре урока в пятых. В каждом один русский, один — литературное чтение, во вторую смену — русский в двух шестых, литература в седьмом. Седьмой ещё не видела.

5 октября

Сегодня простоял такой солнечный ясный день, что многие ребята пришли в школу босиком. Земля уже, конечно, холодная, но с этим они не считаются. И обувь отдыхает. Как хорошо, поработав на полях весь сентябрь, сидеть в классе! Учительский столик с чернильницей и раскрытым журналом стоит у окна, я смотрю на школьный дворик, на жёлтые берёзы, на остатки глины у вырытого нами овоще-

хранилища, на поленницу берёзовых дров под навесом — и слушаю ребят пятого класса. Девочки с гладко заплетёнными косами с тряпочками на концах, обстриженные ножницами под ноль мальчишки с круглыми головами рассказывают мне разными голосами, торопясь и радуясь, а иные чуть заикаясь:

«...Дремлет чуткий камыш. Тишь, безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая».

Разве это не счастье — глядеть на детей, слушать их голоса, читающие стихи Никитина? Я вдруг почувствовала, как когда-то давно, ещё в Большеречке, ясно осознанное мною тогда главное счастье моей жизни. Сознание это посещает редко — вот оно явилось, вспыхнуло второй раз в жизни... А потом опять пойдут дела и дела, будут забрасывать пламя...

21 октября

Готовимся к двадцать шестой годовщине Великого Октября. Наши войска подступают к Киеву. Киев должен встретить праздник уже освобождённым, оккупантов выгонят. Что могут они понять в нашем древнем городе? Вся его историческая красота для них закрыта, они как слепые. Поэтому и разрушают, не щадя, не жалея ничего. Все ждут напряжённо последних известий. В сельсовете повешена большая карта. На ней агитаторы ежедневно передвигают красные флажки, обозначая движение наших войск на разных направлениях фронта. Агитаторы — мы, все учителя, но ещё четверо коммунистов из сельсовета. А мне бы хотелось, чтобы наши взяли Киев в моё дежурство. Поставить в эту точку красный флажок.

Сегодня я дежурная. До школы пошла в сельсовет, тщательно проверила всё по газете, по последним известиям

и переставила флажки. Они ещё далеко, не дошли... Выйдя из сельсовета, столкнулась с матерью Вити и Коли, которая получила тогда похоронку на покосе. Она теперь доярка на колхозной ферме. Забегала узнать последние известия, но увидев меня, быстро спросила: «Ти взяли Киев наши?» — «Скоро возьмут!»

Я уже знаю: «ти» — по-варламовски вроде частицы «ли», но ставится впереди, в начале предложения и более выразительно. Сыну её, Вите, выдали на днях в сельпо костюмчик из школьного фонда — прислали для детей фронтовиков к празднику. Она тут же, в магазине, примерила Вите этот серый хлопчатобумажный костюмчик — и слёзы показались у неё на глазах. Залюбовалась сыном... Только и прошептала: «Сын, сын...» Он учится в пятом классе.

Начиная с пятого, в Варламовскую школу ходят уже ученики из окрестных маленьких колхозов, где только начальные. К нам принадлежат самые ближние — очень обедневший за войну Калинин Падун, где у многих нет даже картошки, он же колхоз «Первое мая»; сытая Пушкарёвка за логом по другую сторону, где председатель колхоза Смирнов — старый, опытный и умный; Кандереп за четыре километра в ту же сторону, Трактомировка. И дальние — Любомировка и Борзинка — обе за десять километров, по разным просёлкам. Из ближних сёл дети ходят пешком, а из дальних — живут на квартире у кого-нибудь из варламовских, большей частью у добрых знакомцев родителей, потому что другие не пустят: живёт, большей частью, вся семья в одной «избе», то есть в одной комнате, она же кухня. Домой такие школьники ходят только по субботам — в бане помыться и за продуктами. Картошку подвезли с осени, как кто сумел, большей частью использовали молоканщицу, которая возит на быке молоко в огромных бидонах, — его сдают маленькие колхозы на варламовскую молоканку. Тут уж смотря что кому могут дать дома. Каждая мать старается дать из дома самое лучшее, даже младших урезать: «Вы-то дома! А посиди-ка шесть уроков голодный». Кусок солёно-

го сала, дроблёную пшеницу, какие-нибудь лепёшки; бутылку молока (зимой его замораживают кругами), иногда полбулочки домашнего хлеба с тёртой картошкой, сырого и чёрного, как глина. Впрочем, в питании он занимает очень небольшое место. Ребята соблюдают домашнее заведение: утром, перед школой, варят себе картошку, а вечером на ужин жарят с салом. На квартиру пускают только за дрова: каждый должен привезти их из леса на санях, перепилить и переколоть. Если у хозяев ребята — они ездят в лес вместе и всё вместе делают. За дрова отвечают мальчики, и всё тут. А топят в Варламовке жарко. Как, впрочем, и все сибиряки.

Кроме русской печки, которую топят с утра пораньше, к вечеру раскаливают докрасна ещё железную. После работы на полях на осеннем ветру крестьяне любят войти в жарко натопленную избу и себя с дровами не стесняют. Вечером на чисто вымытом, ещё сыром полу лежат у железной печки маленькие поросята, розовые и тоже чистые, искупанные. Зашла вчера к Коржаковым посмотреть, как живут наши ученики — Витя Юркевич и Миша Чуднов из Любомировки. Изба просторная и чистая. Стоит даже деревянный диванчик, застеленный кошмой. Отсутствуют только кровати; домашнее задание делают за тем же столом, где все обедают, хозяйка готовит тут же, крошит лапшу или катает бельё деревянным вальком. Хозяйка Ольга Коржакова, высокая, умная и молчаливая женщина. Её дочь Надя в пятом. Муж дома — болеет. Коржаковы — одна из уважаемых семей в колхозе, труженики и до войны жили зажиточно. На полке у диванчика — свежая газета.

— Ваш сын, как придёт вечером, всю нам прочитает. Соседи соберутся слушать. Больно всё знает — и читает, и разъясняет, лучше взрослого, — сказала она с улыбкой.

Алёша подружился с Витей Юркевичем. Они ровесники, Витя учится довольно хорошо, тихий и сообразительный мальчик. Лишнего слова из него не выбьешь, как из истого крестьянина. Патриот своей Любомировки. Над Мишей Чудновым ребята любят подшучивать, часто разыгрывают,

хотя и любят. Уж очень он медлительный, нерасторопный. Сам крупный, круглолицый и румяный, с широкой улыбкой. Выйдут ребята вечером из школы, откуда-то тянет гарью. «У Мишки Чуднова картошка подгорела. Это он варить отпросился с урока, живот подвело».

На Алёшу он по-своему удивляется: «Только примется за газету — и газеты нет. Со всех сторон прочитал». Чуднов старше года на три. Сегодня Чуднов получил у меня за диктант «плохо». Огорчённо разглядывал свои ошибки, качал головой: «Правила всё путают. Вспоминал, вспоминал, вот и ошибок наделал, если бы не правила...»

5 ноября

В школе всё готово к празднику — чисто выбелено, вымыто, висят плакаты: «Да здравствует 26-я годовщина Великого Октября!», «Наше дело правое, враг будет разбит, победа за нами». После первой смены Бахтина запрягла школьного коня, упрямца Ваську — она сама запрягает, — взяла у завхоза хороший кнут и отправилась добывать для школьников угощение к празднику. Она знает, куда ехать. В Калинин Падун не поедет. В Кандереп тоже: там нет ничего. После некоторого нажима на председателей колхозов она вернулась с кое-какими полными мешками и кулёчками. В Любомировском колхозе крепко поставлено пчеловодство — оттуда Бахтина привезла мёду, от Борзинского — толику пшеничной муки, от Пушкарёвского — побольше муки и, кроме того, масла. Завтра, как она уже нас оповестила, кончим уроки пораньше и будем стряпать печенье в пекарне. Местный Варламовский колхоз она обложила данью в виде морковки на пироги, капусты, а заодно — и брюквы. Брюква уже пригодится после, на горячие завтраки. Вот и молодец.

Я провела последнюю репетицию: мы подготовили пьесу из военных лет. Мне передала её Наталья Михайловна,

но без конца и без начала. Пришлось дописать то и другое. Ребята играют с азартом. Приготовили несколько декламаций, пирамиду и кое-какие песни. А занавеса у нас в школе нет. Но ребята сказали: «Мы завтра достанем». А где они достанут? С репетиции всей гурьбой забежали слушать последние известия. Наши части штурмуют Киев.

8 ноября

Киев взят! Ещё одна победа. Уже не так горько, как первый год, когда мы жили в Коченёве, а немцы бомбили Москву. Конечно, я и тогда не верила ни одной минуты, что в Москву их пустят хотя бы на порог. Но было такое чувство, словно все мы погружаемся во тьму всё глубже и глубже. Но не верилось, ни за что не верилось и тогда уже, что потеряны все завоевания наши прежних лет и героизм Революции, блуждания в метели Гражданской войны, когда мучительно рвались сквозь страдания и смерть к свету все слои населения взбудораженной России, от неграмотного крестьянина или бродяги до высшей интеллигенции, артиста, учёного, писателя... И пафос тридцатых. Тех, кто вёл вперёд в тридцатые годы, я уже знала лично, со всеми их человеческими качествами, со всей стремительностью, самоотречением, свойственным той краткой эпохе, — но Эпохе!

Агишев, организовавший колхоз в Вязовом Гае, моя первая любовь. Человек, выдающийся даже среди других коммунистов тех лет высокой нравственностью, увлечённый идеей социализма, готовностью жертвовать собой. Ну и другие. Зачеркнуть весь наш путь, со всеми его ошибками, без которых невозможен ни один непроторённый путь, невозможно ни одно открытие?

Нет. В это не верилось даже тогда. И — странно. Хотя Гитлер с тех дней много успел, хотя немцы воевали со знанием дела и умением, хотя много принесли зла, смертей, разрушения, но даже эти великие потери наши и то,

сколько советских людей сложили головы на этой войне, ещё больше убеждают в нашей победе. И в том, что война эта — справедливая, война за торжество идей.

Постановка прошла успешно. Ребята бежали всю деревню, собирая «подстилки» — домотканые крепкие простыни из грубой ряднины, крашенной в синюю, красную и зелёную клетку. Разумеется, каждый старался дать только чистую или совсем новую из запаса, который хранится в сундуке. Эти подстилки колхозницы ткнут сами на домашних станах — неуклюжее, но необходимое сооружение это стоит почти в каждой избе. А что бы делали сейчас без него? На них ткнут простыни, лёгкие одеяла, полотенца, холст на бельё и на верхнюю одежду, на мешки. Мешками и свой колхоз выручают: без них не в чем было бы отвозить зерно на элеватор. Вот и мы из клетчатых подстилок смастерили занавес для сцены, после представления ребята разнесли их обратно по домам. Угощением ученики остались довольны. Особенно с удовольствием напивались чаем с мёдом, правда, пришлось разносить его в тех же глиняных мисках, что и суп на горячих завтраках. Но это не портило. Возьмёт мальчишка или девочка эту миску обеими руками и тянет с наслаждением, так что капли на лбу и на носу выступают — и просит ещё. Хотя чай был не очень сладкий. И тут вспомнишь, что растут они без сахара. В том числе — мои, особенно Володя, которому всего-то пять лет. Из сельпо на школьников выдали понемножку конфет-подушечек. Их прислали только на школу, так не продавали. Возвращаясь из школы, Наталья Михайловна встретила свою тётку, звеньевую Агриппину, и попросту сунула ей две подушечки: «На! В роте посолоди».

Интересно, что среди своих односельчан Н. М. говорит на их языке. И «Подгорную» отлично пляшет. В школе были танцы под гармонию.

21 ноября

Ездили с Бахтиной в Болотное получать тетради и географические карты. Надо было вдвоём, так как ей пришлось пробыть долго в банке за нашей зарплатой. Я тут же получила и купила на базаре булку хлеба за 70 рублей. Мать дала мне домой полную большую кринку сметаны и два круга мороженого молока — всё, сколько оказалось у неё дома. Мы за эти годы так с ней стали близки. Наверно, потому, что она очень любит наших детей. Но и не только поэтому. Ведь думаем об одном и том же. Я стала понимать и хозяйственные нужды, от которых так далека была прежде, погружённая в жизнь школы, в другие интересы. Теперь знаю, сколько у нас сена и сколько ещё надо, сколько нужно на зиму и на посадку картошки, как в избушке с топливом. Топят сейчас квартиранты — эвакуированные из Иваново-Вознесенска. Отец — инвалид, в прошлом рабочий большого завода, лет пятидесяти, жена его, бойкая рыжая женщина в веснушках, никогда не работала, обеспечивает домашний уют, и с ней в самом деле уютно: на столе почти всё время кипящий самовар, вовремя сварена картошка, есть молоко. Девочка лет шести Роза, другая родилась уже в нашей избушке, Вера. Зарабатывает для семьи один старший сын, пятнадцати лет. Он получает рабочий паёк и иждивенческие карточки на всех. На его же заработок живут. Устроился он где-то на железной дороге. Худенький, заморенный, в веснушках, как мать. В избушке у наших, конечно, одна комнатка, но какая-то вместительная, уютная. И тепло. Корова помещается в снях. Чтобы пройти к двери, её слегка хлопнешь, она посторонится, переступит. За ней есть ещё кладовочка, где стоит заветный маленький сундучок, — там бывает замороженное молоко, маленький комочек масла, которое копится на продажу. В подполье картошка, капуста, другие овощи. Семенная ссыпана отдельно за досками. Осенью, пока не начались занятия, я отпрашивалась на два дня помочь копать картошку. Но много мать выкопала и без меня, потому

что Б[ахтина] всё меня не отпускала, хотя знала, для чего я отпрашиваюсь. С полей мы возили на тележке-двуколке, уже мне знакомой, по два, по три мешка. Я впрягалась, мать помогала сзади, так — через всё Болотное, от депо до Ремесленной, которое (*депо*) уже в старой части города за логом и за прудом, около педучилища.

Полина, у неё второй класс, была огорчена, что мы не привезли тетрадей в косую линейку. Как научить детей правильному почерку? Я посоветовала ей расчертить тетради самой и показала, как это сделать. Поработать ей, конечно, придётся много: в классе сорок два ученика. Но ведь во время войны учить детей надо не хуже, а даже лучше, чем в мирное время. Чернильных порошков тоже нет, о химических карандашах не может быть и речи. Наши ученики научились заваривать сажу. Я тоже попробовала. Если заваришь крутым кипятком, получаютя чёрные чернила, писать вполне можно. Сегодня уже составляла поурочные планы новыми чернилами. Только промокать нельзя. И надо прокладывать написанное чистым листком. Алёша пишет такими же чернилами: он их сам и приготовляет. Перьев мы привезли, а ручек нет. Сегодня видела у Чуднова: выдернул берёзовый прутик из веника и к нему накрепко привязал перо суровой ниткой. Пишет. Со стенгазетами лучше всего: выпускаем на оборотной стороне плакатов, их много ещё. Географических карт тоже прислали.

1944 год

7 января

Ребята ещё распущены на зимние каникулы. Ну и метель второй день! Зима берётся всё суровее. Хоть бы буран улёгся до десятого, а то как пойдут школьники из других деревень? По полям мчатся потоки снега. День и ночь гудит в трубе, шумит на улице, кипит, как в огромном котле. На сельсовете, стену которого и часть крыльца видно в мои окна, перепутанные, взлохмаченные хлопья прилипли

к ставням, карнизам, между брёвнами, в каждой выемке, на каждом выступе. Ни солнца, ни земли, ни цветов — один снег на свете. Кажется: была жизнь. А на нашу долю — снег, снег, снег... У бабки Федосеевны, куда пришли наши тимуровцы, в щелястых сенях целый сугроб. Насилу откопали. Окна замело доверху. Бабка и её внук Енька проснулись поздно.

— Здравствуйте, — поздоровались с порога наши тимуровцы. Бабка молча кивнула и постояла перед остывшей печкой, опираясь на палку и жуя губами, словно ей не до гостей, а надо решить важный вопрос. Оказалось: дрова, приготовленные в сенцах, все вышли, а сложенные за стойкой так занесло, что их не достанешь. Вчера бабка пробовала откопать хотя бы одно полено. Но снег слежался так плотно, аж задохлась, и палка вот эта куда-то вбок тащит.

— Как говорила снохе, как говорила: «Вольга! Сложи ты поленницу к сенцам, в затишек». — Куда! Теперь умчалась в лесозаготовки — и горюшка ей мало! На казённых-то харчах. А тут как хошь с мальчонком.

Федосеевна показала нам такой сердитой, что младшая из тимуровцев, Марфуша, с розовой тряпочкой в косице, попятилась к двери.

— Снегу-то! Снегу что натоптали, — заворчала бабка. — Ну, учительница пришла за делом, а вы-то что как хвосты? Не сидится вам по избам в эку метель, вертушкам окаянным, прости меня, господи!

Признаться, мы не ожидали такой встречи. Но мне даже хотелось, чтобы ребята встретились сразу со всеми трудностями, в том числе с трудностями характера и настроений. А какое может быть сейчас у Федосеевны настроение, когда и печь-то второй день холодная? На шестке стоял чугунок с остатками картошки в мундире.

Я объяснила, что дети пришли со мной: они сейчас откопают поленницу и растопят печь.

— И воды-то нет, — уже немного оживилась бабка, заглянув поочерёдно в вёдра на лавке.

— Мы и воды живо принесём, — вызвалась Марфуша.
— Мы тимуровская команда.

Тут Енька слез, шлёпнулся с последней приступки и остановился против тимуровской команды, рассматривая её.

— Ступай на печь! — прикрикнула бабка. — Просинел весь. И без штанов, у, бесстыдник. Тимуровок не видал?

Она живо освоилась с новым словом и, пока ребята откапывали поленницу, а другие ходили за водой, успела подмести в избе, слазить в подполье и начистить картошки. Теперь мысли её направились в другую сторону.

— Ох-х, — сказала она, толкая поленья в печь, — а каково-то теперь зимой-то Егору на позиции? Поди, и рукавицы порвались, об винтовку-то, и в окопе мороз...

Из её слов я узнала, что сын воюет с первых дней войны, ни разу не был ранен («Пронеси, Господи, храни его, Святая Богородица»), награждён уже четырьмя медалями и пишет часто.

Вечером за окнами школы ещё злее бушевала метель, а у топящейся печки в коридоре собрались ребята. Лампы не зажигали: керосину мало, надо беречь для уроков.

Отсветы огня проникали сквозь печную дверь и двигались на сыроватом, только что вымытом полу. Все с тревогой прислушивались к ударам ветра за стеной. Ветер шёл в наступление, таранил школу. На крыше грохотали оторванные железные листы. И отчего-то все невольно говорили тихо, словно был где-то рядом невидимый враг. Почта пойдёт ли? Может, кому есть письма с фронта? И газета бы не задержалась. Не оборвало бы провода у радио...

С первого же дня каникул ребята собирали по домам тёплые вещи для посылки на фронт. Теперь открытый ящик стоял на полу перед печкой, Анна Васильевна, как старшая пионервожатая, принимала от ребят и укладывала шерстяные носки, варежки, связанные на спицах осенними и зимними вечерами при свете коптилки, тёплые варежки из овечьей шерсти, такие же шарфы с красной, зелёной, оранжевой полоской.

Марфуша, стыдливо переступив под длинной юбкой чёрными валеночками, протянула какой-то крохотный набитый мешочек из пёстрых лоскутков.

— Что это? — удивилась Анна Васильевна.

Марфуша вся заалелась:

— Кисет.

Как выяснилось, она сама его сшила и, по примеру старшей сестры, которая переписывалась с одним неизвестным лейтенантом, вложила в кисет с табаком свой адрес. Конечно, умолчала, что ей десять лет. Анна Васильевна отказалась уложить кисетик вместе с тёплыми вещами, но я её уговорила, и Марфуша осталась очень довольна. Мы ещё не кончили упаковывать посылку, а надо было её надписать, в печку подбросили дров, чтобы горело ярче, но тут под окнами раздался скрип полозьев, и в школу вошли трое, занесённые снегом. Все сразу узнали нашего почтальона Раису, молоденькую длинноногую девушку, хотя узнать её в тулупе с поднятым воротом было не так легко — одни седые волосы да седые ресницы виднелись. Но двое других — женщина и девочка — были нам неизвестны.

— Увидела огонёк в школе, вот и заехали, — отдуваясь и отряхивая с ворота снег, объяснила Раиса.

— Как вы доехали в такой буран? — удивилась Анна Васильевна, помогая снимать промёрзшие тулупы. Но Раиса только кивнула: «Ага, буран» и снова нахлобучила тулуп: в санях почта.

Женщина с девочкой оказались приезжими, эвакуированными ещё в прошлом году со Смоленщины. В дороге женщина тяжело заболела, и её положили в больницу, а девочку отправили в Болотнинский детский дом. Теперь эвакуированных рассылают по колхозам, им райисполком выдал направление в Кандереп.

— Да буран шибко, пусть заночуют, а завтра отправите, — вставила Раиса, выходя на улицу. — Я и то подвезла...

Женщина и теперь выглядела болезненной, даже какой-то немного испуганной. Ещё не огляделась на новом

месте, а может быть, впечатления от недавно пережитого были слишком тяжёлыми. Она опустила на принесённый детьми стул и положила на пол узел, весь забитый снегом. Девочка, напротив, довольно бойко озиралась по сторонам, сказала, что будет учиться в пятом классе, ей двенадцать лет и зовут Мариной.

До утра Анна Васильевна увела приезжих к себе, а ребята подхватили и понесли узел.

16 января

Марина немного странная девочка. Ни с кем из товарищей в классе не разговаривает, не играет. Но, получив за ответ посредственную оценку, сядет за парту очень озабоченная, даже нахмурится и подопрётся кулаком, думает о чём-то. После урока литературного чтения она сегодня подошла ко мне и сказала, глядя в пол: «Вы, пожалуйста, спросите меня ещё, в следующий раз. Я могу хорошо выучить».

У меня был свободный урок, «окно», и я наблюдала за ней на уроке военного дела. Девочки, разбежавшись, прыгали через два барьера, один стоял за другим. Марина прыгнула не очень ловко, нахмурилась и встала — ещё прыгать, дождалась очереди. Прыгнула немного получше, но нахмурилась ещё сильнее, закусил губу и опять вернулась в шеренгу.

— Довольно, — остановил её Андрей Петрович.

— Нет, я должна ещё.

Снова разбежалась и прыгнула, на этот раз ушибла коленку.

— Вот видишь, — заметил ей Андрей Петрович. — Устала.

— А я хочу ещё.

И прыгнула, несмотря на больную коленку. Но нельзя сказать, что очень ловко. Физически многие девочки развиты лучше.

Ростом она маловата, довольно худенькая — возможно, много голодала. Не знаю, почему меня эта невзрачная приезжая девочка очень занимает. Хотя в ней не заметно никаких выдающихся способностей. Но заметен характер.

Поселились они не в Кандерепе, а в Пушкарёвке, живут очень бедно, хотя колхоз о них позаботился.

Вчера после уроков и репетиции пошла вместе с пушкарёвскими заглянуть кое к кому из учеников, побеседовать с председателем Смирновым. Дорога ведёт через лог, занесённый снегом. Вот мелькнули вверху последние огоньки, освещённое окно медпункта на краю улицы, столовая МТС — и впереди всё погрузилось во тьму. По узкой тропинке, стараясь не оступиться в сугроб, пробирались школьники с сумками. Вокруг буйно расшумелись берёзы. Порывы ветра раскачивали их, будто хотели вырвать с корнем и унести. Но берёзы не поддавались. Ребята невольно прислушивались к их шуму и шли молча.

Всё ниже спускалась тропинка, темнота сгущалась. Но что это? Крохотный огонёк между деревьями. Лисий домик? Ах да, это же пекарня! Как я не узнала? Пекарня стоит чуть на взгорке, вросшая в землю. Днём видно, как она прозеленела, будто звериная избушка среди белых стволов и пней. На плоском земляном потолке летом росла полынь — её стебли торчат ещё и теперь из-под снега. Но во всякое время года из трубы деловито спешит дымок: пекут хлеб трактористам и всем рабочим и служащим МТС, колхозной конторы, сельсовета, учителям и двум работникам медпункта, ещё Раисе — она завпочтой и почтальон. Да, у лесной избушки большие заботы! Весело смотреть на её дымок. Будто хлопотливая хозяйка заботится о людях в то время, как они ремонтируют трактора, сеялки, сенокосилки, лечат больных, учат детей в классе... Дымок из трубы упрямо утверждает жизнь, отстаивая её право среди расшумевшихся берёз в густой темноте лога.

— Марина! Ты что же отстала?

Она стояла на тропинке одна, снег кружился вокруг. Ребята уже далеко впереди.

— Я играю.

— Играешь?

— Да, — вызывающе сказала она. — Мне так нравится. Будто мы на море, а вокруг волны ходят. Буря! И мачты скрипят, скрипят...¹

Вот и крутой подъём, а за ним, вдали, приветливо светятся окна домов Пушкарёвки. Маленький сибирский колхоз, откуда тоже много ушло на войну молодых парней и мужчин, уже много осиротело детей. Колхоз приютил таких же осиротевших детей и женщин далёкой Смоленщины, где фашисты сожгли деревни дотла.

20 января

В сельсовете — пленум. Так наш председатель Гурьяничев называет совещание председателей колхозов и актива. В Варламовке не принято указывать, в котором часу начинается совещание. Всем понятно: когда женщины подоят коров, все поужинают жареной картошкой, запьют стаканом чая — вот и пора. Только скотине задать на ночь корма. Педсоветы у нас в школе только для амбиции назначаются в восемь часов, а каждый отправляется на них по тем же принципам. Да и как бы, собственно, иначе, когда часы есть только в школе? Пленум начался с того, что на двор сельсовета начали съезжаться на санях председатели, животноводы и доярки из ближних колхозов, вылезали из розвальней, опускали огромные воротники на бараньих тулупах, кидали коню сена, захватив охапку из саней, и, прихватив с собой кнут, шагали к разметённому крылечку. Сегодня Гурьяничев созвал всех, чтобы разрешить серьёзный назревший вопрос: о кормах. С этого он и начал, когда все разместились на стульях и лавках в тесном кабинете председателя, а кому не хватило места, нимало не обижаясь, устроились в первой

¹ Впоследствии эта девочка, Марина Попович (Васильева), стала первой в СССР женщиной-лётчиком 1-го класса, 102-кратной чемпионкой мира по авиаспорту.

комнате, где стоял стол секретаря с телефоном, но лампы не было. Свет падал в настеежь раскрытые двери кабинета. В первой комнате сидели прямо на полу вдоль стен. Там было слышно всё, что говорилось, и к тому же можно было курить. Я сидела недалеко от Гурьяничева, рядом с Анной Васильевной. По другую сторону от меня — доярка Фрося Бучевая, мать Коли и Вити. Но теперь она выглядела как-то иначе, будто изменилась за эти месяцы. Или я только теперь разглядела как следует эту маленькую бойкую женщину. Нет, это была уже не та Фрося, которая ждала как удара известия о муже там, у колхозного стога, такими страшными глазами смотрела на бегущего Витю. Теперь в своём жёлтом платочке, с выбившимися пёрышками волос, она напоминала насторожённую птичку, мужественно охраняющую своих птенцов от коршуна.

Но птенцами её, видно, были не только Витя и Коля. Слушая Гурьяничева, она так и порывалась с места. Да, уже сейчас кормов не хватает. В Кандерепском, Борзинском колхозах на фермах доедают овсяную солому. На Калино-Падунской ферме вообще не известно, как ещё коровы держатся. Кормов нет. Удои упали.

— Председатель колхоза «Первое мая» не случайно там, в темноте, сидит, — кивнул Гурьяничев на дверь в первую комнату. — Я бы на его месте тоже спрятался.

— А каково прятаться? — на самых густых нотах отозвался голос из полумрака. — Я, что ль, виноватый? Всех мужиков на фронт проводили. Коней тоже в колхозе почти, будем говорить, не осталось.

— Ты оттуда не выступай, товарищ Безруков, — остановил его Гурьяничев. — А ты выйди сюда, к народу, и расскажи, как думаешь дальше жить? Чем скот кормить будешь?

Но Безруков не пошёл:

— Пускай другие выступают. А за чего я буду языком молотить? Кормов не намелешь.

Фрося глаз не спускала с председателя. И вдруг, внимательно выслушав всё (а Гурьянов говорил долго и вра-

зумительно), задала самый простой вопрос: «Чем кормить коров завтра станем?»

Гурьяничев заметно оторопел. Он смотрел на Фросю, опершись обеими руками о стол, словно не смея сесть. А Фрося, словно взъерошенная птица, поднявшись с места и твёрдо стоя перед ним, раскинув на плечах вязаную шалёнку, смотрела на него. Она ждала ответа.

Возможно, Гурьяничев ожидал от неё более сложного выступления как от передовой доярки.

— Чем кормить? — повторил он. — Завтра?

— Да. Завтра. Чем будем кормить коров на ферме? Не знаешь?! А я знаю.

— Вот здесь завфермой присутствует, — оправился председатель и солидно вызвал: — Доложите пленуму, товарищ Домбаева, как у вас на ферме обстоит с кормами?

Домбаева, крупная румяная женщина, доложила очень умно и обстоятельно. Состояние тревожное. Сена заготовили недостаточно, силос не заложили. Из района должны дать комбикорм — с «Заготскотом» заключён договор, согласно которому эта организация обязалась обеспечить комбикормами. А теперь ссылается на то, что райисполком распорядился забросить комбикорм в те колхозы, где уже начался падёж скота.

— Но мы-то не допустим. Своих коров всех до одной сохраним, а также добьёмся высоких надоев.

— Своей-то коровке накосила, от неё и добьёшься, — обидчиво напала завфермой из Калининского района Падуна. — «Не допустим», главное...

Домбаева, оправив красивый цветастый платок, с достоинством на неё обернулась. Но ответила, обращаясь к другим:

— Да, вот, накосила. У меня шестеро детей малых. На кого ж мне надеяться? Кто их накормит? В покос-то как и спать забыла. На зорьке колхозных-то коров подоим — а я не домой, а на лужок, вон, за бугром. И в болоте между кочками косила. И на ферме управлю, и дома. Над скотиной сроду не издевалась — и не буду! Завтра мы с доярками с

утра на заготовку веточного корма. Три раза тёплым поим, до комбикорма продержим. Вон у нас Фрося Бучева — у ней в группе удои довоенные, но хочет добиться выше — день и ночь на ферме, и телят сохранила всех до одного. Жалеть скотину надо, вот что!

Фрося молчала. Высказав председателю непонятную для других угрозу, она больше не сказала ни слова. Казалось, только она сама да Гурьянов поняли, что именно она имеет в виду. Он даже избегал смотреть на Фросю. Гурьянов человек мягкий, немного болезненный, с жёлтым нездоровым цветом лица и впалой грудью. Себя он не жалеет, отдаёт полностью. В сельсовет часто приезжают уполномоченные из райцентра и в любой час ночи его вызывают, потом идут к нему ночевать. Он всегда озабочен, всегда в тревоге, но требуют больше с него, а он ни на кого, даже из колхозников, голоса не повышает. Председатель Варламовского колхоза Кулигулов, полнокровный, красный, приезжий из Новосибирска, держится, напротив, большим начальником. Широко расставляет ноги, глядит человеку прямо в лицо своими выпуклыми глазами, разглядывает с ног до головы, прежде чем слово сказать. Сегодня его на совещании не было: уехал по вызову в райком. А когда проводит собрание колхозников, то кричит угрожающе, что выведет колхоз в передовые! Несмотря ни на что — выведет! При этом он кладёт на стол большой красный кулак. Так что его обещание звучит почему-то как угроза. Впрочем, он и так уже предупредил, что «выведет в передовые любыми путями». На трудодни колхозники не получили ничего ни в этом, ни в прошлом году. Держатся своей картошкой и выращивают свиней, а о хлебе и думать забыли. Есть и такие семьи, где ни картошки, ни свиней — больная мать с ребятишками осталась или бабка с дедом. На таких Кулигулов вообще закрывает глаза, словно их вообще нет.

Когда пришла с совещания из сельсовета, дети уже спали. Завтра вечером им тоже придётся сидеть одним допоздна: на совещании решили оживить работу агитаторов, завтра же всем на свои десятидворки.

21 января

Ну и Фрося! Только что узнала от женщин, какую она удрала штуку. Недалеко от Заячьего лога, где отличная трава, богатейший пырей, молочай, клевер, стоял большой нетронутый стог. Не все знали, чей это стог, а кто знал, тот помалкивал. Начальство, мол, знает, а наше дело какое?

Но Фрося посмотрела по-другому. Рано утром, когда все собрались, как решили, на ферму, чтобы резать веточный корм там, где не доверху занесло кусты, Фрося сказала: «Ветки никуда не денутся, успеем нарезать, а вот стог у Заячьего лога как бы не уехал в район. Айда, сначала привезём сено к ферме!»

— Да ты что?! — поразились такой инициативе женщины. — Ведь это же сено... Знаешь чьё?!

— Знаю. На наших колхозных лугах накошено, а значит, оно наше и есть. На нашей ферме коровы будут голодные сидеть, а кто-то из начальников будет свою коровку кормить в Болотном? Не выйдет! Берите вилы, бабы, айда-те! Я за конями на базу сбегаю.

Домбаева её поддержала:

— А что нам Кулигулов сделает? Пускай не раздаёт колхозное сено. Хочет таким путём в передовые выйти, кой-где выслужиться?

Поехали на двух подводах, и к ночи, уже в темноте, всё сено было на месте, сложено на пустом выгоне за фермой. Женщины так намотались, откапывая замётённое сено и накладывая на возы, что едва дотащились до дому, где ждали голодные ребятишки. А надо было ещё идти на ферму, где два старика-скотника домётывали сено, надо ещё подоить коров и положить им в кормушки щедрой рукой только что привезённого душистого сена с засохшим клевером, мышиным горошком и ромашками. Гурьяничев только головой покачал, но в душе был доволен. Он же не давал разрешения! Пусть перед Кулигуловым и отвечают сами, раз такие смелые. Это всё Фроська Бучевая.

А мы после занятий второй смены пошли по десяти-

дворкам. Моя — от сельсовета к школе, по обеим сторонам.

Жгучий мороз без ветра. С утра было немного мягче и снежок поросил, а теперь и сугробы сковало. В такие ночи всё ярко, неподвижно. Ночь совсем голубая. Нестерпимо блестит высоко-высоко в небе луна, как осколок металла. И небо по-ночному светлое. Снег даже не голубой, а синий, и вскрикивает под валенками. Сугробы как волны, между ними тропинки к колодцам, к воротам. Посреди улицы блестит след от полозьев. Темнеют на снегу кучки золы. Кое-где окна тёмные — может, керосину нет. А у избы Коржаковых, где сегодня собираемся, лежат на снегу два жёлтых четырёхугольника, отсветы из окон.

— Все в сборе, — приветливо объявила Ольга Коржакова. — Раздевайтесь, проходите вот, к печке поближе.

— Одной Жигалихи нет. Ну да уж мы боле за ней не пойдём: два раза бегали.

— Старая Парамониха и то вон пришла, на печи лежит.

С печки, действительно, смотрела морщинистая черноглазая старуха, свесив голову в платке. На деревянном диванчике, покрытом кошмой, и на длинной лавке разместились женщины. Пожилые в тёмных накрывных шалах с бахромой, которые они откинули на плечи. Молодые с кумачной кромкой нижней косынки под тёплым платком. Тут же дед Никифор, отец Агрипины, солидный умный старик с ехидцей. Он ещё крепкий, но ходит с палкой. И теперь поставил её между старыми расписными валенками, опёрся подбородком. Чёрно-седая борода аккуратно подстрижена: Агрипина сама подстригает отца, как и ребятишек, овечьими ножницами.

По деревенскому обычаю пришли с семечками.

— Будет вам щёлкать-то! — Ольга сгребла со стола семечки, вытерла столешницу. — Надька, подмети.

Надя взяла за печкой берёзовый веник, подмела шелуху с чистого крашеного пола и покидала в железную печурку: она жарко топилась, один бок раскалился докрасна. На ней кипела в большом чугуне мелкая картошка поросяткам. Я развернула газету. Стала читать о наступлении наших

войск, о потерях немцев, о разгроме гитлеровской армии под Сталинградом. Женщины с суровыми лицами ловили каждое слово. Напряжённый взгляд, скупой вздох.

Космачёва, у которой воевали муж и два сына, держала на коленях младшего, Тольку, ровесника войны. Уже без отца родился, осенью, и отец его не видел.

По счёту Толька — девятый. Все — не только мальчишки, но и девочки — отчаянные, бойкие.

— А Черчилль, Рузвельт — это кто? Вы про них читали.

За меня отвечает дед Никифор. Он каждый день читает газету от корки до корки. Но о чём бы ни слушали, о чём бы ни спрашивали, у каждой готово вырваться одно: «Уж скорей бы войне конец! Скорей бы выгнали всех фашистов, гадов! Вернулись бы наши...»

Выбеленная русская печь задёрнута ситцевой занавеской. Уже уснула за ней старая Парамониха; может быть, сыновья ей снятся. А женщины всё не расходятся.

— Эх, парнишка ваш хороший стишок нам бы сейчас рассказал, Алёшка-то! — сказала Ольга со смехом. — Про фрицев выучил. Да вот, в газете было. Я вспомнила. Это:

«Два у Шнабеля сына,
Как и он, два кретина.
Говорит им папаша: «Ребята!
Самолёт заводите, пулёмёт заберите,
Да возьмите-ка два автомата.

Снова бомба валится.
Шнабель в норах тaitся.
Вдруг приносят второе известье:
Крест дубовый над Максом,
Что грозил англосаксам,
У дороги в парижском предместье»¹.

---

¹ Отрывки из стихотворения С. Маршака «Шнабель и его сыновья» (1944).

Я и не знала, что Алёша сразу выучил стихи наизусть и уже читает у Коржаковых. Он начал собирать вырезки из газет. Вырезает наиболее важные интересные заметки о наших победах и складывает. Накопил уже толстую пачку.

Когда пришла сегодня, Володя спал одетый — он читал, пристроившись у коптилки. Починила ему локоть на рукаве пиджачка, поурочные планы составила на завтра. Можно спать. От мороза углы дома потрескивают.

24 января

С утра у меня уроков не было, и я пошла в рощу, потому что дрова у нас кончились. Хотела взять с собой Володю на свежий воздух. Но у него нечего ни обуть, ни одеть. Так и остался у окошечка, я обещала скоро прийти. Со мной пошла и Екатерина Дмитриевна — мамаша Александры Иосифовны. Славная, добрая старушка, и всё сама старается делать, жалеет дочь. За дровами нам совсем близко — Варламовка вся окружена берёзами. Только выйти из ворот и пересечь улицу, вдохнуть накрепко свитый запах мазута и щей из столовой трактористов, слева обогнуть медпункт с хлюпающим на верёвке белым халатом фельдшера — и уже по обе стороны тропинки свежо, приветливо забелеют берёзы. Невольно остановишься. Хоть на минутку! Посмотришь на ту, самую старую и кряжистую, обросшую шершавой заматерелой корой, словно древней кольчугой. Ветви её повисли до самой земли, плещут по сугробу. Она заслоняет от ветров неокрепшую поросль. За ней уходят, уходят строем морозно-белые прямые стволы. Какой свежий, вкусный воздух! Вдыхаешь полной грудью, как налетевшую радость, как награду неведомо за что...

По дрова ездят женщины да мальчишки, волоча сырое долготё на санях. И запрета не было рубить здесь, поблизости. Но жители Варламовки строго соблюдают свой неписанный запрет. Как назло тому, кто в эти трудные дни

и ночи, в годину горчайших испытаний, далеко на западе разрушал, калечил, жёг, превращал в развалины, в груды углей и золы вот такие же русские сёла с избами, плетнями, скворечнями, пряслами вокруг огородов, с конторой колхоза, у которой под изъеденной коновязью воробьи клюют овёс, с одноэтажной школой, где дети учат стихи Пушкина, Некрасова, Никитина, — каждая женщина, каждый парнишка объезжает заповедную рощу. Поэтому берёзы растут здесь привольно, подступая к самой деревне. Дрова рубят дальше, за пекарней. Ну и снегу там! Прежде чем рубить, вокруг каждого дерева надо отоптать снег. Екатерина Дмитриевна смотрела, как делаю я, и делала так же, хотя я уговаривала её вообще не рубить. Но она уверяет, что силы в ней много. «А вот у Шурочки слабое здоровье», — всё жалеет она, хотя Александра Иосифовна выглядит отлично и ей всего тридцать четыре года. Присев на пенёк в своём длинном сером пальто, в шапке-ушанке, Екатерина Дмитриевна поведала мне тайну, что как только они получают пропуск в Ленинград, так сейчас же уедут. Ни одного дня не задержатся в Сибири. Да, вот почему мне как-то всё время жаль их обеих, несмотря на то, что они экипированы значительно лучше меня, а живём, вообще-то, одинаково. Я как-то счастливее: я здесь, в Сибири, — дома, и даже в Варламовке. Всё здесь мне близко — и дети, и деревня, и дела колхозные, и берёзы. Я могла бы, если сложатся обстоятельства, остаться здесь и после войны, прожить всю оставшуюся жизнь — и нисколько не пожалела бы. А вот для них всё здесь временное, будто на вокзале. Даже вещи они не распаковывают, а держат всё в рюкзаках. Мечтают о том дне, когда поедут домой, «в Россию». Но хотят ехать не в Калинин, а в Ленинград, где тоже жили долгое время. Завтра Александра Иосифовна отпросится и поедет за пропуском. Документы она уже приготовила. Ленинград, весь разбитый, опустошённый, разрушенный бомбёжками, вынес страшную блокаду, голод, выстоял и начинает зализывать раны. Спасли ли Эрмитаж, домик Пушкина на Мой-

ке, коней Клодта, Медного всадника? Другие памятники? Спасли ли Петербург?

26 января

Бахтина, верная себе, не могла не пустить Александру Иосифовну за пропуском, но лошадь не дала. Хотя Васька наш стоит в стойле без всякого дела.

Александра Иосифовна ходила в Болотное пешком двадцать километров, несмотря на сильный мороз и свою городскую неприспособленность, неудобное для ходьбы пальто. Но в милиции, как обычно, не могли всё сразу сделать, понадобилась ещё какая-то справка. Едва отдохнув ночь, она на другой день прошла ещё эти сорок километров туда-сюда по заметённой дороге в мороз и ветер. Так велика в ней воля к возвращению в родной Ленинград. Собираются. Екатерина Дмитриевна, хотя очень озабочена, но вся сияет. И я рада за них.

28 января

Уехали. На прощание, стоя у топящейся плиты, на своём обычном месте, где она готовила обед, Екатерина Дмитриевна сказала задумчиво: «Да-а-а, ещё январские морозы... Вы будете греться, топить печку, а мы...» Она не договорила, думая, вероятно, о неизвестности, о трудностях, которые ждут их в разрушенном Ленинграде. Александра Иосифовна, полная энергии, на неё прикрикнула: «Хватит, мама! Укладывайте вон тот рюкзак!» Уезжали на школьной лошади, правил наш завхоз, старый Сачков. И ни разу не оглянулись — ни на школу, ни на ребят, которые вышли за ворота и махали руками, прощаясь. Я думаю, это оттого, что слишком много трудностей их ждало впереди. Они мысленно видели перед собой и забытые до отказа поезда, и свой бесприютный приезд, и разрушенные здания...

Мы-то — дома.

6 февраля

Ко Дню Советской Армии готовлю с ребятами большую программу. Достала хорошую пьесу со множеством ролей — а это у нас главное, чтобы не обидеть никого из желающих, много маленьких номеров шуточных и хорошей декламации. Ребята, особенно старших классов, никогда не берут для сцены маленькое стихотворение, хотя бы оно им и нравилось. А непременно выбирают самое длинное. И все с удовольствием слушают. Так, один мальчик из четвёртого класса, сын кандерепского колхозника, выучил по своему выбору и готов читать на каждой постановке «Воздушный корабль» Лермонтова, девочки из седьмого хорошо читают «Гусар» Пушкина. Ну, «Песнь о вещем Олеге» знают все, но оно в программе шестого класса, не читать же со сцены! Сейчас одна ученица седьмого класса, Маня Синёва, отлично приготовила новое стихотворение «Сын артиллериста». Но с пьесой получается не так-то хорошо, надо учить играть и быть на сцене, учить даже произносить, как следует. Репетиции проводили эту неделю каждый день. К тому же Анна Васильевна забирает у меня иногда пионеров — а ребята почти все пионеры — и приходится их ждать. То об успеваемости отчитываются, то выпускают пионерскую стенгазету, одни готовятся в комсомол, другие — к торжественному обещанию. Мои главные артисты — Космачёвы, из той самой семьи, где всего девять человек детей, двое старших на войне, а младший, Толька, родился, когда уже началась война. Катя Космачёва, лет восемнадцати, уже работает уборщицей в сельсовете и первая помощница матери, вырастила всех меньших. За ней — Вася, лет шестнадцати — рабочий на молочанке, за ней моя любимица Тоня, четырнадцати лет. Учителям не положено иметь любимчиков и «постылых». Но, во-первых, здесь совсем другой смысл. И сама Тоня удивилась бы, узнав, как я к ней отношусь, — настолько она на себе это не испытывает. Наоборот, приходится иногда воевать. Характер у неё довольно строптивый, учится средне, сажает немало ошибок,

пишет вообще не очень старательно. Но есть в ней какое-то удивительное стремление к радости, безудержному веселью, к тому, чтоб жизнь была украшена, ко всему интересному. Так и рвётся навстречу необыкновенному, выходящему из повседневности. И активна.

— Кто будет участвовать в пьесе?

— Я!

— Кто хочет прочесть стихотворение?

— Я!

Торопится сразу выбросить руку вверх, но не удерживается, добавляет и голосом.

— Кто хочет петь в хоре?

— Я!

Некоторая доля таланта, пожалуй, у Тони есть. По крайней мере, по сравнению с другими она, безусловно, отличается и голосом, и игрой, и в танце. Голос у неё низкий, ближе к контральто, «цыганский» и очень приятный. Никто её не учил, но она сама научилась многому в манере пения и умению держаться на сцене. Например, очень хорошо исполняет русскую песню «Вдоль по улице метелица метёт» и «По улице мостовой». В пьесе играет большей частью главные роли, и играет, по крайней мере, азартно. Она тонкая, гибкая, с несколько удлинённым красивым лицом и серыми глазами с чёрными бровями и ресницами. Резка и грубовата. Из предметов, которые преподаются в школе, всё же более склонна к литературе.

Но душу Тони можно понять вполне, когда она пляшет сибирскую «Подгорную» с припевками. Её сестра Тася ещё в начальных классах, года на три моложе. Она ещё красивее Тони, но лицо кругленькое и чем-то напоминает зайчика, тоже веселушка ужасная, всё бы плясала. Два брата, почти двойняшки, лет семи. Они всегда вместе. Бойчее всех в семье. Тёплой одежды им не полагается, сидят больше на печке — это их законное местонахождение зимой, но они часто удирают оттуда. Их можно видеть босиком на снегу у своего двора. В сильный мороз, когда из района пришло

распоряжение даже школьникам младших классов не посещать школу, братцы Космачёвы катались на ледянке с горки у сельсовета, в каких-то невозможно больших телогрейках с длинными рукавами и с голой грудью, в чьих-то опорках на ногах. Из опорок виднелись голые, красные, как у гуся, икры. Они никогда не болеют. Мать ругает их только для порядка, когда вылетают на мороз, но не очень тревожится. Изредка топит баню и говорит: «Надо моих красноармейцев помыть».

3 марта

До сих пор не могу в себя прийти от нового удара — и с неожиданной стороны. Привыкли к заботам матери, к тому, что она есть, живёт в этой маленькой избушке на Ремесленной, ждёт, как и я, любит детей... Теперь одни остались. За окнами поздний вечер, звёздный вечер. Светится огонёк в сельсовете — там дежурит у телефона Катя Космачёва. Печка остывает. Мальчики спят. Сижу, придвинув табуретку к тёплым кирпичам, передо мной шкапчик, на нём две маленькие бутылочки: в одну вставлена зажжённая шерстинка, она светит, как звёздочка, в другой — чернила из сажи. Закончила подготовку к урокам, написала планы — хотя они мне не очень нужны, знаю без них, что делать, как вести урок. Вот только об учениках лишний раз подумаешь, о многих. Не одни мы осиротели. Болеет мать у Марины. Жили они на Смоленщине, там, может быть, и родные какие-нибудь остались, а здесь никого нет. Конечно, в Пушкинкарёвке их встретили хорошо, приветливо. Но сейчас она заболела. Марина уходит за четыре километра в школу до вечера. О чём она думает, сидя на уроках? В драмкружке не хочет участвовать. На пионерские сборы не остаётся. Пробовала с ней поговорить с глазу на глаз, попросту, ласково. Она слушает, притихнет, как будто ей приятно это. Но ничего не говорит, дичится. Ребята уверяют, что у Марины есть какой-то секрет, что она какую-то фотокарточку в учеб-

нике физики с собой носит и на уроках разглядывает, прикрыв ладошкой. Это сообщил Миша Потапенко, весёлый шалун из Кандерепа. «Я у неё эту карточку непременно выкраду!» — пообещал он. И пришлось серьёзно убеждать его не делать этого.

У Космачёвых умер в госпитале отец. Прислали похоронную, потом ещё пришло письмо от товарища, соседа по койке, которого он сам просил написать родным. Один из братьев Тони, старший, пишет, а от второго давно уже писем нет. Но мать, высокая, широкоплечая женщина, так же каждое утро, ещё в темноте, набирает охапку дров из поленицы, топая большими подшитыми валенками, идёт к колодцу по воду с двумя деревянными вёдрами на коромысле, доит корову, выгоняет её на двор, кинув ей охапку соломы, и кричит громко: «Васьк! Ты долго ещё спать будешь, язви тебя, полуношника? В стайке чисти ступай!»

И вскоре из трубы избушки поднимается дымок. Выбегают маленькие, самые отчаянные, босиком на снег — и ширк обратно в избу. Тоня идёт в школу, а Тася, которая учится во вторую смену, бежит ещё за водой и вся ходуном ходит, вертится на ходу, поглядывает во все стороны. Ловко кидается в сторону от Миши Потапенко — он погнался за ней: «Вот будешь ещё мне с пустыми вёдрами попадаться, когда я в школу иду! Двойку из-за тебя получишь!» Но он не так верит в это, как тянет его поозоровать.

Наши наступают. Решающий перелом после Сталинграда не дал уже немцам оправиться. Их погнали. И это ощущается во всём. Даже лица женщин стали другие. Дождётся ли она своего с далёкого фронта или не дождётся, уже победа им завоёвана. В чужой земле, вдали от родной Варламовки он будет лежать, а победа им завоёвана. Его дети будут расти и жить после этой страшной войны.

18 февраля, в День Советской Армии, я провела особенно большую постановку в школе, пришли и колхозники. Закончили вечер поздно. Утром девятнадцатого только встали — Бахтина постучала в дверь и попросила срочно прийти к ней.

— Свекровь у вас умерла.

Всё во мне упало, ноги ослабели. Она была здорова, виделись недавно... Бахтина сказала, что сейчас запрягут лошадь. Мальчики заплакали в голос, я стала их одевать потеплее в дорогу, а сама всю дорогу думала: что же случилось? Бахтиной передала учительница из Кандерепа: она ездила в Болотное в День Советской Армии, и ей в районно сообщил дежурный: звонили в районо, чтобы передать мне. Мать, и правда, не болела. Делала всё как всегда. С квартирантами из Иваново-Вознесенска было полегче: они доставали топливо и топили. Но подвезти сено не на чем было. А перед этим дули бураны. На День Советской Армии потише стало. Мать с утра пораньше взяла санки, верёвку и поехала. Сено было не очень далеко, на полянке в бору, но его уже сильно занесло. Мороз был небольшой. Недалеко стояла избушка сторожа на полях «Заготскота». Мать брала у них лопату и вилы, а потом вдруг зашла в избушку и легла...

Там и умерла она, в этой лесной избушке, наша бедная. Не дождалась своего Миши. Не дождалась победы. Трудилась до последнего дня, до последнего часа. А если бы дали ей лошадь привезти сено — такого бы не случилось... Но разве дадут? Сколько раз у Бахтиной просила осенью — нельзя, никак нельзя. Все же просят, всем надо! В райсобесе нет своей лошади. Осенью мать наткала мешков по заказу одной артели — за это обещали один раз дать лошадь. И всё тянули. Потом один день вязала снопы за машиной на уборочной. За это тоже обещали дать один раз лошадь. За то и за другое квитанции выписали. Так она заработала себе на два раза. За одну квитанцию мы её из больницы домой привезли, за другую — отвезли на кладбище.

Так она себе не только на жизнь — на похороны заработала своими руками. В первый раз в этот день немного таяло, когда хоронили. И небо голубое над нею стояло. Сверкало уже по-весеннему солнце. Мальчики так плакали, будто взрослые. Будто понимали, как осиротели они

теперь, сколько тепла унесла с собой их бабушка. Алексея вырастила она с первого дня, приняла его на руки крошечного, слабенького, никудышного — и так всегда любила. Осиротела избушка на Ремесленной. Ушло и оттуда тепло её души и сердца. Никто уже не будет там ждать с войны сына. Не будет любить своих внуков и думать о них. Не будет молиться, ходить по гадалкам.

Когда её обрядили в то, что лежало давно припасённым ею по крестьянскому обычаю, рабочий из Иваново-Вознесенска, квартирант, умилённо сказал: «И при жизни не ходила такая нарядная!» Да, всё, что получше — а такого немного было, — мать берегла, прятала в сундук, знала, что это куплено на её трудовые деньги, а теперь и заработать-то не придётся. Положили в просторном ситцевом синем сарафане с белыми мушками, в таких же рукавах и в белом платке. Бедная моя... Медное распятие осталось — я к Пасхе для неё чистила его мелом — отдала в церковь.

В избушке остались квартиранты. А мы сели в сани, сзади Сачков-дед привязал корову, рыжую Дуську, и она побрела, побрела за санями по рыхлому снегу всю дальнюю, незнакомую дорогу, мотая головой с одним обломанным рогом. Слегка таяло, снежинки летели.

15 марта

Спокойствие, основанное на внешних условиях, — дом на песке. В наши дни, когда гудит земля и небо, и в другие, когда они готовы загудеть — человек должен иметь спокойствие более прочное. Воспитать его в себе — своё, ничем нерушимое, спокойствие Аристотеля, который боялся лишь за свои труды в такую минуту всеобщей паники: «Не наступи на мои чертежи». Спокойствие Кола Брюньона. Но и не то слово — не спокойствие, а независимость, уверенность в том, что поступаешь правильно. В высшей степени обладали ею молодогвардейцы, несмотря на свою молодость, другие наши герои войны. Ленинградская блокада, весь её трагизм

и ужас были лишены паники. Паника — это и есть растерянность, неуверенность в том, так ли поступаешь, в ту ли сторону бежишь. Жители Ленинграда, как и юные краснодонцы, знали, в какую сторону идти и за что отдать жизнь.

Да и во всякое время благоприятный ветер, дуящий попутно парусам человека, может измениться, стать жёстким, ломать мачты — нельзя же отдавать в его власть своё настроение, душевное равновесие, веру в достижение цели. Всё это должно быть запрятано глубже, на недостигаемую глубину.

Чувствую, как закаляют удары. Может быть, утрачиваешь какую-то внешнюю привлекательность, становишься жёстче? Но иначе нельзя, если хочешь жить.

19 марта

За окнами поют. Тоскливый девичий голос:

«Ты уедешь с группой санита-а-арок,
С немцем воевать уеду я.
Тихо дрогнут, тро-о-онутся вагоны,
Мимо окон пролетит вокзал,
Стану я на каждом перего-о-оне
Вспоминать про карие глаза».

Днём таяло. Но только на солнце. Сутробы только подыло сбоку. Теперь все повторяют одно слово: Будапешт. На десятидворке¹ женщины просили рассказать, что за страна Венгрия, разглядывали на карте — принёс Алёша. Он отлично разбирается на любой карте лучше меня. А дед Никифор объяснял солидно: «На одном берегу, значит Бада, а на другом — Пешт. Это два, два города — понятно? Река между ними».

Победа ближе, ближе.

Я думаю не столько о себе, сколько о нашей матери: не дождалась, бедная.

---

¹ Десятидворка — десять дворов в деревне, к которым был прикреплен лектор. Он информировал о ситуации на фронте.

А мне всё кажется: не может быть так, что и война кончится, — а Миша не найдётся. Только думаю: мать не дождалась его, не дождалась.

Плачь или зубы стисни.

2 августа

С утра пошёл дождь, идёт всё дружнее, и потому я, впервые за лето, осталась дома, отдыхаю. Весной сажали на школьной земле картошку, посадили много — в этом наша Бахтина молодец, кулацкая хватка. Правда, она по-своему ухватила сегодняшние настроения района, — именно района, её непосредственного начальства. Дальше она не заглядывает, это её не интересует. Сейчас надо развивать пришкольное хозяйство любыми средствами, и этим она занялась с удовольствием, можно сказать — исключительно. Хозяйство поощряется, на него обращено главное внимание. Кто же скажет, что это неправильно?! В её распоряжении три здоровые молодые учительницы: историк Мануйлова, математик-физик Катерина Карповна, преподаватель русского языка и литературы — я. Мы троём и обрабатывали всё лето картофельные поля. Всё лето — потому что земля пырейная, всё зарастало пыреем, а его приходится не просто выпалывать, как, например, полынь или хвощ, а буквально рубить землю, вытаскивать корни железными трезубцами, а потом уже окучивать. Перед утром, сквозь сон иногда почувствуешь, как болят руки, спина, — и подумаешь с тревогой: мне не встать, не смогу работать сегодня. А потом встаёшь и идёшь, берёшь тяпки, трезубец, и дело идёт, опять до заката солнца. В обеденный перерыв ещё забежишь на полчаса на свой огород, очень запущенный, прополешь, сколько успеешь, и радуешься. Здесь помогает Алёша.

Школьное картофельное поле радует глаз. Тут уж у нас ни травинки. Кроме того, около школьного «здания» с двух сторон ровные рядки аккуратных грядок моркови, свёклы,

луку, растёт капуста, огурцы на длинной навозной грядке. Под жёлбом крыши установлена большая кадка для полива. Это тоже наша работа. Бахтина обладает вкусом к сельскому хозяйству. Грядки мы сначала «отбивали» — по её словам, то есть вбивали сначала колышки на вымеренных расстояниях, а на них натягивали верёвки, грядки боронили до полной размельчённости, убирая каждую соломинку. Это было весной, и скворцы важно расхаживали по взрыхлённой земле. Потом в жаркие июльские дни пололи часами, сидя на корточках возле грядок с морковью. Катерина Карповна пела:

«Как весной у дальнего овина
Повстречалась с парнем я нездешним...»

Она в белом ситцевом платье, румяная, ей двадцать три года, а никакого парня ни у дальнего, ни у ближнего овина. И в школе только Бахтина, да мы, да старый завхоз Сачков с пшеничной бородой.

У Анны Васильевны Мануйловой думы сложнее. Жить ей интереснее, хотя...

До сих пор у неё так и не завелось ничего, кроме тех серых валенок, да холодного пальтишки, да старушечьей накрывной шали — верно, её деревенской бабушки. Несмотря на потерянный с детства глаз, она миловидна, с круглым личиком и вся в меру полненькая, а характер и темперамент делают её интересной, пикантной. В свободное время любит заниматься рисованием и вышивает. Читала довольно много, с ней можно говорить. Знает наизусть некоторые рассказы Чехова; «Песнь о Буревестнике» Горького декламировала у нас со сцены. Рассказывала мне с тонким чувством юмора фантастическую историю о Пютуа (Анатоль Франс), она её очень смешит. Вообще, сошлись сразу, а ведь ей всего-то едва исполнилось двадцать, и по возрасту Катерина Карповна ей более подходит, обе молодые девушки. Видимо, на некоторой ступени интеллекту-

ального развития биологические признаки действуют не столь решающе.

В третий раз окучили картошку — пошли на сенокос. Колхоз отвёл для нашего школьного лентяя Васьки отличный лужок, отделённый от главных покосов ручьём. Вода неслышно пробирается между болотных кочек, по ней стреляют быстроногие плавунцы. Ржавчина кое-где радужно отсвечивает на солнце. Берега густо обросли кустами чёрной смородины, кислицы, костяничником — в чашечке круглых листьев густо и прохладно розовеют ягоды. Синие цветы на высоких стеблях качаются от тёплого ветра. На воду сорится малиновый цвет иван-чая. Крепкие дудки белоголовника раскинули пахучие зонтики чуть повыше, на самом солнцепёке, куда сбегают прокосы. Высоко вверху, на дальних холмах, белеет гречиха.

Косят по-настоящему: Соломонида, школьная уборщица, пятидесяти двух лет, никогда не выходившая замуж, здоровая и крепкая, с красным, точно обваренным, лицом и белыми бровями; вторая уборщица, Шурка — несколько мужеподобная фигурой и силищей девица лет тридцати, одинокая с кое-каким прошлым, славная и весёлая. Она шутница, любит кого-нибудь «подсидеть», особенно Соломону, и весело ржёт, показывая крупные белые зубы. Шурка очень умелая и замечательная работница, успевает везде и держит своё порядочное хозяйство. Смотришь на неё, и невольно тускнеют все знания и умения, приобретённые с детства. Кажется, что самое главное и завидное умение — вот так размахиваться косой и быстро, ловко двигаться прокосом, укладывая ровный широкий ряд травы. Или подавать на стог вилами огромный навильник сена, твёрдо и косолапо упершись загорелыми ногами. Кофточка на спине взмокла от пота, выпирают крепкие лопатки, а Шурка скалит зубы, поглядывая вверх на стог: «Соломонида! Ишо много табе сена надоть?» Она знает, что Соломонида уже торопится завершить стог, поглядывая на тучу, спешно утаптывает. А Шурка подаёт ещё да ещё. С другой стороны подаёт завхоз дед Сачков.

Он в одной рубахе без пояса, пшеничная борода растрепалась. Тоже работник — хоть куда, очень жадный, в особенности до своего хозяйства, над чем Шурка тоже посмеивается.

Андрей Петрович быстро водит Ваську с волокушей. Позвякивает балабол. Конь послушно идёт, потряхивая своей гривой, отгоняя надоедных паутов. Им так и хотелось бы впиться ему во вспотевшую шею, но он ни минуты не стоит на месте или трясёт головой так, что они отлетают. Ворох просохшего сена с головками клевера, спутанными плетями мышиноного гороха, тимофеевкой и пыреем плывёт по скошенному лугу.

Андрей Петрович вернулся с войны в 1942 году. Рана у него тяжёлая, но он старается делать всё, что может, и даже больше: кроме него, молодых мужчин у нас нет. Часто ездит в Болотное на комиссию, просится на фронт. Но пока не отправляют, чему Бахтина очень рада: во многом ей помогает. Вот и здесь, на сенокосе, глядя на тучу, он советует вершить стог, а остальное сено сложить в копну: её будет легко разбросать для просушки. Андрей Петрович в военной гимнастёрке, без ремня, по-домашнему. Он среднего роста, такого же, умеренного, телосложения. По лицу заметно, что он сильно устал.

Сачков отбил косы и с утра роздал всем. Но косила ещё только Екатерина Карповна: она выросла в Карасёве, и все работы знакомы ей с детства. У Бахтиной, по её словам и, очевидно, так и есть, — не позволяет сердце. Вместе с нами, остальными, она подгробала сено и накладывала на волокушу.

Я, правда, училась косить: ведь у меня теперь на руках корова. Чем кормить её зимой? Вот и взяла косу, попробовала. Соломонида скептически качала головой: «Нет, где уж. Кто не умеет — ничего не накосит». Ей приятно сознавать, что, вот, хоть и учителя, а не могут овладеть тем, что так просто ей! Было неудобно чувствовать на себе её взгляд, когда коса вонзалась в землю или, скользнув поверху, оставляла за собой всю траву.

— Дудки-то окашивать надо, — критически замечала она. — О них и косьё поломаешь.

Соломониде не понравилось, когда у меня пошло дело получше и стал получаться ряд, хотя и узенький.

— Усё равно, не научишься.

— Почто? — Быстро возразила Шурка. И, взяв у меня косу, — раз-раз-раз! — поточила бруском, потом показала, как лучше держать.

Сток успели завершить уже при первых раскатах грома, попрятали вилы, грабли и пошли домой вместе с колхозницами: они гребли за ручьём. Ваську Сучков спутал и оставил пастись в кустах.

— Своё свозить до ночи метит, — толкнула локтем Шурка Соломониду. — Он недалеко косил, вон там. Копны-то сложены, видала?

И когда спит дед Сачок? У него на дворе корова, нетель, штук пятнадцать овец. Это не считая свиней. Но так у многих в Варламовке. Колхозники трудолюбивы и хозяйство держат в порядке, хотя сейчас это и очень трудно.

Сын у Сачкова — бригадир, и хороший, умный бригадир. Серьёзный и неразговорчивый. Но по тому, как он при мне раз на току подошёл и аккуратно подгрёб раскиданную солому, сам сложил брошенные после работы у веялки грабли, виден был его вкус к хозяйству. Оказалось — правда: он ещё с восьми лет ходил жать с матерью и быстро научился жать серпом наравне с женщинами, а потом и другим полевым работам, всегда просился в поле. На войну не попал из-за язвы желудка. Другой бригадир у нас, Барановский, тоже мужчина средних лет, черноватый и весёлый, хромой. Он ездит на велосипеде.

[Далее часть страницы с текстом вырвана.]

— Ребятишкам переодеть нечего, рубашонки все в лохмотьях, и те некогда простирнуть, язви тебя, гада, выперли б ты поскорей да на части бы разрыв-бонбой...

И мои ждут до вечера голодные, если в обед поддели оставленные овсяные лепёшки, ботвинью из свекольных листьев с молодой свёклой, чуть заправленную молоком,

подкрепились морковкой со своих грядок. Но всё равно — голодно без хлеба, пока не поспела картошка. Сейчас самое голодное время — от мая до середины или конца августа. Правда, вторая половина этого периода, с середины июля, уже лучше: поспевают на огороде свёкла, а в лесу — клубника, потом смородина, черёмуха — это уже позднее. В Варламовке и Трактомировке тоже не у всех есть картошка. Некоторые семьи копают в лесу, на опушках, саранки — корни дикой лилии, моют их и варят как картошку. Говорят, они довольно сытные.

— Дома-то и солома едома, — со вздохом утверждают бабы. — Вот на войне-то как?!

Живут по-разному. У одних картошки давно нет, у других есть ещё и своё сало с корочкой, картошка крупная, хорошо сбережённая в погребе. Зависит от состава семьи: кто дома остался? Сколько ребятишек и какого возраста? Работают ли ещё старики, или их уже только надо кормить?

[Далее неразборчиво.]

1964–1969

1964 год

16 мая

Скворчата вывелись высоко на тополе. Подают голоса.

Их новенький домик среди веток вершины — столько юной зелени вокруг, воздуха и неба. Тополь сильный, старый, надёжный, покачивает скворчат, как в колыбели. Первый гром и гроза, почти сухая. Молния посверкала страшно, разрывы сильные, но даже пыль не прибило.

Вчера ходили смотреть спектакль Новосибирского облдрамтеатра «Старая дева». Пьеса вполне современная, на сцене хороша благодаря артистам. Традиция русского искусства — нравственность. Благородная направленность даже в комедии — этим можно гордиться. Есть о чём подумать после, как о хорошей книге. Главную роль исполняла заслуженная артистка РСФСР.

При упоминании (в ходе действия) Собачьей площади публика засмеялась: вот, мол, забавное название придумали, нас посмешить. Такой же смех вызывало «Созвездие Пса». Но слушали и смотрели с интересом, хлопали после каждого явления.

Перед вечером ходили опустить письмо на вокзал, встретила свою бывшую коллегу Клавдию Гурьевну. Её выживают из школы, так что она даже хочет перейти в седьмую. Всё это из-за страшной, унижительной трусливости Ф. Она даже раз открыто заявила свою позицию: «У меня дети, мне надо жить». Ох, сколько подлости и преступления совершено под этим лозунгом. Теперь она избавляется от К. Г., так как она негодна М., но в то же время боится её характера и положения.

1965

19 августа

Полная молодая женщина, лет тридцати пяти, вошла в баню и приятно удивилась: все шкафы свободны! Всего трёх тазов наверху не хватает: их унесли мыться.

— Так ведь сегодня праздник, — объясняет банщица, немножко всегда печальная, в чёрном сатиновом халате с карманами.

— Ка-а-акой праздник?

— Второй Спас. Преображение.

— Вот тебе... — виновато говорит молодая женщина. Всё лето в баню не ходила, а как пришла — то в праздник.

Аккуратно убрала бельё на полочку, прикрыла дверцу: мыться всё-таки надо, раз пришла.

— А я их не знаю, праздники, — признаётся она серьёзно. — Иной раз шью или стираюсь, дети же, — свекровь придёт: «Что ты делаешь?! Ведь сегодня праздник!» А сама не знаю. Хоть бы ты, говорю, вчера упредила. Хожу как чурка.

И каждая, входя с тазом в мойку, извинялась перед другими: вот, мол, не вовремя пошла в баню, люди сегодня не моются, а мы...

То-то вчера вечером динькали в церкви — звук у них получается тонкий, словно жестянку о жестянку ударяют.

Население заметно отмечает праздник, но только тем, что больше собираются на лавочках, сидят долго, часами, и беседуют, чувствуя себя вправе отдохнуть. Охотнее и громче смеются, чем в будни. Возле одного дома на скамеечке сидит старая женщина с большими ногами, в красном платочке. Она совсем не может ходить — отнялись недавно (ноги), от радикулита и ревматизма, это она рассказала. А ей ещё нет шестидесяти. Много, наверно, поработала на своём веку невидной домашней работы, не жалея рук и сил, лезла и в холодную воду, и с глиной возилась, и в поле простывала. Сегодня она празднично

улыбаются и подаёт жёлтый цветок — пахучую бархотку: «Вот вам цветок».

На школьном дворе, заросшем зелёной травой, играют и просто слоняются дети технички. Их мать, Фая, топит в школе печки по ночам, и потому ей полагается квартира — подвальный этаж, смежный с физическим кабинетом, который тоже внизу и носит название лаборатории. Фая вставляет окна в другом школьном здании, за квартал отсюда, и дети, как и обычно, одни: отец тоже на работе.

На крыльце школы валяется журнал «Красная звезда» и измятая розовая лента. Внизу у крыльца стоит зелёная машина, гружённая песком, — песку вошло в кузов стакана четыре. Владелец грузовика — Шурик, довольно милый, но очень грязный белобрысый мальчик лет трёх-четырёх. Он держит за руку второго, тому ещё явно нет двух: босые ножки, мокрые штаны, белая стриженная голова и затёртая на животе рубашонка — это Миша. Когда к нему обращаются, он застенчиво закрывает рукой глаза, чумазой ладошкой кверху. Худенькая весёлая девочка лет пяти, очень разговорчивая; охотно шепеляво рассказывает, что ленту ей подарила «баба Феня» — другая техничка, что у неё есть кукла, но она бумажная, и все платья у неё — бумажные. На дворе стоит перевернутый фанерный ящик. Девочка внезапно прерывает разговор и подходит к нему. На ящике рядом две металлические крышки от банок, на каждой накрошены сырые грибы и прикрыты сверху ещё такими же крышками.

— Это у тебя плита?

— Да. Грибы жарятся.

Она приподнимает крышки и мешает грибы палочкой, будто ножом, опять закрывает. На лице её лукавство, как у детей этого возраста, если рассматривают их игру.

— Вот стол. — Она показывает на обломок доски, положенный так, что, правда, как будто стол, — и усмешается. Потом смотрит журнал и узнаёт на картинках: — Самолёт. Три самолёта. Собак сидит у домика. Цепь привязана к домику. А это что?

— Ракета.

Мишу тоже подводят за ручку к журналу, и он глядит, но молча. А Шурик повторяет:

— Ракета.

Грузовик с железным прокатом подъехал к воротам клуба. Парень в синей клетчатой рубашке, стоя в кузове, обеими руками упираясь в кабину, прикинул:

— Хорош!

Шофёр остановил машину. Парень выбросил на дорогу оглушительно звякнувший железный лист, второй такой же. Громко сказал:

— Благодарю!

И грузовик уехал.

В городском саду, где к концу лета особенно хорошо на тенистых дорожках, пасётся каждый день чей-то подросток-бычок — уж очень хороша трава на газоне!

В Болотном простые нравы. На бычка никто не обижается. Недалеко от него на траве расположилась пьяная компания — одни мужчины. Здесь удобно: магазин рядом, а тут такая чудесная лужайка. На дорожке играют дети, а пьяные кричат, толкают ногами уснувшего товарища.

В газете снимок обратной стороны Луны — той части, которую не удалось заснять 7 октября 1959 года. Теперь невидимая часть Луны заснята полностью 20 июля 1965 года со всеми своими кратерами. А вечер сегодня тёмный, луна не появляется. Холодные стали вечера.

20 августа

Вечером прошёл шумный холодный дождь, барабанил по тёмным стёклам.

«Живые и мёртвые» Симонова — великолепная книга, больше о командном составе.

21 августа

В учительской шумели, спорили, смеялись. Молодая учительница с веснушками на носу, очень симпатичная и весёлая, прихрамывающая на одну ногу, упрямо повторяла: «Нет, уеду! Нет, уеду! Он не имеет права меня задерживать».

Она уже год живёт здесь в разлуке с мужем, бывшим своим учеником, а теперь и квартира в Томске есть, но завроно не отпускает. До положенных после института трёх лет ей осталось доработать полгода. А в углу учительской стоит прехорошенькая голубая колясочка, и в ней спокойно спит та, чья судьба сейчас решается и о ком всё время упоминают. К коляске поближе к подушке подвешена гирлянда ярко-розовых и красных пластмассовых шаров с двумя колокольчиками. Когда владелица гирлянды проснётся, она будет поддавать ей ручками, и пока ей ещё ничего не надо от всей красоты этого мира. Она ещё не знает, как щедро одарили её родители.

22 августа

Как хороши цветы в пасмурный день, как пламенеют георгины на фоне грозно-серой тучи...

Дождь прошёл — и под окнами заголубела вся улица.

23 августа

Учительское совещание открылось в просторном сарае возле элеватора: в клубе мы уже не уместаемся. Под крышей летают воробьи: привыкли, что здесь зерно. Налево от трибуны — скамьи, скамьи, скамьи до самой задней стены, и всё заполнено молодыми, пожилыми, химической завивкой, высокими модными пучками, седеющими при-

чёрскими, лицами добрыми, серьёзными, усталыми, сосредоточенными, рассеянными, откровенно стареющими, вселыми и оживлёнными. Пожалуй, оживлённых больше всего среди всех возрастов. Много хороших лиц среди молодых, только что приехавших на работу. Они отличаются одухотворённостью и свежестью мысли. Воспринимают всё непосредственно, а другие — несколько скептически. Когда выступала В. — как всегда, она говорила очень хорошо, от души, — была брошена вполголоса реплика кем-то из учителей педучилища: «Да если б она была такая на самом деле!»

Направо от стола президиума — столики с весами, булочками, колбасой тонкой, толстой, конфетами, яблоками, сырками, пирожными и, главное, пивом. Его уносят в бутылках или толстых стеклянных кружках на голубые столики, расставленные рядом, там пьют. Все очень возбуждены и довольны буфетом. Все ведут себя прилично: в меру выступают, в меру хлопают, ни в чём не выходят из берегов. К. выступил с докладом первый, коснувшись идейного воспитания, между прочим сказал: «Ученики часто читают не то, что следует. Например, иностранную литературу. Или те произведения советской литературы, которые никакой пользы им не принесут. За последние годы появилось много произведений про плен...» Понятно, имелся в виду «Один день Ивана Денисовича». Да напрасно: молодёжь, особенно школьного возраста, им не интересуется, и форма для них трудновата. Мало выступали в прениях, температура умеренная.

А может быть, и с этого совещания кто-нибудь лет двадцати четырёх идёт пешком среди осенних полей и с радостью думает о том, как много впереди дела, как надо работать, работать с детьми, отдаваясь полностью, до самого дна вычерпывая всё хорошее, всё ценное, что накопила за юные годы... А вот нет! Не то время.

24 августа

Первая встреча: Елизавета Константиновна Стюарт шла от вокзала несколько впереди, в демисезонном изящном пальто песочного цвета и в радужном шёлковом шарфике — гармония цветов чудесная. Без шляпы, с коротко подстриженными тёмными волосами — её всегдашняя причёска. Тот же нежный невнятный голос: «Вы очень похудели! Как живётся?»

Немного позади, рядом со вторым секретарём Р. К.¹ комсомола, чёрненьким, узкоглазым, живым Романовым — Смердов, в сером костюме и шляпе, — только что пообедали в буфете при вокзале.

Учителя-литераторы собрались на встречу в клубе, все места оказались заняты. Смердов говорил очень просто, рассказывал о себе, о своём учителе в средней школе, который знал наизусть «Одиссею» и «Евгения Онегина».

Вечером на квартире у Романова читал стихи. Среди других — Корнилова, читал задушевно и просто. Интересно рассказывал о встречах с Фадеевым, Панфёровым, Караваевой. Но всё-таки мало. Жаль, что после отвлеклись на обыкновенное гулянье, даже пляску, так как участвовали две молоденькие комсомолки. Хотя они украшали общество, но другие с большим интересом слушали бы ещё Смердова и Стюарт. Читать стихи Е. К. не согласилась, как её ни просили. Конечно, общество не то. Потом все провожали их на вокзал. В ожидании поезда стояли на крыльце и гуляли по перрону. Стюарт раздавала орешки, насыпанные кем-то ей в карман, причём раздавала их вместе с медяками и очень удивлялась, когда ей указывали на это, принимала медяки обратно и снова их насыпала с орешками.

Смердов удрал с девушками, и они завладели им полностью, весело болтая и распевая песни. На прощанье, с площадки вагона, поцеловал у женщины руку, воздавая всем должное с тактом, присущим крупным людям.

¹ Р.К. — районный комитет.

25 августа

На зелёном фланелеграфе появился, как по мановению руки волшебницы, колодец. С минуту он оставался один на зелёном поле. Но волшебница махнула рукой — появилась рядом с колодцем баба с коромыслом. Потом — другая, третья. У волшебницы — длинные отточенные крашенные когти, покрашенные губы, капризные интонации. Это — методист по иностранным языкам И. У. У., то есть института усовершенствования учителей. На фланелеграфе появились таким образом поочерёдно ярчайшие морковки, свёклы, огурцы и прочее. Приехавший с методистом солидный интеллигентный немец Клейн, преподаватель института, налаживал магнитофон и очень огорчился, что тот, по обыкновению, не работал.

Среди учителей часто звучало: у нас в школе есть магнитофон, но не работает. Два диафильма всё же удались хорошо — «Маленький чёрный Самбо» — тут все унеслись в Африку, в чудесный лес, в жаркий летний день, где было жарко даже тиграм... Второй — «Серебряный карасик». То и другое — детское. Но взрослые никогда не откажутся от мира сказки.

26 августа

В слесарном цехе шло комсомольское собрание. За столом у самой двери неуютно сидел парень, мучаясь над протоколом. Рядом — другой, постарше, с серьёзным умным лицом. Он уговаривал:

— Ну, выступайте, не молчите. Надо выступать, а не молчать.

На верстаке сидело несколько парней, свесив ноги. На подоконнике — ещё два. Чувствовалось, что всем трудно, а намерения хорошие. Как бы это по-настоящему? Вот записались, вступили в комсомол — а дальше? Из других выступлений выяснилось: жизнь комсомольской организации промкобината бедная, даже красного уголка нет — летом там стоят шкафы, которые делают в цехе, а зимой занима-

ются курсы шоферов. Основной упор работы — на спортивные секции — лыжную, футбольную.

Об учёбе комсомольцев, об их примере в труде, о деятельной общественной жизни и хорошем товариществе слушали с интересом.

12 сентября

Первый утренний заморозок хлестнул по цветам. Высокие тонконогие звёздочки устояли — это достаточно демократичные цветы, похожие на полевые. Вероятно, жизнестойчивость у них сильнее и нервная организация не так уж нежна. Хотя на вид они тонкие и лёгкие, с шестью бледно-розовыми или белыми, редко пунцовыми, лепестками. По краям каждый лепесток с зубчиками, едва заметными. К середине — углубление, как у колокольчика, но тоже едва заметное. Компанейские цветы — любят расти сразу целым обществом, и всё это разноцветное весёлое общество беспрерывно качается, движется. А тёмная блестящая зелень георгинов почернела и обмякла. Только местами её не тронуло, и там свежо белеют на листьях крупные тяжёлые цветы. Мелькают и «красные шапочки»¹ с нераскрытыми бутонами. Мороз схватил те кусты, которые за нынешнее неудачное лето не успели расцвести, так и остались. А те, на которых цветы, — устояли, не поддались.

Стенка у сарая забрана кое-какими досками и выглядит полосатой. Срезана углом. Две доски тёмно-серые, сухие. Рядом — жёлтая. Потом какая-то красная, в смолистых прожилках, и опять — серая. Самая коротенькая в остром углу треугольника, белая, гладко выструганная. Это у Кати.

Сток сена на задах, подёрнутый инеем, весь состоит из тёмных и светлых пучков.

Симонов выступал по радио, говорил о будущей книге, над которой работает — продолжение романа «Солдатами не рождаются». Приятный голос и дикция, даже опущен-

---

¹ «Красными шапочками» называли астры.

ный звук «р». Для дальнейшей работы Симонов беседует со многими участниками войны, даже с немцами — о них он тоже хочет писать, — видимо, не только как о врагах, но и как о людях, анализировать их психологию.

Шкловский говорил о своей книге, посвящённой Л. Толстому. Даже в голосе чувствуется жизнерадостность, эрудиция, доброжелательная улыбка.

Артист, любивший Казакевича¹, душевно и талантливо прочёл первые главы его неоконченной повести «Иностранная коллегия». Одесса, французский десант, музыка и плеск моря. Флоберовская густота образов, насыщенность предметами, но без его немного грустной, спрятанной за этим богатством философской усмешки. Вместо неё — движение и разгар страстей, вся сцена поёт *crescendo*².

16 октября

— Человек! Хотел бы ты родиться из небытия в возрасте 55 лет, на этот короткий срок?

— Почему же нет? Хотел бы!

— Да, но есть ещё некоторые условия. У тебя тяжёлое несчастье, несчастье всей жизни, неизлечимое горе.

— Согласен переносить. Ещё что?

— Два горя. Оба — неизлечимы.

— Согласен. Ещё?

— Наружность у тебя будет не ахти — невзрачная. Сердце не выдерживает большой нагрузки. Зубов кое-каких не будет. Немного ревматизма и радикулита...

— Чепуха. Руки у меня будут? Смогу я ими облегчать жизнь себе и своим близким?

— Да.

— И глаза? Я буду читать книги, видеть деревья, небо, картины художников, осенние листья, детей, снег, звёзды?

— Да.

¹ Эммануил Генрихович Казакевич — советский писатель (1993–1962).

² *Crescendo* (итал. *crescendo*, буквально — «увеличивая») — музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

— И я смогу сколько-нибудь работать, что-то делать для людей нужное, участвовать в общей жизни?

— Да. Но твоего личного горя не облегчит никто и ничто.

— Всё ясно. Согласен! Рождаюсь.

18 октября

В час ночи вырвалось пламя из-под крыши второй школы. Школа 2-я — это название большой средней школы, двухэтажной, деревянной, с длинными коридорами, множеством классов сверху и внизу, физическим и химическим кабинетами, библиотекой. Построена в тридцатые годы, начала работать в 1935–1936-м. Директором была сначала А. В. Шкурупий — для меня просто Шура. Шкурупий, ровесница, с которой вместе начинали в ШКМ. Длинная, симпатичная, с чувством юмора, органично привязанная к школе вообще. Своё первое в жизни дорогое шерстяное платье купила на школьную зарплату и для школы — то есть для себя как для учительницы. Хорошо одеваться любила именно на уроках. Было ей тогда 21. Вышла замуж, переехала в Новосибирск. Опять в школу. Сменил её Савченко Пётр Антонович — весёлый, шутник, любящий гулять, но хороший географ и директор.

Потом я работала в этой школе в послевоенные годы, в холодные и голодные, заброшенные, пробивающиеся от гибели к жизни, когда на стене внизу уже появился огромный яркий плакат с паровозом и красными цифрами, с зовущей надписью: «Навстречу 1950-му году!».

Почему-то никак не могли затушить пламя. Школа горела всю ночь. Поливали из пожарных насосов, а вода скатывалась по крыше, заливала улицу, но огонь рвался и рвался. К утру, когда мы приходили на работу, остались догорающие дымящиеся обломки да остов кирпичной пристройки с пустыми чёрными оконницами. Парты, сваленные в беспорядке, сброшенные прямо с верхнего этажа, запрудили улицу. Многие, даже взрослые, плакали.

1 ноября

Целую неделю стояла зима, снег хватило морозом, все ходили в зимнем. И вдруг ночью ударил по окнам шумный дождь, всё смыло. Снег размок, ушёл в землю. Снова увидели совсем зелёную, позднюю траву у заборов — она росла в этом году в августе и сентябре из-за поздних дождей — и такая свежая, густая, яркая, мокрая, рядом с остатками снега. Радостно снова увидеть её, когда уже не положено.

Чудесно и в саду, в городском саду, который я так полюбила за последние годы. Всё спешишь, торопишься, мысли заняты делами, а войдёшь в него по дороге в школу — и словно искупаешься. Облетевшие тополя рядами стоят вдоль дорожки, тёмно-дымные ветки устремлены в серое небо и сама дорожка будто подёрнута осенней дымкой вдаль. Мокрые, красные голые кусты шиповника у ограды, одинокие скамейки. На них прилипли листья. И под ногами листья — уже мягкие, слежавшиеся. Сорока пролетела, просыпав сухой хохоток. Маленький мальчик шёл за ручку с матерью по дорожке, засмеялся — так ясно слышно со-року.

— Сорока, — объяснила мать.

— Где сорока? — он оживился, стал искать её, повора-чивая голову туда и сюда. Но она уже перелетела на даль-ние ветви.

В учительской библиотекарь положила трубку теле-фона. Самодовольно: «Хорошо иметь своих. Сейчас звонят с мясокомбината: “Тебе мяса надо?”».

Зависть и умиление окружающих. По крайней мере, должно быть. Запланировано.

12 ноября

« — Эй, Человече, что ты сделал на Земле?

— Ничего.

— Как?! А что же делал?

— Старался, чтобы там грязи было поменьше».

Николай Чуковский умер — автор такого отличного рассказа «Девочка Жизнь». Нет, я не то говорю. Совсем не в качестве, не в мастерстве дело. Но сквозь строки рассказа виднеется такое честное, такое доброе, умное и советское лицо автора. Ничего мне не приходилось читать прежде, хоть и знаю о том, что он написал, а по этому рассказу полюбила его и запомнила. Жаль, ужасно жаль. Таким людям пожить бы надо.

26 ноября

Если уж Бога нет, то люди должны быть ближе, сердечнее друг с другом, иначе жить нельзя. Бог нравился всем своей внимательностью, участием. Он выслушивал каждого, никогда не показывал, что ему некогда или что он занят более важным делом. Кроме того, к нему можно было обратиться с самыми сложными вопросами. И даже — если человек в чём-то был виноват сам. Бог всё же не отвечал ему, что он не имеет никаких прав, всё ноет по закону и страдает он или его близкий законно, а потому аудиенция закончена... Следующий!

25 декабря

Тургенев, стр. 99... за две недели до смерти!

1966 год

1 января

Пасмурно, хмуро, тепло. По улицам группами идут гуляющие. Радио, по своему обыкновению, беспрерывно болтает о счастливых людях, ставя их в пример всем обездоленным, о которых говорить — верх неприличия. Ведь они обездолены не социальным строем, а вечными человеческими законами.

Прелестный мужичок Бунина в «Божьем древе» так говорит: «Печалиться — хвост замочалится». Хорошие слова. Печаль никакого результата не даст, никакого сдвига. Только и будет от неё, что «хвост замочалится».

Вещи не виновны:
в вещах нет ни мещанства,
ни пошлости.
И на мотоцикл
Нельзя злиться.
Злится надо на пьянство водителя.
И телевизор ещё не зло,
Как не зло этажерка с книгами.
Ни Чехов, ни Маршак не обижаются,
Что стоят на этажерке,
А не в модном шкапчике
С вазочкой на стекле.

16 января

Яркий мороз. Двор — незнакомые горные перевалы с тропинками и ходами. Над ними близко сверкает звёздами небо. Все созвездия на виду. Верхушка тополя стремится к ним белым дымом. До тех пор пропадаешь в этой чудесной стране, пока не станет весело по-мальчишески. Ничего нет за плечами. Не знаю, кто я. Вижу звёзды, руки замёрзли немного: вечер и 35 ниже нуля. А может быть, и 37. Морозы жмут до 40 и ниже. Красивая зима.

17 января

Он приехал в этот маленький пристанционный город впервые и видел в нём только то, что видел. Сад при клубе с остатками беседки, занесённой снегом, с катком, тоже полужанесённым, со щелястым забором, затонувшим в сугробах, так что его легко можно перешагнуть. Электровозы проносили мимо белого вокзала грудь в новом

мундире, с блестящим орденом. На миг они исчезали под мостом, а когда показывались снова, то мчались грудью вперёд с достоинством, как самое новое, самое чистое, самое передовое, что есть в городе. И люди, живущие в одноэтажных домишках, казались примечательными тем, что они пять лет назад рыли котлованы и ставили бетонные опоры под мачты. Видел он ещё и двухэтажные дома, белые, с одинаковыми окнами, похожие на коробки, которые хотелось куда-то задвинуть. И даже один четырёхэтажный. На базарной площади — деревянная горка для катанья, сколоченная из новых жёлтых досок и облитая водой. По заледенелой дорожке друг за другом скатываются ребятишки — кто на пальтишке, кто на штанах, кто на валенках, а кто и вовсе боком, будто медвежонок. Рядом с горкой огромный, выше роста человека, розоватый Дед Мороз без головы, одно туловище. Рукой он держит за плечо тоже обезглавленную Снегурочку. Ёлку убрали. Хвоя ещё темнеет кое-где на утопанном снегу да ветер перебрасывает бумажные цепи.

21 января

Человечество не замечает, что живёт среди символов, созданных им: луна, облака, звёзды. Всё это существует в действительности. Но вековая мысль, вековая поэзия окутали их символической дымкой. Тучки небесные Лермонтова, туча послегрозовая у Пушкина, летние облака, на которые мечтательно любовался Тургенев, — да и кто только о них не грезил!

У Паустовского: «Я радовался самой малой тени от облаков, величаво пронесивших в вышине свои белоснежные громады. А солнце! Оно с глубокой древности обратилось в символ, и в наши дни, упоминая его, лишь в редчайших случаях, один на тысячу, мы имеем в виду раскалённую планету, сплав неизвестных нам элементов. Мы очень недалеко ушли от своих предков, которые ставили на вид-

ных местах языческие фигурки. Человечество явно не может обойтись без символов, и в этом устойчивость религии. Люди зажмуриваются, не хотят видеть холодный свет истины. Горький утверждает, что человек, по природе своей, нелогичен. И это так.

По вечерам на тополе азартно орали воробьи. Листья загорались, потухали как угли, чернели. Он подолгу смотрел на ночную радугу заката, медленно выпцветающую за деревьями».

Салтычиха в «Пошехонской старине» вспоминала перед сном, что забыла сегодня причесаться. Так и я вспоминала, что за весь день ни разу не улыбнулась. Плохо. Как будто всё сделала, а улыбнуться забыла.

22 января

Жить бы можно, если в зеркало не смотреться.

23 января

Хорошо: «Любовь к людям может принести им свет и тепло даже во время очень тёмное».

Прочла о двух прекрасных людях: революционном деятеле Италии — Гамши, он умер в 1937-м, замученный в фашистской тюрьме, и о советском враче, женщине золотого сердца, которая многим и многим детям спасла жизнь в Освенциме, — Ольге Никитичне Клименко. В самое невыносимое время она имела мужество сказать себе: «Почему ты согласилась с мыслью, что ты прежде всего узница? Ты прежде всего — врач и антифашистка». Это дало ей силы для деятельности.

Гамши напоминает нашего Николая Островского главной чертой: силой духа над физической болью и недугами во имя борьбы за освобождение человечества. Он оставил публицистическое наследие — «Тюремные тетради».

25 января

Разнозвонье Серая весна
Разноцветье Злая чистота
Разновески Добрая чистота
Подвески Добрый расчёт.

29 января

«Нельзя победить один раз. Каждый день нужно побеждать.
Каждый день нужно начинать всё сначала» (Ромен Роллан).

31 января

Терпенье должно быть не ангельское, но непробойное.

8 мая

За окнами плещет тёплый весенний дождь.
Знаем мы: коль негромко — там осень,
Если бурно — там, значит, весна.

Второй раз — «Бремя страстей»¹ Моэма. Особенно прекрасен язык в парижском периоде, художественная студия. Когда читала в первый раз, имена импрессионистов — Мане, Моне, Дега, Писсарро, Сислея — были для меня только именами. Благодаря книге Волынского² теперь знаю каждого отдельно и черты импрессионизма в целом, люблю Писсарро и Мане больше других.

9 мая

Тёплый мокрый вечер. На тротуарах лужи. В конце Вокзальной можно потонуть в жидко-грязном болоте. Это

---

¹ Имеется в виду роман Сомерсета Моэма «Бремя страстей человеческих» (1915).

² Имеется в виду книга Л.Н. Волынского «Зелёное дерево жизни» (1964).

всё как будто в порядке вещей: который год в этом месте болотце?

А почки набухают, хотя слабо. Весна поздняя, будто не- хотя смываются, исчезают следы льда и снега, медленно прогревается земля. Но скворцы поют вовсю, и просто радуешься их радостью. Лопушки повывлезали из земли и быстро растут.

10 мая

Поэт — это тот, кому дано увидеть жизнь в её едином смысле, без деления на настоящее, прошедшее и будущее, и дать почувствовать очарование своего сна.

Холод, почти морозно. Тёмный насупленный день — похмелье.

11 мая

Портрет должен изображать не только человека, но его устремление.

Для фотографии это недостижимо. Поэтому всё так глу- по и безлично выглядит на фото.

15 июня

Ложь разнообразна и сложна, а правда так проста, что люди, желающие жить по правде, понимают друг друга с полу- слова. Недаром о Ленине сказал рабочий: «Прост, как правда».

Читали сегодня «Синюю тетрадь» Казакевича. Отлич- ная вещь. Тонкость и независимость, огромная симпатия к Ленину. Замечательно, что такой интересный писатель, как Казакевич, тронул этот сюжет.

12 августа

Славный ночной дождь шумит за окнами, слева — глухо по листве тополей, справа — звонко ударяя в стекло. Дождь,

дождь... Всю жизнь люблю его. Отчего? Кажется он задумчивым, полным тихой музыки... Нет, просто музыкальное сопровождение к стихотворению в прозе — к жизни.

И все звуки так прекрасны — то приглушённые, то, напротив, — обострённые, как чувства.

Восьмой класс. Низкорослый, физически недоразвитый рабочий парень лет семнадцати, на вид — пятнадцати. Передние зубы слегка выдаются. Простодушен. Мленник.

Вопрос учителя: «Приведите пример, где немецкая буква *s* произносится как *з*». Мленник (с места, вдумчиво): «Арбуз-з-з!»

Даже ученики рассмеялись.

Сельхозвыставка

Пчёлы в стеклянном улье. Видно, как они ползают, заползают в соты, скрываются, появляются, наползают друг на друга. Соты на две трети заполнены. На прилавке рядом лежит круг воска. Пожилой худощавый колхозный пчеловод в сером костюме с галстуком охотно объясняет, увлекается, ловит глазами тех, кто хочет спросить, кто интересуется, присматривается, стоит подолгу возле улья, пристально следит за пчёлами. Мальчишки окружили сплошной стеной. Дальше рядами бледно-оранжевые трактора, трактора, трактора, интересные тем, что это уже собственность колхозов. Другие машины.

Ларьки и базарные столы переделаны на павильоны полеводства — в каждом веники пшеницы.

Коню ушли на бега.

Но о них все говорят весь день с восхищением. Школьная техничка: «Один уж очень красивый, статный, не то чтобы солидный, а стройный весь. Вороной, только вот тут, в чёлке, чуть красное. Всех победил».

Говорят везде о светло-серой лошади. Ученики опоздали на урок: «Бегали коней смотреть». Молзавод угощал бесплатно мороженым — но, конечно, не всех подряд. Надо

было иметь маленькое знакомство. Яркий натюрморт над курами: фрукты, овощи, птица — собрано чуть ли не всё, что растёт в Сибири. Продают живого зеркального карпа. Многие, вбегая на территорию выставки, бросаются сразу в очередь, никуда больше не глядя и ничем не интересуясь: «Рыбу дают! Кто последний?»

Тяжёлая неизлечимая, гнусная болезнь. Ведь сыты по горло. Но что-то заглохло навсегда — или никогда не было? Заглушают и в своих детях, переполняют их тем же, своим, день за днём, отнимая у них интерес к настоящему, день за днём обедняя.

Пахнет осенней листвой. Воздух свежий, прохладный.

Как только отзвенел звонок с последнего, уже ночного, урока с чернотой за окнами и странной тишиной в полуопустевшей школе, все так быстро умчались по домам, растаяли в чёрной улице, стало сразу так тихо и так темно, как будто в этом домике давно-давно заглохла жизнь, и спит он, и спит он, всеми забытый, брошенный, видит сны... Последними вышли две пожилые учительницы. Одна в синем пальто и красном платочке, вела за руку свою большую девочку, лет тринадцати, очень тонкую, длинноногую, с худеньким нежным личиком и светлыми волосами, выбивавшимися из-под платка. Она принесла маме резиновые сапоги: на улице грязно, дождь. А мамыны туфли положила в свою сумочку и несёт.

«Дайте вашу сумочку», — говорит другой учительнице своим тонким слабеньким голоском с приятным пришепётыванием. Окна в их домике тёмные, старшая дочь уехала в Новосибирск, учится на медицинском факультете. Брат в армии. И теперь идут домой только вдвоём, держась за руки среди темноты, грязи, холодных брызг. И другой учительнице хочется сказать девочке что-нибудь тёплое. Но она спрашивает только:

— Скучно без Гали?

— Конечно, скучно! — подхватывает девочка так, словно она об этом сейчас думала.

А забор вокруг палисадника новенький. Это сын оставил матери память: приезжал в отпуск, помог матери картошку выкопать и забор сделал...

[Далее неразборчиво.]

— Я, говорит, мама, сам его сделал и сказал, что никому его, сам и выкупил. — Собеседница поправляет тёмный платок, вздыхает. — Вот какой сын хороший. Теперь телевизор в рассрочку взять хочет. Вы, говорит, мама, не ходите никуда, всё дома, не видите ничего. И правда, как вечер — они у меня все по соседям. Сергей — к товарищу, Галя — к Тане, а Люда аж на Томскую улицу к подруге, все на телевизор. Всё же девочка большая уже, а в двенадцать ночи домой идти приходится. Тут хоть дома будут.

Другая кивает, подавленно ковыряет ногой снег. Уж очень здорово: телевизор... Сам выкупит, без родителей!

— Я, говорит, мама, вам пока до армии крепко помогу. Летом стиральную машину куплю вам. Уже вам тяжело стирать: годы.

— Молодец, молодец, — задумчиво завершила разговор вторая, всё мучительно думая о чём-то своём. Крепче запахнув телогрейку, словно ей стало ещё холоднее, печально сказала: — Спать идти.

И посмотрела на звёзды. Медленно побрела по синей тропинке. Та, что рассказывала о сыне, побежала бойко, поскрипывая валенками, переглядываясь со звёздами. Навстречу ей светились приветливо два окна её избы.

Бараны

Тут только о баранах. Не следует искать другого смысла, хоть это животное и стало нарицательным.

Жаркий летний день, томительно жаркий. В перелуке на траве стоит трёхколёсный велосипед. Малыш возится возле него, пыхтит, заносит загорелую ножку, чтобы сесть.

— Серёжка, ой, баранов привезли! — окликает его на бегу мальчик постарше, в розовой майке и чёрных трусиках, в тапках на босу ногу. Он очень взволнован, глаза радостно блестят. — Вот с такими рогами! — закручивает он возле ушей колечки.

Толстая загорелая ножка так и не ступила на педаль, опустилась на траву.

— Где?

Мальчик в розовой майке стремительно машет рукой куда-то в сторону, к линии. Оба бегут. Да, бараны. Громадное стадо. Их привезли в товарных вагонах и гонят грузить на машины везти куда-то дальше — на бойню, должно быть. Но уже и в вагонах было, наверное, душно, жарко, бараны измучились, хотели пить, а теперь, когда их выпустили из вагонов наконец, так и бросились, бедные, с надеждой, что сейчас напьются... Но воды нет! Никто и не думает напоить животных. Сплошной стеной они бегут по улице в густой свалявшейся шерсти, пыльной и жаркой, в панике кидаются, припадают к чуть сырým старым вмятинам в грязи дороги. Но ни капли воды не добыть с этой затвердевшей земли... Бараны отрывисто блеют, бегут, бегут, снова припадают к твёрдой земле... Ох, и мерзавец же ты, царь природы, и скотина же ты!

В нашем городе есть церковь. Правда, это уже подоби́е, эрзац-церковь, или просто какой-то маленький дом — длинный, неуклюжий, спрятавшийся за баней, синий, как пересиненное полотенце, где вместо вышивки — железный крестик на воротах. По субботам и в канун христианских праздников оттуда доносится жиденъкое диньканье, словно бьют о рельсу, но бьют несмело (не так, как колхозников сзывают на обед в поле), стучают какой-то тоненькой железкой. Это благовест. Эрзац-благовест. На Крещение, то есть 19 января по новому стилю, двигались вдоль Московской улицы от церкви тёмные фигуры старушек в длинных нарядных юбках — теперь в магазинах разной красивой ма-

терии много, только выбирай. Они бережно несли бидоны со святой водой. Бидоны эмалированные, зелёные, голубые, белые — в обычные дни в них носят молоко из ближнего магазина, а случается — и пиво из «Голубого Дуная», в просторечии — из «Бабьих слёз». Но после крещенской обедни они (бидоны) тяжело благолепно покачивались в такт чинной походке. Только у одной прихожанки бидончик легкомысленно болтался из стороны в сторону и даже побрякивал крышкой. По такому поведению было ясно, что его не наполнили святой водой.

— Ты вечером сходи, — сочувствовали справа и слева.

— Он сказал: эта кончилась, а потом ещё принесут два ведра.

По воскресеньям к воротам с крестиком заворачивают колхозные лошади. На телеге — мужик, баба с ребёнком в вишнёвом одеяле, мешок, в котором привозили на базар свиное сало. Иногда перед воротами стоит не телега, а грузовая машина. Ничего странного: теперь во всех колхозах свои машины, и не одна. Недалеко от церкви, на Кондукторской, — молеальный дом баптистов. Обыкновенная крепкая кулацкая изба с тремя большими окнами на улицу. Ставни на окнах всегда закрыты, висят тяжёлые болты. Открыты только те, что со двора. Вокруг никогда никого не видно. О баптистах известно, что они собираются в своём доме и поют, агитируют молодых женщин, преимущественно жён электровозников, — из тех, что нигде не работают, сидят дома и скучают. Но таких с каждым годом меньше, и эта категория явно вырождается. Женщины или работают, или, воспитывая своих детей, поддаются влиянию врачей, детских садов, школы.

Однако кем-то баптисты пополняют свои скудные ряды, ибо держатся они в Болотном издавна. Ещё в 1936 году, когда я работала в Большереченской школе, они разбросали свои «святые письма» по деревне, их находили наши ученики и приносили в школу. В письмах была такая невероятная галиматья, которая могла вызвать только улыбку.

И всё же в этой галиматье заключается зловещий смысл:
мы существуем!

1967 год

Купили пианино. Пятилетняя девочка отталкивает девочку из соседней квартиры, постарше. Та рассматривает квартиру и показывает маленькой ноты. Но малышка:

— Уйди, не тронь! Не ваш пианино!

Мать, учительница, тотчас же вмешивается и воспитывает:

— «Не ваше» — среднего рода! Понимаешь? Например: телевизор не ваш. Пианино не ваше.

Другая соседка: «Но так вообще нехорошо говорить!»

Мать тут же спохватывается:

— Да, и вообще так нехорошо гостям говорить.

Да, годовщина. 130 лет со дня смерти Пушкина. Вспоминается 100 летний юбилей, который я готовила и проводила в Большеречке... «Цыгань» на сцене, отрывок из «Русалки» и много стихов. Невольно бросается в глаза сравнение двух цифр. Наша жизнь, обыкновенных людей, уложилась в эти 30 лет — там была наша молодость, начало жизни, теперь мы подошли...

[Далее часть текста отсутствует.]

21 февраля

Мятежный февральский ветер за окнами. Тот ветер, который дул в Вязовом Гае весной 1930 года. Тяжёлые взмахи ветра. «Да будут благословенны те, кому сейчас двадцать лет и кто юн душой. Пусть ветер вынесет его на своих крыльях в большую жизнь, где шумят берёзы, где Пушкин, Толстой, Паустовский и Пришвин, Лермонтов и Гоголь, грустный Чехов, хорошая музыка. Пусть они будут богатыми... А богатства наши невозможно перечислить. И храни их,

силы небесные, от телевизоров, шифоньеров и трельяжей, от мотоциклов и сервантов. Пусть эти вещи спокойно стоят на своих местах, как вещам полагается, но не занимают в душе своих владельцев места, которое им не полагается». Таковую молитву напел мне предвесенний ветер за окнами.

А решение моё крепко. Всё укрепляет его.

22 февраля

Неискушённые в философии люди никогда не разойдутся во мнении, что хорошо, а что плохо. Мораль и нравственность — одна, как и правда. И кого назвать хорошим человеком, а кого — дурным, никогда не ошибётся народ. Ему не нужно именовать эту мораль ни христианской, ни коммунистической. Коммунист стал для большинства символом хорошего честного, справедливого человека. Мужественного и стойкого, который всегда готов прийти на помощь. Это заучить нельзя, оно незаметно привилось за годы и годы. Лучшими коммунистами, встреченными мною на жизненном пути, были:

Агишев М. М. — председатель райколхозсоюза Старой Кулатки, Средне-Волжского края, село Вязовый Гай;

Владимирова Т. М. — директор (заведующая) школой колхозной молодёжи в Болотном Новосибирской области, 25-тысячница из Ленинграда;

Грузинский М. К. — географ по образованию, педагог, зав. уч. частью педучилища.

11 мая

Пригородный поезд. Весна. Светло от солнца, от зелени. За окнами привольно, на холмах подростки-берёзы в молодых листочках, под ними тонкой змейёй, поразительно живой и яркой, вьётся пламя: кто-то пустил палы. И земля проплывает, пёстрая, как географическая карта: светло-зелёная, бурая и угольно-чёрная. Кое-где вдоль рельс узкие полосы пашни — это под картофель. Деревенская девочка

лет десяти, в платочке, с плутоватой мордочкой, смотрит в окно, болтает, напевает и вдруг:

«Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...»

Тут немножко забыла и вставила что-то от себя про птичек. Но как только я ей подсказала, сразу радостно мотнула головой: ага!

«Засвищут скоро соловьи
И лес оденется листвою».

Дальше повторяла за мной.

В городе весело, беспечно, в магазинах всего много, все очень хорошо одеты, на Красном проспекте празднично. Брала с собой рассказы Дж. Лондона и зачиталась ими так, что и дома продолжаю. Северные рассказы о крепких характерах. Юкон и Клондайк, собаки и их собачья служба, голод и мороз под сто. Но кроме этой красоты, северной экзотики и сталкивания могучих характеров, — какие «добрые чувства», пробуждать которые — устаревшая традиция, забытая многими, кто берётся за перо.

«Хорошо ли быть хорошим?» — вот проблемный вопрос для наследников. Пожалеть можно подвижников, ломающих голову над этим вопросом. Бедные воспитанники Халфиной¹.

13 мая

«Дядюшкин сон» по Достоевскому. Уездный городок. Масленица. Тройки. Чудесные тройки. Дома провинции — серые, как жизнь обитателей. Колокольный звон. Дядюшка великолепен. Артист владеет французским свободно, произношение настоящее. Голос и манера пения таковы, что

¹ Мария Леонтьевна Халфина (1908–1988) — советская писательница. Автор повести «Мачеха», по которой в 1973 г. был поставлен одноименный фильм.

обладай ими дядюшка на самом деле, можно бы влюбиться, несмотря... [*Далее текст отсутствует*]

...из страха прогневить её она готова съесть любого учителя. Надо ли уж так унижаться и подличать? Никогда не надо. В глубине души Ф. очень рада, что всё это совершается без меня, знаю, что ей было бы стыдно, а другого, честного выхода, кажется ей, что у неё нет. Предпочитаю администраторов строгих, даже пусть злых, придиристых, но смелых и независимых, справедливых. А тут оплетено всё такой паутиной взаимоотношений, таким бабьим царством, что со стороны и не разберёт никто, а изнутри все всё понимают.

17 мая

Человек, на дне души которого лежит тяжёлое горе, похож чем-то на лунатика. В лунную ночь лунатик способен творить чудеса: он может идти по канату, не срываясь, идти по самому краю крыши. Но если его окликнуть в эту минуту, он очнётся и упадёт, разобьётся насмерть: тот, кто носит годами горе, живя среди людей общей с ними жизнью, радуется и печалится, спит сном жизни, может внезапно очнуться полностью, если окликнет его настоящая музыка, или поэзия, или песня. Нельзя будить его — он сам понимает это, и смеётся со всеми, и танцует, когда танцуют другие, и его лицо веселится.

Улица в черёмухе. Из палисадников поднимается буйный белый цвет.

25 мая

Тучи за шестом со скворечником на соседнем огороде, за шиферной крышей далёкого дома, отливающей белизной на сером среди тёмных от сырости заборов. В углу двора приклонены к забору спиленные ветки черёмухи, тополей и клёна. Кругом светлая майская зелень, а на них сухие листья. Пришёл печник — худенький, заморённый работой, 1936 года (рождения), отец двоих детей. Работает каменщиком на строй-

ке, а придя с работы, таскает воду на поливку и поливает огород. Делает другую тяжёлую работу. Сегодня проработал у нас до заката солнца, переделывал плитку и говорил, что ещё надо успеть дома копать погреб — один погреб уже выкопали, теперь копает второй. Алексей ходил в магазин — он просил его попутно посмотреть, пришли ли дети из школы: мать на работе. Вежливый, тихенький, но любит выпить. А больше, кажется, ничего не любит. Впрочем, хороший каменщик — значит работа сама по себе принесит какое-то удовлетворение.

Дождь, дождь промывает листья, наливает кадку, обливает черёмуховый цвет. Утром на дворе возле палисадника было как крупной посыпано. Взошло над тучами предвечернее солнце, и скворечник загорелся, как жёлтый флажок. А внизу сумрачно. Солнце только его языком лизнуло.

Больше к этим мыслям не возвращаться.

Помнить одно письмо Флобера.

Помню их все, конечно.

1968 год

7 апреля

К Юрию Гагарину у меня чувство, сходное тому, что испытываю к Пушкину. Не могу смириться с утратой, плачу, как о родном. Такой милый сидит он на фото с писателями¹, рядом с Фединым², так чудесно смеётся. Он был не только лётчик-космонавт, но высокохудожественная натура. «Как красива наша планета», — заметил он о нашей Земле, когда впервые увидел её из новой дали. Он любил литературу и много знал наизусть. О нём сказал тот, кто умеет сказать лаконично и метко: «Любимцы богов умирают молодыми».

¹ Гагарин встречался с московскими писателями в 1962 году.

² Константин Александрович Федин (1892–1977) — русский советский писатель и журналист.

Порадовала встреча с бывшей ученицей 21-й школы, а теперь учительницей, З. Дерменевой. Я всегда радуюсь, когда встречаю среди молодых учителей людей живых и увлечённых делом. С ними — общие интересы и не хватает времени коснуться в разговоре всего важного. Она подошла ко мне на пригородном вокзале, ждали поезда и вместе ехали домой. Д. занимает новую, только что введённую должность — заместитель директора по воспитательной работе. Должность была встречена бурно. На первом же педсовете некоторые учителя высказались: «Наконец-то! А то у нас никак не остаётся времени на воспитательную работу. Уроки проводи, тетради проверяй, да ещё воспитательная работа, — хоть разорвись. Теперь разгрузимся хоть немного». Ну, это не анекдот, а факт. Стоило труда выдержать этот напор директора школы. Работает в г. Назарово Красноярского края, который образовался из старого рабочего посёлка. Там сохранились рассказы о ссыльных декабристах и могила одного декабриста. Рассказала о матери (я знала её и хорошо помню). Она любила читать книги, читала очень вдумчиво. (Работала буфетчицей.) Выписывала о разных народных лекарствах, знала средства от многих болезней. Зине тоже пришлось убедиться в правильности лечения некоторыми народными средствами. В первый год своей работы пионервожатой в сельской школе, кажется, в Мануйлове, она жила на квартире у знахарки, ещё не старой женщины. С одним шофёром, молодым парнем, случилось несчастье: он вёл машину в сильный встречный ветер, и у него глаза налились кровью, начались невыносимые боли, он ничего не видел. В больнице не смогли помочь — вероятно, потребовалось длительное лечение, а он не мог вынести и одного дня. Кто-то назвал ему мануйловскую знахарку, и он добрался до неё, воя от боли. Она только посмотрела его глаза и сейчас же послала Зину: «Беги, узнай, кто на селе заколол только что скотину, лучше всего бычка, принеси кусок парного мяса». Мануйлово — село большое и зажиточное, Зина вернулась с куском ещё тёплого мяса.

Знахарка велела парню лечь и приложила ему мясо прямо с кровью к глазам, привязала его. Через некоторое время он успокоился и заснул. Проспал почти сутки, а когда проснулся — не сразу понял, отчего у него прошла боль и вернулось зрение. Но иногда знахарка применяла и внушение. Например, для лечения припадков у грудного ребёнка приказывала матери сходить за водой на речку непременно в полночь, и чтобы никто не встретился, и никто бы не видел эту воду. А потом, как со смехом сказала Зина, брызгала на ребёночка какой попало водичкой — принесённой только что из колодца той же Зиной. Но мать верила, что это именно та вода, за которой она ходила ночью.

Ещё народное средство применил старый учитель Флорко. Он рассказал нам, что у него совсем отнялась рука — на простудной почве. Врачи применяли электризацию, но она сильно действует на сердце. Посоветовали так: стакан мёду смешать со стаканом соли. Натереться этой смесью в бане, когда распаришься. Вылечился.

От туберкулёза до сих пор лечатся собачьим мясом от жирной собаки.

25 марта встретились после большого перерыва с Б. К. Рясенцевым в редакции «Сибирских огней», с Малюковой. Редакция помещается в большом, очень интересном и очень запутанном доме, похожем на лабиринт, со множеством этажей, лестниц, коридоров, площадок, комнат. Лифта нет, здание старое. Что-то размещалось здесь в первые годы советской власти. Рясенцев, к сожалению, очень спешил, зашёл только на минутку, и пришлось беседовать с Малюковой. Получила выговор за то, что — один экземпляр, за то, что не написала в конце рукописи свой адрес... Знала бы она, как и этот-то экземпляр печатался!

Красный проспект в этой части, ближе к вокзалу, открыла впервые. Он здесь как-то крупнее, магазины шикарнее, движение транспорта ещё больше. Подумалось о Рясенцеве, о Малюковой: не работают, а кипят каждый день, с утра до вечера. Жить в таком городе очень тяжело, надо привычку.

19 апреля

За окном кружится апрельская метель... Среди дня полетел вдруг густой снег, его закружило, понесло. Бедные скворцы спрятались — не видно и не слышно. Прижались, верно, в домиках друг к другу, их качает на вершине дерева, и слушают шум ветра, какое-то постукивание, потрескивание. Ради них хочется, чтобы пришли скорее солнечные дни. Как они пели, как ликовали, перелетая с тополя на черёмуху, потом — на клён на огороде. Сегодня выставила и промыла все окна в честь весны, а она вот как.

Вчитываюсь в свои выписки словаря Блока и Флобера. Очень интересно. В особенности предметность языка Флобера, по 40 колоритных существительных на страницу. Они даже одни, взятые без контекста, создают настроение и стиль.

22 апреля

«Литературная Россия» принесла очень грустную нам весть: нет уже в этой жизни Абрама Марковича Арго, человека такого милого и умницы, тонко чувствующего литературу, одарённого вкусом художника и талантом юмориста. Нет уже Арго — и мы стали беднее. Так намного обеднели мы, обижены, так много утратили теплоты.

И вечер очень холодный, ветреный, но на огороде солнце, и воробьи расчирикались, собравшись на клёне. Скворцы тоже поют вовсю, качаются на вершине тополя и поют. А один перелетел на провода, качается с ними над улицей и тоже поёт.

28 апреля

Ураганный ветер — скоро сутки. Трясутся заборы, ворота, бьёт в окна так, что кажется, вот-вот упадут рамы, качает деревья, гонит по улице прутья, прошлогоднюю ботву,

выметает начисто, как пол. Страшнее всего гремят и грохочут провода. Весь день читаю — теперь это такая редкость.

30 апреля

Канун Первого мая.

Побелили в саду черёмуху, шиповник и тополя, покрашили немного ставни. Холодный порывистый ветер, летит снег куда-то в сторону над землёй. Дочитала «Люди театра». Очень мило и скромно о Качалове, прелестно об О. Л. Книппер. Поражаешься, как мало написано всё же об артистах.

Из современного диспута: «Теперь, когда наука стала огромной силой, не интересоваться последствиями собственного научного открытия — аморально».

Но можно ли в принципе построить такую универсальную этическую теорию, пользуясь которой, можно было бы полностью избежать нравственных ошибок? Вероятно, нельзя.

14 июля

Лето в разгаре. В «затрапезном» палисаднике, в отличие того, что под окнами, в этом году чудесный скрытый уголок в зарослях молодой черёмухи. Напоминает Саратов — там тоже, направо от балкона, был такой уголок, только росла белая акация и сирень. Но о Саратове вспоминать слишком больно. Кажется, там осталось такое светлое, лучезарное, такие чистые добрые души, тихая красивая жизнь под приглушённые звуки рояля в незнакомых домах. Пусть она там и остаётся. Сегодня 14 июля, чудесное голубое небо, жаркий ветер, садовый горошек распускается густо-розовыми, кремовыми, лиловыми цветами. Анютки у меня четырёх оттенков: один кустик лиловый, как чернила, другой жёлтый, рядом крупные лепестки жёлтые с сиреневым и самый красивый — из лилового в малиновый. В саду читала прекрасно написанный рас-

сказ — в «Лит. России» об учителе Фатееве. Литератор, словесник в старших классах, приехавший когда-то в Москву из деревни, первое поколение крестьянских детей, вышедших на широкую дорогу, — и какой одарённый учитель! Мариэтта Шагинян поднимает такие проблемы, которые никто, кроме неё, не трогал. Как близко к сердцу она принимает дело народного образования, спасибо ей. И не боится смело высказать свои мысли с такой высокой трибуны. Да! А как просто открывается ларчик. Мы не желаем, игнорируем то, что рекомендовал Ленин по отношению к советскому учителю. То есть мы повторяем его слова, пишем их на плакатах, но ведь советский учитель вовсе не поднят на ту высоту, которую имел в виду Ленин! Он там же, где и другие. А надо не пожалеть затраты огромных средств, чтобы учительство на самом деле стало интеллигенцией, а не ходило бы на уроки с непромытыми руками, с короткими, как у кухарки, ногтями, не возились бы преподаватели с кастрюлями, с сажей, не сажали бы целое поле картошки, не стирали бельё, не белили извёсткой своё жилище и многое, многое другое ещё. Многие, особенно в деревне, кроме того выращивают свиней, держат коров, кур — и всё это своими силами. Неплохо, но... где же учитель? Ведь бытие определяет сознание. И если в военные и послевоенные годы такое поведение в быту вызывалось необходимостью, кормил, в основном, физический труд, а не зарплата, то теперь это не так. Получают учителя много. Стремиться к пошлomu богатству учитель не должен. Идеал его — скромность. Он народный учитель. Он должен стремиться к культуре, а не к внешним дутым её признакам, как сервант и телевизор. И многие учителя понимают это. Сколько таких, как Фатеев! Он возил учеников в Михайловское, Спасское-Лутовиново, в Ясную Поляну, в Грешнево — на родину русского человека, туда, откуда вышло всё... Свои книги он не променял бы ни на какие серванты и трельяжи. И если бы учитель больше занимался именно своим делом, своей специальностью, читал и думал,

изучал бы детей по-настоящему, проводил с ними время — он бы рос сам, он ни за что не смешивался бы по своим запросам с мещанской средой.

В. Тендряков замахнулся на учительство, изобразив жену своего Андрея, учительницу начальных классов, погрязшей в домашних делах. Она и поросёнка кормит, и стирает, и гладит, и только между прочим, присев на край стула, кое-как перебрасывает стопку тетрадей, проверяя их, наспех составляет поурочные планы. Она не учительница, а домработница, которая, кроме того, по совместительству, ещё и учит детей... Как будто в этом выразились какие-то её личные качества! Да, это тип, и напрасно Тендряков её осуждает. Она ни в чём решительно не виновата. Она — молодец, везде успевает.

О том, как вытащить её из белкиного колеса на творческую дорогу, сделать настоящей учительницей, надо подумать за неё. А Андрей, видите ли, её бросил, увлёкся женой секретаря райкома. Нежизненно. Такими, как его Таиса, обычно дорожат, в семье они живут с пользой для всех.

К. чувствуют себя хозяевами улицы. Двигутся самодовольно, со всеми громко, доброжелательно, но свысока разговаривают, уверенные во всеобщем благоволении. Интересно, что такие «хозяева» есть почти на каждой улице. Говорили, что на горке, возле педучилища давила всех своим авторитетом некая старуха, которую прозвали «хозяйкой горь». Таким людям совершенно некогда заниматься своими делами, продумать свою жизнь, настолько они заняты чужими делами и чужой жизнью, где легко обошлись бы без них. Причём уверены совершенно, что разрешение любого вопроса им по плечу.

На лавочке возле дома К. весь день пестрят платки и платяга, не смолкает говор. Там своеобразный уличный клуб, там обсуждаются подробно дела всех, кто живёт на этой улице, — но не далее. За её пределами жизни для них не существует...

Паустовский:

«...Он приносил туда очерки о маленьких черноморских портах. Не об Одессах, Херсонах и Николаевах, а о таких приморских городах, как, скажем, Аккерман, Очаков, Алешки, Голая Пристань или Скадовск. Там пароходы подваливали к ветхим дощатым пристаням — скрипучим, шатким и облешленным рыбьей чешуёй. Очерки были лаконичные, сочные и живописные, как гамливые черноморские базары. Написаны они были просто, но, как говорил Евгений Иванов, «с непонятым секретом». Секрет заключался в том, что очерки эти резко действовали на все пять человеческих чувств.

Они пахли морем, акацией, бахчами и нагретым инкерманским камнем.

Вы о с я з а л и на своём лице дыхание разнообразных морских ветров, а на руках — тяжесть смолистых канатов. В них между волокон пеньки поблёскивали маленькие кристаллы соли.

Вы ч у в с т в о в а л и вкус зеленоватой едкой брынзы и маленьких дынь канталуп.

Вы в и д е л и всё со стереоскопической выпуклостью — даже далёкие, совершенно прозрачные облака над Кинбурнской косой.

И вы с л ы ш а л и острый и певучий береговой говор ничему не удивляющихся, но любопытных южан — особенно певучий во время ссор и перебранок».

Больше этой утраты в литературном мире для меня не могло быть.

Значит, жива была надежда... Нет, не надежда, а мечта.

Только теперь ясно поняла, что писать по-настоящему хотелось для того, ради того, чтобы он прочёл, чтобы ему понравиться... Какая странная несбыточная мечта... Но она грела и давала жизнь, радость.

Итак, 18 июля

Окно открыто в зелень и цветы. Подальше, в углу двора, под серым забором, качается от ветра высокая, как башня, дикая конопля. Кругом крапива. В пролом забора видна в садике чёрная сырая земля под бревном, подпирающим ограду. Ветер слабо перебирает кусты черёмухи, в них вскрикивают птицы. За кустами по ту сторону забора непроснувшимся голосом квохчет курица. Поезд шумит, и кажется, что он облетает вокруг, то удаляясь, то приближаясь. Свежий воздух идёт и идёт сквозь белую сетку занавески, касается лица и плеч. И всё вместе в этот ранний утренний час как будто хочет сказать что-то своё на языке, который мы не признаём, но должны признать, расшифровать, как хинди, как мали, как майя.

Прикрепись к скале как улитка, не дай морю смыть тебя, прикрепись к своей знакомой надёжной скале.

Ещё Пришвин, названный Паустовским колдуном, лешим, учит зализывать свою рану самому. Не забывай.

Жаркие июльские дни. С утра — крылечко, залитое солнцем, чистота и тишина, котята — белый ангелочек с голубыми глазами и чертёнок — весь как уголёк, глазопуговицы.

На базаре много виктории, малины и смородины — всё по двадцать копеек стакан. Продают в большом блюде. На огороде у нас тоже быстро краснеет, поспекает малина, только соберёшь — опять поспела.

Кино каждый вечер, один раз — два фильма за вечер.

Август

Перед вечером проходила глухим закоулком возле вагонного депо, где когда-то вели на промывки паровозы. Теперь этот путь заброшен, пустынен, рельсы зарастают травой. С одной

стороны — белая стена электростанции, откуда тоже вся жизнь ушла на новую подстанцию, когда подключили Обскую ГЭС, с другой — огромные пыльные окна вагонных мастерских, кое-где раскрытые, а где и просто выбитые. Там шипит электро-сварка, разлетаются синие искры. За депо несколько лет назад забор убрали и насадили рядов пять сибирских клёнов — уже получился тенистый садик, под зеленью тропинки... бугорки, трава. Скамейка стоит. И там я увидела впервые в этом году вестник осени — крохотный клёник, как травка, но уже с листьями, и весь алый, словно его вместе с листьями и стеблем макнули в краску. Открытая беседка сколочена, видимо, для отдыха в обеденное время, со скамьями. И там сидели рабочие в запачканной одежде, хлопали картами. Среди них затесался один чистый, просто подошёл и соблазнился посидеть в тени.

Объявления на аптеке — там прибита для них доска:
 «Продаётся хорошая карова
 Причина некому
 Ухаживать
 Советская 4 Адонин».

«Продаётся
 1 Приёмник
 2 Зеркало
 3 6 стульев
 4 бочки разные
 5 Курь»

«Продаётся на ул. Мичурина
 Коза, поросёнок, гуси и курь».

24 августа

Выставка цветов.
 В помещении клуба КОР¹.

¹ КОР — клуб имени Октябрьской революции.

25 августа

Книжный школьный базар.

Невероятное чудо: радиоконцерт, посвящённый Шаляпину, и отличный. Выступили с воспоминаниями Антокольский, Рубен Симонов, Массальский. И каждый рассказывал необыкновенно интересно, вдохновенно. Восхищение Шаляпиным, преклонение перед ним особенно чувствовалось в заключении Р. Симонова. У меня есть его (*Шаляпина*) портрет работы Корина — красавец. Красавец душой и внешностью. Шаляпин исполнял арии Мефистофеля, Бориса Годунова, «Пророк» — всё до того прекрасно... Огромное счастье принёс его талант людям. А без таланта трудно принести счастье.

Главное в стране: наши войска вступили в Чехословакию. По радио передавали сегодня обращение народов Болгарии, ГДР, Советского Союза к чехам и словакам. Да это что! Романтика. Мы ужасные, неисправимые романтики перед лицом капитализма, жёсткого прозаического мира доллара.

Цветут золотистые хрупкие лилии, как люстры. Долго смотрела на цветы во дворе школы № 23. Тёмно-красные бархатные львиные зевы.

Во дворе клуба КОР, на утоптанной, но ещё зелёной траве несколько столов составлены вереницей, на них садовые цветы в синих вазах, в литровых и пол-литровых банках с водой, даже в бутылках из-под кефира — всю посуду собрали, цветов много, ярусами. С краю, за двумя огромными букетами плотный старик в шляпе с полями, с короткой седой бородкой. На табличке возле него: Койдан Матрёна Ивановна — 85 лет.

— Моя жена, — поясняет он. — Сама-то не пришла, не может, а цветы её, она вырастила. В такие годы, а вот хочется ходить за ними.

В букетах крупные розовые георгины с лепестками как речные раковины, шафраны, лилии, астры сиреневые и белые, пунцовый георгин «пионер». Старик с гордостью показывает цветы, но названия сортов не все знает, за помощью обращается к соседке. Это худая подвижная женщина лет пятидесяти с чем-то, одетая очень тщательно и парадно по случаю выставки. Заметно, что вся одежда бережётся и надевается редко. Тёмно-синий костюм устаревшей моды, в каких ходили когда-то в школу учителя, завести который было трудно и считалось достижением. Длинный узкий жакет в талию с бортами, узкая юбка пониже колен. Под костюмом белая шёлковая блузка с отложным мужским воротничком — тоже старая мода и тоже перешедшая от интеллигенции. Туфли на английском высоком каблучке — очень аккуратные, мало ношенные и потому сохранившиеся до этих дней, когда ни английский каблук, ни тупые короткие носы днём с огнём не сыщешь. Не гармонирует с костюмом большой, хотя и нарядный, кашемировый платок, повязанный назад концами. Лицо узенькое, худое и очень живое, в морщинах, простое.

«Моё имя легко запомнить, — пожимаясь и улыбаясь, говорит она. — Мария Васильевна, да и всё». Рассказывает: у неё радикулит и ревматизм. Муж умер недавно — жили вдвоём. «Совсем бы пропала я: легла бы и всё... А за цветами ведь уход нужен, одной воды сколько таскать. Вот и держусь».

Скромная толстенная девочка лет одиннадцати, Света одна среди таких «ветеранов». Принесла свои букеты. Любит ухаживать за цветами. Когда ей вручили памятный подарок — чайную чашечку, — она сказала вежливо: «Спасибо». Отойдя на место, ещё раз повторила погромче.

А старый учитель Каменев, грузный, немного сутулый, дышит тяжело, руководил студентами педучилища, принёс чудесные астры и трубкоязычник — какой-то интересный цветок колокольчиками, раскрашенными словно пятнами ржавчины, нежнейшие гладиолусы, которые держатся сто-

роной от других цветов. Каменев этой осенью идёт на пенсию. Никогда я его не видела весёлым, никогда не видели, чтобы он смеялся. Впечатление такое, что ему всегда тяжело. А делает очень много.

На совещании выступила с ответным словом молодых тоненькая вчерашняя студентка в коротком чёрном платье — из-под него как-то жалко виднелись некрасивые, худые, как палочки, ноги. Она встала боком к трибуне и очень искренно сказала, что волнуется, не может говорить, но просит опытных учителей: «Ну раскройте, раскройте нам свою душу, поделитесь своим опытом. Ведь мы через три дня должны будем выступить перед своими учениками, они будут смотреть на нас так же, как мы совсем ещё недавно смотрели на своих учителей!» В общем, славная и чудная немножко. Впечатление такое, что она испытывает панический страх не перед работой и ответственностью, а от одной мысли, что ребята будут на неё смотреть.

Главная тема совещания, понятно, решения второго всесоюзного съезда учителей: экспериментальное обучение в начальных классах, повышение качества воспитательной работы, идейное воспитание.

3 сентября

Второй день занятий в школах. Вчера с утра и весь день шёл дождь, холодно. Сегодня почти мороз. Наверно, ночью замёрзнут георгины. Очень много бутонов, так жаль. На улицах народу почти нет. По грязи кое-какие тропинки. Приехал джаз-концерт. Около вокзального буфета стоят две машины с надписью «Автоклуб» — артисты, видимо, в буфете. Пасмурно, темно. Длинный товарный поезд растянулся на третьем пути, в открытых дверях стоят люди. А на одной из платформ три забавных, как игрушки, вагончика

одинаковой формы, но с разной отделкой: жёлтой, красной и голубой. На каждом светлая надпись «Медвежий цирк». Медведей не видно — может быть, они скрываются в закрытых вагонах. Куда-то едут. Весело смотреть на них, радостно видеть даже эту надпись, и весь поезд из-за неё кажется интересным.

Паустовский — «Коллекционер». Одесса при наступлении красных, пароход с русскими эмигрантами, с офицерами. Проплывают Грецию, проплывают Мессину, Неаполь, Геную. И по сравнению с жизнью, сумбуром, трагедией России жизнь везде кажется красивой, праздничной. Но это только кажется. Жизнь в горячем сияющем Марселе.

В кино идёт: «Щит и меч», «В огне брода нет», «Мастер-палач».

7 сентября

На улицах очень холодно, темно, пустынно. В городском саду, ещё зелёном, дети играют в прятки. Просторно, они одни бегают по дорожкам, между деревьями, по траве, по голой эстраде для оркестра, вокруг заброшенных каруселей с разноцветными лошадками, оленями, ослами.

— Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать! Кто не спрятался — я не виноват!

Нарядная толпа растекается с вокзала: пришла пригородная электричка из Новосибирска. Бросается в глаза, как хорошо одеты люди, особенно красива молодёжь: ярко-зелёные, розовые и красные джемпера, короткие чёрные пальто, голубые куртки с чёрными юбочками или брюками, все весёлые, оживлённые, много маленьких детей.

Лариска. 15 лет, воспитанница интерната. В комнате:

— Эти пластинки сколько стоят?

— Эта коробочка сколько стоит?

— Этот градусник сколько стоит?

— Эту салфетку вы сами вязали? А, купили. А за сколько?

«...Этой краткой жизни вечным измененьем Буду неустанно утешаться я, Этим ранним солнцем, дымом над селеньем, В алом парке листьев медленным паденьем И тобой, знакомая старая скамья. Будущим поэтам, для меня безвестным, Бог оставит тайну — память обо мне: Стану их мечтами, стану бестелесным, Смерти недоступным, — призраком чудесным В этом парке алом, в этой тишине...»

На улице тёмной и холодной, уже осенней, только один звук — взрывает запоздалый трактор. Его тянут из грязи, и мотор то заработает с надеждой, то снова уныло смолкает.

Сентябрь

В парикмахерской, Новосибирск.

— Она купила гарнитур, и недорого...

— Что вы говорите?!

— Ну да. Столик и два стульчика.

— Что она там рассказывает?

— Да Элка купила гарнитур.

— Неужели?!

— Ну да. Столик и два стульчика.

— Что, что? Где? В магазине?

— Да, и недорого. Стольчик и два стулика.

Крошка-кошка на листопад глядит в окно.

Листопад давно.

24 сентября

Молодая женщина, хорошо и скромно одетая, с обидой попросила жалобную книгу. Из парикмахерской вылетела маникюрша в белом халатике выше колен, с белыми короткими волосами, крашенными перекисью водорода, вся — произведение косметики с ног до головы, вся — изящество, последнее дуновение моды, самоуверенность и припрыгивание.

Кассиру:

для памяти великого деда. Ездил даже в Омск и Семипалатинск, где установлены наконец мемориальные доски, и немного не дожил до музея Достоевского, который должны скоро открыть в Ленинграде, бывшем его трагическом и больном Петербурге... А. Ф. добился также исполнения последней воли А. Г. Достоевской — её останки перевезли с юга и похоронили рядом с Достоевским в некрополе Александро-Невской лавры, где я ходила в августе 1966 года...

Как не бредить, приехав в Ленинград...

Бунин — «Освобождение» Толстого.

Паустовский — «Из неопубликованного. Исповедь».

По радио: Ал. Толстой — «Пётр Первый». Потрясающе. Особенно трагедия «наследника». Сильнейший накал каждой сцены, характеры развёрнуты до предела, всё идёт криком, в надсаде, но всё оправданно, естественно.

Забавное изречение: «Где ж это видано, чтоб русский человек да торопился?»

В Чехословакии относительный порядок. Для меня Чехословакия — Карел Чапек. Бедно!

Октябрь

Октябрь уж наступил, уж роща отряхает

Последние листья с нагих своих ветвей.

Вечером в саду обнажённо голо, листья густо шуршат под ногами. С одной стороны блестит над оградой ослепительно новый месяц, с другой неподвижно повисла на дымном закате ветка с не облетевшими кое-где листьями.

День учителя. Мысленно встречаю его с теми, кого чту как настоящих учителей.

Повезло сегодня: Григ — «Песня Сольвейг», Тютчев — «Я встретил Вас», Штоколов.

«Литературные вечера» были неважные, без Андроникова.

16 октября

Уголок в городском саду у ограды. У подножия деревьев груды сухой листвы, уже бурой, перемешанной с обрывками бумаги, пустыми коробками из-под папирос. Зелёная скамейка сдвинута с места, мокра от ночного инея, блестит под солнцем каплями. Но если приглядеться, то заметишь, какой уют в углу сада за стеной киоска, что выходит на улицу, какое молчаливое согласие заключили между собой три дерева... Они-то и образуют уголок. Тут за оградой проходят люди, недалеко стоят и другие деревья — но они уже к тем не относятся. Вокруг них другой воздух, другая тишина, другое настроение.

Дальний тополь у стены киоска словно облит чёрно-серым, весь сверху донизу в задеревеневших ручьях, собравшихся у корней протоками. Между твёрдых ручьёв как песком посыпано. Прямой ствол выставил от себя сук, изогнутый лебединой шеей. И выражение у сучка, как у лебединой шеи. Рядом — тонкий молодой, некрасивый. Он слегка надломлен в середине, и верхние ветки, уже обнажённые, провисают направо и налево, словно стараются удержать равновесие. Третий, с обрубком вверху, с гладким стволом болотного цвета. По стволу быстро ползёт к вершине кто-то маленький... полевая мышь? Ползёт рывками до самого обрубка, и тут — ах ты! Отрывается от дерева и плавно летит под углом к груди листьев. Но, не опустившись на них, опять взлетает... Да это синичка! Вот уж в первый раз вижу, как она ползёт по стволу, точно зверок.

Наверно, солнце жёлто-бурое от листвы, освещает верхние ветки, а внизу тенисто и холодно, всё блестит, не просыхает зелёная скамейка.

В столовой.

С улицы вошёл хорошо и прилично одетый мужчина, сразу приблизился к буфету, осмотрел витрину и спросил:

— Почему же у вас так пусто? Почему яблок нет? Где Мария Гордеевна?

— В отпуске.

— А кто замещает?

— Да... не поймёшь. Сегодня одна, завтра — другая.

Человек озабоченно уходит.

— Зина! — окликает буфетчица молоденькую посудницу, которая собирает с ближнего столика посуду. — Это кто?

— Горошкин. Третий секретарь.

— Второй, — поправляют рядом.

— Ах да, он теперь второй.

— А, второй, — понимает буфетчица. — То-то он спрашивает: на витрине почему ничего нет? Яблок надо.

— У, что ты. Марию Гордеевну как вызовут на заседание, как начнут... — с уважением говорит Зина.

18 октября

Пасмурно, серо, изредка принимается дождь. Славно, день рабочий. Ярко светлеет стог соломы на соседнем огороде. В палисаднике отливают розовым гроздья обмякших листьев. Смородина в углу огорода багрово пылает рядом с зелёной малиной, а в каждой картофельной ямке посыпано немножко листьев в чётком шахматном порядке по чёрной земле.

Возвращаясь с почты, видела на улице очень смешную вещь — даже не сразу разобрала, что это. Оказалось, жил когда-то в доме зелёный жестяной чайник, вокруг него вечерами собиралась семья, а он кипел себе, выпуская пар из носика. И через много-много вечеров прохудился, его выкинули на дорогу. Проехала по нему машина, потом ещё одна, ещё. Наверно, всё лето сплюснутый чайник лежал на дороге. И теперь от него осталась ровная, гладкая зелёная пластина, тень чайника, тонкая, как листик, но вполне чайник — с крышкой, ручкой и носиком! Это уже не назовёшь ни обломком, ни старым чайником — что-то новое, тщательно выделанное, как бумажка. Как говорить после этого, что у предметов нет души?

Тайга¹ — зелёный город, где из-под деревянных тротуаров растёт осока, сочится водичка, по улицам идут рядком молодые деревья, между ними дорожки, скамейки, безлюдье, тишина... Всё усыпано осенней листвой. Так и остался в моём воспоминании этот тихий городок с его жёлтыми листьями, чем-то удивительно, странно напомнивший давний Хвалынск. Вернее, он напомнил Хвалынск моей жизни — то же состояние, и листья, и незнакомые улицы, бродяжья свобода и отдых, поворот.

Улица Карла Маркса спускается увалами в болотце, через него струится ручей, надо перейти по жёрдочкам. Там утки купаются и пьют. А за ручьём пошло ещё ниже, ещё болотистее, глуше. В конце улицы — тайга. Жители ближних улиц ходят туда за дровами.

Посреди города, недалеко от вокзала — обширная площадка, мощённая камнем, на ней — громадный каменный солдат в шинели, с автоматом — памятник тайгинцам, погибшим в Отечественную войну. У памятника цветут красные цветы, стоят скамейки. Изредка садятся на них люди, смотрят на памятник, вполголоса беседуют. Вокзал гораздо приятнее Новосибирска — просторный и удобный, без лишней толкучки. Во всём ощущается спокойствие, удалённость от крупного узла.

1969 год

28 июля

Жара, блестит зелень, облитая солнцем, даже небо кажется горячим. Рано утром, в седьмом часу, уже было знойно. А воздух лёгкий, подсолнухи так и купаются в нём, обратясь к востоку, словно на молитве. Оса пьёт из тёмно-

---

¹ Город Тайга Кемеровской области.

красного мака, напилась и летит к розовому, потом к белому — всё надо перепробовать. Ещё вот эту, едва распустившуюся циннию, цвета сливок, свежую, густую, всю в махровых лепестках.

Отправилась в лес, когда ещё на углах стояли коровы, ожидая пастуха, а с ними бабы, сонно переговариваясь о своих «заботах вечных». Козы бродят вдоль заборов, деловито обрывая листья с молодой поросли тополей, густо сующихся сквозь штакетник. Как кончатся улицы, всякий раз поражает сразу размахнувшийся в обе стороны разворот пруда, а на том берегу, также далеко уходящий вправо и влево, — сосновый бор. На зелёной лужайке телевышка. Под ней бродят гуси. Телевышка отражается в воде, а у подножия её отражения словно белой крупой посыпано — это гуси. Так тихо, так недвижно и чуть туманно — даже не видно, а только угадывается подводное колебание, бьющее откуда-то из глубины. Береговой лес тоже весь отражён, как щётка, повёрнутая вверх. Кое-где из неё торчат отдельные высокие сосны, нарушая общий уровень. Далеко-далеко уходит отражение деревьев, подпирая пологий зелёный берег, мысом вдающийся в воду, огибая его и снова выпрямляясь в ровную линию. Женщина в белом платке медленно идёт по плотине. Она несёт ведро, повязанное марлей. Ходила доить: корова ночевала в поле.

1970–1973

1970 год

Хочется выписать слова Ленина: «Ни на минуту не упустить из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм. Мы должны неустанно бороться против буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась».

Любой учитель, какой бы предмет он ни вёл, должен, прежде всего, чувствовать себя борцом идеологического фронта.

Эффективность урока, прежде всего, зависит от единства целей, содержания и методов обучения. И их соподчинённости задаче: обучая, развивать и воспитывать. Современные тенденции совершенствования урока:

- активизация методов преподавания;
- привитие детям навыков самостоятельной работы;
- всемерная интенсификация их познавательной деятельности;
- проблемность обучения;
- исследовательские методы, повышение роли эксперимента на уроках естественно-научного цикла.

Это достигается такими заданиями для школьников, выполнение которых требует не простого воспроизведения правил, аксиом, а мобилизации материала из более широкого источника информации, поиска ответа, который можно добыть в результате целого ряда мыслительных операций.

Хороши дискуссии, коллективный анализ исторических документов, литературных произведений.

15 декабря

Вероятно, последний тёплый день. Ночью — 6 градусов, днём — до нуля, летит крупа, под стоком крыши капает. Так по-божески простояло всё начало этой зимы. Скажем спасибо и вспомним, когда грянет мороз.

На днях, 13-го, проходил первый районный слёт молодых специалистов. В клубе Кирова собрались молодые учителя, врачи, агрономы и люди других специальностей, не столь массовых. Их собрали для того, чтобы целенаправить их деятельность в девятой пятилетке. «Для успеха в выполнении этих задач каждый молодой специалист должен работать над собой, быть знающим, эрудированным, интеллигентным человеком», — так обратились к ним в беседе по радио.

Жаль, что далеко не все приняли участие в слёте.

Мне пришлось услышать такой разговор молодого врача со своей более пожилой помощницей.

Врач — беловолосая красивая девушка с короткой толстой косой и длинным лицом, стройная, с решительными приёмами, грубоватая в обращении с пациентами и явно разделяющая человечество на две группы: врачей и не врачей. Не врачи — это грубое стадо, которое не желает соблюдать профилактики, их приходится лечить, но на них надо кричать, их надо одёргивать и костить презрением.

— Были вчера на слёте? — спрашивает помощница тонно, каким разговаривает где-нибудь в конторе техничка с молодой девушкой-счетоводом: ей дозволено быть запанибрата.

— Нет. И на вечер не пошла, билет пропал. Отдала за билет семь рублей и не пошла.

— Семь рублей отдали! Такие деньги! Как же можно, почему не пошли-то?

— Да так. Психанула. Потом Валька зашла, говорит: «Я без тебя тоже не пойду», — и свой билет — на стол. Я как психану!

Рабочий день у неё начинается с девяти, она приходит, кипятит инструменты и отбивается от пациентов, особенно от приезжих, которые уже то и дело заглядывают в двери. Потом — приём, приём без передышки до часу. С часу до двух перерыв на обед. Но столовой поблизости нет, и приходится этот час проводить тут же, в кабинете, в обществе своих инструментов и уборщицы, которая спешно выносит всякие бяки и подтирает пол. Поесть приходится какой-нибудь сухомятки, которую приносит помощница из ближнего магазина: холодных пирожков, булочек. Причём за этот час многие пациенты просовываются в двери, и им приходится объяснять, каждому отдельно, что сейчас перерыв. Кое-кто из приезжих начинает возмущаться и скандалить: «Ну вот! Ещё час сиди! А пригородный уйдёт». Иногда врач примет такого скандалиста, хоть и обменяется с ним грубостями на равных.

После перерыва — ещё до пяти. Иногда она спрашивает помощницу: «Много ещё там?» Принимает всех.

Так каждый день. Два выходных не для врачей и не для учителей. У них — один.

В субботу — приёмный день, причём — трудный, так как идут свободные от работы.

Один раз — в понедельник — в кабинет заявился совершенно пьяный парень и уселся в кресло: «Рвите зуб». Врач отказалась. Пьяному она не может удалить зуб. Он начал скандалить и объявил, что не уйдёт, пока ему не вырвут зуб. Занял кресло и сидит. Никого не слушает, ни на какие уговоры не поддаётся. Двенадцать человек ждали, когда кончится это кино. Врач сердито ушла в другой кабинет, вызвала милицию. Только когда вошли два милиционера, парня словно ветром вынесло с кресла, но в коридоре он пытался драться с милиционерами и не хотел ехать.

К ночи обещали –25 градусов.

Печка у меня в том доме совсем разваливается, не знаю, как с ней быть. Всё прогорело, дверца выпадает. Я уже раз починила её проволокой, а то бы уже давно развалилась.

Но на морозы оставаться с такой страшно. Значит, надо приниматься за дело печника. Недаром снится иногда, что мы опять в избушке на Ремесленной. Беды и заботы на меня так и обрушились.

Разве что я стала устойчивее.

Помогает гордость. Гордость и мужество — две великих опоры человека.

В прошлом году в это время, немного раньше, я отвезла «Первое сентября» в издательство. А теперь я успела получить рукопись обратно, переработать ещё раз и перепечатать с начала до конца только за август — и услышать, что всё рухнуло. Но сама знала это.

При чтении рассказов Солоухина в новом издании вдруг совершенно чётко открылось: для рассказа нужно только два условия. Во-первых, — и это главное, — то, что тебе и так хотелось бы написать из своего опыта, нечто определённого стиля и колорита, вводящее в какой-то мир.

Второе — поселить в этот мир, в этот быт, в природу — яркий простой сюжет. Чтобы что-то случилось на этом фоне. Да, вся эта азбука должна быть открыта непременно самим, иначе не поможет.

Ещё: книга Коронатовой очень интересна, но — не литература. Она не перешла в эту таинственную область. Переход этот — таинство. Может быть, оно раскрывается в следующем замечании, над которым надо задуматься: «Гофман напишет: «Отворилась дверь, и вошёл чёрт»», — веришь!

Другой писатель напишет: «Отворилась дверь, и вошёл председатель колхоза», — не веришь!» Несправедливо, но так.

Роман Солоухина «Мать-мачеха» очень хорош. Никакой деланности, свежо и искренне. Он не заботится о том, чтобы не нажить врагов в лагере В. Кочетова, credo¹ его ясно для всех. Не только Паустовский одобрил его, но Л. Толстой

---

¹ Credo — «верю» (лат.); взгляды, убеждения.

и Горький назвали бы его честным писателем. А это в их устах было главной похвалой.

Вечер. Цветок с красными листьями, похожий на разросшуюся крапиву, красивее в электрическом свете. Как выдержит морозы?

Если человека ужасает что-то в природе — это явный признак его непонимания. В природе ничего не может быть ни ужасного, ни нелепого.

В кино идёт «Хуторок в степи» по В. Катаеву. Прекрасно. Лучше быть не может. Артисты, дети и взрослые, подобраны удивительно. Блещет море, волны набегают на берег... Взрыв замедленного действия — Россия начала 1900-х годов, подпольная типография в Кишинёве. Хорошо.

Мексиканский фильм «Дикое сердце». Публика валом валит. Привлекают сильные страсти и экзотика, всё нездешнее. Это и понятно. Многим кино заменяет чтение, воображение утомлено однообразием внешней обстановки, бытом районного городка.

«Накануне» по Тургеневу. Очень хорошо. Выдержан стиль, никакой отсебятины. Публика зевает. Может быть, слишком медленный темп жизни тех лет. И нет подготовленности к восприятию — это главное.

16 декабря

Суровый северный ветер подул. К вечеру мороз стал крепче. У Маркова в «Сибири» говорят о Нарымском крае: «Зима с коломенскую версту».

Как всё колоритно, крепко, где касается быта: налимы, крупные, как листовничные поленья. Как заметил Паустовский о рассказах одного малоизвестного прозаика: «Они действовали сразу на все пять чувств».

17 декабря

–26. Провода гудят. Снегу — чуть. Ковырнёшь лопатой — и вот она, земля с примёрзшей травой. В палисадни-

ке видны ещё все кусты черёмухи, скамейка с сугробиком снега. Натопили тепло. Шнырушку заводили на кухню погреться. В пять уже темнеет, читать нельзя. Всё погружается во тьму, световой день сжимается, словно от мороза.

Продолжаю читать «Сибирь».

В Москве сейчас началось совещание журналистов, на которое послали лучших редакторов районных газет, в их числе редактора нашей газеты «Путь Ильича» М. Д. Сурганова, человека неизмеримо интеллигентнее, чем наш завроно.

Тишина полная. Здесь бы жить мудрецам, философам, неутомимым труженикам мысли. «Мыслитель» Родена, по моему, задумался так глубоко, сидя где-то на окраине большого города. Жизнь города даёт обширный материал для размышлений, но продумывать его надо в тишине.

Куприн о южном море: сначала — «грязная лента светло-каштанового цвета», дальше — «жидкая зелёная полоса вся сморщенная, вся изборождённая гребнями волн и, наконец, — могучая, спокойная синева глубокого моря с неправдоподобными яркими пятнами, то густо-фиолетовыми, то нежно-малахитовыми с неожиданными блестящими кусками, похожими на лёд, занесённый снегом».

«Лавки торгового ряда пахнут кумачом, керосином и крысами; а комнаты старого клуба — кислым тестом, карболкой и сыростью; а морская вода во время прибоя — резедой».

Изменчивый цвет теней на снегу — ночью под луной и днём под солнцем. Впервые мои любимые импрессионисты заставили меня по-новому всмотреться в снег и стараться определять, по возможности — точно, его цвет и оттенок. Точнее, несколько цветов и оттенков на небольшой площади — в зависимости от освещения и тени ближайших предметов, например, вблизи берёзы и вблизи забора, от высоты сугроба, цвет лыжни, глубоких следов от ног в валенках,

под вечерним фонарём, под освещённым окном, где на подоконнике цветок.

Тогда, при жизни Твардовского, шла как бы первая половина зимы. С 18 декабря — вторая. И долго не открывала я эти записки. В «Литературной газете» один Щипачёв откликнулся маленьким стихотвореньицем, а поместили его так, что совсем затерялось. Да не тому гнаться за этим, кого любит и твердит народ.

Впоследствии появилось большое и хорошее, очень хорошее стихотворение Л. Решетникова.

Перечитываю внимательно «Тихий Дон», особенно военную часть. Шолохов, как каждый писатель, бравшийся после «Войны и мира» за эпопею, близок Толстому. Но Толстой разбирался в политике ровно столько же, сколько разбирается в ней Бог. И так же хотел в ней разбираться. Читая, как Григорий рубит матросов, как Алёшка Шамиль разрубил надвое каждого из трёх раненых красновардейцев, прислонив их к плетню, — «из трёх шестерых сделал», — хвалится, — только бы и сказал: «Опомнитесь, люди! Что вы делаете?!» Один учитель, пожилой человек, позавчера сказал, что теперь молодёжь уже не читает Шолохова. Комментарий не требуется.

1971 год

«Чудесная российская жара. Под голубым небом ярко желтеют на огородах подсолнухи, розовеет, доцветая, мак. Посреди двора пламенеет, точно корзина, переполненная цветами, круглая клумба настурций. Влево уже отцвела, побледнела душистая маттиола, поникнув бледно-лиловыми, как у сирени, звёздочками. Направо темнеют грубой зеленью помидоры с твёрдыми плодами, оттянувшими ветки. Пейзаж перечёркнут бельевой верёвкой, по неподвижности её видно, что ветра нет. И всё неподвижно. Пыльные листья

тополей, черёмуха с редкими, уже чернеющими ягодами, юная берёзка в ограде с изогнутым тонким стволом, конопля и полынь у забора. У цветника с двух сторон протоптаны тропинки: вправо, к деревянному сараю — торная, в щепках, слева, у маленького запущенного палисадника — чуть видная в траве». «Горизонты свободы», Владимир Гусев, 1972, стр. 34.

«...Ты совершаешь ту же ошибку, что многие, — тебе в твоём гневе и пламени кажется, что вокруг только резня и стоны; а между тем большинство людей каждый день только спит, ест, обнимает жён, ласкает детей, пасёт скот и работает на плантациях...

— Где по спинам гуляет плеть?

— Да, где гуляет плеть... Таков человек; он не может не забываться, не жить». (Там же. Стр. 60.)

«Пошатните устои сегодня — и вы уже не будете знать никаких устоев. Вам всё будет шатко, противно и беспокойно. Вы будете вечно в поиске — и ничего не найдёте... Вы не успокоитесь в море, отчалив от берега. Берег, он, может, плох, он скалист, но он — берег. А море, даже если оно день-два сияет голубизной и багрянцем, — оно море, море...» (Там же. Стр. 32.)

Вдруг она вспомнила древнюю молитву, слышанную в Испании: «Боже, дай мне силы перенести то, что я не в силах изменить. Боже, дай мне силы изменить то, что я не в силах перенести. Боже, дай мне мудрости, чтобы не спутать первое со вторым».

Ещё прочла в июле у Галины Серебряковой «О людях и о себе», второй том о жизни Карла Маркса — «Похищение огня». Прекрасно и интересно всё о Марксе, его семье и Энгельсе. Очень слабо о других, в частности — о Герцене. Всё же из этой книги узнаёшь много о личной жизни Маркса, о его несчастьях в семье, бедности, постоянных лишениях и стойкости Женни¹, об этой прекрасной, нежно любящей семье и подвижничестве труда Маркса.

---

¹ Женни — дочь К. Маркса.

Борис Дьяков. Пока я читала его замечательную книгу, суровую и беспощадную, как сама правда, газеты поздравили его с семидесятилетием. Мысленно поздравила и я, чувствуя к нему глубокую благодарность.

Что перечитываю в это лето? «Подросток» Достоевского — едва ли не любимое из него — если б это возможно было определить. Короленко — «Река играет», «За иконой». Такая прелесть. Россия, русские люди, народные типы, характеры, летние дороги под Нижним, зной, Ока с полусонным пароходишком. Дремотный, не проснувшийся ум богомолок из мещан, монашек и монахинь, пьяных мужичков, сладко уснувших в траве по дороге за иконой. Учю наизусть «Медный всадник». Большая для меня радость. Захватываю сразу то, что так дорого, — Пушкина и Питер. Больше половины. И вечерами могу читать уже без огня и без книги. Иногда так повторяю и «Демона» — помню только до слов:

«И пред ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдаль».

И «Соловьинный сад» Блока до слов:

«И в призывном круженьи и пеньи
Я забытое что-то ловлю.
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю».

Это — приобретение недавних месяцев. Из старых богатств ещё кое-что из Лермонтова: «Три пальмы» полностью, лирика... Кое-что Пушкина, Тютчева... Неужели всё? Да, почти. А вдруг ослепнешь? И эти стихи, которых не знаешь, уже никогда не будут с тобой? Это может случиться с каждым. Надо богатеть, надо запоминать больше и больше. Учила немного прозы — Бунина, Лермонтова. Начало «Тамани», «Бэль» («Максим Максимыч»).

Ветер поднялся, шумят деревья.

Вчера смотрели «Чайку» Чехова в кино — экранизированный театр. Отчего-то в такой форме тяжело смотрится, несмотря на прекрасную игру артистов. Как Чехову не повезло с первым представлением «Чайки», так и опять повторяется у нас в Болотном. Молодёжь не поняла. Конечно, наша местная молодёжь. Чтением она себя не утруждает. Не то, что та девушка из Риги, с которой мы разговорились в поезде. И не то, что современные студенты литературных факультетов Англии и Германии, которые отлично знают русских классиков. Это же подтвердил состоявшийся в этом году, недавно, съезд писателей разных стран, посвящённый творчеству Достоевского.

4 августа

Раннее утро. Тишина. Шумит в отдалении поезд. Солнца нет. Но и не пасмурно. Поливая астры, подняла голову к небу — и лейка так и повисла в руке: прямо надо мной, в чистейшей светлой голубизне, в летней голубизне, набранный из одинаковых тончайших раковин улетающий лёгкий эллипс. Сквозь белизну каждой его раковины просвечивает солнце, а в промежутках — голубая глубина, и весь он, уже растекающийся, уже нарушенный, кажется таинственным квазагом, заблудившимся в мирах Вселенной в этот ранний час нашего утра. А по сторонам, с востока и запада широко разметённые тонкие белые полосы, точно развёрнутое индийское сари, унесённое ветром, лёгкое и прозрачное.

В «Л[итературной газете]» Дымшиц отвечает блестящей статьёй читателю Шесминцеву на его письмо, кот[орый] пишет: «Задача писателя неизменна... Она всегда в том, чтобы писать правдиво и, поняв в чём правда, выразить её так, чтобы она вошла в сознание читателя частью его собственного опыта». Хорошо! Приводит слова Хемингуэя, который утверждал, что ему нет дела до государства, и даже выдвигал тезис о неизбежном конфликте писателя

с государством. С этим нельзя согласиться. Ведь с понятием «государство» отождествляется понятие о родине. Дымшиц разбивает не только данное утверждение Хемингуэя, но доказывает, что оно было для Х[емингуэя] случайным, не подтверждённым всей его жизнью и противоречащим истинным убеждениям.

Шесминцеву лучше было привести слова Маяковского:

«Мой стих дойдёт
Через хребты веков
И через головы
Поэтов и правительств».

Дымшиц: «В наше время писатель, не вступающий в борьбу с идеологией капитализма, не может сказать правды о мире капитала. И точно так же не скажет правды о мире социализма писатель, не способный воспринять идеологии социалистической». Верно. Но предложение построено несколько асимметрично.

Не говоря о том, что всё блестящее возражение уклонилось опять по маниакальному руслу.

Ещё интересен диалог Паустовского и Олеси о новелле (состоявшийся в 1939 году).

П[аустовский]: «Новеллу можно сравнить с надписями на камнях и перстнях, которые делались в средние века, то есть на маленькой площади нужно поместить очень значительное содержание. Секрет новеллы — большая ясность языка...»

Газета «Правда» обратила внимание на необходимость оживления деятельности народных университетов культуры. Да, это хорошо. От такого ценного начинания у нас в Б[олотном] ничего не осталось, кроме названия да чина Л. Афанасьевской «ректор университета культуры».

О чём говорят люди?

Артистка из Чимкента (певица, ведёт всю жизнь класс вокала): «Клубная деятельность, такая нужная и полезная особенно для молодёжи, в настоящее время в некотором ту-

пике, в чём мы виноваты сами. Мы не сделали усилия, чтобы привить молодёжи вкус к хорошей музыке и стремления овладеть ею, повышать свой интеллектуальный уровень, а пошли на поводу дурных вкусов, влияния извращённого Запада. Подростая сейчас молодёжь не желает ни слушать настоящей музыки, ни танцевать под духовой оркестр. У нас несколько отличных городских клубов. Те из них, где танцы под духовой оркестр и в освещённом зале, молодёжь называет «стариковскими». Идёт танцевать только под джаз в затемнённом зале, требует только джаза, овладеть хочет только джазом. Этим же объясняется и сильный упадок самодейтельности, так расцветшей в предыдущие годы советской власти».

Киргизы очень талантливы, музыкальны, среди них встречается много одарённых красивыми голосами. Казахи менее талантливы в области театрального искусства.

В кино опять вернулся индийский фильм «Бродяга»¹, все хотят посмотреть — кто в первый, кто в третий раз. Хотя многие уже отмечают однообразие индийских фильмов, противопоставляя им содержательность наших. Но притягивает красота, необычайность обстановки, красота и сила чувств.

8 августа

«Бродягу» всё же посмотрела — не вытерпела. Много красивого, эффектного, в главной роли очаровательная артистка — молодой адвокат, очень симпатичен старый судья. Тем не менее слишком наивно, «по-индийски» построен сюжет, примитивно-гуманная мораль, пройденные этапы для нашей страны, для мысли современного русского гражданина. А в чём-то мудро и независимо — тоже по-индийски.

Председатель суда адвокату: «Говорите лишь о том, что велит закон. Ведь вы изучали закон». Молодой адвокат: «Да, господин судья. Но моё сердце не изучало закон».

---

¹ «Бродяга» (1951) — мелодрама, мюзикл, реж. Радж Капур. Он же сыграл гл. роль.

После жарких дней сегодня утром грянула страшная гроза с ливнем, весь день темно, тучи и дождь. На огородах всё мокрое, ни до чего не долезешь, но какая-то благодатная теплынь.

В «Сов[етской] Сибири», как и во всех газетах, схватились прежде всего за статью об образовании «К всеобщему среднему» — на темы дня. Речь идёт, главным образом, о привлечении в школы работающей молодёжи, рабочих и колхозников. О цели образования изложено в следующем абзаце:

«Особое значение имеет воспитательная работа в производственных коллективах, разъяснение того, как образование влияет на рост производительности труда молодых рабочих».

Замечательно. Точно так же, как музыка на коров: они больше надаивают молока, слушая музыку.

Академик Несмеянов несколько иначе определил цель образования, в частности — задачи средней школы.

В его определении чувствуется уважение к человеку, к его интеллекту и личности, к его высокому назначению в жизни.

1972 год

18 августа. Вечер

Какой тёмный холодный вечер... Первый предосенний вечер. И на улице, где в этот час — до десяти, до одиннадцати — всё ещё вчера стояли, бродили люди, катались на велосипедах, бегали и играли дети, — полная тишь. Ни звука. Да — прислушиваюсь. Ни звука. Хоть бы собака лайкнула. Спрятались. Начинается редкий холодный дождь.

В разговоре один довольно развитый пожилой электро-возник сказал, что много читает: «Современную литературу, конечно. Выписываю «Роман-газету». И все номера читаю». Это уже хорошо.

— А классиков?

— Ну, я читал, когда в школе учился.

Тургенев для него пройденный этап. Он уже не возьмёт его в руки. «Сами понимаете: читать старое, так и на новое времени не хватает».

По-своему прав. Нельзя же всем одинаково читать. Вот Арго писал как-то в последние годы жизни, что очень любит Диккенса «Жизнь и приключения Чезлвита», «[Жизнь и приключения] Николаса Никльби» — уж он-то не мог отказать себе в радости заглянуть иногда даже в Диккенса.

Последней книгой, которую читал папа, которой он необыкновенно восхищался и писал мне об этом, — была «Фрегат «Паллада» Гончарова. И вообще Гончаров так восхищал папу, что он очень хотел узнать о нём больше, жалел, что нет его хорошей биографии там. Было это в 1954 или даже 1955 г. Любимым его писателем был всю жизнь, если не ошибаюсь, Чехов. Поэтому и читал он его вслух вечерами очень хорошо. Может быть, в те годы Чехов стал и для меня любимым.

Прошли с гармонью и затихли.

Дня три назад закончила «Медный всадник». Теперь могу прочесть полностью. Труднее было «Моцарт и Сальери», кот[орую] учила на Дальнем Востоке, — а было мне в ту осень лет на тридцать меньше. Но мне всегда нравились белые стихи.

«Подросток» Достоевского — это в минуты отдыха. Несмотря на все меры, пьянство не убывает. Даже в субботу и воскресенье как-то нагло пьют, словно хвалятся. Да, если сам человек не пожелает взять себя в руки, — никакие внешние меры не помогут. Только — сам.

28 августа

Холодный день с облаками и солнцем, холодный тёмный вечер. Учительское совещание прошло в ещё худшую погоду: лил проливной дождь, грязь стояла невылазная, так что все ходили в резиновых сапогах. Цветут в холоде

пунцовые георгины, ярко и густо гранатово краснеют циннии, все одного цвета — словно каждый цветок утверждает именно этот оттенок, расцвёл, чтобы доказать важность его, подтвердить, умножить, усилить. Поэтому мне даже начинают нравиться циннии этого лета, хотя обычно люблю разноцветные. Нравится их упрямство, единство, так что в глазах пылает целый костёр, когда на них смотришь.

Ещё новое открытие в астрофизике — странные голубые звёзды с резко усиленной ультрафиолетовой частью спектра — квзаги. Среди догадок о их природе — искусственное происхождение этих удивительных космических объектов.

Остаются неисследованными и таинственные квazarы.

Появилась новая гипотеза о зарождении планет. Шведский учёный Алвен считает, что астероиды — не обломки планеты, а планета в стадии формирования.

Да, что мне показалось примечательным и понравилось — машинист электровоза П*, несколько лет тому назад закончивший нашу школу рабочей молодёжи, прочёл в гостях, за столом, «Перчатку» Шиллера — в переводе Жуковского. Правда он, возможно, запомнил Жуковского в то время, когда это учили его дети, сын или дочь, и потому, что жена его преподаёт литературу в средней школе. Так сказать, из солидарности. Но всё же! И ведь совсем не обязательна тут солидарность. Отцы далеко не всегда так проникаются тем, чем занята семья. Очень хороший признак. У него большие дети: сын перешёл в восьмой, дочь только что сдала экзамены в университет академгородка — увлекается химией. Оба П* из совсем простых малообразованных семей Болотного.

Так движется новое. Так изменяются поколения сибиряков.

29 августа

Очень холодно. Весь день ветер треплет деревья. Утром было всего +5. Наперекор холоду расцвели сегодня две оранжевые лилии с тёмно-красными бархатными, четырёхугольными внутри, на тычинках — причудливые люстры.

Ветер качает их.

Римма Казакова (новое).

Рынок у океана

Спал океан, большой и чёрный,
И где-то, как душа во мне,
Там жили рыбки в глубине,
Чешуйчатой и золочёной.

Но не напрасно берегу
С какой-то точностью фатальной
В сознание снимок моментальный:
Торговля шла на берегу.

Ракушки, звёзды, кости рыб
Фосфоресцировали в куче —
Ни волны им, ни добрый случай
Вернуть дыханья не могли б.

Не так ли тянет нас порой
Извлечь — морской звездой из грота —
Лишь для товарооборота
Души единственный настрой...

Хороша мысль. Из современных поэтов эта поэтесса, пожалуй, наиболее симпатична мне. Но всё же! Как прозаичен язык, какие бедные рифмы... Два иностранных слова рифмуются, два прилагательных: фатальный — моментальный... Даже для «Лит[ературной] России» бедно, очень бедно.

Римма Казакова всегда нравится мне искренностью, вдумчивостью. Она как будто пишет для себя. «Рынок у океана» перекликается с Тютчевым — «Silentium»¹. Помню с шестнадцати лет, когда поразило.

¹ «Silentium» (лат.) — «Молчание», стихотворение Ф. Тютчева, написано в 1830 г.

2 сентября

Снова очень холодно, холодный ветер и тучи. Утром стёкла запотели от холода, вставлять вторые рамы ещё рано.

День памяти мамы. И чувства безмерной вины перед ней. Представляю её такой, какой знала больше всего, когда мы так счастливо жили в Саратове до 1930 года, в том доме на углу Вольской и Рабочей, который часто мне снится. Перед ним я стояла летом 1970 года (до наших дней здание не сохранилось. — Прим. ред.), смотрела на него долго-долго, входила даже со двора в ворота, с чёрного хода прошла до угла, где поворачивать летом к нашему балкону... Там всё развалено. Зато парадный ход точно такой же — даже кафельные плитки у двери, светло-кремовые, кое-где отбитые по углу... И так больно смотреть на эту дверь. Это было тоже свидание с мамой. Так живо представились все, кто возвращался к этой двери домой...

3 сентября. Воскресенье

Продрогла на базаре в очереди за мёдом — стояла часа два. Справа и слева отрывки разговоров:

— Врачи — они не умеют лечить.

— Нет, не говори...

— Они умеют, только не хотят.

— Я тебе говорю: нарви ты подорожник, в мясорубке пропусти и разведи с мёдом...

— Поросёнок убежал, эй! Чей поросёнок?

Поросёнок в мешке вывалился вместе с мешком из сумки и сделал попытку бежать. Его остановили, сунули обратно, но он опять выскочил, ужасно живой и энергичный даже в мешке: бежать, бежать!

— Почём, тётка, куры?

— Три пятьдесят.

— Одна?!

— А мясо-то почём?!

За спиной старушечий голос рассказывает:

— Ну, скопила я масла килограмм, понесла на станцию — оно в войну семьсот рублей было...

— Триста, а не семьсот. Я же помню: сало четыреста рублей за килограмм, а масло — триста. Сама корову держала.

— Так это на базаре — триста! А с поезда за семьсот из рук рвали! Вот подходит, значит, томский поезд, я к нему, милиционер за мной... А у меня для него в кармане яичко припасено... Ребятишки-то!

— Ну да, это ежели, бывало, Грибовскому — он тебе за то яичко!..

— И меня в милицию увели! А ребята — голодные, весной было, картошку доели, только на семена. По полям пойдём, наберём прошлогодней, столку её — и лепёшек. Так едят!

— И мы. Ох, вкусные лепёшки были!

Мёдом торгуют двое молодых колхозников — муж и жена, оба красивые, свежие, голубоглазые. Она стоит в сторонке, чтобы не испачкаться без халата, принимает деньги. На ней новенькое светло-коричневое пальто, шёлковый платочек. Три фляги уже продали, выскребают остатки. Из голубой легковушки, что стоит в сторонке, выносят ещё сотовый мёд, прямо в рамках. Все в очереди радуются: ещё есть! Мёд вырезают ножом длинными кусками, от него чудесно пахнет. Видны дырочки сот, оттуда стекает на весы.

— А воск куда нам?

— Воск сдашь в церковь, на свечку.

Мёд — три рубля килограмм. Сало — два рубля.

4 сентября

Золотисто за деревьями. Утренняя заря. Улица ещё спит. На будылье подсолнуха, который я выносила со двора в колею, сидела божья коровка.

Писателей и поэтов много, гневно вмешивались в жизнь людей, учили их жить пять человек во всём мире: Христос,

Магомет, Лев Толстой, Максим Горький, Ленин. Отдали жизнь за своё учение, за людей первый и последний.

Привела как-то вечером в порядок, собрала по листкам и по страницам весь рассыпанный пожелтевший маленький томик Жюль Верна на французском «Tour du monde en 80 jours»¹, с введением на русском языке. Как будто для меня, читательницы его с девяти лет, ничего в этом введении не ново — и всё же впервые бросилась в глаза преимственная связь с Грином. Когда сам увидишь её вдруг — это значительнее и интереснее для размышлений, чем когда прочтёшь в готовом выводе у критиков. Недостаёт только последних страниц да некоторые так порваны по краям, что уж не подклеить. Но собирала я книжечку с большим тщанием, потому что привезла её с собой мама.

«En l'année 1872, la maison portant le numéro 7 de Saville-row, Burlington Gardens, — maison dans, laquelle Sheridan mourut en 1816, — était habitée par Phileas Fogg, esq., l'un des membres les plus singuliers et les plus remarqués du Reform-Club de Londres, bien qu'il semblât prendre à tâche de ne rien faire qui pût attirer l'attention»².

Вот начало. Вчера читала вечером вслух.

Французский как-то навёл на мысль о Париже, о тех русских, которым пришлось жить там, и в первую очередь — о Бунине. Какая ошибка, какая жестокость... Для писателя, даже и не такого, как Бунин, жить вдали от Родины, жить без неё — всё равно что дышать через противогаз и через его же тусклые наглазники смотреть на солнце...

«...в стороне далёкой от родного края

Снится мне приволье тихих деревень».

---

¹ «Вокруг света за 80 дней» (франц.)

² Дом под № 7 в Савиль-Роу, Борлингтон-Гарденс, где в 1816 году умер Шеридан, в текущем 1872 году занят был Филеасом Фоггом, эсквайром, одним из самых странных и самых выдающихся членов известного лондонского клуба, называемого Reform Club, хотя, по-видимому, он поставил себе задачей не делать ничего такого, что могло бы обратить на себя внимание. (Пер. с франц.)

Ведь он любил и чувствовал Россию, как Тургенев, он сам — Россия.

5 сентября

Синоптики клялись по радио, что мороза ночью не было. Температура, по их утверждению, нулевая. Однако поверить этому трудно. Выйдя на крыльцо в восьмом часу, я увидела всю зелень в густом белом инее. Иней лежал на огороде, картофельная ботва прилегла к земле, как бы придавленная; убило бутоны на георгинах, оставшийся пунцовый цветок бальзамина, циннии. Я не хотела, чтобы цветы стояли такие чёрные, убитые, и поскорее выдернула их, сложила в кучу вместе с зеленью помидоров. Туда же легли и светло-зелёные плети настурций с оставшимися кое-где колокольчиками, мерцающими, как меркнущие огни. По радио передавали вечером хороший концерт из архивов фонотеки: арии из «Вильгельма Телля», «Евгения Онегина» и другие в исполнении русских и итальянских баритонов.

Сейчас рассказывают, как по нашей области идёт уборка хлеба комбайнами: она идёт успешно. К микрофону приглашают свежие, непривычно звучащие голоса комбайнёров с их непривычной для нас дикцией. Тем не менее выступления их интересны и приятны своей деловитостью.

Вечер тёмный, дует сильный холодный ветер.
«Tour du monde en 80 jours”.

A l'un des plus grands orateurs qui honorent l'Angleterre, succédait donc ce Phileas Fogg, personnage énigmatique, dont on ne savait rien, sinon que c'était un fort galant homme et l'un des plus beaux gentlemen de la haute société anglaise»¹.

---

¹ «Вокруг света за 80 дней».

Итак, место одного из величайших государственных людей, которыми гордится Англия, занял Филеас Фогг, лицо загадочное, о котором не знали ничего иного, кроме как что он отличный человек и один из самых красивых джентльменов высшего английского общества. (Пер. с франц.)

Убрали с грядки все остальные огурцы, самые крошки — посолили.

6 сентября

Взяли Лескова в новом издании: «Леди Макбет Мценского уезда» и другое. Первое прочла в четырнадцать лет, летом на даче Пчеловодной станции около Разбойщины вообще очень внимательно читала Лескова. Произвело сильное впечатление.

Михаил Алексеев «Американский дневник». Хорошо написано, но несколько узко. День простоял прекрасный, сухо и тепло. Утром +7, днём +18.

«“Tour du monde en 80 jours”».

On disait qu’il ressemblait á Byron — pas la tête, car il était irréprochable quand aux pieds, — mais un Byron á moustaches et á favoris, un Byron impressible, qui ausait vécu mille ans sans vieillir.

A qui s’étonnerait de ce qu’un gentleman aussi mystérieux comptât parmi les membres du Reform-Club, on répondra qu’il passa sur la recommandation de M.M. Baring frères, chez lesquels il avait un crédit ouvert»¹.

Обобрали все помидоры, уложили на печку в коробки.

7 сентября

Когда-то очень давно, в другой жизни, это был день моих именин, тёплый летний день в Саратове 26 августа. Особенно запомнился последний, когда мне принесли так много цветов — и в корзинах, и в цветочных горшках из ма-

¹ «Вокруг света за 80 дней».

Говорили, что он походил на Байрона (однако только лицом; обе ноги у него были здоровы), но то был Байрон, носивший усы и бакенбарды, Байрон бесстрастный, который мог бы прожить, не старея, целую тысячу лет.

Кто удивился бы, что столь таинственный джентльмен принадлежит к членам Reform Club, тому отвечали бы, что он вступил туда по рекомендации гг. братьев Баринг, у которых он имел открытый кредит. (Пер. с франц.)

газинов, и просто букетами. В магазине на Александровской продавали белые, розовые и сиреневые астры, хризантемы, гвоздику. В России она сильно пахнет. А я уже задумала тогда уезжать, составила план своего фантастического путешествия в Хвалынский паропаромом, которое оказалось в совсем реальное, окунув с головой как раз в самое стремя жизни — коллективизацию сельского хозяйства Средне-Волжского края.

Признаться, я и не помышляла о ней в этот далёкий день именин, а день рождения уже встречала вдали от семьи и дома, в Хвалынске. Но, впрочем, об этом я и не собиралась писать.

Забавно и чем-то приятно описание Индии у Жюль Верна — ведь это Индия 1872 года — ровно 100 лет назад!

«Personne n'ignore, que l'Unde — ce grand triangle renuesé dont la base est au nord et la pointe au sud — comprend une superficie de quatorre cent mille milles carrés, sur laquelle est inégalement répandue une population de cent quatre-vingts millions d'habitants. Le gouvernement britannique exerse ne domination réelle sur une certaine partaine de cet immense pays»¹.

Да, большой путь прошла с тех пор Индия, о политическом устройстве которой так подробно и таким приятным языком сообщается.

Тем более интересно читать одновременно дневник Алексеева — его путешествие по Америке в 1969 году. Выписываю современных американских писателей и поэтов, которых ему пришлось упомянуть в разговоре о литературе: Джон Апдайк «Ферма», «Кентавр»; Джон Чивер «Буллет-Парк»; Дж. Сэлинджер «Над пропастью во ржи». Миллер — пьесы «Все мои сыновья», «Вид с моста», «Смерть коммивояжера», «Случай в Виши», «Цена».

---

¹ Всем известно, что Индия — этот огромный перевернутый треугольник, вершина которого обращена на юг, а основание на север, — обладает территорией в один миллион четыреста тысяч квадратных миль, неравномерно заселённой ста восьмьюдесятью миллионами жителей. Британское правительство в ту пору фактически владело только частью этой громадной страны. (Пер. с франц.)

Джон О` Коллинз, а ещё Трумен Капоте «Завтрак у Тиффани», «Хладнокровное убийство». Уильям Фолкнер — трилогия «Осквернитель праха». Ирвинг Стоун, Ирвинг Шоу, [Бернард] Маламуд, У. Сароян. Поэзия: Уолт Уитмен, Роберт Фрост, Карл Сэндберг, Аллен Гинсберг, Уолт Лоуэнфелс.

Модный эстрадный певец — Элвис Пресли.

8 сентября

Le gouvernement britannique exerce une domination réelle sur une certaine partie de set immense pays. Yl entretient un gouverneur général á Calcuta, des gouvernement á Madras, á Bombay, au Bengale, et un lieutenant-gouverneur á Agra.

Mais l'Unde anglaise proprement dite ne compte qu ne superficie de sept cent milles carrés et une population de cent á cent dix millions d'habitants. C'est assez dire qu'une, notablepartie du territoire échappe encore á l'autorite de la reine, et, en effet, chez certans rajahs de l'interieur, farouches et terribles, l'indépendance indone est encore absolue¹.

Приезжает Александр Романов, поэт и зав. отделом поэзии «Сибирских огней». Ему поручено собрать материалы и организовать репортаж по уборке урожая в нашем районе.

По ночам начались заморозки. Сегодня убрала мак, срезала подсолнухи. Лук лежит в сенях. Закончила «Американский дневник» Алексева. Что-то мало. У Фонякова как-то оригинальнее — особенно о Японии. Веро-

¹ Британское правительство в ту пору фактически владело только частью этой громадной страны. Его представляли генерал-губернатор в Калькутте, губернаторы в Мадрасе, Бомбее, Бенгалии и вице-губернатор в Агре.

Но собственно Британская Индия занимала тогда площадь лишь в семьсот тысяч квадратных миль с населением в сто или сто десять миллионов человек. Значительная часть территории Индии еще не была подчинена власти английской королевы; в некоторых отдалённых округах дикие и жестокие раджи еще пользовались полной независимостью. (Пер. с франц.)

ятно, дело в восприятии, в глазах, почти физиологически. Вообще, можно ручаться, что ни одному американцу не удалось с Алексеевым разговориться за стаканом какого-нибудь бренди в уютной обстановке. Весь он ясен, как стекло.

9 сентября

Что ж, нет возможности сосредоточиться — займёмся французским. Продолжим описание Индии 1872 г.

«L'aspect, les moeurs, devisions ethnographiques de la péninsule tendent á se modifiers chaque jour Autrefois, on y voyageit par tous les antiques moyens de transport, á pied, á cheval, en charette, en brouette, en palanquin, á dos d'homme, en coach, etc»¹.

Художественный прием описания отрицательный:

«...Ainsi donc, des merveilles de Bombay, in ne songeait á rien voir, ni l'hôtel de ville, ni la magnifique bibliothèque, ni les forts, ni les docks, ni le marché au coton, ni les bazars, ni les mosqués, ni les synagogues, ni les églises arméniennes, ni la splendide pagode de Malebar Hill, ornés de deux tours polygones. Yl ne contemplerait ni les chefs d'Elephanta, ni ses mystérieuses hypoquées, cachées ausud-est de la rade, hi les grottes Kanhé Z'île salcette, ces admirables restes de l'architecture bouddhiste!

Non! Rien»².

---

¹ Внешний вид, нравы, этнографические различия полуострова видоизменяются с каждым днём. В прежние времена путешествие по полуострову совершалось с помощью самых древних способов передвижения: пешком, верхом, в тележке, тачке, палангине, карете, на спине человека и т. д. (Пер. с франц.)

² Что касается достопримечательностей Бомбея — ратуши, прекрасной библиотеки, фортов, доков, хлопкового рынка, базара, мечетей, синагог, армянских церквей, великолепной пагоды Малабар-Хилл, украшенной двумя многоугольными башнями, — то он и не подумал их осмотреть. Не взглянул он ни на чудесные образцы архитектуры в Элефанте, ни на таинственные подземелья в юго-восточной части гавани, ни на пещеры Канхери на острове Солсетт — эти замечательные останки буддийского зодчества.

Нет! Ничего. (Пер. с франц.)

Лесков «Воительница» — очерк. И «Леди Макбет» — очерк... Как не похожи они на наши современные очерки. Видимо, несколько сдвинулось понятие о жанре. Сейчас их назвали бы романами или повестями. «Воительница» — чудесная форма повествования, образ «повествующей» вырисовывается постепенно, как в «Хорошей жизни» Бунина. Сокровищница народной речи из гущи петербургской жизни.

10 сентября

В нашем городском парке мне особенно нравится его тишина, простор и запущенность. В нём нет охраняемых газонов, как в большом городе, а просто всюду под деревьями растёт трава. Правда, центральную аллею этим летом замостили, чтобы не было грязи и было шикарнее, но это не мешает: есть ещё боковые, над которыми склоняются молодые тополя, акация, мешаясь с розовым шиповником. Лучше всех та, что отходит от главной наискось вправо, к каруселям. Чудная аллея! Моя любимая. Она ни в чём не уступает любимым моим уголкам на Пчеловодной станции близ Разбойщины (Саратовская область, утёс Степана Разина. — Прим. ред.). Широким сводом склоняют над ней ветки сибирские клёны. Стволы у них чёрные, корявые, изогнутые то вправо, то влево, некоторые деревья словно откинулись слегка на спину, а другие — вперёд. Но это не мешает им сплетаться вершинами. Ветки клёнов тоже корявые и торчат в разные стороны с кистями светло-зелёных мягких вырезных листьев. Сибирские клёны несколько не похожи на настоящие — например, на наши саратовские. Скорее они напоминают какие-то библейские деревья, которые можно увидеть на некоторых картинах в Эрмитаже. Или в пейзажах Александра Иванова — одного из моих любимых художников. В этой аллее всегда тень. Летом в вершинах деревьев беспрерывно покрикивают птицы. Хочется

остановиться и послушать их, не заглушая своими ногами их голосов. Остановишься и слушаешь. А справа и слева от лужайки — солнечные зайчики. Всего одна скамейка-диванчик со спинкой стоит в конце. Можно и посидеть. А как прохладно и тихо там осенью...

На заброшенных круговых каруселях, как в сонных владениях спящей красавицы, застыли на бегу, подняв переднюю ногу, согнутую в колене, деревянные крашенные лошадки, неподвижны двугорбые верблюды — они тоже остановлены на полном ходу. Кое-где на их спинах лежат жёлтые листья.

На базаре, в магазинах, на улице начался разговор про картошку, где во всех временах и видах повторяется глагол «копать», с приставкой или без.

- Уже копаете?
- Выкопали?
- Много накопили?
- Мы на неделе копать.
- Мы ещё не копали.

Убирали горох. Сыро, холодно, временами — дождь. Горох пока водружён на забор, «сохнет» под дождём.

По радио опера «Григорий Мелехов». Жуткий шум, раздражающий по нервам. Нет даже отдалённого сходства с музыкой.

В кино идёт индийский фильм «Цветок и камень» — он очень красивый и даже содержательный, но идёт повторно. Также повторно интересный фильм «Государственный преступник».

«En effet, Hong-Kong était encore une terre anglaise, mais la dernière qui se rencontrât sur le parcours. Au delà, la Chine, le Japon, l'Amérique, offraient un refuge à peu près assuré au sieur Jogg. A Hong-Kong, sil y trouvait enfin le mandat d'arrestation qui courait évidemment apres, lui, Fix arrêtait

Fogg et le remettait entre les mains de la police locale. Nulle difficulté»¹.

11 сентября

Холодное ненастье, сильный косой дождь с ветром. Хлеб на полях полёг, убирают с трудом. Наш район отстаёт почему-то.

«Le gouvernement chinois a bien essayé de remédier à un tel par des lois sévères, mais en vain. De la classe riche, à laquelle l'usage de l'opium était d'abord formellement réservé, cet usage descendit jusqu'aux classes inférieures, et les ravages ne purent plus être arrêtés. On fume l'opium partout et toujours dans l'empire du Milieu. Hommes et femmes s'adonnent à cette passion déplorable, et lorsqu'ils sont accoutumés à cette inhalation, ils ne peuvent plus s'en passer, à moins d'éprouver d'horribles contractions de l'estomac. Or, c'était dans une des nombreuses tabagies de ce genre, qui pullulent, même à Hong-Kong, que Fick et Passepartout étaient entrés avec l'intention de se rafraîchir»².

---

¹ Действительно, Гонконг был последней английской территорией на пути Филеаса Фогга. Дальше — Китай, Япония, Америка предоставляли почти надёжное убежище мистеру Фоггу. В Гонконге, если только ордер, который, очевидно, следует за сыщиком, придёт вовремя, Фикс арестует Фогга и передаст его в руки местной полиции. Тут не будет никаких затруднений. (Пер. с франц.)

² Китайское правительство давно стремится путём суровых законов пресечь это зло, но тщетно. От обеспеченных слоёв населения, которым некогда было предоставлено исключительное право курения опиума, эта привычка перешла к широким слоям народа, и вред, производимый ею, не мог уже быть ограничен. В Китае опиум курят повсюду и особенно в центральной части страны. Мужчины и женщины предаются этой пагубной страсти и, привыкнув вдыхать дым опиума, уже не могут без этого обходиться, не испытывая мучительных судорог в желудке. В одну из этих многочисленных даже в Гонконге курилен и попали Фикс и Паспарту, желавшие немного освежиться. (Пер. с франц.)

13 сентября, вечер

По радио — Борис Штоколов поёт в опере «Борис Годунов» партию Бориса — сцена в тереме (так написано).

Вчера приехал Александр Романов. Впечатлений много. Быть может, запишу кое-что, но не сейчас. Сидели у нас, вечером мы были в гостях у Т. Вернулись ночью, легли в два часа.

«Le paquebot faisant la traversée de Yokohama á San-Francisco appartenait á la Compagnie du Pacific Mail steam et se nommait le General Grant. Les passagers étaient assez nombreux á bord du steames, des Anglais, beaucoup d'Américans et un certain nombre d'officiers de l'armée des Indes, qui utilisaient leus condé en faisant le tour du monde»¹.

Очень холодный тёмный вечер, почти мороз.

3 октября

Сегодня вставила последние зимние рамы в обоих домах, убрала досыхавшую в сенях морковь и свёклу — выкапывать пришлось из-под снега и грязи, а теперь опять снег сошёл, всюду носятся пересохшие потрескивающие под ногой жёлтые листья, сморщенные в горсть, густо лежащие ворохами у ворот, на дворе, в палисаднике, на огороде.

Холодно, почти все дни без солнца. На полях гонят и гонят запоздавшую уборку. Рожь и пшеница окончательно повалены выпавшим 25 сентября густым мокрым снегом. Комбайнёрам приходится лавировать, выбирать, с какой стороны лучше подъехать, и двигаться медленно. Однако многие доказывают, как трудолюбивы и выносливы сибиряки. Картофель колхозный также ещё сиротеет на полях, несмотря на зимний ландшафт. Посылают рабочих и слу-

¹ Пакетбот, совершавший рейсы между Йогогамой и Сан-Франциско, принадлежал Тихоокеанской почтовой компании и назывался «Генерал Грант». На пароходе было много пассажиров: англичане, много американцев, было также несколько офицеров индийской армии, которые проводили свой отпуск, совершая кругосветное путешествие. (Пер. с франц.)

жащих — из контор связи, из библиотеки — одним словом, «нечего сидеть». И правда... 25 сентября утром всех поразила картина совершенно неожиданно не выпавшего, а просто рухнувшего на рассвете снега. Ни синоптики, ни прочие наблюдения не говорили о снеге. Тяжёлые мокрые глыбы поломали деревья, пригнув верхушки с листвой к самой земле, раскидав сучья по улице, пригнув кусты малины, порвав провода. Из окна мне показалось, что наша берёзка на дворе, посаженная три года назад, переломлена пополам. Мы очень горевали, но оказалось, что её просто пригнуло к земле, и она распрямилась, когда с неё стряхнули снег. Зато клён, разросшийся в разные стороны и толстый, сломало совсем, так что пришлось спилить.

«...Печален долгий вечер в октябре!
 Любил я осень позднюю в России.
 Любил лесок багряный на горе,
 Простор полей и сумерки глухие,
 Любил стальную, серую Оку,
 Когда она, теряясь лентой длинной,
 В дали лугов, широкой и пустынной,
 Мне навевала русскую тоску...»¹

Одно из стихотворений Бунина, помещённых в новой отличной хрестоматии «Русская литература XX века», составитель Н. А. Трифонов. Там же прочла любимые мною чудесные, сильные по чувству и художественные рассказы Куприна «Гамбринус» и «Листригонь». Издание 1971 года, Москва, «Просвещение».

Романов А. А. всем понравился. Умный, грустный, но не только грустный, а отчасти шуточный и открытый. Самостоятельные суждения. О Солженицыне возразил: мы не можем судить о его ценности как писателя, т. к. не читали всех его произведений. Считает, что ценность эта

¹ Цитата из стихотворения И.А. Бунина «Запустение» (1903).

не велика и преувеличена тайной. Следовало, по мнению Р[оманова], печатать в России всё, что он пишет, тогда бы ему труднее было так выделиться, а возможно, обнаружилось бы его бессилие.

Рассказал о сыне, 15 лет: умеет уже выделить подлинно крупное. Выделил Пушкина. Прочёл также полностью всю поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

«Я её не смог одолеть», — сказал Р[оманов] о себе.

Я тоже.

Как все из писательской организации, ездил на уборочную, беседовал с комбайнёрами, потом дал репортаж в газету «Сов[етская] Сибирь» в стихах.

Ну, я эти дни занималась уборкой «урожая», пришлось трудно, так как копала оба огорода одна, используя опыт и сноровку, привитые в Варламовской школе под мудрым руководством Бахтиной, где учителя втроём трудились на необъятных школьных плантациях всё лето и осень.

Всё же вечерами закончила «Tur du monele», рассталась с выдержанным джентльменом Филеасом Фоггом и его находчивым преданным Паспарту в самую счастливую минуту их жизни.

Р[оманов] сказал, может быть, и сгоряча, что в данное время у нас нет ни одного значительного писателя: ни поэта, ни прозаика. Когда я возразила, назвав Астафьева, Солоухина, Лихоносова, — он сказал, что это лишь продолжение Пришвина и Паустовского, заметное течение в литературе — и не более того.

Да, как важно для каждого выделиться, определиться, резче очертить себя, своё лицо. Именно для писателя, для работника искусства. Как хочется этого каждому — и какая же нужна для этого сила таланта! Потому что талантливых у нас много, очень много.

«...К вечеру вся Балаклава нестерпимо воняет рыбой. В каждом доме жарится или маринуется скумбрия. Широкие устья печей в булочных заставлены глиняной черепицей, на которой рыба жарится в собственном соку...» (Куприн.)

Хотела выписать отрывок побольше, но поздно. Ух, задолженности накопились! Как разделаться? Надо придумать — как. Надо. Одно, потом — другое. Что-то передвинуть по важности, неотложности. Всё — важно. Всё — неотложно.

Чудесно раскинулась и цветёт в горшке настурция. Зелень, как два крыла, усыпанные горящими колокольчиками.

Счётчик поздними вечерами поёт песенку, будто сверчок.

4 октября

Горький написал в письме Брюсову удивительно меткие слова о Бунине: «Не понимаю — как талант свой, красивый, как матовое серебро, он не отточит как нож и не ткнёт им куда надо». Только Горький умел так своеобразно сказать о каждом писателе. И всё же, я думаю, даже он был подвержен в данном случае участи современников: «Лицом к лицу — лица не увидать».

Я думаю, Бунин отточил-таки свой талант в нож и вонзил его, куда следует. Какое беспощадное осуждение произвола помещиков — «Суходол». Кто способен сильнее осудить, чем родной сын, кровь от крови?

Ну, а дикость, «пещерные времена»? Серый — «нищоброды проклятые»? Не умиляться над народом надо, а учить его учить, учить, просвещать, делать человеком. И в этом-то ох как они сходны с Горьким, с его «свинцовыми мерзостями русской жизни!» «Деревья» — Дениска, Серый, калеки, убогие, Дурновка, «Ночной разговор»...

Получила письмо от Ириши, где рассказано о Егоре Сергеевиче Вершинине, которому пятый месяц, Егорушке.

Днём передавали музыку итальянских классиков прошлого. Изыщная пьеса нидерландского композитора Орландо «Эхо», флорентийского — Монтенекки «Плач Ариадны», концерт для струнных инструментов Антонио

Вивальди. Хорошо, что рассказать об этих композиторах и познакомить с их музыкой просили учащиеся старших классов из разных городов. Возможно, они учатся в музыкальной школе.

21 октября

Обыватель тот, кто не делает в жизни ничего лишнего. Он не делает ничего, без чего можно обойтись, не нарушая свой заведённый порядок быта. Без чтения художественной литературы вполне можно обойтись. Даже похвально. «Некогда». Без стихов — особенно. Без музыки. Без балета. Вообще без театра. Без каких-нибудь лишних увлечений. Обыватель и не увлекается. Даже не позволит себе женщиной увлечься. Ведь для этого надо иметь уже какую-то фантазию. В городке, населённом убеждёнными обывателями, не обывателями были только дети. Но их за это преследовали, бранили, наказывали.

В нашем народном театре сегодня «Память сердца». У нас пропали пригласительные билеты.

Вечер тихий, безветренный, оттепель, как в марте, мокрая снежная каша под ногами, все гуляют.

И я встретила поезд с освещёнными окнами, прошлась перроном, под гроздьями замутнённо-светлых круглых фонарей.

Образы-логарифмы Леонова. Есть о чём подумать.

Паша вышла в сумерки из «водо-будки», окончив свой рабочий день, повесила на дверь замочек и сразу повернулась к фасаду, к объявлению, узнать, что сегодня в кино. Объявление наклеено, как всегда, слева от окошка, где наливают воду. Красной и синей акварельной краской написано, что сегодня и завтра идёт фильм «Если ты мужчина».

«Воздух лёгкий, совсем не уходит бы», — говорит Паша. Она здоровая, со свежим лицом, настоящая сибирячка. Подхватила ведро с водой и пошла через дорогу домой.

Каждую картину надо рассматривать так, словно тебе на всю жизнь дана только эта картина. Вот раскрываю в «Пейзажной живописи» Сем. Ф. Щедрина «Мельницу в Павловске», 1972 г. И хочется дальше, торопишься к другим, более интересным. Но чем пристальней изучаешь, тем картина становится интереснее. Ведь художник выписывал в ней каждую деталь! А я только что заметила, что в круглой башне, возле двери с висячим балкончиком недостаёт нескольких кирпичей — двух или трёх; а верхняя часть башни сложена правильными продолговатыми клетками, похожими на градусную сеть.

25 октября

Из интервью Аркадия Райкина: «Я хотел бы, чтобы людей, с которыми мы боремся, было меньше. И чтобы добро было более воинственное...» Добро должно быть с кулаками... Добро порой ведёт себя очень скромно, а плохой человек — более активно. Нужно, чтобы более активным был благородный человек. Это было бы замечательно!

Вот опять убили прекрасного человека — молодого араба Абделя Зуайтера, способного журналиста, энциклопедически образованного, знавшего несколько языков, учившегося в Римском университете. Жил на скромную зарплату переводчика и большую часть её тратил на книги. Замечательно, что Абдель Зуайтер сам отвергал террористические методы и призывал к мирному международно-правовому разрешению ближневосточного конфликта (Палестина). Понятно, что высокообразованный человек должен был придерживаться именно таких взглядов, будучи страстным пропагандистом справедливого дела. Убийцы его, определённно, стоят на другой ступени развития, полузвери, но хуже зверей. Опять более активным оказалось Зло!

В. Яковченко: «Раньше можно было в небесах
 приют найти — несговорчивая сила
 нам отрезала пути».
 «Говорят, что скоро, очень скоро
 Сельский люд свезут на этажи...»

«Обрело язык железо, язык его и зол
 И резок. Рвать! Рубить! Дырявить! Резать!
 Вот законы, вот права. Сталь растёт.
 Растёт железо, как гигантская трава.
 Стой, питаемое веком, зреешь ты
 Над человеком, всё растёшь.
 Всё мало, мало!»

С кем борются наши ревнителы патриархальной деревни и куда они зовут? Непонятно.

Куда-то всё же надо звать! Или уж молчать. Мне кажется, это просто реакция в ответ на общепринятое в литературе желание, чтобы тебя заметили. И только.

По всей вероятности, строки эти писаны где-нибудь «на этажах» в квартире с удобствами, в стихии железа и стали.

И ни малейшей благодарности технике, науке, разуму человека, мастерству.

11 ноября

Ушла на главный отдых одна из моих любимейших писательниц, поэт и прозаик с нежной душой Вера Инбер. Прочитав сборник её рассказов ещё в Саратове, шестнадцати лет, я хотела немедленно написать ей письмо. Но всё же сдержалась.

Счастливая жизнь.

По газете: роман А. Солженицына «Август четырнадцатого» по философским позициям — веховский, по позициям политическим — кадетский. Роман навязывает читателю отрицательное отношение к самой идее революции и со-

циализма, чернит русское освободительное движение и его идейно-нравственные ценности, идеализирует быт, нравы, жизнь самодержавной России. Это — проявление открытой враждебности к идеалам революции, социализма. Ленин разгромил идеологию «Вех» как реакционную, националистическую.

Давно — недели три — полная зима. Хорошо, что эти дни — тепло, небольшой мороз. Хочется ходить по улицам. Может быть, поэтому посмотрела индийский фильм «Преданность». Все выходили из кино зарёванные — по крайней мере, женский пол. Мелодрама. Как обычно — высоконравственная, с отличными киноактёрами, с красивой любовью, поэтическим пением и красивыми нежными душевными стихами. Горы и розы. Розы и горы.

В самом деле, хорошо иногда; очень редко. Даже патриотизм где-то сбочку пристёгнут. Есть натяжки в сюжете — и довольно крупные. Первая: мог ли мальчик десяти лет убить взрослого человека ударом кинжала в спину?

Вторая: мог ли он начисто забыть об этом, даже не испугаться и не придать никакого значения, будучи уже взрослым?

Третья: мог ли человек, выросший до десяти лет (с первых дней младенчества) под присмотром одной и той же няни, окружённый её нежными заботами и любовью, сам очень привязанный к ней, и внезапно разлучённый в возрасте десяти лет — не узнать её, встретив, когда ему 22 года, а ей — 42? И вообще помнить лишь смутно, очень смутно, что была у него в детстве такая? (В действительности — его мать.) Ведь ему было не пять лет, а десять! В этом возрасте начинают читать серьёзно, а не то что помнить людей.

Четвёртая: в начале фильма у героя отец — врач, они владеют богатым домом, где есть слуга. Когда отец умирает, и надо было обрушить на героиню всё горе, оставить её бездомной, бесприютной, с ребёнком на руках — куда-то делался и хорошо обставленный дом, и преданный слуга.

17 ноября

День. Только что была празднично прекрасная передача — пел Шаляпин, играл на пианино Рахманинов — «Встреча с прошлым».

Вчера говорила Галина Серебрякова. Я с интересом и волнением вслушивалась в каждое её слово, в малейшую интонацию, в оттенок. Редкостно одарённый человек редкостной судьбы. Говорила она о журнале «Байкал», одобряла разносторонность его статей и художественной прозы, её познавательную ценность, хорошо отзывалась о редакторе журнала Африкане Андреевиче. Тембр её голоса показался мне низок, я отчего-то представляла голос её выше и чище. Но это, возможно, объясняется даже не возрастом С[еребряковой] и не всем пережитым, а другими причинами: не каждый любит выступать у микрофона и не каждый может, а от настроения падает и голос. Во всяком случае, каждое слово звучало отчётливо и весомо. Писательница, пианистка, певица — музыкально одарённый человек, отважная революционерка, взявшая винтовку в пятнадцать лет и перенесшая всё остальное!

Падает и падает тихий снежок. Повалившийся забор побелел, как снежная горка. Проезжают лошади с ящичками за углём, оставляют след в две колеи, и снова его заносит, пока появится другая лошадка. Тихо.

Паустовский говорит в «Ильинском омуте»: «Я перебираю в памяти увиденные места не по их количеству, а по их свойствам, по их качеству. Можно, даже прожив всю жизнь на одном клочке, увидеть необыкновенно много. Всё зависит от пытливости и от остроты глаза. Ведь всем известно, что в самой малой капле отражается калейдоскоп света и красок, — вплоть до множества оттенков совершенно разного зелёного цвета в листьях бузины или в листьях черёмухи, липы или ольхи...» Да, только бы иметь глаза

Чудесное предисловие, где упомянуто о встрече Пушкина с Пестелем, о произведённом на поэта впечатлении...

20 ноября

Метель. В сей день вернули из Казани, из редакции татарского журнала «Казан Утларь» мою повесть о Вязовом Гае. Спасибо, что не затеряли. Явилась же фантазия её послать. Не стоит бранить себя, расход небольшой — примерно как на два лотерейных билета, — а ведь по ним всё проигрывают.

Метель, метель, метель кривая!

Много лет прошло, прежде чем я догадалась, отчего поэт назвал метель кривой. Не потому, что снег летит наискось, а из-за луны. Луна смотрит из метели, как одинокий глаз.

К вечеру снег сковало покрепче, на двери у нас промёрз добела один гвоздик. Когда гвозди промерзают добела — это значит уже сильный мороз с ветром. Когда вся нижняя половина двери белая — то уже держись!

Ночью было светло — а я это очень люблю. Лежала и перебирала, как много было у меня в жизни разнообразного счастья. И как же люди неблагодарны, ненасытны! Чем сказать спасибо, возмущаются, если наткнутся на своём пути на нежелательное. А сколько было хорошего, прекрасного?

И сегодня днём, например, так чудесно налипли на солнечное окно снежинки... А другое всё замёрзло, заросло раскинувшимися пучками осоки, словно болото, и между осокой росли крупные белые цветы, или это плавали лилии.

Так. Пишу на память. Поэтому, возможно, чуть-чуть ошибусь. «Людей всегда мучают разнообразные сожаления, большие и малые, серьёзные и смешные. Что касается меня, я всегда жалею, что не стал ботаником и не знаю всех растений Средней России. Правда, растений этих, по приблизительным подсчётам, чёртова уйма, больше тысячи. Но тем интереснее было бы узнать все эти деревья, кустарники и травы со всеми их свойствами.

Написано классическим языком, сложно, чувствуется громадное влияние Достоевского, в хорошем смысле. Пестель в центре, а вокруг — люди, ради которых такие, как он, приносят жертвы. И люди одного с ним класса — карьеристы. И ступенькой ниже — верноподданные мещане, вся цель которых — лишь бы их не трогали, а там свершайся любая несправедливость, любая жестокость. Они и добры: даже жалеют узников — пока это им безопасно. Сердце-то у них доброе...

Вот в такой пустыне и стояли декабристы со своими войсками на Сенатской площади, в такой пустыне и пошли на казнь, поехали в Сибирь. Давно не читала такой умной и так хорошо написанной, такой волнующей книги.

26 ноября. Воскресенье

Кинофильм «Укрощение огня». Инженер-конструктор Башкирцев отдаёт всю жизнь осуществлению мечты о космических полётах, конструкции сложнейших машин. В борьбе с различными рутинёрами и с хорошими, но нерешительными людьми той же профессии. Надламывается его здоровье, но крепнет воля. Она закаляется от неудачи к неудаче всё сильнее. Поражений много.

В роли Башкирцева Кирилл Лавров, так запомнившийся Иван Карамазов. Один из моих любимых артистов. Хотелось бы посмотреть ещё одну такую серьёзную познавательную картину. Тем более что после шестидесяти человек живёт только случайно. Счастливая случайность.

27 ноября

Мужская половина человечества, несмотря на свой эгоизм и карьеризм, всё же способна на признание выдающихся личностей, способна на преклонение, на обожание, узнаёт талант и гений.

Что касается женщин, то из них ни одна ни за что не признает другую чем-то выше, чем-то лучше, одарён-

нее, талантливее, умнее себя. Если бы от них одних зависело — ни одну бы никогда не отмечали как выдающуюся чем-то, — ну ещё бы! Только уж приходится смириться перед совершившимся фактом, поворчат за дверью: «Подумаешь!» Только в том случае одна женщина искренне хвалит другую и делает это даже во весь голос, если другая эта безнадежно уродлива, просто некрасива, совершенно плохо одевается или намного старше. Или намного ниже на служебной лестнице. Вероятно, это закон природы.

День простоял, благодарение Аллаху, тёплый, снег липнет к валенкам.

Немного продолжу Паустовского: «Свои сожаления есть у каждого дня, а порой — у каждого часа. Они просыпаются утром, но не всегда засыпают ночью. Наоборот, ночью они разгораются, и нет такого снотворного, чтобы их усыпить.

Кроме сожаления о быстротечности времени, есть ещё одно, лишнее как сосновая смола. Это — сожаление о том, что не удалось — да, пожалуй, и не удастся — увидеть весь мир в его ошеломляющем и таинственном разнообразии. Да что там весь мир! На знакомство даже со своей страной не хватает ни времени, ни здоровья».

Так у Паустовского. Другой бы добавил: «и средств». Но у меня сожаления больше о том, как мало успеваешь познать. Из химии, физики, астрономии, из самолётостроения, о полётах в космос, о космических кораблях, о разных странах, как мало приходится изучить языков, иностранных слов, грамматики и семантики, стихов наизусть, географических названий, которые звучат так заманчиво, интересно!

Мне не обязательно путешествовать, хотя новые впечатления тоже возбуждают жадность к ним, заставляют работать мозг. Но больше всего в жизни мне понравилось учиться, узнавать, запоминать. Может быть, как раз оттого, что заниматься этим пришлось так мало, лишь урывками после окончания образования. И, может быть, поэтому мне так нравится вся семья Ульяновых. И те, о которых много пишут, и те, о которых незаслуженно мало написано, — Оль-

га, Александр, Мария Александровна, Дмитрий. Все они, начиная, безусловно, с Владимира Ильича, были не только прекрасными людьми, но людьми с отличным мозгом, знающими радость занятий умственным трудом. Владимир, Александр и Ольга были, несомненно, потенциальными учёными.

28 ноября

Всё та же теплынь, почти оттепель. Уж будет нам за это тепло! Рассчитаемся.

«Ильинский омут». «Я, например, не видел Байкала, острова Валаама, широкого и монотонного разлива Оби в её устье около города Салехарда, бывшего Обдорска».

29 ноября

Гуляла среди дня. Снег рыхлый, сырой, кое-где мокро, из водосточных труб течёт. Что лучше по ночам: собачий лай чуть не над самым ухом, от которого вздрагиваешь, просыпаясь, и долго не спишь, — или взлёт близкого самолёта с аэродрома, раннее позванивание трамвая, шум трудяги-автобуса на повороте? Одни предпочитают первое, другие — второе. От этого тоже зависит выбор места жительства.

«Само это название — Обдорск — вызывает представление о чём-то скудном, о безлюдной северной земле, что погружена в величавое уныние и тонет в водянистой мгле.

Я перебираю в памяти места, какие видел, и убеждаюсь, что видел мало».

Что видела я?

Вырицу с её высокими прямыми соснами, шоссе, жёлтую одноэтажную школу на нём, лес, где собирали бруснику и голубику.

Царское Село — Колпинскую улицу, дом с висячим балконом на втором этаже, выхоленных лошадей с поджарыми

тонкими, словно танцующими ногами, над ними — изогнутый параболой изящный упругий хлыст, позади — карета с царской короной, из окошечка которой выглядывают девичьи головы в соломенных шляпах с лентами. На лошадиных мордах, у глаз — чёрные лакированные квадраты — чтобы не глядели по сторонам.

Египетские ворота, как сон, где-то на окраине.

Ладожское озеро, паром, чужое имение в Олонецкой губернии, масса лесной малины, непроходимые заросли.

Изда Мани Климовской, точнее — брата её, в Петровском — деревне около Вырицы, зимние дни, теснота.

Царское Село второго периода жизни — открытые дворцы — Екатерининский и Александровский, парки, пруд с красными рыбками. Статуя девы с разбитым кувшином.

Златоглавый собор и соборный садик. Лицей и памятник юному Пушкину в лицейском саду.

Но это началось слишком подробно, а у меня другое дело.

30 ноября

«Я перебираю в памяти увиденные места не по их количеству, а по их свойствам, по их качеству. Можно, даже прожив всю жизнь на одном клочке, увидеть необыкновенно много».

Поздний вечер. Немного похолодало. Шумит сильный ветер за окнами, подёргивает ставни. Читала и разбирала «предметность» рассказов Солоухина. Вчера в новом номере «Сибирских огней» такая бедность в отделе прозы. Лавров — сильно. Хорошо пишет, рассказ крепкий. Но — о чём? Чувствуется автобиографичность. Хотелось бы свободы Шукшина, например.

Подбросим угля в печку, все спят. Завтра — декабрь...

1 декабря

Снежок валит весь день, играет метель, тепло. В сумерки долго гуляла — захотелось к огням, к автомобилям, в центр.

Да, в коротком рассказе каждое слово — на вес золота. Это чувствуешь, даже если пишешь для газеты. Но особенно любишься весомостью слов в настоящих рассказах.

Почту память не дожившего свой срок поэта Ярослава Смелякова его стихотворением «Воробышек».

«До двадцатого до съезда
Жили Мы по простоте —
Безо всякого отъезда
В дальнем городе Инте.

Там ни дерева, ни тени,
Ни песка на берегу —
Только снежные олени
Да собаки на снегу».

2 декабря

Снегопад, морозец небольшой, хорошо. В «Литературной [газете]» редкая фотография Ильфа и Петрова на даче, в белых костюмах — 1930. Отмечается шуточный общий юбилей — 145 лет со дня рождения (если сплусовать годы обоих).

По радио — отрывок из Горького «Королева Марго». Вероятно, он выбран для того, чтобы наше подрастающее поколение поняло, что такое читать. Артист прочёл прекрасно, с большой страстью. Как не читать Горького?

9 декабря

Поздний вечер. На окнах — густые наледи. Среди дня они обтаяли, потом намёрзли снова. Дверь в сени кое-где побелела, внизу побелела густо, на полу у порога снежок. Натопили тепло. Ночью было –35, теперь, пожалуй, –40. В подполье уку-

тали картошку — и то, не замёрзла бы. Погрузились в морозы. Перед этим всё занесло, кружила метель. Густо забито снегом и в сенях, и на ступеньках крыльца, а дальше на дворе — сугробы. Я не хочу их разбрасывать и разметать, как обычно. Хочу, чтобы был снег. Накануне морозов, ещё по хорошей погоде, посмотрела новый содержательный кинофильм «Бой после победы». Меня именно заинтересовало такое название. Оно соответствует «Тишине» Юрия Бондарева, но интереснее. Начинается в Германии с 8 мая 1945-го и всё идёт в Германии — в Мюнхене и его пригородах. Ещё мало раскрытое время. В литературе — «Дом на площади» Казакевича.

На улице полная тишина, если не считать гуда проводов. Они всегда гудят в сильные морозы. Всё как выжгло морозом.

10 декабря

—44. Дома трудно натопить, но стараемся. От двери мороз лезет по полу.

Разыскала в «Новом мире» окончание повести одного из моих любимых справедливых писателей «Мёртвым не больно». Год издания — 1966-й... Крепко вскрыты некоторые гады.

Днём пускали греться собачек: им тоже холодно.

11 декабря

Морозная блокада несколько прорвана: воздух мягкий, горы рыхлого снега, я его чистила на дворе и перед воротами, в сенях и на крыльце, но ещё масса осталась.

По радио передавали недавно «Моя жизнь» Чехова, и диктор (не верится, что артистка) читала вместо Мисаил — Михаил. Потом, к концу отрывка, видимо, рассмотрела и поправилась — раза два прочла в заключение «Мисаил». Значит, для неё это ничего не говорит, и в руки взяла только перед микрофоном. Кроме того, место, где у Чехова: «В простеньком шерстяном платье, в косыночке, со скромным зонтиком, но за-

тянутая, стройная, в дорогих заграничных ботинках — это была талантливая актриса, игравшая мещаночку», — у диктора оказалось: «В простеньком шерстяном платке». — Совсем по современной моде! Ведь из круга, к которому принадлежала Маша, ни одна женщина шестидесяти лет не надела бы шерстяной платок вместо шляпы. И даже для роли «мещаночки, затянутой в корсет» это было бы слишком. Невольно вспомнилась [Людмила] Савельева в роли Наташи Ростовской в фильме «Война и мир». Всё у неё получалось более или менее (ведь трудно), — и вдруг выбежала в Отрадном навстречу князю Андрею в косынке из ГУМа на голове — замечательная косынка, рублей шесть! И повязана совсем по-современному, концами под подбородком — т. е. как могли носить тогда разве крепостные деревенские девушки, а у Ростовых — старая няня.

Долетели американцы до Луны или нет? По радио ничего не сообщают...

А вот сегодня в 22 часа 20 минут должно произойти разделение лунной кабины. В 22 ч. 50 м. должна произойти высадка на Луну.

12 декабря

Воздух мягкий, свежий — лучшая зимняя температура. Ночью -15 , днём -8 . В общем, тепло, чисто и ярко от нового снега, все отгребают от ворот, мы тоже. Праздничная часть зимы. Воробьи собираются у нас на верее и клюют кусочек хлеба, замётённый за ночь снегом. Сначала они расчищают снег клювами, так что он взлетает кверху (ясно, какими порциями).

А космонавты уже тем временем ходят по Луне. Верхний слой грунта оказался очень рыхлым. Кроме выполнения запланированных работ, космонавты обнаружили большой участок грунта оранжевого цвета.

Одновременно с изысканиями на поверхности Луны археологи обнаружили на дне океана, близ Багамских островов, затонувший в 1656 году испанский галеон с партией серебра и драгоценных камней на сумму около двух мил-

лионов долларов. Галеон поднят на поверхность. О сокровищах его спорят правительства Багамских островов и США. А почему не Испания? Отдали бы археологам — и всё.

1973 год

Сентябрь

Вечер. Сажу и слушаю новую пьесу Эллы Фоняковой «Сердитые звёзды». Хорошо. Особенно разговоры, современность во всём, простота людей, несмотря на образованность, усиленные занятия, творческий труд. Простые живые парни. По-осеннему завешены окна с девяти часов, горит электричество, которое я не включала в комнате всё лето. Пока я гуляла перед вечером в восточной части города, стало по-летнему жарко, солнечно. Скользили одна за другой по гладкому шоссе переполненные грузовики в сторону поля.

А в сумерках стало по-осеннему холодно.

Пьеса продолжается.

«Когда мужчина теряет себя, женщина должна себя приобретать».

4 сентября

Сухо, жарко. Уборка хлебов идёт полным ходом. Ходила мимо старой почты на Линеинной улице (сейчас это улица Забабонова. — Прим. ред.). Линеинная — одна из старых, первых улиц Болотного. Когда мы писали историю города, осмотрели снаружи несколько бревенчатых шатровых домов, некогда принадлежавших первым зажиточным энергичным жителям — торговцам, владельцам табунов, прасолам¹. И почта старая уже вращается в землю. А только приехав в Болотное, я ходила туда получать в окошечке письма «до востребования» от родных.

---

¹ Наталья Борисовна ошиблась, эти дома были построены уже в советское время, в середине 1920-х годов, для руководящих работников железной дороги.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Александров.

Открытая страна

5

Решающий фактор

Роман

15

На полях школьной тетради

(записки)

1941–1944

288

1964–1969

381

1970–1973

430

Наталья Карнеева
РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР

Редактор *Александров Н.*
Корректор *Михайлова Е.*
Обложка *Васильева Е.*
Верстка *Вялкова О.*

Подписано в печать 27.04.2020 г. Формат 60x84/16.

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
тел. 8 (383) 221-96-28, моб. 8-913-917-29-28
630091, г. Новосибирск, ул. Мичурина, 19, оф. 11
e-mail: id-ins@ngs.ru, www.sibnasledie.ru

Отпечатано в типографии ООО «Деал»
630033, г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.
Тел./факс: (383) 334-02-70, www.dealprint.ru